

Анастасия Савицкая

Сокровенные
мысли

Ты - то лучшее, что есть во мне

Успешный адвокат, Эмили Харисон, которая жила ради карьерного роста, самостоятельна, умная и любима многими людьми женщина, но даже у нее есть свои страхи. И когда в её жизни появляется Брайан Прайсон, он пытается узнать все больше и больше, но при этом скрывая свое прошлое. Они всегда убегали от чувств любви и привязанности, но когда они рядом контроль за пределами их собственного мира. Смогут ли они открыть свое прошлое друг другу, при этом не потерять настоящее любви и обрести доверие.

Глава 1

— Доченька, ты ведь будешь приезжать? — спросила мама.

— Конечно, обещаю, — ответила я, обнимая ее.

— Будь осторожна. Нью-Йорк — опасный город. Он губит души людей, и разочаровывает сердца.

И я уехала не оглядываясь. Я та женщина, которая бросила все в один миг. Семья навсегда остается с нами, но еще должен быть мужчина. И если ты ложишься в кровать и не думаешь ни о ком, значит в этом городе тебя не держит ничего.

Несколько лет спустя.

Телефон. Иногда я его просто ненавижу. Всю ночь работала и наконец-то легла поспать. Песня Wiz Khalifa feat Charlie Puth — See You Again сейчас звучала как бесконечная пытка. Рука нашла на кровати трубку и прижала ее к уху.

— Алло.

— Какого черта ты спишь? — вскрикнула подруга. — Я тебе звоню, а ты игнорируешь меня. Что, если бы я где-то истекала кровью?

Она всегда так говорит. Мы с ней дружим уже Бог знает сколько, и эта фраза часто звучит из ее уст.

— Прости, я работала и совсем недавно легла спать.

— Я около твоего дома, поднимайся.

Я кое-как пытаюсь открыть глаза и делаю это только потому, что в ином случае получу от Донны пинка. Через несколько минут слышу звук поднимающегося лифта. Моя подруга ненавидит каблуки, но кроссовки — это ее рай, поэтому ее никогда не слышно. Она входит в холл и смотрит на меня так, будто я только что с Марса прилетела, а не вылезла из постели.

— Мне нужен кофеин, чтобы я выкинула тебе из дома.

— Почему ты настолько переживаешь за жизнь своих клиентов? Я понимаю, что это деньги, но от потери одного подонка, еще и такого, как Форстман, ты не обеднеешь, Эмили. Тебе нужно спать! Посмотри на свои круги под глазами. — Донна почти кричит, но в ее голосе слышна жалость ко мне.

Знаю, что она права. Но я больше ничего не умею, если не считать игры на фортепиано и езды на машинах. Кроме того, Форстман — владелец трети недвижимости в Нью-Йорке и во многих других городах.

Я устало поднимаю глаза и смотрю на нее.

— Дело не только в этом, — отвечаю я. — Правда в том, что пока клиент в моем списке, я обязана сделать все, чтобы этот урод не попал в неприятности, из которых придется его вытаскивать. Успех моего клиента — мой успех.

Я всегда переживала, что чего-то не смогу, не добьюсь, не сделаю, что должна. Даже учась в колледже, задумывалась, что будет, если проиграю. Я боролась сама с собой, хоть не знала, есть ли у меня будущее в адвокатуре.

— Знаешь, никогда не понимала, как ты можешь работать на таких людей и при этом вытягивать их сухими из воды.

И в этом она права. Хорошие люди редко нанимают уголовных адвокатов, редко в них нуждаются.

Также есть фирмы, которые я представляю независимо от того, кто их возглавляет. И

одна из таких фирм — Форстмана. Мне еще три месяца работать с ним, а потом я уйду, только уже без чистой совести. Для того, чтобы защищать плохих парней, нужно быть готовой стать такой же.

— Знаю, знаю, что из-за своей работы гореть мне в аду, — на моем лице появилась саркастическая гримаса. Пусть по моим глазам можно было все прочесть, но я действительно не горжусь тем, что часто приходится иметь дело не с самыми достойными людьми в плане честности. — Ну, а если серьезно, я больше ничего не умею, кроме как все ставить под сомнение, спорить и доказывать. Есть люди, которые хотят скромно проиграть, а я та, кто хочет выиграть по-крупному. Не суди меня. Думаешь, я не понимаю, того, что он не стоит того, чтобы ходить по тем же улицам, что и нормальные люди? Но даже в этом случае я выиграю еще до начала суда. Просто не бросай меня.

— Не существует мира, в котором я смогу бросить тебя, Эмили.

Она посмотрела на меня, как старший брат, и я была благодарна ей. Донна даже спустя столько лет не прекращает попытки уберечь меня, и чаще всего от самой себя.

Я улыбнулась, и мы прошли на кухню. Включила чайник, открыла холодильник. У меня достаточно денег, чтобы содержать помощницу, но дома я почти не бываю. Еду заказываю или просто назначаю встречи с клиентами в ресторане. Иногда я все же покупаю продукты и готовлю, правда, мне проще составить очередной контракт.

— Ты помнишь, какой завтра день? — спрашивая, Донна всегда смотрит на меня взглядом, будто я ничего не запоминаю.

Это редкость, но сейчас я действительно не помню, что завтра должно произойти.

— Тяжелый? — посмотрела я на нее с улыбкой на лице.

— Ты совсем не умеешь шутить. Всегда об этом говорила, — отмахнулась подруга. — Завтра пятница, и ты отказываешься от своей работы и наконец-то вспоминаешь, что есть люди, которые по тебе скучают.

— Будешь кофе, чай, сок, виски? — подняла я бровь, смотря на свою подругу, но она лишь покачала головой.

— Нет, мне пора. Не забывай про то, что будет завтра. Мы убьем тебя, если ты снова нас продинамишь.

— Я буду, обещаю. Разве, что захочу поиграть в PlayStation.

— Мы ждем тебя в Cielo, — улыбнулась Донна.

— Окей, утренние лекарства за мной.

Она засмеялась, и я улыбнулась ей в ответ. Ее улыбка такая теплая. Любой мужчина упадет перед ней на колени ради этой улыбки.

— Замечательно. Люблю тебя, — поцеловала меня в щеку на прощанье.

— И я люблю тебя.

И она снова так же тихо исчезла, как и появилась. Не знаю, что бы я делала без нее в своей ужасно торопливой жизни. Она моя сестра, и плевать на разные ДНК. Она всегда была моим тормозом, когда я гнала на скорости триста миль в час и знала, что сказать, чтобы я не сделала глупости. Еще Донна была моей совестью, когда я забывала, что жизнь — это не только суд и сделки, и в самый нужный момент она, выходя на сцену в действительности, напоминала мне об этом.

Донна Картер была миниатюрным созданием. Коричневые волосы и большие голубые глаза. Выглядела она замечательно. Она была худенькая, но обладала сногсшибательными формами. В ее характере редко наблюдалась нежность, но все же этому человеку удавалось

быть замечательной сестрой, психологом и просто слушателем, которой не нужно было говорить причину, ведь она понимала и не спрашивала, когда считала, что ее это не касается.

Мы дружили еще со школы, отличаясь темпераментом, внешностью, планами, моралью, но, несмотря на все это, нам было суждено идти рядом по жизни, помогая и поддерживая.

Моя жизнь — это безумная череда событий. Я все время в движении, и не потому, что так хочу. Просто занимаю свой мозг, чтобы не думать о том, что действительно важно. Ведь если начну задумываться о том, чего не хватает, то расклеюсь, и назад слепить меня попросту будет некому.

Пятница. Вечер. Десять часов. Спускаюсь вниз на лифте и выхожу в вестибюль. Томми — консьерж, как всегда в хорошем настроении. Это мужчина лет пятидесяти с седыми волосами, высокий, с удивительно теплой улыбкой и нежными голубыми глазами.

— Добрый вечер, Эмили. Ты решила всех мужчин поставить на колени? — улыбается он.

— Добрый вечер, Томми, — просияла я улыбкой в ответ. — Боюсь, ты не по адресу.

— Такси уже ждет тебя, милая.

— Спасибо.

Томми открывает мне дверь, и я уезжаю. Обычно я сама предпочитаю водить машину, но сегодня, скорее всего, машина водила бы меня. Смотря на этого мужчину, я вспоминаю своего отца. Я скучаю по своему городу и стране, в которой родилась. Кто бы что ни говорил, человеку трудно научиться жить в другом месте, особенно если твоя кровь за тысячи миль от сюда.

Пока ехала, последний раз посмотрела в зеркало и подкрасила губы. На мне красное коктейльное платье без декольте с открытой спиной до лопаток. Золотые босоножки на шпильке и такого же цвета клатч. Черные волосы чуть ниже плеча, прямые от природы, густо накрашенные ресницы и красные губы. Выхожу из такси и подхожу ко входу. Вышибала Питер пропускает и одаряет меня самой сексуальной улыбкой в своем арсенале.

Cielo — это один из самых популярных клубов на Манхэттене. Он знаменит своими коктейлями, внушительной аудиосистемой и разносторонними ди-джеями. Музыкальная программа всегда разная, но в то же время стоящая. Пройдя по темному коридору, попадаешь в самое сердце клубной жизни — танцпол, вокруг которого подсвечены бревенчатые стены, переходящие в диваны. Когда попадаешь сюда, такое чувство, что ты не просто в другом месте, а в другой жизни. Удивительный интерьер напоминает клубы семидесятых — богатый и даже чуть шикарный, но все же андеграундный. Сегодня тут Dj Kevin Hedge. Я подхожу к нашему столику и вижу всех своих подруг — Донну, Еву, Стейси, Долорес и Эбби. Мы все вместе составляем неплохую шестерку, разную, но такую органичную.

Донна визажист. Она руководит салоном, и перестала быть ребенком, когда жизнь кинула ее «под танки».

Ева добрая. Она занимается модельным бизнесом, и ее потрясающая внешность покоряет мир. Кажется, что она всю жизнь ищет любовь, в то же время понимая, что со смертью человека та также умирает. Но как бы то ни было, смерть не избавляет людей от страданий и от последствий наших поступков.

Стейси бросает вызов всем, не боясь проиграть. Может быть, поэтому всегда и выигрывает. Эс примерно моего роста, но с черными длинными волосами. Ее профессия —

фотограф, и она часто повторяет: «Мир так демократичен. Даже камеру смертников приходится делить с другими».

Долорес. Одно ее имя говорит об экзотике. Ее смуглая кожа, шоколадные волосы и тонкая талия достойны восхищения. На нее смотрят все. Женщины завидуют, мужчины хотят. Она шеф-повар. Но как сказал Вашингтон Ирвинг: «В сердце каждой настоящей женщины есть искра божественного огня, которая будто дремлет при ярком дневном свете благополучия, но вспыхивает, сияет и пылает в мрачный час страданий».

И Эбби — человек, который с цифрами на «ты». Она работает в банке «Bank of America» директором по финансам и считает так быстро, что рядом с ней калькуляторы краснеют от стыда. Высокая, худая, со строгим выражением лица, но, когда узнаешь ее поближе, понимаешь, насколько внешность бывает обманчива. «Странно, какие только пути мы ни выбираем, чтобы скрыть свои искренние чувства».

Мы, как всегда, заказали выпивки больше, чем еды, если роллы и фрукты можно назвать едой. Коктейли — «Куба Либре», «Космополитен», «Мохито», бутылку розового шампанского «Veuve Clicquot Ponsardin Vintage Rose», что сделает этот вечер лучше и заставит забыть о проблемах и заботах.

— Ты как? — посмотрела я на Донну.

— Сегодня я выбирала рыбу, — ответила подруга. — Знаешь, я поняла, что выбрать, что есть на ужин гораздо труднее, чем спутника жизни.

— Дорогая, ты в порядке? — смотрела я в упор на Донну без тени улыбки на лице.

— Я копаюсь в себе и не даю возможности отдохнуть душе. Почему некоторые вещи мне даются тяжелее, чем остальным? Почему я должна прикладывать столько усилий, чтобы получить малейший результат? И почему я часто должна молчать, когда мне хочется кричать о том, как гниет этот мир. Но прямо сейчас я знаю с кем хочу быть, — чуть заметно улыбнулась она. — Я хочу быть тут, смеяться и танцевать со своими подругами и тобой, Эмили. Я хочу быть тут с тобой. Так что больше ни слова.

Я обняла ее, сильно сжимая в объятьях, на ухо сказав ей то, что она и так знает:

— Страх — не слабость. Сегодня только сегодня. Завтра еще не наступило. Ты свободна. И в следующий раз, когда у тебя будут сомнения существования твоего сердца, помни, что ты — Донна Картер, а я — Эмили Харисон, и я люблю тебя.

Объятья — единственная вещь, которая покажет, как вы относитесь к человеку. Иногда Донна может доводить до безумия, но без этой девушки моя жизнь не была бы такой полной и яркой. Каждая из них мне дорога, но Донна — часть меня. Часть меня по-настоящему. Много лиц мы видим ежедневно, и они появляются и исчезают, но вот друзья — это навсегда. Если ты идешь куда-то, они следуют за тобой, как и ты за ними, что бы не произошло.

Нам принесли заказ, и Стейси подняла свой бокал вверх.

— За пятницу, — выпила она стопку. — Эмили, что за новое дело?

— Я не буду об этом говорить.

— Итак, он ей изменил?

— Не скажу ни слова, — сделала я глоток шампанского.

— Тут говорить не о чем, — добавила Эбби. — Браки распадаются по двум причинам: деньги и измена. Деньги у этой семейки точно не причина. Значит измена.

— Иногда я вас просто ненавижу, — улыбнулась я.

— За это и выпьем, — смотрела на меня Ева.

Танцы, песни и дикий смех — это то, что дает возможность мне забыть или забыться. Долорес поддалась своим инстинктам и пошла танцевать, пытаясь утащить нас за собой. Десять пар глаз уставились на нее, как на привидение, а потом взорвались хохотом. Она смотрелась изумительно. И даже когда злилась, не могла выгладить устрашающе.

— Долорес, — ответила Эбби. — Кое-кто из нас долгое время не отводил глаз от компьютера и решил выпить.

— И кроме того, — продолжила Стейси, — мы не видели эту затейщицу, — указала она на меня своим коктейлем, — две недели и, если бы не новости, не знали жива ли она вообще.

Я закатила глаза, но промолчала, ведь в действительности мне нечего было сказать в свое оправдание.

— Ладно. Сдаюсь. Ты права. Ненавижу это признавать, — Долорес взяла коктейль, села на место и сказала ужасающее слово для меня: — Рассказывай.

Я взглянула на всех этих убийственно-красивых акул бизнеса и поняла, что, либо я отсюда уйду с облегченной душой после рассказа, либо они будут меня пытаться, но мне все равно придется рассказать.

Мы изливали друг другу душу, пили, смеялись, и у меня получилось наконец-то расслабиться. Когда я повернула голову, мой взгляд остановился на мужчине, стоящем в конце коридора. Он смотрел так, что я чувствовала себя обнаженной, хоть не была особо одетой. Все, что смогла разглядеть — это его высокий рост и определенно мускулистое тело. Не знаю, сколько времени мы так рассматривали друг друга, но его улыбка чувствовалась даже в темноте, и сама того не желая, я тоже улыбнулась. Судя по всему, моей компании осточертело слушать музыку и смотреть на меня в попытке сказать что-либо, так что Эбби вывела меня из транса, толкнув локтем.

— Что? — вскрикнула я.

— Наконец-то. Мы-то думали, что твоя душа улетела в другую галактику, а твое физическое тело осталось с нами для маскировки.

— Извините, отвлеклась. Так на чем мы остановились?

Они посмотрели на меня, потом в ту сторону, где стоял незнакомец, и снова на меня. Было впечатление, что они репетировали это действие сто раз, прежде чем сегодня показать на бис.

— О Бог мой, — сказала Стейси. — Я бы тоже отвлеклась. Это же правнук Аполлона не меньше. Его с какого ракурса не поставь, он везде идеален.

— Стейси! — крикнула Донна. — Хоть тут свой фотоаппарат оставь в покое.

— Заткнись, — огрызнулась она.

— Заткнитесь обе! — с крокодильим спокойствием сказала я. — И вообще, пошли танцевать.

Мы качались и двигались в такт музыке, выгибаясь и соприкасаясь телами. Но где-то внутри я хотела, чтобы он наблюдал за мной. В этом клубе кроме нас было еще двести девяносто восемь человек, не считая персонала, но даже если бы их тут не было, все равно помещение казалось мне размером с подарочную коробку.

Я не помню, чтобы когда-нибудь завелась от одного лишь взгляда, но ведь в нашей жизни все бывает впервые. Что-то изменилось на этом танцполе. Я почувствовала ток, прошедший по моему телу, а потом руку на своей голой спине, которая двигалась от шеи и до лопаток. Развернувшись, я застыла. Это был он. Аполлон-незнакомец. Его мужская сила

была во всем: как он смотрел, прикасался, двигался. И его взгляд был полон восхищения и желания. И с первого мгновения я знала, чего хочу: заняться с ним сексом и выйти замуж.

— Ты ведь для меня танцевала?

Незнакомец возвышался надо мной и был так близко, что я чувствовала каждый сантиметр его тела, прижатого ко мне. У него был удивительный голос — смесь страсти, жесткости и желания. И, Бог мой, этот запах. От него пахло мятой, гелем для душа и властью.

— Давно за мной наблюдаешь? — спросила я, когда он наклонился, обдавая томным дыханием мою шею.

Не знаю, как у меня получилось сохранить спокойствие в своем голосе, хотя практика адвоката научила меня не проявлять эмоции и хорошо скрывать их. Я давно не чувствовала себя желанной, переставая верить не просто в любовь с первого взгляда, но в любовь как существующее понятие. В конечном итоге проходит какое-то время, и ты начинаешь верить: если с первого взгляда — то только ненависть и презрение.

— С того самого момента, как ты вошла сюда, — поцеловал он меня в скулу и спустился к шее. — Пойдем со мной.

— Куда?

Незнакомец молча взял меня за руку, сплел наши пальцы и начал уводить с площадки. Мое тело обдало жаром. Мы прошли по коридору до каких-то дверей. Открыв одну из них, вошли в кабинет.

— Что-нибудь выпьешь? — спросил он, смотря на меня с любопытством.

— Нет, спасибо.

Я начала осматриваться. Помещение было большое и просторное. Именно про него можно сказать — изумительный минимализм. Каждая стена была стеклянной, и сказать, что выглядело красиво — ничего не сказать. Напротив двери стоял большой стол из темно-красного дерева, а за ним большое черное кожаное кресло. За всеми этими стеклами открывалась панорама Манхэттена. Я услышала щелчок, и в одно мгновение окна стали матовыми. Справа были расположены стеллажи с книгами и папками. С другой стороны стоял большой кожаный диван, внешне аналогичный креслу. На столе было так чисто, что, вспомнив свой вечный беспорядок, я улыбнулась. Повернувшись к незнакомцу, поняла, что все это время он наблюдал за мной с улыбкой и любопытством на лице.

— Кто ты такой, и что, черт возьми, мы тут делаем?

Уголки его губ приподнялись, и показались ямочки на щеках. Его глаза были чисты, и я знала, что однажды смогла бы его прочесть. Нет, не потому, что я такой хороший психолог, а потому, что на самом деле думаю, что у него большое сердце. Он был как идеальный подарок на день рождения. Но я давно не верю в идеал. Мужчина может быть слишком красив и обаятелен, но как только он открывает рот, я понимаю, что чем-то, да обделила его природа. Но все же, пока он стоял напротив меня и говорил по минимуму, я бы не отказалась в будущем застрять с ним в лифте.

— А что, если я скажу, что я тот, кого ты всю жизнь ждала — мужчина твоей мечты?

— Меня раздражает отсутствие мозгов и эгоизм.

Улыбка не сходила с его лица, и мне захотелось его ударить. Но в то же время, чем больше он улыбался, тем сильнее меня обезоруживал. Я дала себе обещание, что буду

отказывать каждому мужчине, пока не встречу того, в ком не буду сомневаться. Теперь я каждый свой день начинаю, как бой, играя в своей собственной жизни самую важную роль и постепенно забывая, что мужчины все еще существуют.

Он подошел ко мне сзади, одной рукой обнимая за талию, а другую положил на спину. Его теплое дыхание коснулось моей шеи, и от шепота мурашки пробежали по коже.

— Я бываю не в ладах с собой самим, — прошептал он. — И несмотря на совсем несовершенный мир, в нем есть много совершенства. Наши мысли, чувства, еда и секс. Ты очень красива.

— Ты всем это говоришь?

— Нет, я просто ждал тебя.

Какую бы профессию я не выбрала, я всегда останусь женщиной. Самым сильным существом на планете. Я останусь представительницей тех, ради кого умирали и хотели жить. Той, ради кого начинались войны и становились союзниками. Я женщина, и я знаю о власти в собственных жилах. Только женщина может выглядеть как открытая книга, но скрывать целую жизнь и историю за своими плечами. Но кто знает, что будет завтра? Я всегда думаю наперед, но часто сомневаюсь, что завтра вообще наступит.

Повернувшись к нему лицом, я взяла его за галстук и притянула к себе, впиваясь поцелуем в губы. Он ответил с такой же страстью и поднял меня за ягодицы. Когда обернула ноги вокруг его талии, мы переместились на диван. Мои пальцы быстро избавили его от галстука, а он тем временем расстегнул молнию моего платья.

— Дашь совет? — спросила я, улыбаясь в его губы.

— Будь собой, дорогая.

Мы целовались жарко и дико, словно изголодались по друг другу. Он спустился поцелуями к моей шее, и до невыносимо приятной боли сжал мои ягодицы в своих ладонях. Я покусывала его плечо, а теплые пальцы мужчины проникли в мои трусики, скользнув по влажной коже, вторгаясь внутрь. Никогда раньше я так не делала, но моя личная жизнь была никудышная, и, черт возьми, этот запах. Мой идеальный мир вот-вот рухнет. Мои губы заскользили по его шее, а незнакомец запрокинул голову, смотря на меня с вожделением.

— Какая ты мокрая, — прорычал он, покусывая мою шею.

Мы приковали наши взгляды друг к другу не в силах оторваться. Поедая его глазами, я взяла в ладонь член, ставший твердым. У него были потрясающие глаза, и весь он был убийственно сексуален. Он прижал меня еще ближе к себе, и я почувствовала его дыхание у своих губ. В какой-то момент я захотела, чтобы он поцеловал меня, но отвернулась и прижалась зубами к изгибу его шеи. Он провел языком по мочке моего уха и медленно погладил клитор. Затем, подняв меня выше, взял в рот мой правый сосок, и я потерялась в ощущениях. Его рот делал что-то неземное, и когда он перешел к другому бугорку, я почти потеряла сознание. Я застонала, когда больше не могла сдерживаться, и сильнее сжала в руке его член. Он увеличился и начал пульсировать в моей ладони.

— Черт, детка, не надо, иначе я не смогу сдержаться.

Извращенная часть меня понимает, что я могу смотреть на это вечно, и я чувствую, как уже истекаю влагой только от выражения его лица и напряженных мышц, которые все еще пытаются сохранить контроль. Тяжело дыша, он одной рукой дотянулся до кармана и достал

презерватив, оторвав руку от клитора. Затем обхватил мои бедра и медленно заполнил меня. Я дернулась от удовольствия. Ощущения его твердого члена навело меня на мысль, какой пустой я себя чувствовала ранее. Как хотела внутри себя того, кто привлекал бы меня.

Его толчки были сильными, жесткими и обжигали все тело. Вся комната пропиталась страстью, сексом, стонами и нашими запахами. Его пальцы неторопливо скользили по моей груди в томительной пытке, и я выгибалась, когда он сжимал их между своими пальцами. Он погружался в меня, и моим эмоциям не было названия. Я вцепилась в его волосы, и он перевернул меня на спину, медленно подводя к пику и пытаясь завладеть моими губами. Я снова увернулась, дергая его за волосы. Они были такими мягкими, и мужчина сильнее вдавил меня в диван. Его доминирование было для меня удовольствием, а руки словно находились по каждому миллиметру моего тела.

— Ты сводишь меня с ума, — простонал он.

Каждый его толчок и прикосновение забирали весь мой здравый смысл и понимание реальности. Мужчина вдавливал меня в себя, а я вонзилась ногтями в его плечи, когда почувствовала, что вот-вот взорвусь. Весь мир через мгновение полетел к чертям. Я поняла, что сегодня мой бой не состоялся или, скорее, я проиграла его, полностью отдавая свои территории.

— Бог мой, Боже... — слышала я собственный голос.

— Мне конечно льстит, но можешь называть меня Брайан.

Я слышала его тяжелое дыхание и улыбку в голосе. Я всего на минуту прижалась к груди, а Брайан обнял меня, целуя волосы. То, как я слетела с катушек, удивило меня. Я была самой собой. И смотря в этот момент на него, была уверена в понимании себя и своего сердца.

— Мне казалось, что это я узурпатор. Скажи мне наконец-то свое имя.

У него был красивый голос. Бархатный, и в то же время нежный. Я не была уверена, что смогу нормально идти, но, когда он заговорил, была готова ко второму раунду. Но к сожалению, нужно было убираться отсюда, и чем быстрее, тем лучше.

— Очень приятно, Брайан, — повернулась к нему, поцеловав в уголок рта. — Думаю, это лишнее. Мне понравилось наше знакомство, но мы больше не встретимся.

Я поднялась с дивана и стала одеваться. Брайан помог мне застегнуть платье в полной тишине, и когда я обула туфли, он схватил меня за руку.

— Черт возьми, что это такое?

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, рассматривая его грудь.

— И это все? Ты вот так просто уйдешь?

— А чего ты ожидал? Что мы сейчас будем рассказывать друг другу истории о детстве?

Извини, но у меня сон, а утром спортзал.

— А как на счет убийства?

— Не знаю, — посмотрела я наконец-то ему в глаза. — Давай завтра, у меня пилатес.

— Как мне тебя найти?

— Никак, — улыбнулась я. — Скорее всего, я буду в запое.

— Как на счет погони за ветром?

— Ты едешь на мотоцикле? — удивилась я.

— Я много чего умею. Ну так сядешь?

— На мотоцикл?

— Нет, на дерево, — улыбнулся мужчина.

— У тебя странное чувство юмора, Брайан. Как у моего знакомого, а он, кстати, патологоанатом.

— Ну так что, незнакомка? Как на счет прекрасной ночи в Нью-Йорке?

— И куда мы поедем?

— Искать ангела.

Я улыбнулась, и не ответив ничего, покинула кабинет. Только сейчас поняла, что задерживала дыхание. Пройдя к столику и забрав сумочку, в последний раз я вышла со своего любимого заведения и поехала домой.

Смотря на ночную завораживающую красоту Нью-Йорка, я не видела ничего, кроме лица этого мужчины. Каждая женщина ищет определенного мужчину, с которым у нее будут определенные отношения. Позже определенное кольцо на определенном пальце. Раньше я хотела отношений, но в то же время в моей жизни не было подходящего человека. И со временем ты просто миришься с этим, живя чем-то другим и иногда проводя время в мужском обществе.

Приехав домой, я разделась и отправилась спать. Мои мысли возвращались к мужчине, глаза которого я никак не могла забыть. И я знала, что сделаю завтра первым делом.

У меня редко выходит пройтись по парку, посмотреть за движением людей и на то, как я выгляжу со стороны во всей этой суете. Не то, что я не люблю ходить пешком, просто банально нет времени. Я всегда ставила перед собой цели и ехала вперед с бешеной скоростью, чтобы успеть. И вот сегодня суббота, десять часов утра, а я сижу в парке и не могу прийти в свое привычное состояние. До Брайана Прайсона в своей голове я не задерживала мужчину больше, чем на один вечер.

Я узнала о нем все, что нужно. Ему тридцать два, он американец с британскими корнями. Окончил бизнес-школу и Колумбийский университет с отличием. У него есть младшая сестра. Кроме того, неплохая доля собственности в Нью-Йорке, и для меня это не очень хорошо. Мое тело отчаянно нуждалось во встрече с ним, несмотря на то, что мозг был против. И самое ужасное — он один из самых завидных холостяков Нью-Йорка, а я об этом даже не догадывалась.

У каждого человека своя жизнь. И у каждой женщины своя история. Грусть, разочарование и счастье — обязательно. Букеты роз, конфеты и ночные прогулки. Краски, масти, чистота. Чувства, измерения, автоответчик. Скука, желания, умиление. Платье, помада, тушь. Радость, упущение моментов. Любовь — причина жить. И живя сейчас, понимаешь, как мелочи ценны, и как сладок их вкус.

Мои раздумья о собственной примитивности жизни прервал звонок мобильного. На дисплее номер не определился. Мой личный сотовый знал небольшой круг людей. По работе обычно связывались через рабочий, почту и чаще всего через Тиффани.

— Алло.

— Эмили Харисон? — спросил женский голос.

— Да, это я. С кем я разговариваю?

— Это секретарь Ариана Форстмана. Из компании по недвижимости «Gold Property» Извините, что звоню вам в субботу, но у меня плохая новость, и вы обязаны знать.

Она замолчала на несколько секунд. Синди была девушкой где-то двадцати восьми лет, красивой и умной, правда ей была присуща наивность, а в бизнесе таких людей просто ломают. Но она нравилась мне.

— Мистер Форстман умер ночью, — продолжила Синди. — Вы, как его адвокат и

представитель фирмы, должны приехать и разобраться со всеми бумагами и договорами. А также обсудить будущее фирмы, согласно завещанию, которое он оставил, — недолго продержавшись, Синди начала плакать.

— Синди?

— Меня уволят. Будет новый владелец и уволит меня.

Как же я не люблю эти драмы. Я впервые в такой ситуации, и, если честно, была просто в замешательстве. Из-за плача было сложно разбирать ее слова, и посмотрев на часы, я направилась домой, все еще слушая девушку.

— Возьми себя в руки, — сказала я немного резко. — Во-первых, перестань плакать, во-вторых, я заеду в понедельник в двенадцать и разберусь с бумагами, кроме того, мне все равно придется улаживать кое-какие моменты с новым владельцем и, решая нюансы фирмы, узнаю насчет работы сотрудников. И еще одно, — продолжила я уже более мягко, — Синди, у меня нет завещания, он мне ничего не говорил и не оставлял.

— Оно у меня. Босс отдал мне его на прошлой неделе, как будто чувствовал, что с ним такое случится, — и снова слезы.

Я хоть и редко проявляла нежность или жалость к работникам, отделяя личную жизнь от работы полностью, но эту девушку мне было жаль, так как она действительно скорее всего потеряет работу.

— Синди, послушай меня, — прервала я ее плач. — Приеду, и мы поговорим.

Форстман, откровенно говоря, был мудаком, и я считала дни до окончания контракта с ним, но не до его смерти. Хотя, может мне что-то было неизвестно.

Придя домой, я решила съездить за едой. Спустившись в гараж, я почувствовала меланхолию — пять шикарных и любимых машин. Я любила скорость и была не просто ценителем. Мне нравилось ухаживать за ними: менять масло, выбирать и ставить новые диски, а открывая капот, я уходила со всеми мыслями в их «организм». Любимица — Ford Mustang Boss 557'69 Pro-Touring PK Motors. Когда сажусь за руль, чувствую себя свободной. Живой. Приехав домой, налила бокал красного вина Merlot Di Aprilia и открыла ноутбук, проверяя новости. Как всегда, много сплетен и желтой прессы, но не было совсем того, ради чего я зашла сюда — Форстман. То ли пресса не успела еще пронюхать, то ли кто-то очень тщательно охранял это событие от их внимания. В воскресенье ко мне пришли подруги, и мы весь день проговорили о новостях, работе, личной жизни, и, конечно, они затронули тему Брайана. Пытаясь что-то у меня узнать, без конца вздыхали, но я твердо решила просто игнорировать их вопросы. Похоже, на этот раз пронесло. Я не краснею и втихаря очень этим горжусь, иначе они бы точно догадались, что в пятницу мне было далеко не плохо.

Когда подруги ушли, Донна осталась и смотрела на меня взглядом, которого я боялась.

— Тебе ведь не было плохо, — улыбнулась она. — И в тебе что-то изменилось.

Я снова взяла бокал вина и села на пол.

— Нет, — сделала я глоток. — Я проводила время в кабинете мужчины, который тогда смотрел на нас.

— На тебя, Эмили, — ткнула она пальцем мне в плечо. — Он смотрел только на тебя.

— Донна, у меня странное ощущение там, — качнула я головой. — Ну, ты поняла.

— Ну так ты разбудила ее, — засмеялась подруга. — Теперь она хочет есть. Но не води ее в один и тот же ресторан дважды.

— Ты отвратительна, — засмеялась я. — Но знаешь, что самое ужасное?

— Удиви меня, — улыбнулась девушка.

— Мне понравилось.

Она засмеялась, затем обняла меня.

— Забавно, со времен нашего детства все так изменилось. Но как приятно знать, что в мире есть любовь с первого взгляда и многое другое. Мы ведь в Нью-Йорке.

— Это не любовь, Ди, а просто провождение времени, — положила я голову ей на плечо.

— Да, да, — улыбалась подруга.

Я никогда не была особо доброй. Люди есть, а доброту проявлять некому. Я красива. Но моя красота — это мой ум. И я благодарна, что в этой жизни у меня есть Донна. За тысячи километров от семьи она дает мне возможность жить в любви.

В понедельник перед выходом на работу я последний раз взглянула на себя в зеркало. На мне был темно-синий брючный костюм, белая блуза и белые туфли-лодочки. Я оставила Донне записку, оставив на подушке рядом, и поцеловала в лоб. Взяла ноутбук, спустилась в гараж, и открыв дверь Audi R8 Spyder GT Wheelsandmore Triad Bianco, поехала в «Gok Property».

Войдя в холл, первой увидела Синди. Судя по всему, она и правда переживала за своего босса. Это было странно. Поступки человека характеризуют его как личность, а хорошими поступками или хотя бы благими намерениями он не прославился, скорее наоборот.

— Здравствуйте, мисс Харисон, — сказала Синди, приветствуя меня.

— Привет, — ответила я, останавливаясь возле нее.

— Проходите в кабинет мистера Форстмана. Документы на столе.

Я кивнула головой и молча направилась туда, осматриваясь. Ничего не изменилось, кроме воздуха жизни, он всегда тут парил. Форстман жил работой и на работе. Когда-то он был женат. Насчет детей и других родственников мне ничего не известно, точнее, вообще никто не знал. Это не нужно было мне для алиментов и суда, поэтому он не рассказывал, а я и не спрашивала. В кабинет вошла Синди.

— Мисс Харисон, кофе или чай будете?

— Да, Синди, кофе, — улыбнулась я ей. — Спасибо.

Спустя несколько минут дверь снова открылась, и, не отрываясь от документации, я произнесла:

— Синди, принеси мне завещание. И обращай ко мне просто Эмили.

— Наконец-то я узнал твое имя, — ответил мне мужской голос.

Я оторвала взгляд от бумаг и подняла голову. В дверях стоял он — Брайан Прайсон. Он был такой же красивый. Скулы словно вырезанные, сексуальная щетина, и костюм сидел на нем так, словно не наряд шили под него, а наоборот. Мои глаза так расширились, что удивительно, как не вылетели из орбит. Вскоре девушка вошла в кабинет, выводя тем самым меня из транса.

— Мисс Харисон, вот ваш кофе и завещание. Могу что-то еще для вас сделать?

Я прошлась глазами по документу, который был действительно в порядке и абсолютно законный.

— Да, можешь, — ответила я как можно спокойней. — Мне нужны объяснения, а то я немного шокирована личной жизнью мистера Форстмана и понятия не имею, знала ли я что-либо об этом человеке.

Тем временем Брайан подошел к столу, расстегнул пиджак и сел на стул с ухмылкой на лице. Мамочки, он был в тройке. Я думала, сексуальнее быть уже нельзя, но после этого моя

теория полетела прахом.

— Мистер Прайсон, что вы здесь делаете? — спросила я, смотря на него. Он удивленно вскинул брови, но не перестал улыбаться. — Это моя работа, не обольщайтесь.

— Знать меня?

— Нет, — ответила я резко. — Узнавать некоторые детали о людях, с которыми мне приходится контактировать.

— Так значит вы со мной контактируете? — еще больше расплылся он в улыбке.

— По-вашему, на данный момент мы что делаем?

Он молчал несколько секунд, не отводя от меня взгляд.

— Значит, вы тот самый незаменимый адвокат всех времен и народов?

— Нет. Далеко не всех времен.

— Значит, все остальное правда?

Сейчас как никогда раньше радовалась, что умею скрывать свои эмоции настолько, что детектор лжи сомневался бы в своих результатах.

— Не всех. Но я — международный адвокат, поэтому можно сказать, что под мою юрисдикцию входит не один штат.

Он положил руку на стол и трижды постучал. Мы наблюдали за каждым движением друг друга, пока наши взгляды не встретились, и мне уже было плевать, что подумает Синди.

— Я отвечу на ваш вопрос, Эмили. Я тут по работе.

— По работе? — удивленно спросила я.

— Да.

Сейчас он был серьезен, но в его глазах промелькнула боль. Мне вдруг стало очень не хватать его улыбки.

— Кем вы приходите мистеру Форстману? — задала я вопрос, скрещивая руки на столе.

Он помолчал несколько секунд, не отводя взгляд.

— Я его сын.

После того, как я услышала это, склонила голову вниз. Синди вышла из кабинета, не сказав больше ничего. Если я хочу чего-то, я добиваюсь, и сейчас я хотела убраться отсюда как можно быстрее.

— Эмили, ты скажешь что-нибудь? — спросил Брайан спустя несколько секунд.

— Нет, — ответила я, поднимая на него глаза.

— Знаешь, я всегда ненавидел таких женщин, как ты, — поднялся он с места и подошел к окну.

— Неотразимых? — подошла я к нему.

— Даже слишком.

Хочется, чтобы кто-то обнял за плечи. Поговорить вечером с человеком, смотря на огонь в камине. Пройтись по городу, наблюдая за одинокими домами и зданиями. Молча, без лишней суеты и заботы, просто погулять. Если я когда-нибудь встречу своего мужчину, Боже, дай мне знак. Дай мне какую-нибудь подсказку, чтобы я просто начала жить. Пауза жизни хуже, чем ожидание чего-либо.

Брайан был спокойным и сдержанным. Даже если у него были раны, то не так глубоки, или не так болезненно отразились на нем. Время — худший измеритель, но также именно оно показывает нам, насколько все изменчиво. Форстман никогда не говорил о своем сыне, и что вообще мне было известно о человеке, с которым работала? У меня было столько вопросов, и все из них исключительно личные. Но после нашей единственной встречи задавать их было, как минимум, бестактно.

Мы смотрели молча на мир, который нас окружал, и спустя несколько минут я вернулась на место.

— Мистер Прайсон, мне нужны будут кое-какие документы, чтобы подтвердить вашу личность и, соответственно, оформить передачу наследия.

— Эмили, давай без мистера и этой официальности. Конечно, я привезу все, что нужно, чтобы подтвердить мою личность, но мне не нужно его наследие, — повернулся он ко мне, держа руки в карманах брюк.

— Брайан, это все равно записано на тебя. Обычно в завещании пишут еще нескольких человек на случай, если предыдущие отказываются, но тут только твое имя, и отказ неуместен. Понимаю, что с правами люди получают и обязанности, но у тебя только одна обязанность — взять на себя управление этой империей и ее миллионами.

— Мне плевать. Я подпишу отказ, а с этим уже пусть разбирается кто хочет.

— Я, — откинулась я на спинку стула.

— Что ты? — спросил он в замешательстве.

— Ну с этим разбираться мне. Мне еще три месяца работать на эту фирму и, соответственно, пока не истечет срок или пока со мной не разорвут контракт, разбираться буду я. А откровенно говоря, твой отец не был простым человеком, а уж его дела и проблемы, которые мне приходилось разгребать, соответствовали ему. Поэтому, пожалуйста, избавь меня от этого дерьма.

Брайан сел на стул напротив меня, и я поняла, что взболтнула лишнего, забывая о фильтре на языке. Он понимающе покачал головой, и моя откровенность была им принята.

— Значит, ты еще три месяца работаешь на эту фирму и, соответственно, на меня?

— Нет, я три месяца работаю на фирму. Когда уладим все с документами, стану работать с тобой, — встала я с кресла, собирая бумаги в папку. Брайан сделал так же в знак вежливости, что я отметила. — Я ни на кого не работаю. Я тебе не стиральная машинка. Ты покупаешь мои услуги, а не меня.

Брайан стал возле меня и наклонился к моему уху. Он был так близко, что у меня перехватило дыхание. Наши лица были в дюйме друг от друга, и мне захотелось его поцеловать. Снова. Раздвоение личности. Одна хотела провести ночь с Брайаном, другая же говорила бежать как можно дальше.

— Хорошо. Я принесу все бумаги, но при одном условии.

— Каком?

— Сегодня ты ужинаешь со мной.

— Что?

— Ты слышала, — улыбнулся он.

— Нет.

— Ну тогда я пошел, пока, до новых встреч, — направился Брайан к выходу.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Да.

— Между нами ничего не может быть.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Я приду, ты принесешь бумаги, мы все подпишем, оформим, и ты больше не станешь меня доставать, — положила я руку на талию.

— Только тебе придется работать со мной три месяца, не забывай, — подмигнул он.

— Отлично, но держись от меня подальше.

— Господи, Эмили, почему с тобой так сложно?

— Потому что у меня есть мозги.

Брайан засмеялся и, прежде чем открыть дверь, сказал:

— Ты у меня из головы не выходила последние два дня. Я заеду за тобой в семь.

— Нет, я сама приеду.

За свою жизнь я изучила таких мужчин, как Брайан, и точно знала, что все, что ему нужно, он получил. Так что я не утешала себя гипотетическими иллюзиями. Мужчины — дети. Только вот я не буду ему мамой. Я не буду терпеть истерики и объяснять, как справиться с элементарными бытовыми вещами и проблемами. Я уже выросла, и воспитывать кого-то, даже для себя, никогда не будет моей обязанностью. Если он хочет быть со мной, то уже должен быть лучше. Пусть я прошу слишком много, но учить ребенка, даже если ему тридцать, обязанность его матери, а не женщины, с которой он проводит ночь.

— Ох, женщина, тобой вообще возможно управлять?

— Нет.

— Мне нравится твой смех, Эмили.

— Ты его даже не слышал, — ответила я обвиняющим тоном, направляясь к двери.

Брайан открыл дверь, пропуская меня. Шли мы в полной тишине и, когда вышли в холл, он задержал меня за руку.

— Но я знаю, что, когда услышу, он мне понравится, — поцеловал меня в щеку. — В полвосьмого жду тебя в ресторане Cherry, Эмили.

Никогда не думала, что мне понравится звучание моего имени, пока его не сказал Брайан Прайсон. Я забрала руку и вышла из здания. На улице был легкий ветерок, который развеивал мои волосы. Открывая дверь своей ауди, я оглянулась и встретилась взглядом с этим мужчиной. Он стоял и не сводил с меня глаз, держа руки в карманах. Я села в машину, завела мотор и тронулась с места, смотря в зеркало заднего вида, пока оно позволяло видеть мне Брайана Прайсона.

«Черный цвет одновременно скромный и надменный. Черный цвет непринужденный и удобный, и вместе с тем таинственный. Но более всего, черный цвет означает: Я не беспокою вас, и вы не беспокойте меня». Йоджи Ямамото.

Приехав домой, первым делом пошла в ванную. Мне нужно было расслабиться, потому что рядом с этим человеком я все время была напряжена. Потом села за ноутбук немного поработать. Было уже четыре часа, и я решила открыть книгу, которую пытаюсь написать.

«У каждого свои дела. Хотите жить, как вам нравится, так не мешайте и другим жить, как они хотят. Я всем довольна, я никому не мешаю. Я только не хочу, чтобы в меня швыряли грязью люди, которые сами сидят по уши в грязи». Эмиль Золя.

Раньше у меня было вдохновение, и я могла творить, просто сидя за чашкой кофе. Сейчас же я просто перегорела и, посмотрев на последнюю написанную строчку в документе, захлопнула ноутбук и пошла собираться на ужин с Брайаном.

Мой телефон зазвонил, и я увидела на экране имя своего друга.

— Привет, Джаспер, — улыбнулась я.

— Привет, красавица, — слышала я улыбку в его голосе. — Чем занята?

— Своим внешним видом.

— Мне нравится. И вот однажды женщина приходит в твою жизнь и становится твоей жизнью. И ты понимаешь, что это навсегда.

— Мне нравится, — засмеялась я, смотря на свое отражение в зеркале. — Ты хочешь поговорить?

— Я — романтическая натура, Эмили, но иногда представители женского пола бывают просто отвратительны. Они плачут в зале суда.

— И поэтому ты не берешь на работу женщин?

— Себе в помощники? Да, именно поэтому.

— Ты отвратительный.

— Да, но когда-нибудь какая-то красотка сдастся и полюбит меня. Такого эмоционального и, возможно, слегка недоразвитого, но чертовски помешанного на ее уровне интеллекта, улыбке и груди.

Я улыбалась, вспоминая момент, когда Эбби познакомила меня со своим братом. Он тоже стал мне братом, хоть и был далеко. Нью-Йорк не был его городом. Джаспер Кэмбел был романтиком с большим сердцем и потрясающим чувством юмора, все время повторяя, что этот мегаполис загубит его душу, как сделал это с нами.

Я составила договор, дала поручения Тиффани и спустя три часа была готова. Выйдя из дома, направилась на встречу. На мне было облегающее по фигуре вишневое платье до колен с небольшим декольте, и белые туфли. В аксессуарах выбрала жемчуг и выделила глаза. Мне хотелось нравиться Брайану Прайсону. Я все чаще замечала, что говорю его полное имя. Оно звучало настолько величественно и правильно, что произносить просто «Брайан» было почти смертным грехом.

— Мисс Харисон? — сказал метрдотель, когда я вошла в ресторан.

— Здравствуйте.

— Мистер Прайсон ждет вас, пройдемте со мной.

Мы прошли по коридору и поднялись на второй этаж. Когда я вошла в зал, Брайан улыбнулся и направился ко мне.

— Ты замечательно выглядишь, Эмили, — поцеловал он мою руку.

— Спасибо.

— Прошу.

Показав жестом на стол, Брайан помог мне присесть. Мы были в закрытом зале удивительной красоты. Из окон был виден Манхэттен. По всему помещению стояли статуи, цветы и свечи. Стены были цвета ванили, а яркие картины, висящие на них, прекрасно контрастировали.

— Я взял на себя смелость самому заказать блюда, ты не против?

— Если это не жабы лапки или близко к этому, то не против.

Он засмеялся и был таким расслабленным — полная противоположность моему состоянию, но я улыбнулась. На мгновение он замер.

— Что?

— У тебя обезоруживающая улыбка. Улыбайся почаще.

— Думаю, не стоит. Ты будешь совсем беспомощным.

— Тебя замучает совесть?

— Нисколько, — все еще улыбалась я.

Нам принесли первое блюдо: «Курицу в сливочном соусе карри и ананасами», а также сухое Edmond Barnaut вино. Надо отдать Брайану должное, у него потрясающий вкус. Внешне блюдо было изысканным, но на вкус просто божественным. Мы ели в полной тишине, и нарушать ее не хотелось, хоть меня не покидало чувство недосказанности.

— Какое твое последнее счастливое воспоминание? — спросил Брайан, наливая вино в бокалы.

— Я не знаю. Я ничего не знаю о любви, осведомлена только о ненависти.

— Да ладно, — не сводил он с меня взгляда. — Я видел тебя с твоими друзьями. Они скорее семья для тебя, и ты их любишь.

— Это правда. Но это не значит, что каждое мгновение с ними я запоминаю. Мы друг за друга и в огонь, и в воду, но счастье... Счастье, Брайан, — это те моменты, над которыми не нужно задумываться. У меня нет воспоминаний, которые бы я по-настоящему хотела запомнить, не считая каждого мгновения с моим братом.

Мы смотрели друг на друга, и я наконец-то почувствовала комфорт. Больше не было неловкости. Не думала, что в моей жизни мужчина может мне так моментально понравиться. Не думала, что буду скучать по разговорам с кем-то, даже если я до сих пор сижу напротив.

— Какой был твой самый грустный день? — склонила я голову набок, держа в руках бокал вина.

— Когда я понял, что больше не буду прежним. Что больше не буду лучше.

— Помнишь, что сказал Коэльо? Самый темный час нашей жизни перед самым прекрасным рассветом.

— И пусть люди приходят в поисках чего-то нового, но уходят, оставаясь такими же, как были, — продолжил он. — Они поймут, что старое прошлое лучше настоящего. Вся жизнь тем и интересней, когда люди вокруг вас одни и те же. И как-то само собой получается, что они входят в вашу жизнь и сами того не замечая пытаются ее изменить.

— Мне нравится, — улыбнулась я.

— Что? — ответил мне улыбкой Брайан.

— Твоя смелость и искренность. Точнее, смелость выражать искренность.

— Если уже мы начали цитировать гения, то у него есть потрясающая фраза, которая сейчас как никогда кстати.

— И какая же?

— На этой планете существует одна великая истина. Независимо от того, кем ты являешься и что ты делаешь, если ты по-настоящему чего-то желаешь, ты достигнешь этого.

Я удивленно подняла на него глаза, но Брайан был абсолютно серьезен. Он казался легкомысленным, только все в его глазах говорило об обратном, и мне до боли захотелось разгадать эту тайну.

— У тебя тормоза хоть иногда работают?

— Мне тяжело сдерживаться рядом с тобой, — ответил он чуть наклонившись. Взяв бокал, осушила его одним глотком. — Ну, ты тоже с трудом сдерживаешься. Приятно знать, что я не один такой.

Я промолчала, потом в официальном жесте поставила руки на стол.

— Ты документы принес?

— Может, спокойно посидим, поговорим?

— Ты со мной еще три месяца говорить будешь, так что не расстраивайся.

— Эмили, мне понятно, ты женщина, которая сделала себя сама. И мужчина, которого ты не любишь, рядом с тобой, как обуза, но дай мне шанс. Возможно, все не так плохо, как ты думаешь? — отложил он приборы.

— Мне известно, что хорошо, а что плохо, и какой ты человек, — ответила я ему со злостью.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто сюда приехала под дулом пистолета?

— Это мои личные проблемы. Ты тут ни при чем. Понятия не имею, какого ты обо мне мнения, но судя по всему, думаешь, что у меня всегда все под контролем. Это не так. Я не настолько идеальна и редко встречаюсь за ужином с мужчиной, который является фактически моим потенциальным клиентом, и бывшим любовником. Обстановка не очень расслабляющая.

— Забудь о работе. Давай поговорим о нас, Эмили! Ты мне нравишься, — подошел ко мне, и я подняла на него глаза. — Я давно не чувствовал такого к женщине. Да и, черт, я вообще такого не чувствовал раньше. Обычно сам выбирал, а ты заставляешь меня менять все мои правила.

— Чего ты хочешь от меня, Брайан? — вздохнула я, измучено смотря на него.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — присел он на корточки возле меня.

— И в чем же, мистер всезнайка?

— Ты не считаешь себя привлекательной. Хотя большинство мужчин с нормальной ориентацией готовы умереть ради ночи с тобой, а скорее всего, когда ты проходишь мимо представителей мужского пола, они жалеют, что выбрали такую жизнь.

— Брайан, я не готова ни к каким отношениям. Мы переспали, но потом ночь закончилась, и наступила реальность, — встала я со стула, отходя от него. — И теперь я не понимаю, чего ты ждешь от меня.

Брайан сделал несколько шагов ко мне, и я столько же от него.

— Ты человек, который оберегает свою личную жизнь — я такой же, но у меня желание быть ее частью.

Минуту я просто молчала, смотря на него. Затем направилась к двери, и прежде чем открыть ее, остановилась.

— Встретимся завтра у вас в офисе, мистер Прайсон, там и уладим все с документами.

— Эмили.

— Начав общение со мной, не жалуйся на раны.

Открыла дверь и вышла. Остановила первое ехавшее такси, отправилась домой, и сделала то, что делала всегда, когда нужно было выпустить пар — села за руль автомобиля.

Машины. Именно езда делает меня по-настоящему свободной. Набирать скорость по пустой дороге, где единственные зрители — фонари. Это, наверное, дико, что с моей профессией я расслабляюсь таким способом. Еще в детстве я мечтала о машине. Когда мне

было семнадцать — бредила ими. В восемнадцать поставила за цель, что первой моей покупкой будет именно машина. Сейчас мне двадцать девять и ничего не изменилось, кроме того, что объекты моих мечтаний стоят у меня в гараже. В идеале я должна быть строга, собрана и не искать утешения у скорости и ночи. Хотя, возможно, это все лишь стандарты. Мы так часто пытаемся им соответствовать, что со временем становимся совсем другими людьми.

Нас сдерживают не только законы и мораль, а вечная мысль «Что скажут люди?»

Что в нем такого? Почему рядом с ним я чувствую напряжение, возбуждение и покой одновременно? Мне нравится, как он смотрит на меня. Зеленые сверкающие глаза не могут оставить никого равнодушным. Его красивые руки с длинными пальцами. Есть мужчины, которые рождены носить костюмы, и Брайан возглавляет этот список во Вселенной. Когда он идет, на него смотрят не то, что женщины, на него сам Бог оборачивается. И самое худшее было то, что он прав. Я охраняю свою личную жизнь, пытаюсь скрыть все, что касается меня. Раньше я была другой, но со временем и опытом научилась скрывать свое и выводить наружу чужое. Я так давно не получала удовольствия, просто разговаривая с мужчиной. Но в то же время я слишком долго ограждала свое сердце, чтобы он уничтожил его без особых усилий.

Мне было необходимо как-то унять этот голод. Я медленно начинаю сходить с ума. Я сама придумала себе проблему, и вот теперь мне предстоит самое трудное заседание в жизни, в котором, судя по всему, я не выйду победителем из зала суда. Но есть утро. Оно все изменит.

Приехав домой, я взяла в руки мобильный и набрала номер Донны.

— Привет.

— Ты в порядке, Эм?

— Я не знаю, — подруга молчала, давая мне знак, чтобы я продолжала. — Я познакомилась с мужчиной, и мне понравилось проводить с ним время. Я отталкиваю его, но у меня такое чувство, что мы были знакомы в прошлой жизни. Знаешь, мы цитировали Коэльо.

— Поцелуй — всего лишь поцелуй, дорогая, — слышала я улыбку в голосе Донны. — Любовь — всего лишь слово, пока ты не встретишь того, кто изменит для тебя всю жизнь. Кто изменит для тебя истину, в которую ты веришь, и понимание твоей реальности.

Сейчас в мире ограничен запас любви. Большая редкость встретить ее. И считайте меня глупой, но я ее боюсь. Боюсь утонуть в ком-то без остатка, чтобы потом не было разбитого сердца, и не носить с собой единственное напоминание об этом — обручальное кольцо.

Два дня подряд я находилась в фирме Брайана, просматривая документы. Его отец был не просто плохим человеком, а кретином, который подставлял людей. Я начинала понимать фразу «не выходит из головы». Раньше я настолько закрывалась от мира, что в конечном итоге мир перестал хотеть открыть меня. В нем все так относительно, но есть то, что вечно. Есть то, что просто красиво, а есть то, что ты любишь, и в твоём сердце оно будет как целая вселенная.

— Как вы, Эмили? — спросил Брайан, войдя в кабинет.

Я подняла на него взгляд, при этом бесстыдно пожирая глазами. Он был слишком красив. У этого мужчины не было недостатков — умен, упрям, немного самонадеян и в меру властен. Но нет, недостаток все-таки у него был — он был осведомлен об этом и нагло демонстрировал это при каждом удобном случае.

— Хорошо, почти со всем разобралась. У вас как дела?

Брайан сел за конференц-стол, расстегивая пиджак.

— Эмили, если мы перейдем все же на «ты», я перестану доставать вас при каждом удобном случае.

Я смотрела ему в глаза, пытаюсь хоть что-то увидеть, но его взгляд был аналогичен моему — никогда никто не сможет узнать, о чем я думаю, пока я сама не захочу, чтобы об этом узнали.

— Договорились, — ответила я.

— Поехали со мной, — поднялся Брайан со стула, подавая мне руку.

— Куда?

— Увидишь.

— Нет.

— Эмили, единственный раз, поехали со мной.

Я сдалась. Встала с кресла, забирая пиджак, ноутбук и сумку, а затем покинула кабинет. Брайан последовал за мной. Я прошла к своей машине и села за руль. Он открыл дверь и занял пассажирское сидение. Он не отводил взгляд от меня, и я чувствовала это.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила я, следя за дорогой.

— Я тебя именно такой и представлял, когда увидел первый раз.

— В клубе? — хмыкнула я.

— Под дождем.

— Где? — спросила я в недоумении.

— Не важно, — ответил Брайан, усмехнувшись. — Поехали пообедаем.

Я покосилась на него, но все же направились в ближайший ресторан. Мы сделали заказ, и, сев за столик, я не могла отвести от него взгляд. Брайан был слишком обаятелен. Длинные пальцы и в целом красивые руки, на одной из которых красовались Rolex.

— Эмили, у меня есть предложение.

— Какое?

— Поехали в Париж. Я там переверну твой мир.

— Я занята, — пожалала я плечами. — Так что найди себе другую и переворачивай ее мир.

— В том-то и дело. Я уже нашел.

— Ты можешь разглядеть "отвали" в моей улыбке?

Брайан засмеялся и немного наклонился ко мне.

— Чего ты хочешь, Эмили? Мужчину, которого полюбишь, но потом испугаешь и отпустишь его? Он вскоре встретит другую. Красивую. Просто красивую. Он женится на ней, и они нарожают детей. И тот, кого ты отпустишь, будет искренне верить, что она идеальна. Что она та, которая нужна ему. Но это все равно будешь не ты, Эмили. Он до конца своих дней будет любить тебя, и ты для него будешь самым совершенным совершенством во всем этом несовершенном мире.

— Встретить человека, с которым хочешь прожить всю жизнь — самое важное решение.

— Поэтому ты до сих пор одна?

— У тебя есть лучший друг? — сделала я несколько глотков вина.

— Да.

— Как его зовут?

— Адам.

— Сколько оргазмов подряд у него было последний раз?

— Я не знаю, — засмеялся Брайан. — Мне это не нужно.

— А сколько лет вы дружите?

— Много, — улыбка исчезла с его лица.

— А мы с тобой знакомы несколько дней. С чего ты взял, что, переспав со мной, имеешь право лезть мне в душу и задавать вопросы, которые тебя не касаются?

Я не против внимания и цветов. Полета чувств и танцев под дождем. Я хочу страстных глаз, которые будут смотреть на меня с любовью. Чтобы от понимания, что человек рядом, кружилась голова. Провожать вместе закаты. Встречать рассветы. Прибой, песок и море. Смотреть ему в глаза и обрести покой. Утром рядом с ним проснуться. И когда он будет спать, я не против смотреть на его закрытые веки и слушать любимое дыхание. Только трудно поверить кому-либо после разочарования. Особенно в самой себе.

— Прости, Эмили. Я был не прав, меня это не касается. Пока что.

— Я теряла очень многое, Брайан. Я теряла себя, авторитет, совесть, чувство стыда, частично даже семью, но чувство собственного достоинства — никогда, — встала я со стула. — И именно это не дает мне возможности сейчас сидеть с тобой рядом. Доберешься сам, — затем я бросила двадцатку на стол и ушла.

Я была мастером ссориться и игнорировать. Но разозлилась я совсем не потому, что он спрашивал, а потому, что сказал то, о чем я задумывалась ранее. Я люблю правду о других, но только не о себе. По пути домой, размышляла о человеческих проблемах. Люди, у которых есть деньги, хотят любви, а те, у кого есть любовь, меняют ее на роскошь жизни. В конце концов, понятие «счастье» очень относительно в нашем мире. Много денег не бывает, но разве бывает избыток любви? Я подумала о том, чего мне не хватает, кроме мужчины. Все-таки, если бы пришлось выбирать свое материальное благополучие или любовь, без чувств жить я привыкла.

На этот вечер я снова оставила работу, направляясь по магазинам. Тишина в квартире,

которую раньше я так любила, сейчас казалась удушающе клаустрофобичной. Я шла по Манхэттену и смотрела на витрины магазинов, пропуская лица людей и мозаику мира.

Я помню, как приехала в этот город несколько лет назад. Женщины, которые могут тут добиться того, к чему стремились, без родителей или проституции, почти исторические личности. Нью-Йорк очень жестокий город. Он не любит слабых и не выносит слез. Этот город никогда не спит и в мгновения счастья или отчаянья сделает все, чтобы ты разочаровался и исчез с лица земли. Но в то же время, если ты покажешь ему, что готова играть на равных, что ты стоишь его, то будешь принята. Нет, никогда не полюбит. Этот мужчина одинок, но ему нравится соперничество, и все-таки иногда он дает возможность почувствовать нам то, зачем мы сюда приехали — счастье.

Я достала телефон и включила конференцию.

— Привет, девчонки, — сказала я с улыбкой.

— Дорогая, я занята, — ответила Стейси, — Я тебе перезвоню.

— Голыми моделями? — слышала я улыбку в голосе Эбби.

— Ага, почти, — затем она отключилась.

— Я хочу устроить барбекю, — продолжила я. — Я немного устала от шума каждую пятницу. Можно пожарить мясо, взять бутылку вина.

— Или несколько бутылок, — добавила Донна.

— Давайте, — сказала Ева. — Но только кто у нас по-настоящему умеет готовить мясо?

— Звучало обидно, — фыркнула Долорес. — Когда мы это устроим?

— Может завтра? Я беру выходной и весь день жду вас у себя.

— Договорились, — улыбнулась Ева. — Я передам Эс.

Мы отключились, а я все еще шла по улице моды, не сводя глаз с витрин.

А затем я увидела его — платье моей мечты. Белое длинное шелковое платье на бретельках с открытой спиной. Я представила, как бы оно идеально облегало мое тело. Горловина с вырезом были обшиты белыми камнями. Это было идеально, великолепно и дорого.

— Парк Авеню. Вот что мне нужно, — прошептала я, почти застыв.

Я вошла в магазин, и несколько консультантов обернулись.

— Вам помочь? — спросила одна из них.

— Да, я за тем платьем на витрине.

— У вас хороший вкус, — улыбнулась девушка. — Босоножки будем подбирать?

— Нет. Да, — покачала головой, а затем посмотрела на нее с улыбкой. — Мой гардероб нужно обновить.

Я все планирую. И даже если люди видят в моих глазах туман, в этот момент я или полностью погружена в новый план, или в моей жизни уже все идет по старой спланированной модели. Планировка — мой способ все контролировать. Контроль и стабильность — это то, в чем я крайне нуждаюсь. Даже если в данном случае это выбор одежды.

— Это платье словно шили на вас, мисс, — улыбнулась девушка, отдавая мне пакеты. — Приходите к нам еще.

Я хоть и умная, но все же женщина. Я купила платье и многое другое, чтобы поднять настроение. Вот бы и мужчину можно было купить в Парк Авеню. Боже, в этом мире должен же быть кто-то, создан специально для меня.

Достав мобильник, я позвонила маме, чувствуя непреодолимое желание ее обнять.

— Здравствуй, дорогая, — слышала я улыбку в ее голосе. — Как ты?

— Почему ты никогда не спрашиваешь, как моя работа? — улыбнулась я в ответ.

— Потому, что я знаю тебя. И твое счастье совершенно не зависит от успехов в работе.

— Нет, я одна. Как Макс?

— Твой брат не меняется. Он скучает по тебе, Эмили. Мы все скучаем.

— Я приеду скоро, обещаю, мам.

— Я очень жду тебя, доченька. Ты ведь моя вселенная.

— Я люблю тебя, мамочка.

— И я люблю тебя.

Люди очень легко покидают своих родных, уезжая в другой уголок мира. Но как они делают это, ничего не чувствуя? Я чувствую все, не переставая мучиться от боли, которая терзает меня изнутри. Я все время о чем-то думаю, строю планы и меняю направление жизни, но что, если начать плыть по течению? Что, если просто жить, забывая о том, что я считала раньше самым важным — свою профессию.

Я никак не могла словить такси, и когда уже думала звонить Донне, возле меня притормозила знакомая машина. Брайан вышел из нее, открывая мне дверь.

— Дважды за день. Мне повезло, — улыбнулся он. — Садись, я за рулем.

Я села в машину, чувствуя радость от того, что вижу его, пусть даже последний раз я почти сказала, что не желаю с ним иметь ничего общего. Когда Брайан тронулся с места, я откинулась назад, наслаждаясь запахом, в котором тонула.

— Я как знал, что ты на Седьмой Авеню.

— А ты что делаешь на улице мод? — спросила я без тени улыбки на лице.

— Прошу у тебя прощение. Я не хотел показаться хамом. Ты меня слышишь?

— Да, просто предпочитаю игнорировать.

Я повернула голову к нему и улыбнулась, закрывая глаза.

— Мне нравится, как ты улыбаешься, когда немножко счастливее, чем обычно. Эти моменты — бесценны. И еще я заметил, что ты редко бываешь счастлива. — Я качнула головой, наслаждаясь звуками его потрясающего голоса. — Как ты относишься к опере? Потому что я хочу заказать билеты. Ты бы пошла со мной?

Я не помню, что он говорил по большому счету, когда забылась во сне. Проснулась уже у себя в постели. Рядом лежала только записка, на которой было написано:

«Ты крепко спала, так что я не хотел тебя будить. Платье красивое, возьми к нему черные брильянты».

Наверное, я улыбнулась, снова засыпая. На следующий день встретила со своими подругами. Мы сидели на крыше, смеялись, пили вино и жарили мясо. Я задумалась о том, будет ли так же через пять или десять лет? Что изменится кроме того, что некоторые из нас будут замужем или беременны? Я не люблю перемены, но даже когда они происходят, приятно осознавать, что в мире есть вечное — дружба и любовь.

— Помните, как мы впервые приехали все в Нью-Йорк? — улыбнулась Эбби.

— Адское было время, — добавила Стейси, переворачивая мясо.

— Помню. Я бежала от мужа, который умер и бросил меня на произвол судьбы, и родителей, которые ненавидели меня, — выпила Долорес бокал вина залпом. — Прекрасное было время.

— И я сбежала от прошлого, — прошептала Донна. — А вместе со мной и Эмили. Она спасла меня, а я взамен оторвала ее от семьи.

— Я тут обрела еще одну, — улыбнулась я. — Кроме того, назад не вернешься, и, если бы всего этого дерьма не произошло, мы бы не сидели сейчас все вместе на крыше шикарного дома и не пили Merlot 1890 года.

— А меня всегда родители оберегали от этого города, — с грустью в глазах сказала Ева. — С самого моего рождения, когда я увидела Манхэттен, поняла, что должна была тут родиться. Что тут и должна быть написана моя история. Но когда я вышла в свободное плавание, поняла, что этот город жесток, и я не буду оберегать так же свое дитя.

— Я скучаю по брату, — посмотрела Эбби на свое кольцо на указательном пальце. — Он уехал, зная, что Нью-Йорк выедаёт души. И вот теперь я не знаю, что он чувствует, что думает, в кого влюбляется и какой последний фильм его впечатлил. Я перестала скучать по мужчине, которого не встречала, и по самой себе, которой еще не была.

— Нам нужно чаще говорить и реже открывать бутылки алкоголя, — сказала я.

— Мясо готово, — принесла тарелку этого произведения искусства Долорес.

— Ты волшебница.

— Скажи это моему бывшему мужу, — закатила она глаза.

— Что с ним случилось? — спросила Стейси, когда мы начали есть.

На столе стояла печеная баранина, овощи на гриле, маслины, оливки, зелень, соусы и бокалы с вином.

— Он был военным, — прошептала Долорес. — И не вернулся. Я его очень любила и сейчас люблю. Когда мне сказали, что он умер, я тоже умерла. Я больше никогда не была так счастлива. Он любил меня. Он смотрел на меня так, словно я была всем его миром, и ему больше ничего не нужно было. И каждый раз, вспоминая моменты счастья, я рассыпаюсь на мелкие осколки. Это мои самые больные воспоминания. Только моменты счастья могут причинять такую адскую боль.

— Я поняла, что больше не хочу быть моделью, — подперла подбородок Ева. — Я хочу быть актрисой.

Мы все не ожидали такого поворота. Эта женщина слишком красива, чтобы не быть на обложках глянцевого журнала. Да и кроме того, Ева очень нежная и добрая. Выживать в мире кино таким людям трудно. Нужно уметь ходить по трупам.

— Ты уверена? — спросила Долорес. — Ты ведь столько лет отдала модельному бизнесу.

— И теперь жалею. До истечения моего контракта осталось три года. А дальше я буду вольной птицей и займусь своей собственной жизнью.

— Я встретила мужчину, — сказала я, поднимая бокал вина. — Давайте выпьем.

— Согласна, — смотрела с изумлением на меня Эбби.

— Ты узнала о нем все? — улыбнулась Стейси.

— Она с ним даже переспала, — посмотрела на меня Донна.

— Он неплохой человек, но я никак не могу его разгадать, — продолжила я, вспоминая его улыбку. — Его зовут Брайан, и мне кажется, у него раньше были проблемы.

— Ты уверена, что тебе нужно еще больше проблем, чем у тебя есть, Эмили? — спросила Ева. — Спасать мужчину — дело нехитрое, но они обычно этого не стоят.

— Я не хочу его спасать. Просто нравится находиться с ним рядом.

— Это того стоит в любом случае, Эмили, — посмотрела на меня Долорес. — Как бы больно не было потом, но те хорошие воспоминания навсегда в тебе. Они будут согревать тебя и напоминать, что в конечном итоге родилась ты с душой и сердцем.

— У тебя есть душа, дорогая, — взяла я за руку Долорес.

— Это лишь оболочка. Внутри я часто бываю мертва.

Раньше я говорила, что, если ты ложишься спать и ни о ком не думаешь, то тебя ничего не держит в этом городе. Сегодня я впервые легла спать с мыслью о мужчине. О мужчине, который мне понравился. Я не переношу людей, которые предают и не заботятся о своем, и Брайан — полная противоположность этой характеристике. Что толку от внешней красоты мужчины, если он пустой внутри, словно оригами.

Восемь утра. Звонок мобильного телефона не прекращал портить возможно идеальный день. Говорят, что если улыбаешься утром, то день будет хорошим. У меня утром на лице улыбки не увидишь даже под дулом пистолета.

— Алло.

— Скажи консьержу, чтобы пустил меня.

— Кто это? — протирала я глаза.

— Эмили, я сейчас поднимусь на вертолете.

— Я и не сомневаюсь.

Когда лифт открылся, послышались шаги этих тридцати двух несчастий.

— Привет, — озарила улыбка его лицо.

— Какого черта ты в восемь утра делаешь у меня дома, Прайсон?

— Вижу, ты в приподнятом настроении.

Брайан улыбнулся, указав на пакеты, которые принес, и направился в кухню, словно все время так делает.

— Прайсон, ты меня ужасно бесишь, но круассаны меняют дело, — открыла я пакеты.

— Подожди, я кофе приготовлю.

— Ну так готовь. По-моему, я тебе не мешаю. Можешь еще посудомойку загрузить, да и мой дом не убирался целую вечность.

Он покачал головой, а я закуталась в одеяло и села на диван, включая телевизор. Я не понимала, что он тут делает, да и выглядела сейчас не совсем респектабельно, но мне нравилось, когда он был рядом. Нравился его напор, и что он не говорил о проблемах.

Через несколько минут Брайан пришел с двумя чашками кофе.

— Ты только что лишил невинности мою кухню, — сказала я, забирая чашку.

— Я почитал немного о тебе в интернете, — сказал он, отпивая кофе.

— Что? — я чуть не поперхнулась.

— Ты тоже так сделала, скорее всего, даже после нашей первой встречи.

— Совсем нет, — изобразила я безразличие.

— Да, и ты знаешь, что я прав. В конце концов, мы взрослые люди, Эмили, и в нашем возрасте не играют в игры. Разве что ролевые.

— Ты хоть понимаешь, куда мы забрели с тобой, шутя? — посмотрела я на него.

— Но мы ведь не знаем, что потом. И куда бы мы не пошли в этой жизни, со временем нас там не будет.

Я предпочитаю умных мужчин. Умными мужчинами нельзя руководить, но кроме того, самой не хочется. Они словно разрушают волшебство женского мозга, идеалы, которыми мы вознаграждены еще при рождении.

— Брайан, когда ты перестанешь меня доставать?

— Как только ты согласишься быть со мной, — ответил он спокойно.

— Исчерпывающе.

— Что ты ценишь в своей жизни больше всего? — спросил он, смотря на меня с интересом.

— Ты о людях или вещах?

— О тебе.

— Свою духовную свободу.

— И когда ты делишься ею?

— Такого не было, — покачала я головой.

Это была правда. Брайан задумчиво посмотрел на меня, словно я что-то ему не договаривала. Но именно в этот момент я сказала правду, и для меня она прозвучала ужасней в сотни раз, нежели для него.

— Я сегодня говорил с твоей мамой, — сказал он, спустя несколько секунд молчания.

— Что ты, черт возьми, сделал? — вскрикнула я.

— Говорил с твоей мамой, — ответил он так же спокойно. — Потрясающая женщина. Добрая, милая. Так как скоро лето, она хочет увидеть свою дочь и ее друга, ну меня, ты поняла? — показал он рукой на расстояние между нами. — Через неделю мы уезжаем, чтобы не расстраивать твою семью. А не взять меня ты не можешь, так как я всю жизнь хотел побывать во Львове и не люблю расстраивать женщин.

В этом мужчине пропадавал такой актер. Я сидела, открыв рот, не понимая, что нужно сказать и что вообще говорят в таких случаях? Точнее, я знала, что должна говорить, но не хотела. Каким-то странным образом Брайан действовал мне на нервы, но также нравился, а от этого в голове царил полный хаос. В глубине души я злилась на него, но все-таки он действовал. Он не спрашивал моего разрешения, не боялся моей реакции или гнева. За двадцать девять лет я не сочла нужным познакомить мою семью хотя бы с одним мужчиной. И маму все время тяготило мое одиночество, но судя по всему, когда ей позвонил Брайан, она уже начала искать зал и выбирать имя первому внуку.

Кофе из чашки медленно перетекал на мои колени, вырывая меня из раздумий.

— Черт, — спохватилась я, подскакивая с дивана.

— Сейчас помогу, Эмили, подожди, — сорвался он с места за полотенцем.

— Не нужно. Сама справлюсь.

— Черт, женщина, помолчи, пожалуйста. И не заставляй тебя привязывать к дивану, чтобы вытереть кофе.

Раньше мужчина никогда не бросал мне вызов. Но, кроме того, не пытался узнать. Узнать мою душу. Брайан только что почти приказал мне, и я послушала. Я за равноправие, но как хорошо, когда мужчина сильнее и реагирует даже на такую мелочь, как разлитый кофе.

— Зачем? — смотрела я, не отводя взгляд.

— Что зачем? — спросил Брайан в недоумении.

— Зачем ты позвонил моей маме? Ты не знаешь, что она чувствует, зная, что ее ребенок далеко от нее.

— Потому что я начал действовать. Ты не даешь мне шанса, а я без него не уйду. Хоть и понимаю, что ты сильная, сама со всем справляешься, но я сильнее в любом случае.

Я несколько минут пялилась на него. Боже, как мне всегда хотелось мужчину, который

был бы сильнее меня не только физически, но и психологически. Который бросил бы вызов моему перфекционизму, властолюбию и полной свободе. Который бы решал мои проблемы, а не подбрасывал свои. Мне хотелось провести с ним время. Моя мама всегда говорит мне: «Дорогая, любовь — это как удар молнии. В одно мгновение ударит, и ты уже потерял почву под ногами».

— Хорошо. Я закажу билеты, — ответила я, вставая с дивана.

— Не нужно, — ответил Брайан. — Я уже заказал, они у меня. В пятницу вылетаем в четыре.

— Но сегодня уже вторник! Я не успею ничего сделать, — повернулась я к нему, качая головой.

— Успеешь. Если что, я помогу и решу все за тебя.

— Ну да, выиграешь судебный процесс вместо меня?

Я была спокойна. Может быть, и правду говорят, что женщина с первых секунд знает, что хочет сделать с мужчиной. Да, у меня были определенные планы на Брайана, но знакомства с семьей там точно не наблюдалось, хотя, откровенно говоря, меня не пугала эта перспектива.

— А что? Я ходил на юридические курсы, — ответил он, будто я должна была знать это.

— Круто. В таком случае, с таким опытом, как у тебя, мне вообще не за что переживать.

— Эмили, ты чудо, — покачал он головой, улыбаясь. — Этот день мы проведем вместе.

— Слушай, ты там еще свадьбу не планируешь? — спросила я со злостью.

— Нет. Рано. Вот познакомлюсь с твоими родителями, тогда и начнем.

Я, как минимум, удивилась, ведь этот мужчина был мужчиной. А первое в списке этого титула — сдерживать свои слова. Наверное, реакция была на лицо.

— Ты бы видела свою физиономию, — засмеялся Брайан.

— Как мне от тебя отвязаться? — вздохнула я.

— Никак.

— Но... — попыталась я возразить.

— Без вариантов, Эмили.

Я задумчиво посмотрела на него и улыбнулась. Я вела себя так, будто ничего не произошло. Будто он не доводил меня до оргазма, и мы не использовали языки друг друга. Словно я не хотела его увидеть каждый раз, когда кто-то из нас уходил, и самое главное — я вела себя так, будто мне не было с ним хорошо, спокойно, комфортно, легко, смешно, да как угодно, но точно не плохо.

— Моя страсть — машины, — сказала я.

— Правда? — удивленно спросил он.

— А чему ты удивляешься? Ты думал, я играю в гольф и смотрю на скачки?

— Покажешь мне?

— Идем.

— Эмили, давно хотел сказать, — повернулась я к нему. — Ты очень красивая. Ты просто великолепна.

Я улыбнулась. Я хотела бы быть счастливой. Но какой смысл мечтать? Ведь от этого жизнь не меняется. Раньше, читая Шекспира, о детях, влюбленных друг в друга с первого мгновения их встречи, я улыбалась. Я знала, что это история, которую показал автор о любви своего времени. Но что, если такая любовь и правда существовала? Что, если мы с годами стали так циничны, что даже не заслужили такой любви у собственной судьбы и ангела

хранителя? Мы почему-то всех виним в своих неудачах, но никогда не благодарим за то, что нам предоставляют. И даже если чего-то не получили, все равно не задумываемся ни на мгновение, что сами виноваты.

— Мне нравилось проводить много времени в гараже. Некоторые назовут это болезнью, но это одна из моих крайностей. Моя мама всегда говорит: «Эмили, ты впадаешь из крайности в крайность — или ешь сутками, или голодаешь; то с кровати не встаешь, то тебя невозможно застать; то любишь всех, то ненавидишь даже дыхание других рядом с собой. Найди свою золотую середину». Вот и машины — это моя крайность. — Мы подошли к моей любимице, и я провела пальцами по капоту. — Это моя любимая. Она, конечно, не типичная женская машина, а скорее наоборот. Это Ford Mustang Boss557'69 Pro-Touring PK Motors. Максимум она выжимает 300 км/ час и берет разгон за 3,9 секунды. Именно с ней я бываю чаще всего. Эта машина просто создана, чтобы ее покрывал черный, не так ли? — улыбалась я.

— Ты ценительница, не правда ли?

— Это слишком сдержанное слово, — подошла к Audi R8 Spyder GT Wheelsandmore Triad Bianco. — Эффектно, да? Эту машину я захотела с того момента, как увидела в восемнадцать лет.

Автомобиль был в белом цвете с красными дисками и проделками под фарами. Я открыла её и опустила крышу. Салон цвета слоновой кости, спинки и панель руля красные, а сам руль комбинирован красным и белым цветом. Мы сели в машину, и я провела пальцами по панели управления, на минуту закрывая глаза.

Я умею читать по лицам. И я знала, что ему не интересны машины, но была интересна я. Когда ты видишь человека, который тебе небезразличен, сердце само по себе начинает биться чаще. И даже если мы пытаемся притупить любые чувства, то, что в груди, уже все решило за нас. И в конечном итоге ты понимаешь, что возможно иногда стоит послушать то, что знает гораздо больше, чем наш мозг.

Брайан сидел возле меня, а я рассказывала ему о Mercedes-Benz G63 AMG Hennessey HPE 700, о котором мечтала с семнадцати, и о BMW Alpina Bu Vi-Turbo Carbio F33 покрытом синим, который придавал ему фееричности.

— Когда садишься за руль этой машины, ты перестаешь чувствовать под собой землю, — прошептала я. — Хотя из всех моих машин она самая тяжелая. А вот это последняя, — указала на Lexus LFA. — В ближайшее время я собираюсь купить BMW i8. Она разгоняется за 4,4 секунды, правда, выжимает максимум 250 км, но все же она невероятная.

— Было бы здорово, если бы ты влюбилась в меня, — смотрел Брайан на меня взглядом, полным восхищения. Мы просто молчали. Это, наверное, самое идеальное, что может быть в мире — тишина. — Знаешь, ты — та женщина, которую нужно уговаривать на ужин, и только под натиском шантажа ты соглашаешься, — мы засмеялись. — Ты так счастлива, когда показываешь и рассказываешь о них. У тебя очень красивая улыбка, но ты так редко улыбаешься. Но тем ценнее каждый ее проблеск.

Брайан притронулся к моей руке, и я не возражала. Мы наблюдали друг за другом, и вскоре, когда поднялись наверх, я села за стол, открывая ноутбук.

— Что ты делаешь? — спросил Брайан, снимая пиджак.

— Проверяю новости и почту, — ответила я, попивая кофе. — Всегда так делаю. А что ты делаешь по утрам?

— Ты посвящаешь своей жизни столько же времени, как и работе, Эмили?

— Моя работа и есть моя жизнь.

— В этом и проблема. Какой в этом смысл?

— Адвокатов много, Брайан, очень много. А я не хочу быть той, кого не запомнят.

— Знаешь, в моей душе всегда царил Нью-Йорк. Этот город видит всех, а тебя в нем — никто. Он, как лучший патент этого мира, куда все приезжают, чтобы начать все заново.

— Играешь в бильярд? — смотрела я на него без тени улыбки.

— Разумеется.

— Пошли.

Мне так комфортно не было ни с кем и никогда. Мы разговаривали. За всю свою жизнь я не прожила ни одного дня, чтобы ни о чем не переживать, ничего не планировать и ни о чем не думать. Мы вышли на крышу, и я отдала Брайану другой кий. Затем взяла сигарету и сделала первую затяжку.

— Ты куришь? — спросил он удивленно.

— Иногда.

— Разбивай, — показал он рукой на стол. — Зачем начала?

— В какое-то время поняла, что мне нравится, как горит свеча, — забила я первый шар.

— Я все еще не понимаю, — следил он за мной.

— Разве есть смысл ее огня, если ты не зажигаешь ею сигарету?

— Когда ты пришла в мой бар со своими подругами, я тебя заметил, — сказал Брайан, забивая два шара в лунку. — Ты пила космо и курила кальян. Музыка гремела в колонках, и мне казалось, что весь чертов мир в это мгновение принадлежал тебе. Ты чувствовала свободу, которой так редко позволяла отдалиться. Но мне почему-то казалось, что ты была несчастна. Эта жизнь не для тебя. Ты сидела там только ради своих подруг. Приход в это место — возможность побыть с теми, кого ты любишь.

Я затушила сигарету и устремила свой взор на этого человека. Мне ужасно захотелось узнать, о чем он думает. Сначала я была уверена, что это беззаботный мудака с сексуальным телом, да что там говорить, идеальной внешностью, красивой улыбкой и сверкающими глазами. Но в нем определенно есть что-то большее, и я хотела это узнать. Например, какой его любимый цвет, и какой кофе он предпочитает по утрам.

— На что играем? — спросила я. — Предложи что-нибудь.

— Есть интересное дело, — подмигнул Брайан.

— Я-то думала, что услышу что-нибудь оригинальное.

— Это оригинально, дорогая.

— Нет, играем на сто баксов, и ни сексом больше.

— Я тебе говорил, что ты садистка?

— Двигай своей сексуальной задницей, — подмигнула я ему.

Брайан выиграл, не давая мне возможности отыграться. Я положила кий на бильярдный стол и подошла к Брайану, проведя подушечками пальцев по его щеке. Он не сводил с меня глаз, а я не могла в этот момент перестать тонуть в этих ощущениях. Мы перестали верить в любовь. Мы не верим в счастливый конец, но свято верим в окончание. Любовь никогда хорошо не заканчивается. Но с чего мы взяли, что каждая любовь заканчивается?

— Твоя кожа немного грубовата.

— Прости, я вроде брился.

— Аномальная подвижность и гибкость суставов, — прошептала я ему на ухо, улыбнувшись.

— Я буду счастлив продемонстрировать тебе это снова, и снова, и снова, — прижал он меня к себе одной рукой.

— У тебя плоскостопие?

— Это материал для второго свидания.

Он поцеловал костяшки моих пальцев, и я наблюдала за этим с восхищением. Еще несколько дней назад любому мужчине, и ему в том числе, я бы сказала нет, но сейчас каким-то шестым чувством хотела, чтобы он был рядом. Может внутри меня действительно живет та часть, которая хочет любви, объятий, трясущихся коленок, бессонных ночей и разговоров до рассвета?

Брайан взял другой рукой меня за волосы, притягивая к себе для поцелуя. Это невыносимо. Сравните свои ощущения при поцелуе с человеком, который вам небезразличен и на которого вам плевать. Глупости, что мы, женщины, любим мужчин за деньги. Мы любим за поступки. Нам нравятся цветы и сувенирные безделушки. Мы любим высокие туфли и красивое нижнее белье. Антикварные зеркала и посуду. Утренний кофе с выпечкой. Меркантильность тут ни при чем. Просто если мужчина в нас не вкладывает — это не любовь. Мужчина по своей природе любит одаривать любимую женщину. Но выбрать подарок всегда труднее, чем купить его. И именно ваш мужчина всегда знает, что вам понравится. А мне нравится внимание. И именно его от Брайана я получала.

— Ты знаешь, что есть правила дружбы со мной? — спросила я, смотря ему прямо в глаза.

— Что? Правила? И что за правила? — шепотом спросил Брайан.

— Самое главное — не глупи рядом со мной и не меняй правила, мною установленные.

— Ты не просто женщина. Ты — идеальная смесь интеллекта, сексуальности и сарказма.

Брайан поцеловал меня, а я не могла перестать чувствовать. Сначала он пробовал меня на вкус, а затем углубил поцелуя, садя на бильярдный стол. Но также я не забывала об исходе любого романа. Хороший парень, который не социопат, это не все. Проходит время, и кому-то надоедают отношения. Становится скучно. И затем все кончено, и это лучший исход по сравнению с тем, какие шрамы может оставить этот роман. Мама всегда мне говорила, что я страдаю женским максимализмом. Но все же женский максимализм — это выдуманная болезнь нами или же сущность женщины, которая не мирится с минимализмом, который предоставляет ей мужчина?

Я отошла от Брайана и стала на край крыши, смотря на людей с высоты птичьего полета. Он был рядом, и я улынулась. Дружба долговечней любви. И не имеет значения — это дружба с женщиной или мужчиной, но что нужно, чтобы люди любили, пока смерть не разлучит их?

— Расскажи о себе, — сказала я.

— Что ты хочешь знать?

— Удиви меня.

— Я из Лас-Вегаса. Шесть лет назад переехал сюда.

— А как насчет семьи?

— Мама в Вегасе с моей младшей сестрой. У мамы проблемы со здоровьем. Про отца

ты знаешь, я видел его четыре раза в своей жизни. Да и с сестрой мы не очень ладим.

— Не хочешь поговорить?

— Нет.

Я накрыла своей ладонью его руку. Брайан поднял на меня глаза, а я не отводила взор от него. Этот мужчина умел скрывать свои чувства и охранять личную жизнь, упорно продолжая это делать.

— Я люблю играть на гитаре и мотоциклы. На самом деле, всегда хотелось стать рок-музыкантом, но, когда мама заболела, пришлось работать, и я бросил это дело. Гитара — моя отдушина.

Я не ожидала. Он не похож на рок-музыканта. На модель глянцевого журнала — да, но не на рокера. Мне нравятся мужчины, которые добились чего-то в своей жизни. Умный мужчина гораздо сексуальней, нежели просто мужчина. А особенно тот, который играет на гитаре.

— Пойдешь со мной на свидание?

— Какой смысл тебя куда-то водить или куда-то ходить, если ты все равно вернешься? — улыбнулась я, качая головой.

— Твои слова могут лечить, а могут быть острыми, ты знаешь?

— Леди умеют признавать свои ошибки, но мой характер — мой дар. Умение защищать собственное сердце.

— Наши взгляды, Эмили. Они говорят больше, чем наши губы. А тело высказывается выразительней, чем глаза.

Брайан достал из кармана какие-то бумаги и передал мне.

— Ты говорила, что сегодня хотела с ними разобраться. Они уже подписаны. Спасибо тебе, Эмили.

— Ты уходишь?

— Ты хочешь, чтобы я остался?

Да, я хотела, чтобы он остался. И понимая, что меня затягивает, сделала, как истинная женщина — промолчала. Он давал мне ту свободу, к которой я привыкла, и я была признательна ему. Но если бы он сказал, что остается, отказа бы не услышал.

— Спасибо тебе, — прошептала я.

Он поцеловал меня в лоб и ушел. Я смотрела, как он садится в машину и уезжает. Обычно я бы спустилась в гараж и села за руль, но сейчас прошла в свою спальню и открыла крышку рояля.

Любовь — не плохое чувство. Прямо сейчас я задумалась над будущим, смыслом жизни и ошибками. Фрейд сказал, что, если человек интересуется смыслом жизни или ее ценностью, то он болен. Но почему тогда считаются здоровыми именно те, кто не думает ни о чем? Все мы чувствуем себя особенными в определенные моменты. Иногда кажется, что кто-то помогает мне сверху и присматривает за мной. Кто-то, кого я не вижу, но чувствую. Практически каждому из нас придется пройти немало ситуаций в своей жизни. Потерять не только доверие и веру в людей, но все же знать, что это не напрасно. Ведь самый темный час нашей жизни наступает перед самыми счастливыми моментами в будущем.

Зачастую мужчины не умеют удержать в женщине возникшие чувства. Тебе хорошо, но как только ты встречаешь кого-то другого, начинаешь с ним говорить, становится жаль потраченного времени и глупых мыслей, которые посетили твою голову. Какой бы ни была женщина, ее чувства до безумия ранимые. И с пробуждением я поняла, что хочу, чтобы он пришел, как вчера. Или вовсе не уходил. Я хотела поговорить. Я хотела поговорить именно с Брайаном.

В моей голове снова был план, который нужно было выполнить до отъезда.

Мама мне часто говорила: «Дорогая, спину ровно, голову выше, и самое главное — держи язык за зубами», и приехав в Нью-Йорк, больше всего я придерживалась третьего наставления.

Звонок Джаспера застал меня врасплох.

— Эмили, они проиграли. Помоги мне.

— Документы с делом вышлешь мне факсом, и я подаю на апелляцию. Мы справимся. Обещаю.

Затем я положила трубку, смотря на Нью-Йорк со своей террасы. Я любила это место и свои ощущения на нем. Этот мир сделал из меня эгоистку. Бездушную. Ту, которой нет в списках на проход в Эдем. Я перешла дорогу слишком многим, и все чаще заживо горю. Я ошибаюсь и, возможно, бываю не права, но моя правда всегда отличалась от правды других людей. Я стала такой, какой стала, жалеть поздно. Я погрязла во лжи и цинизме, но не хочу так жить все время. Я параноик, боюсь ножа в спине, которого мне до сих пор никто не смог вонзить. Что толку в каблуках, если ты растаптываешь ими чужие жизни.

Работа никогда не заставляет себя ждать. И несмотря на мою неприязнь к безделью, не скажу, что, сидя в тишине утром и попивая кофе, чувствую себя несчастной. Я все чаще скучаю по школе, скучаю по каникулам и беззаботности, которую дарило мне детство. Я была счастливым ребенком, имея любовь и понимание. То, чем сейчас обделены многие дети. Потом я слишком рано выросла и перестала подпускать к себе людей. И следом был аэропорт и офис Нью-Йорка, где я положила свою жизнь к ногам профессии. Но все же у меня была тут семья создана временем. С Донной мы думаем одинаково. Мы чувствуем друг друга, и на самом деле это счастье — иметь такого человека в жизни.

День был потрясающий. Солнце светило, и небо было безупречного голубого цвета. Я улыбнулась, закрыв на мгновение глаза. Что было бы, не познакомься я с Донной, не переедь в Нью-Йорк и не встреть семью? Как бы я себя чувствовала, сложились все по-другому?

Я приняла душ, надела коралловое платье до колен с небольшим вырезом, обула белые босоножки и отправилась на работу. Пока ехала в машине, позвонила Донне, включив громкоговоритель.

— Привет, Эм, я на работе, что-то срочное?

— Нет, — ответила я, поворачивая на Седьмую Авеню. — Хотела сказать, что еду к родителям.

— Одна? — удивилась она.

— С Брайаном, — улыбалась я, ожидая ее реакции.

— С тем самым Брайаном?

— Да.

— Какой он, Эмили?

— Умный, немного высокомерный, но грустный, и мне кажется, очень нежный.

— Эмили, ты помнишь, что я тебе всегда говорю?

— Конечно, дорогая, — припарковала я машину возле фирмы. — Леди должна быть организована и никуда не спешить в жизни.

Затем я отключилась и вышла из машины, направляясь в офис. Тиффани — моя помощница. Она изумительная, миниатюрная, умная блондинка. Особенно я ценю ее смекалку. Ей двадцать четыре года, и когда она пришла ко мне работать, ей нужна была практика. Проработав с ней десять месяцев, я подписала контракт и ни разу не пожалела. Она забавна, умна, и у нее потрясающее чувство юмора. Тиффани не боится говорить, что думает, и никогда не врет, а эти качества для меня почти божественны в нынешнем обществе. Она вошла в кабинет с огромным букетом разноцветных пионов. Если честно, я равнодушна к цветам и растениям, но пионы — исключение из правил.

— Эмили, это тебе прислали, — сказала она, поставив их в вазу.

— Кто?

— Не знаю, но тут записка, — передала ее мне девушка, приседая на край стола.

В моей жизни никогда не было мужчины, которого я не смогла бы сменить с маслом в машине. Раньше я хотела быть просто кому-то нужной. Чтобы кто-то жил мной, и у меня к этому человеку было то же самое. Хотела мужчину, который бы не боялся выглядеть в моих глазах смешным из-за поступков, которые он совершал бы ради меня. Обоюдная зависимость. Так называется то, что нужно мне больше всего.

«Спасибо за замечательный день. Эти цветы напоминают мне о тебе, такие же разные и удивительные. Ты чудо, помни об этом. Брайан.»

Тепло прошло по моему телу. Вдохнув аромат цветов, я начала сходить с ума, не чувствуя их запах, а только его — мяты, геля и мужчины. Теперь для меня это был аромат Брайана. В моей жизни было разное — в любви клялись, деньги и замуж предлагали, убить грозились, но Брайан Прайсон пошел совсем иным путем, он заботился. Вроде был рядом, но в то же время давал свободу.

— От кого это? — спросила Тиффани, заметив мое выражение лица.

— Друга.

— Кто он?

— Друг, — сказала я тихо. — И со вчерашнего вечера наш клиент.

— Ты? С клиентом? — удивилась моя помощница.

— Это было не профессионально и перечит адвокатской этике. Но до вчерашнего вечера он был только потенциальным клиентом, — попыталась я оправдаться.

— Потом мне все расскажешь, — махнула она рукой.

— Ну конечно, мечтай, — улыбнулась я. — Послушай, Тиффани, подготовь оповещение и отправь его всем клиентам, что я уезжаю, и, если возникнут вопросы, я буду на связи — почта, телефон, ну, на крайний случай, видео-чат. И подготовь всю документацию, которую нужно заполнить.

— Когда уезжаешь и, позволь спросить, куда? — скрестила она руки на груди.

— Ты и так уже спросила.

— Ну, давай, говори уже, — засмеялась она.

— К родителям, в пятницу. Через десять минут пойдём на ланч в ближайшее бистро.

Когда она принесла документы, мы отправилась обедать. Выйдя на улицу, я вдохнула аромат воздуха и улыбнулась.

— Что же представляет собой семья, в которой выросла Эмили Харисон? — улыбнулась Тиффани.

— Моя семья замечательна, — ответила я. — Мой брат — моя жизнь. Все сестры любят своих братьев, но у нас с Максом все по-другому. Мы словно связаны невидимой нитью с тех пор, как он родился.

— Вот чему я удивляюсь, Эм, — вошли мы в старбакс. — Как женщина, которая может так сильно любить, отталкивает всех мужиков на этой планете?

— Мне всегда нравились мужчины, которые умеют быть мужчинами. Мужчины, которые проявляют инициативу. Я, конечно, и сама могу позвонить ему, но это будет ради секса. Вот какой вывод я сделала, годами наблюдая за людьми — женский пол, как и мужской, может проявить инициативу. Но парадокс в том, что мы проявляем ее только тогда, когда от общения с мужчиной нам нужна выгода. Это необязательно деньги, а, например, постель. Мне не всегда нужны отношения, но всегда нужен мужчина.

— Я согласна с тобой. И я рада, что ты есть в моей жизни. Ты меня многому научила, Эмили.

— Я тоже рада, что мы познакомились, Тифф, это правда.

— Я знаю. Я всегда знаю, когда ты врешь.

— Я не вру, — забрала я свой кофе и направилась к столику.

— Да, но ты недоговариваешь, — присоединилась ко мне девушка.

— Я соскучилась по семье и запаху своей страны.

— Почему ты уехала?

— Просто ты понимаешь, что вырастешь, и та, с которой ты прожила полжизни в тебе нуждается.

— Время идет, Эм, — покачала головой Тиффани. — Отболит, затянется и пройдет, но назад больше не вернется.

— Я не хочу больше возвращаться. Пусть то счастье останется там. Теперь я живу в Нью-Йорке и строю свою жизнь. Здесь и сейчас нет места грусти, жалости и воспоминаниям.

— Но тут должно быть место душе. Не потеряй ее в попытке стать кем-то другим.

Я посмотрела на девушку, и мы замолчали. Каждый думал о своем, и моя броня с ее словами в этот момент растаяла, как парус в море. Я не держу рядом людей, которые меня утомляют. А Тиффани не лезет мне в душу, понимая по взгляду, когда я не готова говорить.

Когда мы поели, вышли на улицу, направляясь в офис.

— Возможно, ты права, — сказала я спустя некоторое время молчания. — Эта профессия меняет.

— Но она не отбирает душу, ты сама ее теряешь.

Через мгновение я остановилась как вкопанная. Возле входа в фирму стоял никто другой, как Брайан. Он задевает за живое. Сердце глубоко, но он все равно трогает его. До знакомства с ним я словно скиталась по свету. Я чувствовала, что должна встретить его или кого-то очень близкого к нему.

«По-моему, мужчина ничего не стоит, если в нем нет чего-то дьявольского». Шарлотта Бронте

— Здравствуйте, леди. Прекрасно выглядите, — сказал Брайан, поцеловав нам руки.

Он задержал взгляд на мне, а затем обратился к Тиффани.

— Боюсь, мы с вами не знакомы, давайте исправим эту оплошность. Разрешите представиться, Брайан Прайсон, друг Эмили.

— Эм... я... я Тиффани Джейсон, — пыталась сказать она. — Я помощник Эмили.

— Очень приятно, мисс Джейсон. Чем занимались?

— Взаимно, мистер Прайсон, — пробормотала она.

Пожав друг другу руки, он направил свой взгляд на меня. Наблюдая за ними, я улыбнулась, каким джентльменом является Брайан, и как потеряла дар речи Тиффани. Не выдержав, расхохоталась. Теперь они уставились на меня с вопросом: «Что случилось?»

— О, нет, нет, ничего, просто вы оба такие странные.

Тиффани смотрела на меня в недоумении, а потом сказала:

— Эмили, я пойду, подготовлю документы.

— Спасибо. Я скоро тебе догоню, — ответила я ей, все еще улыбаясь.

— Приятно было познакомиться, мистер Прайсон. До свидания.

— Взаимно, мисс Джейсон. До свидания, — ответил он учтиво.

Когда Тиффани ушла, мы несколько секунд смотрели друг на друга, и я уже не могла сказать, что он мне совсем безразличен. Буквально за какую-то неделю он занял определенное место в моем мозгу. Внутренний голос твердил, что это плохая идея, мне и самой было понятно, но я ничего не могла с собой поделать.

— Брайан, спасибо за цветы.

— Очень рад, что они тебе понравились, Эмили, — ответил он, убирая прядь волос с моего лица.

— Скажи своим людям, что они хорошо работают. Я насчет информации.

— Придется выписать им премию, — засмеялся он. — Может поужинаем сегодня?

— Не могу, — покачала я головой. — Мне нужно разобраться с документацией, а вечером я встречаюсь с подругами.

— В Cielo?

Я вспомнила, когда была там в последний раз, и как зарекалась, что больше не вернусь. Мысленно поблагодарила свое кровообращение, что не краснею, ведь я вспомнила не только выход оттуда. Он улыбнулся, будто прочитав мои мысли.

— Эмили, ваш столик будет вас ждать. Обещаю, ты будешь чувствовать меня, но не увидишь. — Брайан наклонился и легко прикоснулся своими губами к моим. Я замерла, затем он отстранился. — Мне это было нужно.

Я таращила на него. Тени улыбки не было на лице, но огонь в глазах все так же ярко горел. У Брайана было очарование. Оно дается от природы в отличии от внешней красоты. И этот мужчина был именно тем, кому досталось и то, и другое.

Я часто слышу фразы женщин, что мужчина должен быть брутальным и жестким. Но почему не романтиком? Куда делась наша вера в добро и поступки? Я исключение из общества женщин — мне нравятся мужчины-романтики, которые не боятся говорить, что чувствуют. Готовы на поступки и терпение ради своей женщины, а не только на отправку сообщения и цветов.

Через час я опаздывала на судебное заседание. Я умею делать свою работу. По большому счету, кроме этого ничего не умею. Я никогда не пытаюсь перевалить ответственность за свои поступки на кого-то еще. Желая добиться успеха именно в одиночку, я готова к тому, что в случае неудачи винить в ней буду только себя.

Но мой ясный ум и смелость, которая берет города, делают подобный исход практически невозможным.

Я припарковалась и поднялась по ступенькам вверх.

— Мисс Харисон, слава Богу, — сказала моя подзащитная. — Я думала, вас уже не будет.

— Извините, мисс Мазерфилд, — ответила я. — Меня задержали.

— Я не уверена, что ребенок останется со мной, — продолжила она. — У него больше денег, а я никто.

Мне стало жаль женщину. По большому счету, она была права. Деньги в нашем мире решают почти все. Нет, я не говорю, что быть богатым плохо, все совсем наоборот. Я уважаю людей, которые смогли столько достичь в жизни, но решать судьбу ребенка деньгами неправильно. Я никогда не хотела быть адвокатом по разводам. Сюда увлечены дети, и они страдают больше всех, потом являясь заложниками собственной поломанной судьбы.

— Ваша честь, — начала я. — Согласно брачному контракту ребенок остается с матерью в случае измены мужа.

— Я не изменял! — вскрикнул муж моей подзащитной.

— Именно это вы и делали, — ответила я.

— Вы можете это доказать, мисс Харисон? — спросил судья.

— Да, — передала я папку с фотографиями. — Это не подделка, и вы сможете это проверить. Интимных отношений нет у пары давно, и совместного быта также, что является прямым основанием для развода. Так же мать все время проводит с младшей мисс Мазерфилд в то время, как отец не исполняет своих обязательств согласно брачному контракту.

— Да она даже содержать не сможет дочь, — снова вскрикнул ее муж.

— Сможет, согласно контракту 50 % остается Эмилии Мазерфилд, и смотря на ваши доходы, думаю ваша дочь не будет ни в чем нуждаться.

— Спасибо, мисс Харисон, — сказал судья. — Адвокат другой стороны хочет что-то добавить?

— Я хотел бы взглянуть на эти фото, — ответил Кристофер Вайт.

Суд — это как битва, кто знает, что лучше сказать. И в этой битве мы с Вайтом часто встречаемся. Когда он посмотрел на своего подзащитного, то глазами сказал ему, что тот мудака. Я улыбнулась и перевела взгляд на мужа своей подзащитной. Он с ненавистью смотрел на меня и свою жену, почти умоляя Вайта о помощи.

— Подлинность этих фото нужно доказать, — наконец сказал Кристофер. — А пока мой клиент согласен на развод, но не на долю, поскольку снимки — ложь.

— Нам нужно проверить факты, — сказал судья. — Следующее заседание через две недели.

Затем прозвучал стук, и судья покинул зал.

— Мисс Харисон, скажите, что дочь останется со мной, — сказала Эмилия.

— Пойдемте, я посажу вас в такси.

Когда мы вышли из здания, я увидела девочку лет восьми, которая подбежала к Эмилии и сильно обняла за шею, когда та присела. Я смотрела на нее, и в моем сердце снова появилось это чувство — скорбь. Главной мотивацией для меня всегда являлось стремление к независимости. Именно поэтому я выбирала тот путь, по которому еще никто не ходил. Если направление не освоено, значит, нет «авторитетов», и никто не сможет корректировать

мои действия, указывать, как и куда нужно двигаться. Как следствие, я ни за кем не признаю права утверждать, что мое мнение ошибочно, а выбор недостаточно обоснован. Свернуть меня с пути или заставить усомниться в своих силах практически невозможно. Вы когда-нибудь задумывались о том, насколько судьба умна? Даже когда ты не веришь в нее и называешь ее просто стечением обстоятельств. Но как много люди дают нам, появляясь в нашей жизни, и как каждый человек, который идет с тобой даже по улице рядом, меняет тебя. Потом вся жизнь идет по-другому, и самое главное — нет течения.

Придя домой, я набрала ванную и окунулась в нее. Пребывая наедине с собой, я могу расслабиться. Проходя каждый раз через двери суда, жизнь словно вытекает из меня. Нет, я не поменяю профессию, но мне мало теперь тех людей, которые прежде поддерживали во мне желание жить.

Выйдя из ванной, я сделала чашку кофе и вышла на балкон, закуривая сигарету.

Gareth Gates — Anyone of us играла в моей квартире, немного успокаивая душу.

Странно, но я всегда хотела отношений. Но судя по всему, отношения не хотели меня. Когда я знакоилась с мужчиной, ходила на несколько свиданий, и все. Что-то внутри гаснет, и в конечном итоге потом ты не хочешь причинить боль человеку. Я начинала их избегать. Это отвратительно, но в конечном итоге у меня не было выбора. Я ненавижу прощаться и делать больно, а игнорировать проблему, которую сама создала, мне казалось лучшим выходом.

Проезжая город в такси тем же вечером, я вслушалась в мир, полный красоты. Gareth Gates — Say it Isn't So сопровождал мою дорогу, а ветер развивал волосы, словно пытается отвлечь. Порой жизнь бывает совсем черной. Но всегда на пути рано или поздно появится белый свет. Моим светом был мой брат. Он был тем, ради кого я продолжала идти дальше.

Я включила телефон, смотря на фото Макса, и когда услышала его голос, улыбнулась.

— Привет, — прошептала я, представляя, как поглаживаю его по щеке.

— Эм?

— Что ты полюбил в последнее время?

— Футбол — моя жизнь. Это то, чего я хочу.

Чувство вины пронзило меня до последнего нерва.

— Если бы не ты, я не встречала бы рассветы многие годы. Как твоя учеба?

— Меня выгнали из колледжа. Там одни проблемы, — ответил мой брат легкомысленно.

— Какие проблемы?

— Мало сплю. Это портит мое здоровье и кроме того, ты знала, что там задают домашнее задание?

Я помолчала несколько секунд, и мы с Максом начали смеяться. Я не замечаю во всей этой суете, как он стает взрослей. Я всегда хотела быть рядом, когда была бы нужна. Он немного грустный и чуточку сумасшедший.

— И что дальше? Тебе же все равно нужно учиться и получить образование.

— Как раз хотел с тобой поговорить, — ответил брат. — Мне бы хотелось жить у тебя. Я посмотрел в инете, в Нью-Йорке есть отличная штука, называется Emerald Cultural Institute и там постоянные тренировки по футболу, а после многообещающее будущее.

— Останься для меня младше, Макс. Еще хоть на минуточку.

— Я всегда буду, Эмили. Я всегда буду твоим Максом. Дашь совет?

— Тебе так многое предстоит впереди. Не расстраивай родителей, будь лучше, чем я.

Ты уже вырос и все стал лучше понимать. Жизнь иногда бьет слишком больно, но придет время, и ты все поймешь. А я всегда буду рядом, всегда и во всем. Я сделаю все, чтобы ты был в первых рядах. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Эмили, — ответил мой брат, когда я вышла из машины.

На мне было шелковое платье цвета слоновой кости чуть выше колена, свободного покроя, державшееся лишь на одном плече, и красные туфли на невысоком каблуке.

— Привет, дорогая, — сказала Ева, улыбаясь, когда я вошла в ресторан.

— Я тоже по вам соскучилась.

Они обняли меня, и к нам сразу подошел официант. У меня идеальная семья. Счастливое детство. Меня всегда любили и уважали, как и мой выбор, независимо от того, когда я его делала и насколько плохо это отражалось на мне. Но я всегда боялась поступить неправильно: учиться не там, выбрать не ту профессию, работать и в один день понять, что это не мое. Самое страшное — это проснуться и понять, что рядом со мной лежит не тот человек, с которым хочу просыпаться. Что мужчина, которому я посвятила жизнь, прожитые года и которому родила детей, ничего для меня не значит. Не осталось чувств, кроме долга. Это самоубийство — ощутить хоть раз в жизни такое, поэтому меня всегда устраивали несколько свиданий, пару ночей и снова перевернутая страница. Время вспять не повернуть, не построить что-то заново. Я люблю свою жизнь, свою работу, но все же скучаю по воспоминаниям. Когда приходится бывать в местах, в которых была счастлива, ностальгия напоминает о себе. Но, отодвинув работу и дела, я получила пищу для размышлений: что на самом деле я чувствую к Брайану? Когда изменилось к нему мое отношение? Это было мгновение или постепенно все менялось, как и мы сами?

— Нам как всегда, только выпивки удвойте, — улыбнулась Стейси.

— У нас проблемы с алкоголем, — покачала я головой.

— Согласна, — посмотрела на меня Эбби. — Он у нас все время заканчивается.

— Я буду скучать по тебе, — прошептала Донна.

— Родная, это же всего на две недели. Кроме того, если хочешь, поехали со мной. В конце концов, не только я из этого города, не забыла?

— Помню, но я сейчас так загружена, кроме того, ты знаешь, что я не отношусь с таким трепетом к этому городу.

Я обняла эту девушку. Обычно женщины говорят о том, как любят своего мужчину, и никто о друзьях. Но ведь именно эти люди занимают половину нашей жизни и нашего сердца. Считайте меня сумасшедшей, но полюбить друга тяжелее, чем мужчину. Мы, женщины, так устроены. Многого не нужно, как наше сердце начинает трепетать при виде представителей мужского пола. Но можем ли мы так же так просто любить человека, который знает все наши недостатки? Видел заплаканной и в моменты эйфории? Разрушить всегда легче, чем построить. Но благодаря такому человеку в этом мире я знаю, что рядом со мной есть сердце, которое чувствует так же, как я.

— Итак, — подняла бокал Ева. — Мы уже не так молоды телом, как душой, но мы всегда остаемся в сердце тех, кто нас встречает. Каждый из нас — пример безупречного стиля и эксперт в вопросах дружбы и любви. Мы выглядим всегда идеально, даже в совершенно простых нарядах. Дружим с собственной головой, не носим слишком короткие юбки и глубокие декольте. Это и делает нас уникальной шестеркой во всем Нью-Йорке.

— И мы встречаем потрясающих мужчин, которые умеют думать, — улыбнулась Донна.

— И играть на гитаре, — отозвалась я.

Мы засмеялись, смотря друг на друга. Всю свою жизнь я думала, что должна заботиться только о себе, брате и родителях. А потом я встретила каждую из этих девушек. Раньше мне было стыдно признаться, что я одна, поэтому я делала вид, что счастлива. Но приезд в Нью-Йорк изменил для меня весь мир. Я полюбила людей, которые сидели сейчас рядом. Каждое сказанные и особенно несказанные ими слова я понимала, как собственные.

— Моя мама серьезно занялась Джаспером, — сказала Эбби. — Точнее, поисками его будущей жены.

— Зачем? — нахмурилась Стейси.

— Думает, что он так и не женится. Поверьте, если бы у нее была возможность, она бы его до десяти лет пеленала.

— А я вчера после закрытия ресторана сидела в одиночестве и слушала рояль, — сказала Долорес. — Я долго живу, и еще больше устала. Я устала от откровенности и не хочу ее теперь.

Все промолчали, и я была рада, что DJ еще не было. Брайан был невидим, но он был прав. Я чувствовала его каждой клеточкой своего тела, каждым нервным окончанием, и даже запах, который витал в воздухе, принадлежал только ему.

Я наблюдала за каждым движением этого вечера, но тщетно. Он словно испарился, но присутствовал везде.

— Часы спешат, дорогие, — сказала я. — Я говорила сегодня с Максом и поняла, что никудышная сестра. Я пропустила все. Возможно, первое увлечение, первую любовь, первое похмелье, черт возьми.

— Так сложилась жизнь, — ответила Ева. — Мы не всегда можем выбирать, даже с нашими возможностями.

— Знаете, живя, я поняла три вещи, — начинала загибать пальцы Долорес. — Красный цвет выглядит потрясающе, леди никогда не должна опаздывать, и выбраться можно из любой ситуации.

Затем мы выпили еще по бокалу и пошли танцевать. Музыка гремела в ушах, и сейчас я правда наслаждалась тем, что делаю. Очень редко хочется такой обстановки, но, когда рядом со мной эти люди, все остальное я посылаю к черту.

Около двух часов ночи мы вышли на улицу, садясь в такси.

— Я люблю вас, — обняла я каждую из подруг. — Присматривайте друг за другом, пока меня не будет.

— Хорошо, мамочка, — улыбнулась Стейси. — Мы будем скучать.

Я хотела увидеть Брайана. Весь вечер, каждую чертову минуту этого дня я желала быть ближе к нему. Войдя в холл своего дома, заметила, что Томми улыбнулся. Он стоял с подарочной коробкой и цветами.

— Эмили, это тебе, дорогая, — сказал он. — Передал молодой человек, который раньше был у тебя.

— Спасибо, — качнула я головой.

— Ты в порядке?

— Да.

— Эмили, позволь своим чувствам хоть на миг открыться.

Я ничего не ответила и, когда поднялась к себе, села в прихожей, открывая коробку. Она была от Брайана. В ней были цветы, статуэтка — Cielo в огнях, рамка с фотографией, где мы сегодня с подругами смеялись, стоя с бокалами, и записка:

«Тебе нравится запах пионов, а я говорил, что сделаю все для того, чтобы ты чаще улыбалась. Пообещал, что ты не увидишь меня, но будешь чувствовать, и я весь вечер наблюдал за тобой. Ты другая со своими подругами, расслабленная, и я не смог не запечатлеть этот момент. Мне хотелось, чтобы фигурка напоминала тебе обо мне. Когда я впервые увидел тебя там, в этот вечер внутри меня что-то загорелось. Надеюсь, ты сейчас улыбаешься. Спокойной ночи, Эмили».

— Да. Я сейчас улыбаюсь, Брайан, — прошептала я. — Спокойной ночи.

Первое что нужно было мне — ванная. Не успела я толком окунуться в теплую водичку, как зазвонил телефон.

— Алло.

— Мисс Харисон, нужно чтобы вы приехали в офис, — сказал мне мужской голос.

— Кто это?

— Максфилд.

— Скоро буду, — ответила я, затем бросила трубку.

Я быстро оделась, села в мустанг и рванула на работу. Сейчас было четыре утра и, приехав на место, подошла к офису и увидела своего клиента. Я быстро открыла дверь и отключила сигнализацию.

— Проходите, мистер Максфилд.

Он молча вошел, и мы прошли в мой кабинет.

— Я надеюсь, вы не подняли меня с постели ни свет ни заря, для того, чтобы сказать о новой сделке.

— Я убил человека, — ответил Стивен.

— Что? — мое сердце стучало, как сумасшедшее. — Расскажите мне все.

— Это была самозащита. Я не специально, — оправдывался он. — Я не чудовище.

Я села за стол, скрестив руки на груди.

— Вы бывший военный, мистер Максфилд. Я верю, что вы хороший человек. Я чувствую это, но, знаете, хорошие парни редко убивают.

— Знаете, почему из всех адвокатов я выбрал вас? — спросил он, садясь на край стола. — Ведь вы были новичком.

— Потому что я всегда чувствую, когда мне врут, — ответила я, качая головой.

Я встала с кресла и прошла к окну. На улицах уже появились мочные машины и первые прохожие.

— Я думаю рассказать, что это была самозащита. Отпечатки я стер, следов не оставил, но в любом случае, человека больше нет, — ответил с пренебрежением он.

— Извините меня, мистер Максфилд, но вы заткнетесь и будете молчать. Я сделаю все для того, чтобы вы нигде не вылезли, — повернулась я к нему. — А если что-то всплывет, скажу, что вы страдали посттравматическим стрессовым расстройством и просто помогали, потому что вас заставили.

— Вот теперь вы понимаете, почему я выбрал именно вас? — Я ничего не ответила, и Стивен направился к дверям. — В вас есть огонек, Эмили. Держите меня в курсе.

И он ушел. Спустя несколько минут дверь снова открылась, и я уже думала, что Максфилд что-то вспомнил, но увидела Брайана.

— Что ты тут делаешь?

— У тебя ведь есть тоже секреты, верно? — закрыл он дверь.

— Это моя работа, Брайан, — ответила я, качая головой.

— В четыре утра?

— Я адвокат.

Я ненавидела вранье, но я выбрала профессию. А значит, ложь будет всегда частью моей жизни. И мы оба друг другу многое не договариваем. Вот почему мои отношения с самого начала обречены со всеми мужчинами — я не могу быть до конца откровенна.

— Поговоришь со мной? — расстегнул он пиджак.

— Будешь кофе?

— Конечно. Что бы ты сейчас сделала, приехав домой?

— Я бы села за свою книгу, и написала: «Если вам скажут, что мечты не сбываются, не верьте в это. У наших желаний есть только одно свойство — сбываться».

Иногда хочется, чтобы тебя обняли сильные мужские руки. Сгребли в охапку и прижали к себе. Еще недавно я считала, что мужчина рядом — это всего лишь объект, но сейчас все изменилось. Сейчас я поняла, что на самом деле просто раньше не встречала Брайана.

— Почему ты никогда об этом не говорила? — спросил он, подходя ко мне.

— Потому что я не очень откровенный человек, — покачала я головой. — Ты не спрашивал, а я не рассказывала. Извини за наше знакомство, ты не был исключением.

— Знаешь, ты первая женщина, которая так поступила со мной, но и первая, которая заставила меня утруждать мозг, чтобы завладеть твоим вниманием. Это нормально — быть слабой, понимаешь?

— Нет. Я никогда не была слабой, — покачала я головой, пытаясь забрать руку, которую он держал.

Брайан сильнее сжал ее, подвигая меня ближе. Возможно, это именно тот мужчина, с которым я смогу говорить, обсуждать жизнь, прошедший день, работу, фильмы, книги, брата и машины? Почему мы, люди, всю жизнь что-то ищем? Или почему мы, женщины, всегда в поиске неизвестного? Каждый должен найти свое место. Только откуда мы можем знать, куда именно идти? Я никогда не верила в этот «удар молнии», но с тех пор, как мы встретились, не было ни одного дня, чтобы я не думала о нем, о его глазах, руках, улыбке, о том, как он умеет меняться в мгновение с шутливого непробиваемого мужчины в нежного и ранимого.

— Да. Но ты можешь попробовать. Тебя кто-нибудь когда-нибудь спасал из твоего водоворота жизни?

— Меня не нужно спасать.

— Конечно нужно, — смотрел Брайан на меня. — Всех нужно спасать. И все женщины хотят быть спасенными. Какой бы ты не казалась жестокой и эгоистичной, я знаю, что даже ты нуждаешься в этом. Я могу уловить твое состояние, Эмили. Мы сейчас сидим тут, и тебе не нужно никуда уходить. Я могу спасти тебя от твоих желаний.

— Заглядывая в мое сердце, ты не найдешь ничего, кроме жажды жить.

— Это не так. И ты об этом знаешь.

И он поцеловал меня. Я не хотела его отталкивать, а лишь прижаться к нему, испытывая всю сладость этого момента. Левая рука Брайана сильно держала мою талию, а правая — за шею, нежно поглаживая ее. Я вцепилась за его рубашку, отдаваясь ощущениям и даже на мгновение этому мужчине.

— Отбрось обманчивое убеждение, что ты заслуживаешь другой жизни, — прошептал он мне в губы. — Что ты все время стремишься к независимости и проблемам в одно и то же время. Это бесполезные надежды. Поехали, дорогая, я отвезу тебя домой.

Брайан Прайсон был самым идеальным мужчиной в этом мире. Рядом с ним все мои фантазии и мечты становились реальностью. Злость разрушает нас, ненависть губит, а любовь... с любовью мы обретаем покой.

Я знала, что мы движемся к чему-то, но, несмотря на желание внутри, контролировала каждую эмоцию. Брайан спал в одной из комнат для гостей, которую сам выбрал, а я не искушала себя отпрапляться к нему. Чувство, когда мужчина, который тебе небезразличен, спит за стенкой, просто отвратительно. Ты контролируешь себя и его, пытаешься не перейти черту, от которой нет возврата.

Утром, пока Брайан наверняка спал, я приняла ванную, надела джинсы-бойфренды, белую майку, взяла фен и начала сушить волосы, напевая себе под нос «Scorpions — Maybe-Maybe I, maybe you». На улице была хорошая погода, и до сих пор мне было чертовски непривычно не бежать на работу, сломя голову. Я слышала звук колес по изношенным дорогам и визги тормозов такси, когда люди пытались добраться до места назначения.

Телефон завибрировал, и я подняла трубку, прижимая ее к плечу.

— Если конец света еще не наступил, проваливай из моего утра.

— Эм, у нас проблемы, — сказала Тиффани. — Я узнала, что Вист делает по поводу развода.

— Что?

— Там что-то подменили, и он доказал, что фотографии ненастоящие.

— Черт, — выругалась я, стукнув рукой по столу. — Сколько у нас времени?

— Максимум неделя.

— Если будет хоть какой-либо сдвиг, подавай на апелляцию, а если совсем худо — кассация. Копай везде, где можно, докажи неверность ее мужа.

— Эмили, я не знаю, смогу ли.

Я сделала громкую связь, положив телефон на диван, и достала чемодан.

— Он зря затеял эту игру со мной. Я играю лучше него. Он все равно чувствует что-то к какой-нибудь женщине и становится уязвимым. А из этого вытекает доверие, дорогая, глупое доверие к тому, кого просто любишь, и падение после.

— При нашей первой встрече я тебя уже боялась, — прошептала девушка.

— Так и должно быть.

Я отключила телефон и, обернувшись, замерла. В дверях стоял Брайан и наблюдал за мной. Он был одет в синие джинсы и белую футболку с V-вырезом. Я впервые увидела его не в костюме.

— Ты выглядишь по-другому, — сказала я спустя несколько секунд.

— Это значит, лучше переодеться? — прошел он вальяжно в комнату, садясь в кресло.

— Я не это имела в виду. Просто впервые увидела тебя не в костюме ценой в целое состояние, — улыбнулась. — Но мне нравится.

— Мне хотелось угодить и, если тебе нравится, то все остальное не имеет значения.

— Я думала, что ты еще спишь, — вернулась я к сборам.

— В моей машине есть сумка с вещами. И я успел их принести сюда. Что ты любишь, Эмили?

— В каком смысле? — направилась я к женскому столику, собираясь как-нибудь избежать этого разговора.

Он сверлил меня взглядом, и я поняла, что, если не расскажу, домой приеду с

испепеленной геометрической фигурой на спине.

— Я лучше скажу, чего не люблю, — видела я его отображение в зеркале. — Я не люблю, ненавижу, просто терпеть не могу, когда кто-то заходит в мою спальню.

— Почему? — спросил он так же спокойно. — Ну же, Эмили, сделай что-нибудь в свое удовольствие. Поговори с кем-то, кроме себя.

— Когда я была маленькой, у меня не было своей комнаты, и я все время мечтала, что, когда приобрету собственное жилье, сделаю там только мою спальню, где смогу быть одна, думать, писать и просто сидеть в тишине. Вот и вся история.

Я ждала, что он скажет какую-то глупость, но Брайан подошел ко мне, присел на корточки, взяв мои руки в свои ладони.

— Эмили, я хочу выяснить о тебе все. Как ты ешь, танцуешь, спишь, сушишь волосы, красишься, поешь. Какая ты без макияжа, злая, милая, нежная, застенчивая, беззаботная, сонная, безрассудная. Твой любимый цвет и шоколад. Что делает тебя счастливой, и от чего ты улыбаешься? Какая ты, когда жалуешься на лишний вес и говоришь, что плохо выглядишь. Я хочу знать о тебе все. Мне важна ты вся, и поэтому в настоящий момент каждая частичка тебя важнее, чем вся вселенная.

Он поцеловал обе мои ладони по очереди и посмотрел мне в глаза. Вы верите в то, что мужчина может влюбиться в вас с первого взгляда? В то, что он будет преследовать в попытке провести с вами хоть немного времени? Вот и я не верила. До Брайана. Я опасалась таких мужчин. С ними опасно находиться рядом, ведь так легко отдать свое сердце в другие руки.

— Мне нужен псих. Ненормальный. Гангстер, который будет любить меня сильнее, чем весь мир. Тот, кто будет понимать мою жестокость, который будет прощать мои ошибки и принимать мои слабости. Нужен тот, который будет стоять не спереди и не сзади меня, а рядом. Мне нужен партнер. Я могу уйти ночью из этого города и не вернуться.

— И тогда я не вернусь вместе с тобой, — ответил он, смотря мне в глаза. — Дай волю своим фантазиям, Эмили. Мы можем делать все, что захотим. Ты развела огонь, и я не перестану гореть. Ты можешь сколько угодно меня отталкивать, но я буду там, где ты, спасая тебя от тебя самой и все еще пребывая рядом.

— Какие у меня есть гарантии? — провела я кончиками пальцев по его щеке.

— Я обещаю тебе весь мир.

Я легко прикоснулась губами к его, закрывая глаза. Ненависть к себе самой не притупляется, просто я научилась с ней жить. Я отдыхаю в его присутствии. Он дарит мне покой. Разговаривая с людьми, мои мысли всегда спешат вернуться к планам и проблемам, но с Брайаном я расслабляюсь. Я отдаю ему свой разум, даже на несколько минут в день. Он разрушает меня своей нежностью и интересом как к человеку. Я счастлива. Впервые за многие года мои глаза засверкали жизнью.

— Брайан, мне не понятно, почему ты не бросаешь свои попытки, — прошептала я ему в губы. — Но я рада, что ты рядом. Сделал так, чтобы я поехала домой. Я скучаю по своей семье. На счет того, что ты ждешь от меня... вообще это плохая идея. Я представляю собой комок противоречий, громкую музыку, любовь к машинам и плохие шутки.

— Ты ведь даже не знаешь, какое ты чудо, верно? — слышала я улыбку в его голосе. Я покачала головой, затем отстранилась и направилась к шкафу.

— Ты одиночка?

— Скорее да, чем нет, — ответила я, выдвигая ящик. — Мне нравилось быть одной, и я

всегда отчаянно искала уединения. А ты?

— Нет. Я любил компании.

Брайан открыл мой ноутбук и включил Adriano Celentano — Confessa.

— Потанцуешь со мной?

Я подала ему руку, и он прижал меня к себе, двигаясь под музыку. Я часто слышала комплименты и наблюдала восхищённые взгляды мужчин. Но он все делал по-другому. И мне нравилось это. Он смотрел на меня, как на единственную женщину в мире, но в то же время я не знала, как реагировать на каждое его слово. Меня пугало незнание будущего и то, что я чувствовала.

— Где бы ты хотела побывать?

— На острове Корсика, — с улыбкой произнесла я.

— Родина Наполеона?

— Верно. Много зелени, первобытные леса, нетронутое море и очень много стареньких людей.

— Значит, мы проведем там нашу старость.

— Кажется, я перестала тебя уважать, — покачала я головой.

— Ты невероятная, Эмили.

— А ты слишком щедр на комплименты.

— Ошибаешься. Я редко их говорю, но ты заслуживаешь каждого. И мне хочется быть единственным мужчиной, от которого ты бы хотела их слышать.

И вот снова появилась реальность. Реальность того, что в конечном итоге расставание неизбежно, и нет смысла начинать то, что потом разорвет тебя на мелкие осколки.

— Кажется, ты обронил яйца, Прайсон.

Он провел рукой по волосам и на мгновение закрыл глаза. Открыв их, смотрел на меня.

— Я не могу держаться подальше от тебя. Я пытался, но ты пробуждаешь во мне эмоции, о существовании которых я даже не подозревал. Неужели ты ничего не чувствуешь? Я знаю, что чувствуешь и хочу...

— Брайан. Давай я соберу чемодан, и мы поедem. Нам скоро выходить, — отошла я от него.

Раньше я всегда хотела отношений, просто не было подходящего мужчины. А потом, когда появился мужчина, оказалось, что все же он не смог меня прочесть. Я не была его книгой. И все, что он оставил после себя — боязнь поверить и обрести что-то другое, потеряв предыдущее.

— Может, закажем еду из ресторана? — спросил он, все еще не сводя с меня взгляд.

— Как насчет пиццы и пива?

— Я согласен.

Чем больше времени мы проводили вместе, тем больше он становился чем-то важным внутри меня, моим отражением. Я хотела, чтобы он обнимал меня, заботился, спрашивал, где я, забирал с работы и укрывал одеялом, когда усну. Эти недели рядом оказались лучшими в моей жизни, и я не хотела, чтобы он исчез, хоть и понимала, что сама его отталкиваю.

— Почему ты переехала в Америку? Сменила все в один миг? — спросил Брайан, когда мы ели, включив телевизор на заднем плане.

— Мы приехали сюда с подругой впервые праздновать Новый год. Приехав однажды, я влюбилась в этот город, кроме того, мне нравится, что тут нет стандартов, и каждый живет так, как хочет. Я хотела карьеру, и у меня выпал шанс начать все тут.

Была еще одна причина — Донна. Ради нее я оставила все. Я — ее семья, и она нуждалась во мне. Друзья не обязаны быть идеальными. Достаточно того, что они рядом.

— Брайан, расскажи мне о своем прошлом. Я хочу узнать тебя.

— Не люблю говорить о своем прошлом, Эмили, — ответил он, меняясь в лице.

Я поднялась, собираясь уйти, но он задержал меня за руку.

— Не уходи.

— Поговори со мной, Брайан, — смотрела я на него. — Я тоже не очень открытый человек, но понемногу рассказываю тебе о себе. Ты узнаешь меня. Поделись своими мыслями, настроением, надеждами, мечтами. Откройся мне.

В жизни так много суеты, а встретив этого мужчину, время остановилось. И меня терзало то, что было у него ранее. Что он мог сделать такого, что был не в состоянии рассказать?

— Дай мне шанс и немного времени.

— А мне надо знать человека, который ждет от меня согласия на что-то большее, чем партнерство, — забрала я свою руку.

— Черт возьми, Эмили, мы с тобой далеко не партнеры, — выругался он. — Ты сама знаешь об этом. Я держусь, как могу, чтобы не притащить тебя к себе и не впиться в тебя губами, не обнять тебя или не прийти к тебе ночью, зная, как ты ценишь свою свободу, боясь потерять ту частичку доверия, которую уже успел заработать.

— Пока мне не известно о твоём прошлом, у нас не будет будущего.

Я смотрела на него и просто тонула. Сколько времени нужно человеку для того, чтобы понять чувства другого? И еще хуже, самого себя? Я хотела разгадать Брайана, ведь он был слишком идеальным, чтобы до сих пор быть одному. Многие женщины выбирают мужчин, которые не умеют держать себя в руках. Другими словами, у них инстинкт матери Терезы. Всегда хотят помочь. Я предпочитаю мужчин, которые контролируют себя и свое окружение. Которые могут быть нежными рядом со мной и почти узурпаторами на работе.

Я забрала тарелки и направилась в кухню. Помыв посуду, вернулась в спальню, наблюдая за Брайаном, который рассматривал комнату. Раньше мне часто встречались мужчины, которым было абсолютно все равно, что я люблю и что терпеть не могу. Они не знали моего любимого цвета, фильма или предпочтения вкуса попкорна. И как меняется взгляд на человека, когда ты видишь, что он пытается узнать тебя всю. Не только цвет твоих глаз, но и цвет твоей души.

— Какие фильмы ты предпочитаешь? — спросил Брайан, повернувшись ко мне.

— У меня нет определенного предпочтения. Но есть любимые фильмы — «Ешь, молись, люби», «Жизнь, какая она есть» и «Красотка».

Мне всегда нравились пары, которые приходили в кино на романтические фильмы. Даже не пары, а мужчины, которым нравилась их женщина в моменты просмотра этих фильмов.

— Посмотрим вместе? — взял он в руки фотографию, где я с Донной под Нью-Йоркской елкой.

— Почему вы, мужчины, соглашаетесь смотреть с нами то, что сами не стали бы смотреть даже под дулом пистолета?

Брайан глянул на меня без тени улыбки на лице, затем стал рассматривать мои дипломы и сертификаты, висящие на стене.

— Я не считаю себя гадом, Эмили, но даже самый черствый мужчина готов сдаться

женщине, если она действительно того стоит. Если женщина дорога мужчине, он не только положит мир к ее ногам, а вступит в войну со вселенной при необходимости, — я молча слушала и смотрела на выражение его лица, но оно не выражало ничего. — Не смотри на меня так, милая. Я серьезно, а что такое фильм по сравнению с этим?

— Брайан, обычно я полагаюсь только на себя, — пожала я плечами. — Конечно, семья и подруги всегда поддерживали меня, но все же по большому счету у меня всегда была только я. А теперь появился ты.

— И что ты чувствуешь по этому поводу?

— Что я теряю почву под ногами, — прошептала я.

— Не важно, кем ты меня считаешь: другом, клиентом, бойфрендом. Нет, это важно, но в какую бы ты категорию меня не отнесла, я буду рядом.

— Будешь смотреть со мной фильмы и ездить на праздники семьи? — скептически посмотрела я на него.

— Да, — улыбнулся Брайан, подходя ко мне. — И просто ошиваться рядом. Это не жест слабости или подчинения, Эмили, ты просто важна. Ты почувствуешь это. Я завоеваю твое доверие, а затем и сердце.

— Ты так в этом уверен?

— Да. Ты мне нравишься. Ты умеешь смеяться, и еще ты слегка странная и чуть-чуть грустная.

Я вспыльчивая и эмоциональная, хоть и прячу это слишком глубоко. Целеустремленная, расчетливая, независимая и слегка педантичная. Но как бы то ни было, я хочу семью. Хочу того, кто будет любить меня. Просто любить. Тот, кто будет уважать меня и мои странности. В этот момент я подняла глаза на Брайана, пытаюсь найти в нем хоть что-то, что бы я сочла чем-то ненужным в нем, и пытаюсь понять его место сейчас в моей жизни.

— Иногда ты смотришь очень по-особенному, Эмили.

— И как я смотрю?

— Как будто я что-то значу для тебя.

— Возможно, ты значишь.

Вскоре мы отправились в аэропорт и, пока летели, перекинулись парой слов. Я хотела помолчать и побыть немного наедине с собой. А Брайан... Брайан давал мне эту возможность. Я думала о том, как все может измениться, и о последствиях.

Тепло от его тела согревало. Касания, словно невзначай, и взгляды, которые значили больше, чем просто радость. Как можно скучать по человеку, если ты ничего о нем не знаешь, и как можно скучать по тому, кто сейчас сидит с тобой рядом?

Перелеты ужасны. Мы спали, ели, разговаривали и снова проваливались в сон. Шутливы препирались и рассказывали об «уголовных историях детства» и других семейных моментах. Я отметила его хорошее чувство юмора и особый инстинкт самосохранения после фразы: «Пофигизм — философия души».

Я не разрешила отцу ехать за нами в аэропорт, так что мы взяли такси. Я словно снова была маленькой девочкой, проживая свою историю заново. Никогда не думала, что, родившись во Львове, захочу куда-либо уехать. Проезжая старые улочки, уличных музыкантов и мужчин, которые ходят во фраках по городу в будний день, я снова и снова восхищалась, как впервые, чудесам этого места.

— Мою маму зовут Хелена, — сказала я Брайану по пути в родительский дом. — Она работала преподавателем, а сейчас сидит дома и воспитывает подростка. Папа — Роберт. У

него небольшая компания, которая занимается строительством. Брат — Макс, ему шестнадцать.

— Вы живете в самом городе?

— Раньше жили, а потом родители купили дом за городом, обустроились. Кроме того, мама всегда мечтала о веранде в саду, чтобы пить кофе по утрам, а папа делает все, чтобы она улыбалась. Так что, как только родители заработали достаточно, мы переехали не раздумывая.

— Ты тут такая же, как дома?

— Это и есть мой дом, Брайан. Я люблю этот город и свои воспоминания. Просто иногда в твоей жизни происходит то, что меняет всё, и тебе приходится исчезнуть, даже несмотря на любовь к твоему окружению.

Женщина должна думать о ком-то перед сном, это ее сущность. Если ты не думаешь ни о ком, то твое время еще не пришло, или ты попросту его упустила. И думать о том, что я, возможно, упустила — страшно. В этом городе мир не у моих ног, и я уже забыла это чувство.

— Роберт! Роберт! Смотри, кто приехал!

Подбежав ко мне, мама сильно обняла. Я снова почувствовала себя маленькой девочкой. Она обнимала и целовала мои волосы, щеки, потом оглядела сверху вниз.

— Девочка моя. Как я по тебе соскучилась. Как я рада, что вы смогли прилететь. И чувствую, что должна сказать спасибо Брайану.

— Мама, вы уже знакомы, да? — пыталась я сдержать слезы.

— Да, детка, — ответила она, обнимая Брайана. — Я знала, что ты хорош собой, но не думала, что настолько. И спасибо тебе, что привез моего ребенка.

Моя мама была миниатюрной женщиной с шоколадными волосами чуть выше плеча. Одета в цветной сарафан и лодочки. Она почти никогда не красилась и выглядела очень естественно и гораздо моложе своих лет.

— Эмили!

Обернувшись, увидела своего брата. Побежав к нему навстречу, я заключила его в медвежьи объятия, а он поднял меня и начал кружить.

— Ты еще больше вымахал, — сказала я, смеясь.

— Нет, это ты крошкой осталась.

Мой брат — высокий парень, на головы три выше меня. Он был красивым, даже в своем шестнадцатилетнем возрасте — темноволосым, с зелеными сверкающими глазами и легкой щетиной. У нас с ним всегда были именно те отношения, которые называют «кровавыми узами». Мы стояли горой друг за друга, придумывая планы, куда деть еду, чтобы мама не заметила, когда мы не хотели есть. Он был моей опорой, моим толчком, ради которого я спустилась бы в ад, и я ужасно скучала по нему. Когда я уехала, мне было двадцать три, и за шесть лет мы виделись всего дважды.

Сразу за братом из дома вышел папа. Он был таким же, каким я помнила его. Седые волосы, улыбка и счастье в глазах. Одет в хлопковые брюки и рубашку. Отец был высоким, статным мужчиной с потрясающей улыбкой. С самого детства я была для него чем-то невероятным, и он всем видом показывал это.

— Ты наконец-то прилетела. Какая ты красивая.

Он сделал то же самое, что и брат, только прижал покрепче, вкладывая в эти объятия все те чувства, которые не мог выразить словами.

— Доченька, я так соскучился по тебе, — прошептал мне на ухо.

— Я тоже соскучилась. Ты хорошо выглядишь, — так же сильно обняла его.

— Твоя мама не допустит, чтобы я плохо выглядел, — засмеялся отец.

Мы подошли к остальным, и папа обнял маму за плечи.

— Роберт.

— Брайан, очень приятно, мистер Харисон, — ответил он, пожимая руку моего отца.

— Зови меня Роберт. Пошли в дом. У нас поздний обед.

Войдя в дом, Брайан поставил наши чемоданы. А я никак не могла прийти в себя, пребывая уже в непривычной обстановке. Сегодня — это результат «сегодня», которые были до него. В этот момент рядом мне не хватало только подруг. Впервые за много лет появилось время для того, что действительно важно. И вранье, в которое я сама верила, что не хочу, чтобы он был рядом, больше не действовало. Ложь самому себе — наиболее унижительная форма неуважения к себе. Я смотрела на Брайана, и он улыбнулся мне. Он был так обстоятелен и мужествен в то же время.

— Миссис Харисон, где у вас ванная?

— О, милый, зови меня Хелена. Понимаю, что вы устали с дороги, но может мы все-таки покушаем?

Я посмотрела сочувственно на Брайана, но, к моему удивлению, он был рад.

— Конечно, очень хочется попробовать вашу кухню. Я только помою руки.

Мама перевела взгляд на меня, словно молча уговаривая, чтобы я сказала то же самое.

— Да, конечно, мама. Мы будем есть, — улыбнулась я.

Она просияла счастливой улыбкой и обратилась к Брайану.

— Брайан, не знаю, какие у вас отношения, и понимаю все, мы взрослые люди...

— Мама, мы просто друзья, ладно? — перебила я ее.

— Ну, тогда, Макс проводи гостя в комнату. И я жду вас, — ответила она, немного смутившись.

Я поцеловала ее в щеку, и мы отправились по комнатам. Мама была очень красивой, умной и доброй женщиной. Тактичной, заботливой и понимающей. Говорят, если человек талантлив, то талантлив во всем. Именно такой была моя мама. Прекрасным человеком, замечательной женой, заботливой матерью, внимательным учителем. Она пела, играла на гитаре и фортепиано, занималась несколькими видами спорта и не чаяла души во всех существующих флоре и фауне. Я всегда могла поговорить с ней обо всем и никогда не была наказана, унижена или нелюбима. Она отдавала нам всю себя, не требуя ничего взамен. Она самый потрясающий человек, которого я когда-либо знала.

Я рассмотрела свою комнату, стоя в дверях. Тут все было как раньше, и родители каждый раз меняли цветы. Они ждали меня, а я разбила им сердца, уехав на другой конец света.

Дверь открылась, и вошел Брайан.

— Тут ничего не изменилось, — улыбнулась я, вытирая слезы. — И я сегодня слишком много плачу.

— Может быть, тебе было это нужно? — обнял он меня за плечи.

— Чувства, связанные с семьей и детством, до безумия ранимые.

— Все чувства ранимые, если мы позволяем себе чувствовать.

Мы находились в просторной комнате цвета персика. Картины, висящие на стене, были теми же, и мои рисунки никто так и не снял. Черное пианино красовалось возле окна, и не было ни грамма пыли.

— Мама каждый раз тут убирала, — провела я дрожащей рукой по крышке инструмента.

— Твоя семья тебе любит, Эм.

— А что на счет твоей семьи? — посмотрела я на Брайана.

— А моя далеко. Да и когда-то, наверное, моя сестра тоже полюбит меня. Она вспомнит, что раньше я был рядом.

Затем Брайан спустился вниз, а я еще осталась на немного. Семья делает наше сердце добрее, но в то же время, если мы будем жалеть о многом, то не сможем выжить. Я смотрела на свои детские снимки и не пыталась даже сдержать слезы. На изображении я сидела на полу комнаты, а кругом меня были разбросаны игрушки, и я смеялась. Словно, когда я улыбалась, на небе загоралась еще одна звезда.

Папа, Макс и Брайан сидели на диване и смотрели футбол.

— Какие наши? — спросила я.

Макс посмотрел на меня, словно вот-вот отречется. Его мимика была великолепна. Она не была похожа ни на одну другую. Мальчишеская улыбка, жесты и наклон головы делали его особенным парнем. Особенным для меня.

— Что я такого сказала?

— Сестренка, я тебя люблю, конечно, но больше не задавай таких вопросов никогда и ни при каких обстоятельствах, иначе я вычеркну тебя из семейного дерева.

— Замолчи, Макс, — улыбнулся отец.

Я поцеловала брата в макушку и направилась к маме на кухню.

— Чем-то помочь?

— О, нет, милая. У меня почти все готово. Как твоя работа? — улыбалась она.

— Все как всегда. Все ставлю под сомнения, ни с чем не соглашаюсь и без конца говорю.

— Знаешь, дорогая, я всегда тебе говорила, что ты слишком сентиментальна, чтобы работать в такой жесткой сфере. Нет, я не имею ничего против, ты прекрасный адвокат, и я это знаю, но ты всегда любила писать. Ты пишешь сейчас?

Опустив голову, я уставилась на стол, будто в мире не было ничего интересней.

— Да. Иногда. Но сомневаюсь, что в этом есть смысл.

Кто-то положил мне руки на плечи. Подняв голову, я увидела Брайана.

— Эмили, все, за что бы ты не взялась, делаешь это хорошо. Я не слышал, чтобы ты не то, что падала, а когда-нибудь даже немного теряла высоту, так что перестань думать о своих гипотетических неудачах.

Он поцеловал меня в щеку, взял тарелки и вернулся в столовую.

— Эмили, ты же знаешь, что ты небезразлична ему, так? Он заботится о тебе. Да и он для тебя не просто друг?

— Мам, идем есть, я проголодалась, — улыбнулась я, снова игнорируя чувство внутри.

— Все будет хорошо, — обняла она меня. — Ты умница. Ты всегда была такой яркой, такой потрясающей и милой с самого рождения. Не знаю, на кого ты похожа. В тебе не было горечи, а только сила и доброта. Я верила, что если смогла произвести на свет нечто столь прекрасное и чистое, то мир не так прогнул. Ты маленькое чудо, Эмили. У тебя характер

отца и мои глаза. Ты тянула свои ручки ко мне, чтобы я взяла тебя на руки, особенно утром, когда будила.

— Я люблю тебя, мам, — потекли слезы из моих глаз, когда я сжала ее в объятьях. —

Ты всегда была моим ангелом.

— Так и есть. Когда те ангелы берут передышку, на сцену выходят родители и друзья.

Войдя в столовую, мама выключила телевизор.

— Мам, ну ты чего? Мы же смотрим, — возмутился брат.

— За стол, быстро.

— Но...

— За стол.

Все приступили к еде, и я улыбнулась матери.

— Как вы познакомились с моей дочерью, Брайан? — спросил отец.

— Ужинали в одном и том же ресторане, — ответил он.

— Как мило, — улыбнулась мама, а я закатила глаза.

— Ты впервые солгал моим родителям, — прошептала я Брайану на ухо.

— Хочешь, чтобы я сказал правду?

— Я отрежу тебе язык.

— Дорогая, как Донна? — спросила мама.

— Она в порядке. Открыла несколько салонов за эти года.

— Твоего брата выгнали из колледжа.

— Я знаю, Макс говорил, — улыбнулась я брату. — Мы что-нибудь придумаем. Мама, еда изумительна.

— Спасибо, дорогая. Какие у вас планы?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Погуляем, отдохнем.

— И вскоре ты снова уедешь? — посмотрел на меня Макс.

— Пока что я тут, милый.

Мы еще некоторое время посидели за столом, а потом, пожелав всем спокойной ночи, каждый пошел в свою комнату. Я сходила в душ и расчесала мокрые волосы. Одежда шелковый пижамный топик и шорты, а затем вышла на балкон. За эти года я привыкла к тишине в Нью-Йорке, когда заходила в свой дом. Мне нравилась темнота и звук рояля ночью. Порой я не могу понять, почему любила это, ведь выросла я в совершенно другой обстановке.

Вскоре вернулась обратно в комнату и, ложась в постель, услышала стук в дверь.

— Кто?

— Это я.

— Входи, Макс, — ответила я, смотря в потолок.

— Можно я лягу около тебя?

— Только без нежности, — улыбалась я.

— Помню, сестренка, — поднял он глаза к потолку с воображаемым ужасом. — Что ты думаешь насчет того, что я сказал?

— Макс, поговорим об этом завтра, ладно? Я ужасно устала.

— Хорошо. Я люблю тебя, — ответил он, поцеловав мои волосы и закутываясь в одеяло.

— И я люблю тебя.

Мой брат уснул, а я еще долго лежала и гладила его по волосам.

Отношения. С чего они начинаются? Нет, именно, когда они начинаются? Когда глаза в

глаза? Когда первый секс, поцелуй? Когда вы вместе засыпаете и просыпаетесь? Или начала отношений вовсе не существует, и женщина понимает, что больше не сможет быть той, кем была ранее, когда на кухне стоящий рядом мужчина говорит, что он ее муж?

Зазвонил телефон, и я увидела фото Эмилии Мазерфилд.

— Здравствуйте, миссис Мазерфилд, — сказала я шепотом, выйдя из комнаты.

— Мисс Харисон, может быть, моей дочери и правда будет лучше с отцом. Он может обеспечить ее хорошей школой, будущим и...

— Миссис Мазерфилд, — перебила я ее.

— Просто Эмилия, — прошептала она. — Простите, что звоню вам, просто мне больше не с кем поговорить.

— Это не вы должны доказывать, что вы хорошая мать, — спустилась я вниз, доставая содовую из холодильника. — А ваш, так называемый, муж должен доказывать, что это не так.

— Вы очень хороший адвокат, мисс Харисон, — ответила женщина. — Мне кажется, что когда-нибудь я его убью за нее. И если такое случится, я буду даже не человеком, не то что матерью.

— Знаете, Эмилия, хотеть кого-то убить и убить — это не одно и то же. Кроме того, она всегда будет любить вас.

— Спасибо вам, мисс Харисон.

— До встречи.

Я надела спортивный костюм и вышла на улицу, включая музыку в наушниках. Хорошо гулять летними теплыми вечерами. Брайан был прав. У нас давно не партнерские отношения. Он мне дорог. Раньше я думала, что у меня никогда не будет человека, который будет важен мне. Считайте меня сумасшедшей, но мне не нужен мужчина-загадка. Я хочу читать его, как открытую книгу без слов, иначе я не знаю человека, с которым делю жизнь и постель. Я была по-настоящему одна и по-настоящему счастлива. Стояла на мосте и смотрела на темный город. Цените моменты, особенно, когда вы наедине с собой. Не знаю, что будет через день, месяц, год, тридцать лет, и это меня пугает. Я привыкла жить без особых проблем. И даже если понимаю, что они могут быть, психологически всегда готова к ним, к их решению и исходу, но с Брайаном все по-другому. Наш разговор сбил меня с толку. Мы небезразличны друг другу, но я не знаю, что такое серьезные отношения. Я все еще взвешивала все «за» или «против». На такую «дружбу» я не соглашусь, слишком сильно себя уважаю. Да и внутри чувствую, что не прочь попробовать. Самое важное — взаимный голод, но не только физический. Люди должны с ума сходить друг по другу. Но что же у него такого было в прошлом, что он боится мне рассказать? Пребывая в раздумьях немало времени, я решила вернуться домой. Судя по всему, все уже спали, и я поднялась на балкон.

— Послушай, она моя сестра, — услышала я голос брата. — И я люблю ее. Да, она сложный человек, замкнутая, властная, амбициозная и независимая, но в то же время она преданная, добрая, самоотверженная и сострадательная. Она настолько самодостаточная, что понятия не имеет, насколько уникальна. У нее очень большое сердце. Она не всегда импульсивна. И ты первый, кого она познакомила с семьей.

— Вообще-то я практически заставил ее это сделать, — ответил ему Брайан.

От его голоса у меня сжалось сердце. Он был растерян.

— Нет, поверь, ты бы не смог, — улыбнулся Макс. — Никто не смог бы. Она бы выкрутилась, а в самолет силой ты бы ее не запихнул. Эмили сама хотела, чтобы ты поехал с

ней, даже если не осознавала этого. Я не знаю ни одного парня, который был бы достоин моей сестры, но если с тобой она счастлива, то борись за нее. Она стоит этого. Но только не ешь ее еду.

— Что, настолько плохо?

— Ты даже не представляешь насколько, — засмеялся мой брат.

Они молчали несколько минут, затем я снова услышала Брайана.

— Знаешь, я влюбился в нее, как не любил еще ни одну женщину, кроме своей матери и сестры. Да, если бы она захотела звезду с неба, я бы задумался какими способами ее достать. Но она не говорит. Ничего не просит, кроме прошлого. Когда я расскажу все, она начнет презирать меня. Не знаю, как с ней справиться. Она всегда такая сильная, но в то же время инфантильная, и она бросает мне вызов. С первой минуты нашего знакомства я понял, что она та, кто мне нужен. Я могу с ней говорить, понимаешь? Просто говорить. У меня еще не было женщины, с которой можно просто обсуждать жизнь, свои заморочки или классную пиццу. В один момент она пламя, а в следующий — непробиваемый лед. И мне... — он замолчал на секунду. — Я боюсь потерять ту часть доброты, которую она принесла с собой.

— Знаешь, она скорее умрет, чем признается, что ты ей дорог. Но если ты завоеешь ее сердце и ее доверие, ты увидишь, как она способна любить.

По моим щекам текли слезы. Когда Макс ушел к себе, я подошла к Брайану сзади и провела легким касанием пальцев по его рукам. Он напрягся. Потом поцеловала между лопаток и обняла за талию. Брайан развернулся ко мне лицом, и я прижалась к нему, пытаюсь забрать хоть немного боли. Обняв меня в ответ, он несколько раз поцеловал меня в макушку. Я вдыхала его потрясающий запах, уткнувшись носом в грудь, и мы молча стояли и смотрели на ночь, пытаюсь продлить этот момент блаженства.

— Что ты заметил тогда во мне? При нашей встрече? — спросила я.

— Ты имеешь в виду, в ресторане?

— Да.

— Глаза и туфли.

— Кто бы мог подумать, что туфли могут не только женщину уносить в нокаут?

Все изменилось. Снова стала старше. Все осталось неизменным, кроме одного — я начала бесповоротно влюбляться в него. Наверное, любой другой человек радовался бы такому прекрасному чувству, особенно к тому, кто действительно дорожит тобой, но только не я. Возможно, дело было именно в ночи. Ночью мы все другие и хотим нежности.

Брайан притянул меня к себе и впился своими губами в мои. Он целовал меня нежно. Я чувствовала его. Ненавижу поцелуи по сценарию, такое впечатление, что ты на сцене и все время играешь какую-то роль. Брайан углубил поцелуй, и я схватила его за руки, словно только он мог удержать меня на плаву.

— Когда в последний раз ты чувствовала к кому-то другому что-то похожее? — спросил Брайан.

— Никогда, — ответила я ему в губы.

Он поднял меня на руки и направился в мою спальню, закрывая дверь.

— Я клянусь Богом, что остановлюсь, Эмили, если только ты мне скажешь прекратить.

— Да, — качнула я головой, и он снял с меня одежду.

— Не смотри на меня, словно ждешь казни, а не моих прикосновений.

Брайан положил меня на кровать и привязал простыней лодыжки.

— Что ты делаешь? Я не подчиняюсь тебе.

— Эмили, поверь, я знаю, — улыбка мелькнула на его губах. — Но дело в том, что тебе понравится.

— Я не буду тебя слушать, — говорила я со злостью, как можно тише.

— Ну давай посмотрим, кто выиграет этот бой.

Брайан разделил мои половые губы и накрыл языком пульсирующий клитор. Он дразнил меня. Я тяжело дышала, выгибаясь ему на встречу, и он скользнул в меня одним пальцем, позволяя мне почувствовать лишь маленькую часть того, что со мной будет делать его член. Я ничего не могла сказать. Мне нравилось быть беспомощной. Я кричала в подушку, и затем он погрузил в меня три пальца, не отрывая языка. Я была в его власти и доверяла ему. Он смотрел на меня взглядом, полным желанием.

— Давай, Эмили, — прорычал он. — Доверься мне. Сейчас.

Я дошла до пика, испытывая самый быстрый оргазм в своей жизни.

— Ох... Брайан...

Он гладил мои бедра, а я тяжело дышала. Мои волосы растрепались по подушке, а ноги дрожали от сладкой истомы. Брайан лег возле меня, обнимая и делая массаж, уменьшая боль в мышцах, и ослабил хватку в моих ногах.

Господи, что он делает со мной? Я не думала, что такой интенсивный оргазм возможен. Брайан обыграл меня нежностью, а затем сделал то, что мне действительно понравилось. Я просчиталась. Никогда не думала, что смогу быть такой беспомощной, но мне понравилось. Я посмотрела на этого мужчину. На его руки, кубики на торсе и выпирающий член со спортивных брюк. И в этот момент я хотела, чтобы он был в моих руках таким же беспомощным, как и я. Чтобы он был в моей власти. Брайан смотрел на меня, пожирая глазами. Никогда ранее мной не руководили, тем более в спальне. Некоторые пробовали, но сразу понимали, что в этом нет смысла. Брайан поцеловал мой лоб и волосы, и мне захотелось плакать.

— Развяжи меня, — прошептала я.

Его рот накрыл мой. Я не сопротивлялась, а просто капитулировала. Я отдалась этому мужчине, ощущениям, эмоциям, которые испытывала рядом с ним. Брайан покусывал мою нижнюю губу, а его руки массировали мои соски. Мой клитор снова распух от потребности. Потребности Брайана внутри себя.

— Ты восхитительна, — прошептал он, смотря мне в глаза и спускаясь поцелуями по моему телу. — И не только на вкус.

Его язык кружил вокруг моей груди, а руки держали за ягодицы. От запаха и звуков, которые были в комнате, я закрывала глаза. Мои нервные окончания уже не принадлежали мне, и контроль над собственным телом ускользнул. Мучительная агония затмила мой разум. Я не могла ясно мыслить, и мне нужен был сейчас только он.

— Тебе нравится? — зарычал он. — Скажи!

— Да, — простонала я, прикусывая губу. — Мне нравится. И мне нравится, как ты смотришь на меня.

— Ты хочешь снова кончить?

— Да.

— Попроси.

— Пожалуйста, Брайан, пожалуйста.

Я не могла мыслить. Я только знала, что в этот момент хочу его, словно моя жизнь заключалась только в нем. В его имени. В его глазах и теле. И смерть казалась не самым

страшным исходом.

— Пожалуйста, войди в меня. Трахай и дай кончить.

Он улыбнулся и медленно освободился от одежды. Я наблюдала за ним, не имея возможности дотронуться. Брайан приближался с охотничьей грацией, и когда прижал меня своим телом, я почти увидела небеса. Он — то, что я хотела. Я втянула в себя воздух от чувства полного удовлетворения, когда Брайан заполнил меня. Я не сводила с него взгляда и зажала его шею зубами.

— Ты всегда смотришь мне прямо в глаза, что бы я с тобой не делал. И мне нравится это.

— Брайан...

— Я дам тебе власть. Просто дай нам немного времени.

Стоя под струями воды, мне становилось не легче от мысли, что обнаженный мужчина лежит у меня в постели. Брайан уснул, и я ускользнула. Первая любовь самая долговечная. Говорят, она приходит из ниоткуда и больше никогда до конца не исчезает. Я улыбнулась пониманию того, что сейчас, когда встретила, кажется, замечательного мужчину, мне не с кем его сравнивать. Вытирая тело, я улыбалась, смотря на свое отражение. Затем надела халат и отправилась на кухню.

Для женщины кофе — целая процедура. Мы вспоминаем прошлое и думаем о будущем. Вечер и ночь, разговоры и молчания, взрыв энергии и приятная усталость. Все смешалось воедино, в одно мгновение приятных ощущений и сладкой боли после.

Я люблю писать. Раньше могла творить каждый день, но со временем перестала чувствовать. Нет, я не имею ввиду, что я дьявол во плоти, но я юрист. И по большому счету мне приходится думать, но не чувствовать. Но вот, что я поняла: женщина меняется с мужчиной, и для этого не обязательно несколько лет, иногда достаточно пары моментов и ночь.

Телефон зазвонил, и я увидела на экране фото Стейси.

— Мне нужна моя подруга, бутылка «Джека» и жесткий секс, — сказала Эс, как только я подняла трубку.

— Хочешь поговорить? — спросила я улыбнувшись.

— Да.

— А выпить?

— Да.

— Джек?

— Я уже наливаю, — хмыкнула подруга. — Я видела ваши фотки, Эм. Он милашка.

— Помолчи Стейси, — засмеялась я, выходя на террасу.

— Почему все мужики такие козлы? Жизнь меня достала. Еще и туфли неудобные.

— Солнышко, это твой выбор. Никто не заставляет тебя спать с идиотами и покупать неудобные туфли.

— Я как эмоциональная проститутка. У меня столько проблем в жизни.

Стейси знает, что я всегда буду присматривать за ней, и моя дверь открыта для каждого из моей семьи. Я следую своим инстинктам — защищать. Я люблю те чувства спокойствия, когда они рядом, и пусть звучит глупо, но я люблю быть нужной.

— Ты умна, — ответила я. — И ты красива. А этого достаточно, чтобы быть почти-что дьяволом.

— Почему ты настолько уверена?

— Потому что я всегда права.

— Ну конечно. Ты же юрист. Боже, почему я просто не могу встретить мужчину, который будет любить, заботиться обо мне и жестко трахаться? Чтобы он понимал меня и не пытался исправить.

— Ты не должна быть истинной женщиной, если рядом с тобой нет настоящего мужчины.

— Эмили, можно я у тебя останусь сегодня? — вздохнула она.

— Конечно. У тебя есть ключ.

— Так ты расскажешь?

— Что? — спросила я в недоумении.

— Где вы познакомились? Когда это началось? И почему мы ничего не знаем?

— Чтобы избежать этого разговора, — закатила я глаза, садясь в кресло.

— Послушай свою самую дикую подругу. Я ничего не знаю о любви, но о мужиках знаю все. Каждый мужчина хуже предыдущего.

— Он слишком хорош, поверь.

Я улыбнулась и попрощалась с подругой. Закрывая глаза, я наслаждалась настоящим. Мне нужен герой. Нет, не всемирно известный, а герой лично для меня. Чтобы он прыгнул за мной и в огонь, и в воду. Чтобы я чувствовала себя, как за каменной стеной. Мне никогда не нравились представители мужского пола, которых нужно спасать от проблем, которые они сами создали. Брайан появился в моей жизни, и все изменилось. Я изменилась. Я всегда была именно той женщиной, которая скорее останется одна, чем свыкнется с недостатками мужчины. Я сканирую человека при каждой встрече, благодаря складу своего аналитического ума. Я, как и любая женщина, люблю, когда за мной красиво ухаживают. Меня всегда утомлял поверхностный флирт, поэтому я выбирала сначала головой, а потом сердцем. Но только не в этот раз. Я отношусь к Брайану с уважением, и то, как он боготворит меня, заставляет уважать его еще больше.

Я положила голову на стол, буквально на десять минут, и когда проснулась, моя голова лежала на ладонях, и я была накрыта пледом. Я нахмурилась, когда увидела перед собой сидящего Брайана и Макса, смеющихся над чем-то в ноутбуке.

— Что вы, черт возьми, тут делаете? — спросила я.

— Будем мириться, Эм? — смотрел на меня Брайан без тени улыбки.

— Вы разбудили меня. Так что я буду с вами только ругаться.

— Ты в порядке, сестренка? Уже шесть часов вечера.

— Подними свою задницу и принеси сестре попить.

— Я не бегаю на короткие дистанции, — улыбнулся брат, направляясь в дом. — Но вот тебе мой ноут.

Он подsunул мне сайт колледжа, и я подняла глаза, читая отзывы о программе. Взгляд Брайана пронзал меня до всех конечностей.

— Боже, ты видел эти машины?

— Ты меня всегда удивляла, Эм. У тебя много дел, и ты все время занимаешься другими людьми. Твой брат собирается переехать к тебе как минимум на лет пять, но вот старые неухоженные машины или человек, не относящийся к своей машине, как к ребенку, то это не просто проблема, а глобальный кризис человечества.

Я бросила на него яростный взгляд.

— Ты договоришься, и у меня будет на одну проблему меньше.

Он вскинул руки в знак поражения. Судя по всему, Брайан был после душа. Его волосы были влажными и такими сексуально непослушными. На нем были потертые синие джинсы и синяя футболка, которая выделяла каждую мышцу. Мне так захотелось прикоснуться к нему, окунуть руки в его шевелюру. Он соблазнительно улыбнулся, будто знал, какие мысли вызывает у меня его вид.

— Эмили, ты редко смущаешься, но при этом очень мила, когда так делаешь. Или это я такой чертовски сексуальный, обаятельный, умный, веселый...

— Заткнись, — перебила я, смеясь.

— Почему ты ушла, Эмили?

— Не надо на меня смотреть так, иначе я вырву себе руку и запущу ею в тебя.

— Что ты думаешь обо мне?

— Ты серьезно? — перевела я взгляд на экран. — Ты спрашиваешь у женщины, которая не доверяет ни одному мужчине, что я думаю про одного из вас?

— Я не один из нас. Я думаю, что ты в состоянии нести ответственность за все, кроме того, что чувствуешь.

Брайан уставился на меня, и я возненавидела то, как сильно хотела его, в особенности то, какие чувства он во мне вызывал. Я сопротивлялась до последнего, но вот мое тело жило собственной жизнью. Внешняя красота — первое впечатление. Красота — не гарантия счастья. Чаще всего она именно гарантия несчастья.

Я встала с кресла и села Брайану на колени. Он не удивился, словно знал, что я так и сделаю.

— Знаешь, я люблю воду, — прошептала я, проводя кончиками пальцев по его лицу.

— Воду? — спросил он тихо.

— Да. Море и океан.

— А я люблю рассветы и закаты.

— Я считаю, что мы, люди, скорее похожи на животных, нежели они на нас.

— Ты права, — поцеловал он мою ладонь. — Так и есть.

— Я юрист. Я привлекательна, опасна и всегда права.

Брайан засмеялся, и я просто наблюдала за ним. Я поняла, что чаще всего хотела сидеть напротив и разговаривать именно с этим человеком. Я беспокоюсь о том, что он думает обо мне, и не прочь доверить несколько мгновений. Чтобы он доверился мне в определенной ситуации. И мне нравится, что, когда я уйду в себя, он принимает это. Мне нравится моя жизнь. Нравится еще больше после встречи с этим человеком.

— Вы, женщины, когда говорите о мужчинах, какого ты всегда представляла своего?

— Умного, высокого, широкоплечего, — улыбнулась я.

— Богатого?

— Нет, — ответила я с наигранным ужасом. — Главное, чтобы на гитаре играл. А ты?

— Умна и с чувством юмора, — ответил Брайан. — И чтобы все это могла совмещать с судебными заседаниями и грязным сексом.

— А как же красивая?

— Дорогая, ты не просто красивая. Ты чертовски обаятельная, — он поцеловал мою скулу и затем прикусил кожу на плече. — И у тебя такие потрясающие ножки.

— И туфли.

— И туфли, — засмеялся Брайан, сжимая меня в объятьях.

— У меня скоро будет приступ стенокардии.

— Детка, он не может длиться вечно.

— В том-то и дело.

— Что ты имеешь в виду?

— Знаешь, в жизни почти все стало так банально.

— Да, но ты все еще держишься.

Это было удивительно. Брайан мог быть смешным, забавным, серьезным, ироничным, сексуальным и ненормальным, но в любом образе он был лучшим. И я не хотела бы видеть

рядом с собой любого другого мужчину, будь он самым идеальным на земле. По крайней мере, после сегодня.

— Ну так что, ты покажешь мне город, в который так рвалась?

— Да.

Я прикоснулась своими губами к его, и рука Брайана сжала мое бедро. Он прижал меня к себе, и я облизала мочку его уха. Затем направилась в дом, все еще с улыбкой на лице.

— Эмили, он расстроился, когда узнал, что ты ушла, — сказала мама, войдя в комнату.

— Мама, — повернулась я к ней, надевая белые джинсы и передавая цепочку, — поможешь?

— Возьми его с собой, — застегнула она ее на шее.

— А вдруг я поступаю неправильно? — повернулась я к ней. — Я всю жизнь боялась поступить неправильно и просто следовала по тому, что суждено — адвокатура. Ведь, если не играешь, не можешь проиграть. А потом появился он, и все пошло коту под хвост.

— Да, но почему ты думаешь о проигрыше? Ты не та, кто проигрывает. Как бы далеко не было зло, добро всегда быстрее.

— Еще не придуманы такие слова, которые могут высказать сейчас мои чувства. Я плыву по течению, но в то же время против него.

— Ты скучаешь по себе, Эмили, — обняла меня мама. — Но я тебя прошу, не говори ему о своей боязни отношений и любви. Ему будет больно, а тебе обидно.

— По-моему, я и тебе о ней не говорила.

— Я знаю тебя на девять месяцев больше, прежде чем ты родилась. Тебе не нужно мне говорить.

Я улыбнулась, пытаюсь отогнать подступающие слезы.

— Твой отец и брат все еще воюют насчет футбола, — сказала мама, пытаюсь сменить тему.

— А что, если Макс прав? — взяла я клатч. — Ему это важно, и я возьму его к себе. Просто пойдите на компромисс, пусть занимается футболом, выберет определенный курс обучения и будет совмещать.

— Любовь важна, — сказала мама напоследок. — С ней трудно, но без нее никак. Не бойся отношений, это, конечно, обязательства, но и привилегии.

— Я боюсь, что это не будет навсегда, — прошептала я.

— Кидайся, как в омут, с головой, — улыбнулась мама. — Ты еще замуж не выходишь, а уже думаешь, что будешь несчастна. Это неправильно.

Затем я вышла из дома, и мы отправились в центр города. Все было так легко и естественно. С каждым днем быть с ним рядом было так реально. Брайан все время пытался быть физически ближе — прикосновения, будто невзначай. Этот мужчина раскрыл мне тайну выражения «чаще бьется сердце».

Мы приехали в «Izakaya Mew», где, по-моему, делают лучшие суши. Заказав «Сет Токис Сити» и японское сливовое вино «Садо Би», мы влились в разговор.

— Ты ведь скучала по мне, когда меня не было рядом, — сказал он с улыбкой, сидя напротив.

— Нет.

— Да, я словно видел это.

— Ты был тогда в другом конце города. Думаешь, тебе видно? У тебя такое хорошее зрение?

— Может пойдём в театр? — сделал он глоток вина, улыбаясь.

— Что наденешь?

— Что-нибудь чистое. Я хочу съездить с тобой куда-нибудь.

— Ты и я?

— Нет, — засмеялся Брайан. — Я и мой консьерж.

— Ну да ладно, — оперлась я на руку. — Как на счет ночной гонки?

— Ночной гонки? — удивился Брайан.

— Да. У нас в городе есть место, где я училась летать.

Я могу быть рядом только с успешным мужчиной. Слабого и неуверенного в себе я полностью лишу покоя и счастья. Я умею приспосабливаться только тогда, когда человек рядом достоин моего уважения. Как только мужчина допускает ошибку, я выбрасываю свою «овечью шкуру» и превращаюсь в расчетливое и хитрое создание. Но Брайана я не разгадала до конца. Я не знала, нужен ли он будет после приезда в Нью-Йорк, и сегодняшняя ночь — самое время испытать его на прочность.

Мы сели в городскую карету и направились за пределы города.

— Это потрясающе, да? — засмеялась я, поднимая руки вверх и закрывая глаза. — Мы словно внеорбитные.

— Кажется, я начал понимать твою любовь к этому городу, — обнял меня Брайан.

Мы проехали на трассу за городом, где веселье было в самом разгаре. Гонки на машинах и мотоциклах, люди, в глазах которых горел огонь и азарт.

— Тут тебя учили водить? — спросил Брайан, улыбаясь.

— Тут меня учили получать удовольствие.

— Да ладно, Эмили Харисон, — сказал знакомый голос за моей спиной.

— Давид? — повернулась я к мужчине. — Не может быть.

— Я скучал по тебе, — прошептал он мне на ухо. — И что же обладательница стольких машин делает в наших краях?

— Эй, это и мои края тоже, — улыбнулась я. — Это Брайан.

Они пожали друг другу руки, и я увидела разницу между обоими мужчинами, с которыми с радостью проводила время. Давид — человек прививший мне любовь к дороге. Он был как подруга. Я могла с ним говорить обо всем, когда он объяснял мне, почему не стоит покупать мерседес. Брайан — покоритель сердец. Он умеет правильно себя вести в любой ситуации, как и мысленно готов к ней, выходя из нее чистым.

— Одолжишь машину? — спросила я.

— Он с тобой? — бросил мне ключи Давид.

— Да, — качнула головой. — Я веду.

Мы с Брайаном направились к BMW M6 Gran Coupe, и я завела мотор. Я любил скорость, независимо от того — это жизнь или машина.

— Смысл жизни в том, чтобы найти то, ради чего стоит жить, — отпустила я сцепление, набирая скорость.

Он смотрел на меня, а затем открыл окно, включая музыку, и засмеялся. Вы чувствовали когда-нибудь, что хотите человека еще больше, когда лимит уже исчерпан? Я хотела влезть к нему под кожу и быть его тенью, но в то же время хотела быть независимой.

— Ты сумасшедшая, — закричал он, смотря на спидометр.

Я резко повернула и вдохнула запах свободы. Я всегда остаюсь верна своим ценностям. Всегда остаюсь верной самой себе. Делаю всё, что поможет мне приблизиться к мечте.

Забочусь о себе, о своей семье и друзьях. Отношусь к людям с уважением. Но также могу любить только человека, которого уважаю и которым восхищаюсь. Я заслужила свою репутацию. Никогда не боюсь делать то, что в глубине души считаю правильным, особенно если на кону стоят чувства. Когда я знаю, что могу поступить неправильно, сворачиваю происходящие, ведь нет наказания хуже, чем раненная душа.

— Если действуешь без страсти и удовольствия, ты не живёшь, а просто существуешь. Когда я собирала чемоданы, уезжая в Нью-Йорк, поняла, что действительно хочу изменить свою жизнь. Но я меняла мышление и характер. Нужно просто давать прекрасному достаточно любви и возможности, чтобы мы могли цвести в душе.

— Ты считаешь правильным обещание любить что-то или кого-то до конца своих дней? — спросил Брайан, делая музыку тише.

— Нет, мы не можем давать такого обещания. Но мы можем дать обещание быть верными, и оно выступает не правом, а обязанностью.

Знаете, в чем парадокс? Люди должны нас любить такими, какие мы есть. За то, что мы с ними. Но в реальной жизни все совсем не так. В жизни трудно простить и поверить по причине того, что мы живем в реальности, а не в книге, понимая, что собственный красивый конец пишем самостоятельно. Помните книги о первой любви подростка? Сейчас я чувствую себя таким же подростком, с отличием того, что больше не завишу от родителей. Друзья, машины, ночь, танцы, алкоголь — все это есть в нашей жизни, даже когда мы становимся взрослыми. Но чем старше, тем быстрее теряем страсть к жизни. И тогда у меня возникает вопрос: а стоит ли взрослеть? Ведь по большому счету взрослая жизнь ничего хорошего не сулит. Мы перестаем верить в чудеса, и другие люди перестают верить в нас. Да и согласитесь, если в душе остаешься подростком, проще воспитать ребенка по-настоящему живым человеком, а не оболочкой.

Я остановила машину на другом конце трассы и взорвалась диким хохотом, смотря на горизонт передо мной. Сколько счастья вызывает свобода и чувство уверенности в себе. Он смотрел на меня, и я чувствовала себя счастливой. По настоящему живой. Брайан поднял меня, пересаживая к себе на колени, и положил холодную ладонь на мою щеку. Затем рука Брайана слегка сдавила мое горло, не давая возможности шевелиться, а другая прижала к себе за талию. Тысячи осколков прошли по моим венам.

— Проблема в том, что я не могу жить без тебя, — прошептал он мне в губы, все еще держа меня за шею. — Ты хотела свободы выбора? Хорошо. Ты хочешь правды? Я тебе ее дам. Но при одном условии.

— Чего ты хочешь? — прошептала я, чувствуя возбуждение от того, как он играл со мной.

— Мои секреты в обмен на твои. И когда все это закончится, ты будешь моей с кольцом на пальце и никогда не уйдешь от меня.

Я легко прикоснулась своими губами к его с улыбкой на лице.

— Мы едем.

— Ты уверена? — сжал он сильнее мое бедро.

— Каждый вечер ты возвращаешься в пустой дом, — вернулась я на место. — Чего ты ждешь от жизни?

Из сабвуфера заиграла — Adelitas Way — Alive. Я снова завела мотор, и мы рванули. Механика — возможность стать с машиной одним целым, в особенности понять и почувствовать принцип вождения.

— Почему ты водишь механику? — спросил Брайан.

— В ней априори нет ничего лишнего, — переключила я передачу.

— Я не умею водить механику. И знаешь, смотря, как ты сливаешься с машиной, я понимаю, что ты не та, за кого себя выдаешь.

— В каком смысле? — посмотрела я на него.

— Ты не осторожничаешь с машиной. Ты словно занимаешься с ней сексом.

— Секс — это не все, — покачала я головой. — Но это многое. И механика, как женщина, ее нужно научиться понимать. — Брайан улыбнулся и следил за каждым моим движением. — Выжимаешь сцепление, включаешь первую передачу, а затем плавно отпускаешь сцепление и нажимаешь на газ. Механическая коробка передач — это самая настоящая классика жанра.

— А если она не заведется?

— Значит, ты плохой водитель. Сцепление нужно отпускать плавно, иначе машина может заглохнуть.

Я переключила на пятую, а затем на шестую передачу, не переставая улыбаться.

— Ты сумасшедшая, — засмеялся Брайан.

Я подмигнула ему и переключила песню — Black Veil Brides In The End — In The End. Вы вспоминали себе в юности? Поступки, которые вы совершали, как того хотели, а не как того требовало общество и правила приличия. Сейчас по ночам я мало спала. Мне просто все время было беспокойно, и самое странное, что я любила это состояние. Понимание того, что в три часа ночи я могу сесть за руль, приехать в шесть, сходить в душ и пойти на работу. Придя, уснуть, а потом проснуться от прикосновений мужчины. Песня Amaranthe — Mechanical Illusion заполнила мою машину, и я вздохнула. Мой вздох был больше похож на стон, но я улыбнулась и полностью отдалась скорости.

— Как насчет твоего мустанга? — спросил Брайан.

— Моя девочка пропитана любовью, страстью, красотой, успехом и друзьями.

— А как насчет обычных вещей в ней? — засмеялся он.

— Ты имеешь в виду грандиозную механику, изящный двигатель, эффектные сидения и сексуальные звуки, которые она издает, когда заводится? — вздохнула я поглубже.

— Ты описываешь жизнь или машину?

— Жизнь не так прекрасна, — ответила я, переключая передачу. — Я за рулем могу готовиться к выходу на красную дорожку, красить ногти и выиграть гонку.

Я всегда предпочитала необъяснимые поступки, решения, чудеса и любовь. Но что, если именно любви ты пытаешься дать определение? И что значит, когда начинаешь сомневаться в том, что становится для тебя самым важным в прошлом и было актуальным почти целую жизнь назад?

— Ты использовал женщин ради секса? — спросила я, когда мы отдали машину и шли по тихой трассе.

— Да, — ответил он без раздумий. — А ты использовала мужчин ради денег?

— Нет. Но использовала ради секса.

— Я-то думал, что это я узурпатор, — засмеялся Брайан. — Знаешь, я не хочу женщину без прошлого. Она бы пыталась меня изменить, а я не смог бы исправиться.

— У меня не только прошлое, но и настоящее.

— Да, но я являюсь его частью, а остальное не важно.

— Ты не оставляешь меня без внимания. Срываешься с места, как только мне что-то нужно. И мне нравится это.

— Тогда что ты скажешь на то, что я хочу шестеро детей?

— Ты хочешь остаться без секса?

— Ты шантажистка. Если ты так расправляешься со всем, то ты определенно выживешь в этом мире.

— Так и есть.

Вскоре я вызвала такси, и мы вернулись домой. Я направилась к себе в комнату и, войдя, увидела на кровати Макса.

— Макс, — прошептала я. — Я всегда буду рядом с тобой. Ты мне дороже всего.

— Ты согласна? — услышала я его сонный голос.

— Конечно, — поцеловала я брата в лоб. — Я заберу тебя.

— Что вы делали?

Я легла рядом с ним, укрываясь одеялом.

— Смотрели на чудеса этого города, — с улыбкой произнесла я. — Я наблюдала за ним, и мне понравилось. Он похож на бархат.

— Бархат?

— Да. Он красивый, но скрывающий в себе столько переживаний, которые, кажется, можно открывать, не переставая.

— Ты не против, если я посплю?

— Конечно.

Я вышла на балкон, захватив плед. Сейчас было пять утра, и город начинал просыпаться. Я люблю такие моменты — город без людей. Только тогда он правда живет, и можно узнать его настоящего. Когда мне было восемнадцать, я хотела жить одна, чтобы мне никто не мешал. Когда повзрослела, поняла, что человеку нужен человек. А когда стукнуло двадцать пять, поняла, что семья — единственное ценное, что есть у человека. Ночь — время мыслей. Трудности полезны. Они заставляют понять, что на самом деле важно для нас.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дверь в мою комнату открылась, и спустя несколько секунд я почувствовала руки Брайана на себе. Он так сильно обнял меня, что все разбитые кусочки моей души сложились в единую мозаику. Я пропала. Если бы я знала, что Брайан появится в моей жизни, я бы много сделала по-другому. Я тонула в его объятиях, и было так тепло рядом. Этого человека я впустила не только в свою постель, но и в сердце. Он открыл дверь к моей душе и без колебаний и пошел дальше.

Я прижалась к нему и закрыла глаза. Брайан не знал, что уже занял место в моем сердце, а мои мысли все время возвращаются к мужчине, в которого я бесповоротно начала влюбляться.

— Моим мужчиной, — прошептала я.

— Не понял.

Я отодвинулась и повернулась к нему.

— Ты сказал, кем бы я тебя ни считала. Я считаю тебя другом, — опустила я глаза. — Но также я считаю тебя тем, кого хочу знать, и мне нравится находиться с тобой рядом.

— Ты представить себе не можешь, как долго мечтал услышать от тебя эти слова, — сказал он с вожделением во взгляде, поднимая мой подбородок.

Он знает, когда я хочу его увидеть, даже когда сама не до конца уверена в этом. Но сейчас мне не хватало его тела, поцелуев и прикосновений. У нас, женщин, нет идеальной середины. Нам или мало, или много. Мы или воспринимаем все близко к сердцу, или игнорируем все, что нас окружает. Иногда приятно просто помолчать с умным человеком.

Я смотрела Брайану в глаза, а спустя мгновение снова была в его объятьях.

— Как же я давно хотел это сделать, — прошептал он мне в волосы.

— Я хотела, чтобы ты это сделал, — ответила я, тихо.

— Все, что ты хочешь. Хочешь, чтобы обнял — только скажи.

Брайан резким движением посадил меня на перила, и мы оказались лицом к лицу. Он прижал меня к себе, а я обняла его в ответ. Моя рука была на его щеке, и я держала его, словно он вот-вот исчезнет. Брайан целовал меня так, как мог только он. Раньше я никогда не летала так высоко. С самого начала я чувствовала, что что-то изменилось с нашей встречи. Я знала, что моя жизнь больше не будет прежней. Я ощущала тепло его тела, тепло его рук, и мне хотелось еще. Брайан заставлял меня дрожать. Голова шла кругом, и все было словно в тумане. Сейчас мы падали и взлетали с каждым прикосновением, но земля не прекращала вращаться. Несмотря на тепло наших душ, которое согревало, вселенная не чувствовала этого. Мир оставался прежним.

— Стивен Кинг?

— Николас Спаркс.

— Да ладно, никогда бы не подумал.

— Я все-таки женщина, — пожалала я плечами, улыбнувшись.

— Как только я увидел тебя, я понял, что ты моя. Ты всегда была моей, — сказал Брайан, целуя мое плечо. — Я не мог упустить тебя.

Красивые слова так легко срываются с губ. Но на самом деле, когда мы осознаем сказанное, улетаем. И со временем совсем не поминая прошлого, забываем, что говорили. Я улыбнулась и прикоснулась ладонью к его щеке. Брайан накрыл своей рукой мою, а затем положил голову мне на колени. Мужчине не всегда нужен секс. Иногда они хотят, чтобы их просто погладили по голове и сказали, как они дороги.

— Мне нужно в ванную, — прошептала я.

— Хорошо.

Мы стояли под душем одетые, и я улыбалась. Вода стекала по нашим волосам, лицам и телам, а мы находились в мире, куда никто третий не вместился. Мир придуман не нами, но ведь именно мы его создатели.

— Очень оригинально, мистер Прайсон.

— Я знаю.

Брайан прижимал меня к себе, и я смеялась. Затем я сняла с него рубашку и провела подушечками пальцев по его рукам. Расстегнула пряжку на брюках, а Брайан освободил меня от платья. Мы целовали друг друга, пропадая. Я знаю, что, если бы пришлось, Брайан вынес меня из горящего дома и вытащил из глубин моря. Я люблю те моменты, когда мы беззаботно улыбаемся, а работа и весь остальной мир остается за пределами.

— Почему ты улыбаешься? — спросила я, нахмурившись.

— Ты рядом, — ответил Брайан. — И это делает меня счастливым.

Любовь может быть разной. Чистой и сложной, но каждая история — одна из ста. Мы

смотрели друг другу в глаза, и во всем мире не было никого, кроме нас двоих. Так было всегда, когда мы были вместе. Даже если бы сейчас был конец света, мы бы его не заметили, пока были друг у друга.

— Что случится, когда мы окажемся в реальном мире? — посмотрела я на Брайана.

— Я возьму тебя на руки, и мы полетаем, — прижал он меня к холодному кафелю. — Ты чувствуешь то же самое, что и я, я знаю.

— Брайан...

— Я буду любить за двоих. Перестань сопротивляться, просто получай удовольствие, — проложил он дорожку поцелуев по моим губам, шее, ключице, груди, и животу, спускаясь все ниже.

— Брайан... О Боже... — закусила я губу.

— Какая ты сладкая, — шептал Брайан. — Ты пахнешь персиком.

Взяв в руки мое лицо, он начал жадно меня целовать, словно между нами были долгие годы разлуки.

— Я стал зависим от тебя, Эмили.

Он поднял меня за бедра, а я обвила ногами его талию. Сопротивляться уже не получалось, потому что я сама отчаянно нуждалась в нем. Мы целовались, покусывая друг друга, пока вода стекала по нашим телам. Скользя пальцем внутрь, он губами переместился к моей шее, заставив меня выгнуться ему на встречу.

— Брайан... — застонала я, потянув его за волосы.

— Я хочу слышать тебя, — сказал он, смотря мне в глаза.

Притянув его к себе, я руками исследовала его тело. Его чертовски идеальный живот, руки и ягодицы. Брайан вошел в меня, и я вонзилась ногтями в его спину. Сделав несколько толчков, он так же неожиданно покинул мое тело, спускаясь поцелуями к клитору. Недостаток его внутри меня я почувствовала почти болезненно. Этот мужчина знал, что делать, чтобы женщина сходила с ума.

— Брайан... Я не могу больше... Боже...

— Ты такая красивая. Ты одним взглядом возносишь меня к небесам и спускаешь в ад.

Я смотрела на тело Брайана сверху вниз, и у меня перехватывало дыхание. Он двигался во мне двумя пальцами, и я вскрикивала.

— Тише, милая, ты разбудишь весь дом, — слышу я улыбку в его голосе.

Иногда я думаю, что он кретин, но слишком хорош. Упругая задница и мускулы были будто нарисованными, а от глаз, которые смотрели с удивительной страстью, не хотелось отводить взгляд.

— Остановись, — простонала я. — Сейчас, остановись.

— Что-то не так?

— Поднимись.

Брайан делает, как я ему говорю, и мой клитор все еще нуждается в завершении. Я толкаю его к холодному кафелю спиной и становлюсь на колени. Беру член в руку и медленно приближаю ко рту, принимая внутрь. Его вкус напоминает мне мускус, и как только я подняла на Брайана глаза, он схватил меня за волосы, погружаясь в мой рот так глубоко, как только мог. На глаза выступают слезы, и я наслаждаюсь этим, но Брайан поднимает меня на ноги, завладевая моим ртом. Он кусает мои губы до крови и ласкает языком мой язык. Резким движением он полностью заполняет меня, и я впиваюсь ногтями в его спину. Он делает это снова и снова, и я обнимаю ногами его талию, отчего

проникновение становится просто фантастическим. Он весь во мне. Я стону громче, или уже кричу, но Брайан захватывает мой рот в свой плен, без каких-либо правил. Я чувствую кровь под пальцами на его спине. Он снова был со мной одним целым. Скользнув руками в его волосы, я сильнее прижимаю его к себе. Он вонзается в меня толчками, а я не уставая открываюсь ему все больше и больше.

Сегодня я поняла, что по большому счету ждала того, кто бы спасал меня. Брайан был прав. Но как я могу сделать кого-то счастливым, если сама не попробую стать чуточку улыбчивей?

— Эмили, детка, будь моей. Кончи, Эмили!

Его толчки были все более требовательными, словно пытались доказать сказанные слова. Он целовал мою шею, мочку уха, грудь, но все время возвращаясь к губам. Мои руки ласкали его тело, и я впиалась ногтями в его спину настолько сильно, каждый раз, выгибаясь все больше и больше на встречу ему.

— Я с ума по тебе схожу.

— Брайан... еще... — шептала я.

С ним все было, как впервые. Каждый раз я думала, что не испытывала такого ранее. Он прижал меня к себе, словно боясь, что я вот-вот исчезну.

— Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Все так чертовски идеально, — прорычал он.

Это было слишком хорошо. Я закрыла глаза, и каждый мускул в моем теле, казалось, напрягся, и я закричала, мощно кончая, впиваясь зубами в шею Брайана. Я чувствовала его сперму внутри меня и открыла глаза, наблюдая за разрядкой. Большим пальцем Брайан обвел клитор, заставляя меня дернуться, и я схватила его за запястье, просто от необходимости к нему прикоснуться.

— Прости, что сделал тебе больно, — прошептал он, спустя несколько минут.

— Не стесняйся каждый раз трахать меня, когда нам этого захочется.

— Буду иметь ввиду, — слышала я его улыбку.

Я поцеловала его, а он сплел наши пальцы. Мне не нужны были его деньги, мне просто нужно было время. Его сердце и душа. Я не хочу сидеть с ним на диване и смотреть фильм. Конечно, я не против объятий и дивана с этим мужчиной, но я не согласна на эту рутину. Я не хочу слушать телевизор чаще, чем его голос. И теперь слушала его слова и вздохи, которые мне нравились все больше и больше. Я умела всегда быть счастливой, просто не давала себе этой возможности.

Затем Брайан обвернул полотенце вокруг собственных бедер и замотал меня в халат, а потом вынес из ванной на руках, направляясь в свою комнату. Я смотрела на него и знала, что могу до утра любоваться ним. Каждый раз, когда этот мужчина обнимал меня, кровь закипала в моих жилах, и я снова верила, что она существует. Любовь. Оказывается, что до сегодняшнего дня я понятия не имела, что такое заниматься ею.

«И при этом я очень сильно его любила. Очень. Можно разные слова подобрать, я умею, но вот о нем — горло сводит, и получается только вымученно — очень. Очень. Очень». Марта Кетро.

Я лежала в постели с закрытыми глазами, а Брайан сопел рядом. Он не мешал мне, и как говорит моя мама, его дыхание не раздражало. У меня не возникло желания убежать до рассвета или вовсе оборвать все концы. Я просто наслаждалась.

— Доброе утро, Эмили, — прошептал Брайан мне на ухо, укрывая своими объятьями.

— Доброе утро.

— Как спалось?

— Как ни странно, хорошо, — усмехнулась я.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Ты приготовишь мне завтрак? — повернулась я к нему.

Я предпочитаю любить того, кто понимает меня с полуслова. Улыбку Брайана я научилась различать, как свою собственную, за считанные дни. Смотря ему в глаза, поняла, что хочу быть причиной, по которой он чувствовал бы себя счастливым. Причиной, по которой Брайан Прайсон любил бы свою жизнь.

— Что по-твоему значит свобода? — провела я ладонью по его щеке.

— Заниматься тем, чем хочешь. Быть свободным в мыслях и проводить с собой достаточно времени, не действуя все время в рамках морали.

— Знаешь, может быть я сошла с ума, но я останусь.

Чаще всего я целовала не только Брайана, но и его улыбку. В этот поцелуй мы вложили все: переживания и облегчения, вопросы и ответы, страсть и нежность.

Мне в жизни нужен тот, кто будет со мной, несмотря на все трудности. И, может быть, не нужно искать идеальных отношений, а просто наслаждаться теми, что делают тебя счастливой?

— Я хочу знать о тех незначительных вещах, которые делают тебя тобой.

— Например?

— На что у тебя аллергия?

— На орехи, — усмехнулся он. — Я не люблю виноград и сливки. Курятина проигрывает телятине, и виски — лучшее изобретение человечества.

Я отодвинулась от Брайана и приняла сидячие положение опираясь на спинку дивана. Рано или поздно мы со всем столкнемся. С выбором профессии, одежды на вручение диплома, непониманием собственной души и с надеждой понять сердце. В конечном итоге каждый человек чувствует боль, злость и разочарование. Но после или бросает все к черту, или надевает улыбку и идет дальше. Но я выбрала третий вариант — я забросила свои чувства к миру и направилась без малейшего проблеска улыбки куда глаза глядят. До недавнего времени.

— Знаешь, порой случаются вещи, которые совсем не сочетаются.

— О чем бы ты сейчас не думала, Эм, ты гораздо смелее и умнее, чем может быть одинокий человек.

— Одиночество преследует меня всю мою жизнь.

— Но больше не будет, я тебе обещаю, — взял меня Брайан за руку.

— Есть вещи, о которых ты сожалеешь? — поджала я под себя колени, все еще смотря на него.

— А о чем сожалеешь ты?

Когда последний раз вы наслаждались общением? Задумайтесь, сколько вещей в своей жизни мы делаем зря. Наверняка вы подумали о курении, алкоголе или наркотиках. Но есть и мысли, которые отравляют нашу жизнь не меньше этого дерьма. Наши мысли и самокопание убивают нас быстрее, чем вышперечисленное. Возможно, в жизни было бы больше радости, будь мы немного сильнее любимы и менее критичны? Наши мысли, действия и поведение формируют окружающий мир. Порой, даже когда все хорошо, мы не ощущаем счастья, которого, как нам кажется, заслуживаем. И встретив правильного человека, начинаем мыслить по-другому. Мы меняемся за считанные часы настолько, что потом не узнаем сами себя именно в этих самых мыслях.

— О том, что редко позволяю отдаться этому миру и путешествовать.

— Знаешь, а давай проведем эту жизнь в приключениях? — провел Брайан ладонью по моей щеке, на что я закрыла глаза. — Вырежем инициалы на каком-то дереве и будем фотографировать моменты счастья, чтобы потом, сидя в старости в качалке, могли пересматривать.

— Ты ставишь перед собой слишком сложные цели, — покачала я головой.

— А ты меняешь свои взгляды каждый раз, находясь рядом со мной.

— Как и ты.

— Ты права, Эмили.

— Эмили, дорогая, мы в город, — сказала мама, постучав в комнату. — Вам что-то купить?

Мне стало неловко, стыдно и даже чуть тошно. Все мы понимаем, что дети вырастают в конечном итоге, но я не могла перестать хотеть Брайана в доме родителей и наслаждаться им практически каждый вечер. Мама все понимала, а отец просто молчал. Но с тех пор, как я приехала, каждую минуту проводила с ним, а не с теми людьми, которых не вижу порой годами.

— Привет, мамуль, — ответила я. — Нет, мы будем ждать вас. Проведем этот день вместе?

— Конечно, дорогая, — услышала я улыбку в ее голосе.

— Доброе утро, — сказал Брайан. — Простите.

— За что? Я видела, как несколько минут назад Эмили входила в твою комнату.

Затем я услышала стук маминых каблуков и щелчок входной двери. Тишина была отвратительно-удушающей, но Брайана это словно совсем не заботило.

— Мы ужасны, — прошептала я.

Он встал с постели, надевая шорты на свое совершенное обнаженное тело. Мышцы играли на его спине, и этот человек был как свет уходящего солнца. Он поцеловал меня в лоб, а затем вышел из комнаты на несколько минут и, снова войдя, одел меня в сарафан, который взял из моего шкафа.

— Открой глаза, дорогая, — шептал он, застегивая его на моей спине. — Удали все, что тебе больше не понадобится в жизни и то, что не имеет значения. Это будут люди, эмоции, воспоминания или музыка. Не уничтожай пространство вокруг себя. Ты чудесная, — присел он напротив меня, беря мои руки в свои ладони. — Ты чиста. Просто уничтожь все то, что было ранее, и живи. Наслаждайся этой жизнью, а я буду наслаждаться тобой.

Помните фразу Жана Лабрюйера: «Женщина, которую все считают холодной, просто еще не встретила человека, который пробудил бы в ней любовь»? Я думала, что любовь —

это слишком сложно для меня. Но в итоге всему в жизни приходит конец, и сейчас я предпочитаю быть счастливой. До конца.

Я сильно прижала Брайана к себе, обнимая. Закрыв глаза, чувствовала невозможное. Внезапно это случается. Любовь. Она щелкает внутри тебя, и больше ничего не будет так, как было прежде. Я словно спала все эти годы. Чувствовала боль, отчаяние, иногда проблеск надежды, но никому не могла об этом рассказать. Просто не сумела. Но жизнь предназначена для чего-то еще, кроме постоянной попытки перестать чувствовать. Я хочу найти себя и больше не искать ничего.

Брайан поднял меня на руки и направился в кухню. Порой он напоминает мне меня. Скрытный, но добрый. Защитник, но колючий. Редко говорит о своей боли, но я всегда вижу ее в его глазах. В конце концов, именно мое отражение в нем погубит меня.

— Брайан, я боюсь упасть, — прошептала я, смотря ему в глаза и держа руку на его щеке.

— Я всегда тебя поймаю, — ответил он, сажая меня на стол.

Брайан насыпал немного кофе в кофеварку и поставил на газ.

— И правда, зачем людям кофемашина, — улыбнулась я.

— Они не понимают его настоящего вкуса, — поцеловал он мою ладонь.

Я взяла чашку с его рук, смотря в окно. Брайан стал рядом. Любовь важна для женщины. Ее глаза светятся по-другому, но самое главное — все-таки чувствовать, что ты вселенная человека, стоящего рядом с тобой.

— За то время, что мы вместе, между нами произошло что-то важное, — сказала я тихо. — Но ты мне не открываешься, а в этом случае все бессмысленно. Я не смогу без правды. Начать отношения — самое простое, что может быть.

— Ты неправильная, — обнял меня Брайан за плечи, целуя в щеку. — Нельзя руководиться здравым смыслом в любви. В этом и смысл — невозможность объяснить то, что чувствуешь. Невозможность расчета. Невозможность выбора. Нам не обойтись без ошибок, но ты будешь со мной.

Я сильно обняла его, а он прижал меня к себе, сплетая наши пальцы. Так странно. Как быстро человек может засесть у тебя в мозгу и в сердце. В один момент ты жила и наслаждалась жизнью, не зная его, а в другой не представляешь следующего мгновение без его участия.

— Как звали твою первую собаку? — спросила я у Брайана, поворачиваясь к нему.

— Мербер, — ответил он, улыбнувшись. — Не смотри на меня так, я любил роботов. Почему ты любишь именно красный цвет?

— Мне кажется, он самый независимо-сексуальный. И когда я впервые увидела рубин, поняла, что любимый цвет и камень очень многое говорят о нас.

Зазвонил мой телефон. Я поставила чашку и направилась наверх. Увидев на экране фото Стивена, была готова к его очередному выговору.

— Здравствуйте, Эмили. Есть какие-то сдвиги по делу?

— Ничего, — ответила я. — Но я работаю над этим. Ваших следов там не оставили, и я попрошу вас помолчать. Если что-то всплывет, предоставьте это мне.

— Хорошо, спасибо. Кстати, ваша подруга, Эбби Кэмбел, как она?

— В смысле, как она?

— Скоро я буду проверять каждого человека, и ее отделение стоит в первых рядах. Что вы можете сказать о ней?

— Мистер Максфилд, она не только моя подруга, — ответила я, немного жестче. — Эбби — прекрасный человек и хороший руководитель.

— Я вас понял, Эмили. До связи.

Я не знала прошлого Максфилда, но каким-то восьмым чувством знала, что ему можно верить. Сейчас я вспоминаю себя несколько лет назад, когда только приехала в Нью-Йорк. Там трудно выжить без связей, огромных денег и, тем более, работы. Стартовый капитал на жизнь нам с Донной предоставлял мой отец. Он заботился о нас, даже пребывая за тысячи километров. Я не боялась все бросить и просто сделала следующий шаг в жизни. Не понимаю, почему люди боятся изменений? Почему они сами зачастую не хотят что-то изменить? Что было бы, если бы я осталась тут? Моя жизнь сложилась бы совсем по-другому. Я повстречала Брайана, и все перевернулось с ног на голову. Мы бы не придумали друг друга и не сложили, словно оригами. Я обычно предугадывала следующую карту своей судьбы, но Брайан был тем, кто сам ее клал на стол.

Набрав номер Тиффани, я ожидала услышать что угодно, кроме:

— Эмили, я решила выйти замуж по расчету.

— Скажи, ты все эти глупости на ходу придумываешь?

— У мужчин нет ни сердца, ни мозгов, — слышала я, как что-то упало на землю. — Но они не все одинаковы, дорогая. Каждый следующий хуже.

— Это не правда, — засмеялась я.

— Почему ты все время все оспариваешь? — услышала я улыбку в ее голосе.

— Потому что я всегда права, — ответила я как само собой разумеющееся. — Ты идеализируешь идиотов, Тифф. А я просто знаю, что мужчина идиот, поэтому я одна.

— Была.

— В каком смысле?

— Ты забываешь, что я — твои глаза и уши, и обязана знать. А сейчас, если ты не против, я займусь Эмилией.

Затем девушка отключила звонок, а я стояла, смотря в окно, не шевелясь. Я сделала конференцию на телефоне и набрала вызов.

— Привет, — сказала я, улыбаясь.

— Привет! — закричали подруги в трубку.

— Как вы?

— Ой, у меня столько...

— А у меня такое...

— У меня такая милая фотосессия была...

— У меня глаза болят от работы...

Они говорили все вместе, и я ничего не понимала, но смеялась. Я соскучилась по ним, по их смеху, разговорам и ощущению беззаботности рядом. Секрет нашей дружбы — разный вкус на мужчин и возможность быть лучшими в этом городе.

— Давайте по одному, — перебила я их. — Ева?

— Я снялась в такой милой рекламе духов, ты обязательно должна посмотреть.

— Мне подсунули сексуальную модель для съемки. Когда я вижу его, мне хочется делать с ним такие вещи, за которые мне не разрешают брать плату, — вздохнула Стейси.

— Ну так сделай бесплатно, — сказала Эбби.

— Этого тоже не разрешают, вот в чем беда.

— Действительно, а как же твой парень? — спросила я.

— Какой именно? В общем, не важно, мы просто друзья.

— Ага, которые спят друг с другом так громко, что весь Нью-Йорк в курсе твоих эrogenных зон, — я почти видела, как Донна закатывает глаза.

— Зато я не страдаю воздержанием, — съязвила Стейси. — Я поняла, что не хочу ни замуж, ни любви. Я хочу жить в своей квартире, в которой будет моя кровать, мой ремонт, моя собака и рыбка. Работать на любимой работе и ни от кого не зависеть.

— Эмили, Брайан дает тебе гарантии? — спросила Донна.

— Он обещает мне весь мир, — закрыла я глаза, улыбнувшись.

Я вспомнила, как мы познакомились. С Донной мы еще со школы и вместе приехали в Нью-Йорк. Со Стейси — в кофейне. Она была такой сумасшедшей с первой встречи, ругаясь с какой-то женщиной. С Евой меня познакомила Донна, они вместе начали работать над рекламой и в конечном итоге подружились. Эбби обратилась ко мне за помощью, становясь моим клиентом. С Долорес — в Cielo. Мы были такие разные. Разные цели, мечты, желания но сейчас мы — семья. Мы не выбираем родных, но можем выбрать семью.

Я пошла в ванную и включила воду. Затем вернулась на кухню и пыталась понять, о чем он думает. Лицо Брайана не выражало ровным счетом ничего, и, когда я подошла к нему впритык, он обнял меня за шею.

Женщина всегда метко попадает в сердце мужчины. Огнем во взгляде, ароматом тела, оружием кокетки, чтением мыслей. Но женщина по своей природе не создана, чтобы ее приручили. Ей нужен спутник, который будет рядом с ней, несмотря на ее рвение к независимости, свободе, справедливости и просто жажде жить. Сейчас я смотрела на Брайана, и ко мне пришло странное понимание истины. Истины, в которую я раньше не верила — мы созданы друг для друга.

— Обличье ангела.

— Разум стервы, — ответила я, целуя его.

Он целовал мою шею, нежно водил руками по телу. Мужчины в моей жизни были как игрушка — Кен. Идеальная фигура, прическа, улыбка и взгляд сквозь очки Versace. Но в отношениях не всегда нужно все обсуждать, попробуйте больше целоваться. Мужчины бывают настолько разными, и вот теперь мне попался тот, от которого вырастают крылья. Наш мир настолько сумасшедший. Он оставил нам стены и поставил рамки, и если мы не будем делать глупости, то в каком-то смысле перестанем жить. И какими дикими не были бы наши замыслы и поступки, все в этой жизни сводится к любви.

— Ты хоть бы старалась быть настолько уникальной, — прошептал Брайан.

— Нет такой необходимости. У меня это от природы.

Затем я ушла в ванную, не закрывая дверь за собой. Я всегда стояла у власти и не могла позволить кому-то другому получить ее. Каждый раз мне казалось, что это физически больно. Мне нужно, чтобы мной восторгались. Чтобы голова шла кругом от моего взгляда. Чтобы я была смыслом жизни. Смыслом жизни Брайана. С первого взгляда на этого человека я поняла, что наша любовь стала историей. Любовь стала неизбежностью. Между нами мало общего, и мы такие разные, но все это не имело значения. Каждый раз, когда я была рядом с этим мужчиной — взлетала. Я была безгранично счастлива.

— Ты очень красивая, — прошептал Брайан, приседая возле меня, когда я окунулась в воду.

— Не надо, — ответила я, смотря ему в глаза. — Скажи мне, что я заставляю тебя чувствовать себя живым. Скажи, что ты улыбаешься чаще со мной. Скажи, что только мой

смех заразительней всех остальных. Скажи, что...

— Ты теряешься внутри собственных мыслей, Эмили, — перебил меня он. — Иногда ты задумчивая и тихая, а в другое мгновение — дикий огонь. Ты уязвима, но всеми силами пытаешься это скрыть. Порой тебя трудно понять.

— Ты веришь в реинкарнацию? — спросила я, улыбаясь.

— Что?

— Ну, реинкарнация, это знаешь, такое явление, когда человек...

— Мне известно, что такое реинкарнация, — произнес он с улыбкой. — К чему такой вопрос?

— Не знаю. Просто недавно читала, что некоторые люди вспоминают себя в прошлых жизнях. Это, конечно, большая редкость, и они не помнят всего отчетливо, а лишь некоторые фрагменты вспыхивают в памяти, но все же это возможно.

Он смотрел на меня с недоумением и заинтересованностью во взгляде. Сердцу не прикажешь. Этот орган делает то, что ему вздумается, не жалея человеческой жизни. Я всматривалась в этого человека. Каждый раз я улетаю за пределы, когда он шептал мое имя. Я мысленно прижимала его к себе, чтобы он держал меня. Сейчас я больше не хотела молчать о том, что чувствую, и не была согласна с тем, что любовь — самая большая слабость человека. Я считаю все совсем наоборот. Это единственное, что держит нас на плаву. Брайан — единственный мужчина, который понимает мою радость и печаль. Единственный, кто понимает меня и мои крылья.

— Я не знаю, верю или нет, — ответил Брайан без тени улыбки на лице. — Обычно я верю только в то, что сам видел. Но если в следующей жизни мы встретимся, и я тебя не вспомню, то сердце узнает тебя наверняка. Каждая частичка моей души навсегда принадлежит только тебе, Эмили.

— Как ты думаешь, почему отношения заканчиваются?

— Ровным счетом в таком случае они по-настоящему не начинались.

Брайан поцеловал меня в лоб и вышел из ванной. Я лежала еще минут десять и думала, что часто хочется уйти от всего. К морю. Ветер слегка касается твоего лица, и ты слушаешь звуки воды и наслаждаешься. Просто забываешь на секунду, кто ты. Такое потрясающее чувство: найти того, кто тебе нужен, когда он уже нашел тебя. Брайан вернул меня, и в то же время я стала потерянной для всех остальных мужчин в мире.

Я вышла из ванной и направилась в свою комнату. Надевая белую майку и джинсовый комбинезон, я не отводила взгляд от своего отражения. Оно мне нравилось, как никогда ранее. Брайан готовил что-то на кухне, и спустя несколько минут я услышала голоса своих родителей и брата. Я села за пианино, и комнату наполнила мелодия Shi Jin — Melody Of The Night. Я хочу распустить крылья. Раньше утром, открывая глаза, я слышала только тишину. Она жутко давила на меня. Она давила на мою душу, и в конце концов в какое-то время тишина, которая породила одиночество, победила.

Знакомые руки легли на мои плечи, и я улыбнулась. Мой отец сел на кровать и наблюдал за движением моих пальцев. Закончив играть, я повернулась к нему, и он улыбнулся мне.

— Эмили, я так горжусь тобой, — сказал он. — Помнишь, как ты училась играть?

— Да. Я каждый раз думала, что ничего не смогу, — улыбнулась я, садясь рядом с ним.

— И каждый раз ты становилась лучше, — взял он мои руки в свои ладони. — Ты всегда окружала себя только сильными людьми, и ты так похожа на свою мать.

Я обняла отца, и он сильно прижал меня к себе. Он всегда говорил, что я делала его сердце добрее.

— Я люблю, когда ты меня обнимаешь, пап.

— Ты моя вселенная, Эмили.

— Я помню, как ты мне говорил, что сильный удар не всегда больнее всего. Главное — знать куда бить.

— Да. И ты превзошла мои ожидания. Ты научилась всему, и даже больше, — я встала с кровати и взяла в ладонь свое имя из белого золота, садясь рядом с отцом. — Ты бесстрашная, смелая и прекрасная.

— Помнишь его? — отдала я цепочку отцу.

— Да. Это был мой подарок тебе на двенадцать.

— Сомневаться — это нормально, пап?

— Однажды он узнает тебя, — застегнул отец имя на моей шее. — Он будет знать о тебе все. Я помню, когда ты родилась. Тогда все затихло. Я появился в дверях палаты и, беря тебя на руки, я был так счастлив. Я помню твои синие-синие глаза в тот момент. Ты смотрела на меня, как на рыцаря. Словно я всегда от всего защищу тебя.

— Так и есть, — улыбнулась я.

— С тех пор, как ты родилась, ты свет моей души, доченька. Ты лучшее, что есть в моей жизни. Тренируйся с теми, кто сильнее. Люби того, кто сходит с ума по тебе. Не сдавайся и всегда побеждай.

— Как ты понял, что мама — твоя судьба?

— Никак. Я просто знал, что она моя. Я узнал ее имя, потом дату рождения, знак зодиака и любимый цвет.

— Да, — появилась мама в дверях, улыбаясь. — Брайан уже знает, когда ты научилась ходить и кататься на велосипеде. Затем будут шрамы, родинки и линии смеха. Он будет обсуждать с тобой книги и обязательно прочтет твою.

— Дарить цветы, — улыбнулся отец, когда мама села ему на колени. — И не будет спать, если ты не сможешь уснуть. Фобии, мечты, страхи и желания.

— Кофе, — погладила мама меня по голове. — Сколько сахара ты кладешь в кофе, и что просто ненавидишь чай без лимона. Будет видеть, как ты плачешь, даже не видя слез.

— А со временем готов будет отдать за тебя душу. Как и каждый, кому повезет узнать тебя. Он будет знать каждую мелочь, которую можно узнать. Дай ему ту, которую он заслуживает.

Я обняла своих родителей, и слезы потекли с моих глаз. Я снова была в том времени, где была счастлива. Я снова открывала альбом счастья и свое сердце для чего-то еще.

Мы спустились вниз, и я улыбнулась, смотря, как Брайан и Макс нарезают салат и готовят мясо.

— Судя по всему, вы справляетесь, — села я за стол.

— Конечно, — улыбнулся Брайан. — Твой брат хорошо готовит.

Образованность и воспитание никогда не выйдут из моды, и Брайан был в этом асом. Все меркло рядом с ним. Перестало иметь ценность. Я стала собой, благодаря этому человеку.

— Ты настоящий джентльмен, — прошептала я. — Всегда находишься слева от меня.

— Просто я не упускаю возможности тебя впечатлить.

Я засмеялась, не отводя от него свой взгляд. Я делала невозможное — возносилась к

небесам рядом с ним. То, что я чувствовала к нему день за днем, было настолько невозможным, как черная роза.

— Какой Эмили была в детстве? — спросил Брайан, когда мы все сели за стол и взялись за еду.

— Веселой, — улыбнулась мама. — Однажды я пришла к ней на танцы раньше, чтобы посмотреть на нее чуточку дольше. Так я просила ее, чтобы она разрешила мне остаться. Я называла ее принцессой, и она согласилась только после того, когда предупредила меня, что они тяжело работают.

— Закон выше всего, — засмеялась я. — Присутствие родителей было неправильным.

— Любовь выше закона, — посмотрел на меня Брайан.

— Меня так долго учили искать правду, что теперь я просто ненавижу все, где хоть капля лжи, — прошептала я, смотря на него.

За столом воцарилась тишина. У нас только одна жизнь. Вы когда-нибудь чувствовали радость только от того, что человек улыбается? Если да, то вы знаете о чем я говорю. Когда один взгляд может заменить тысячи слов, сказанных другими людьми. И не важно, сколько времени я буду смотреть на него, мне всегда будет мало. В этом, наверное, и заключается любовь — смотреть и видеть, слушать и слышать. Нет времени ждать или жалеть о чем-то. Нужно успеть хотя бы любить.

— Она была доброй, — сказал отец, нарушая тишину. — Пыталась взять всех собак к нам домой. И сильной. Она самая сильная женщина, с которой я знаком.

— Спасибо, — прошептала я, не сводя глаз с папы.

— Эмили всегда заставляла нас смеяться, — улыбнулась мама. — Но иногда доводила до слез.

— И моя сестра могла изменить свое мнение, — добавил Макс. — Редко, но могла, а принципы — никогда.

— А как на счет тебя, Брайан? — спросила мама.

— Я из Лас-Вегаса, — ответил он, иногда поглядывая на меня. — Мама и сестра остались там, мы редко общаемся.

— А чем ты занимаешься, когда не ухаживаешь за моей дочерью? — спросил отец, на что я улыбнулась.

— Я работаю. У меня есть ресторан и ночной клуб.

— Что у вас общего с моей сестрой, Брайан? — отложил столовые приборы Макс. — Ты не адвокат и даже не прокурор, не гонишься за быстрой ездой, не играешь на музыкальном инструменте, и явно не любишь быть один.

Мой брат был слишком умен. Умен для своего возраста и пола. Без обид. Я очень редко встречаю умных мужчин, поэтому знаю, о чем говорю. Он защищал меня, хоть ему и нравился Брайан. Я видела это.

— Я играю на гитаре, — пожал он плечами. — Но, поверь, парень, не всегда нужно иметь много общего, чтобы полюбить душу человека, иногда достаточно иметь просто сердце и глаза.

— Раньше Эмили очень часто влюблялась, — улыбнулся Макс. — Каждое утро становилась напротив зеркала и говорила, что ее сердце покорило собственное отражение.

— Это было давно, — оправдывалась я, смеясь. — И не подвергайте меня в шок от этих воспоминаний.

— Тебя? В шок? — все еще улыбка не сходила с лица Макса.

— Ну я была в шоке, — покачала головой. — Пусть даже это длилось несколько секунд.

Моя мама встала со стола и молча поднялась наверх. Затем вернулась на кухню со своей гитарой в руках, передавая ее Брайану. Он молча взял ее и сделал то, что она попросила. Я поняла, что даже если потеряю все, он по-прежнему останется со мной. Я видела это в его глазах. Я поняла, что влюбилась. Мы так мало знали друг о друге, но, несмотря на это, знали фрагменты важного. Наша жизнь, наше счастье состоит именно из деталей, которые делают нас счастливыми. И не важно, сколько мы знакомы, я знала, что он — тот мужчина, которого я выбрала, ни секунды не сожалея об этом. Даже проводить каждый вечер вместе нам было мало. Раньше мне казалось, что просто он занял место в моей голове, ну а теперь я точно знала, что и в моем сердце.

Когда Брайан отложил гитару, я смотрела на него с вожделением. Он еще немного посидел и поднялся наверх, перед этим извинившись. Брайан сдерживал себя. Давал мне пространство и время, я же хотела слиться с ним воедино. Я сказала маме, что вскоре приду, а она поцеловала меня в лоб, качая головой. Поднявшись к Брайану, я открыла дверь и увидела его сидящего на диване, склонив голову.

— Ты в порядке? — спросила я, входя.

Он поднял на меня глаза и всматривался несколько минут. Я подошла и села на пол, касаясь своей ладонью его щеки.

— Мою мать бил ее муж. И когда я узнал об этом, мне было девятнадцать, — сказал он, чуть слышно.

— Твой отец? — спросила я осторожно.

— Нет. Отец Лидии. Моей сестры, — покачал он головой. — Однажды, придя домой, я увидел ее в синяках. Когда я спросил в чем дело, она не ответила, но мне и так было все понятно. Я нашел его за домом и помял немного, — фыркнул Брайан. — Проломил череп и отбил несколько органов. Он умер в больнице. Меня должны были посадить за умышленное убийство и далеко не на один год. Двоюродный брат моей мамы работал в ФБР. И он предложил мне сделку. Я помогу им раскрыть несколько дел, связанных с наркотиками и, если выживу, с меня снимут обвинения. Я три года был там.

Я резко подвинулась к Брайану, и обняла его. Он сделал то же самое ответ, нежно целуя в висок. Теперь я начала складывать мозаику воедино.

— У тебя есть шрамы? — прошептала я.

— Да. Но они нужны мне. Они напоминают мне о прошлом.

— Почему ты не рассказал мне раньше?

— Боялся, что ты отвернешься от меня.

— Это ведь не вся история, верно?

— Нет. Но все это...

— Все хорошо. Я подожду. Я буду рядом, — ответила я, держа его руки в своих ладонях.

— Ты стала очень многим для меня, — посадил он меня к себе на колени. — Ты всем стала для меня. Когда-то я жил работой, но теперь только ты. Моя слабость и опора. Центр моей жизни. Центр моей вселенной. У тебя такая власть надо мной, над моим сердцем. Не понимаю, как раньше жил без тебя и в то же время знал, почему все это время был один — я просто ждал тебя. Ты — то лучшее, что есть во мне. В моем сердце, Эмили.

— Я люблю тебя, Брайан, — прошептала я, беря его лицо в свои ладони. — Я скажу это быстро, иначе не смогу выдать ни слова. Со всем, что происходит в жизни, я не могу ничего поделать с тем, что чувствую к тебе. Это сильнее меня.

— Повтори еще раз.

— Я люблю тебя, Брайан. Я очень тебя люблю.

И он так крепко обнял меня, словно хотел, чтобы мы стали одним целым. Раньше я говорила, что за мной кто-то наблюдает. Но также я знала, что все это время я ждала его. Мне было с кем сравнивать, но несмотря на это, он был несравненным. Он брал верх надо мной. С ним волей-неволей хотелось быть слабой и обезоруженной. Никогда прежде не подумала бы, что мне понравится эта слабость.

— Я не отпущу тебя, — прошептал он, целуя меня в губы.

— И не надо. Держи меня покрепче, — ответила я, смотря ему в глаза.

Я водила ногтями по его спине и вдыхала аромат.

— Эмили, я хочу сказать тебе кое-что, — сказал Брайан, нервно теребя мои волосы.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Но если тебя интересуют мужчины, то не стоит. Я не пойму.

— Я пытаюсь признаться в любви. Сделай мне поблажку по причине дебюта.

От этого мужчины, от его прикосновений мурашки шли по моей коже. Брайан очень красив, умен и добр. Я важна ему. Важна, не как прикроватная тумбочка на одну ночь или адвокат, а совсем наоборот. Ему важна именно я, как человек. Я смотрела на него, чувствуя радость и нервозность в одно и то же время. Качнув головой, предоставила ему возможность начать.

— Я весь поглощен тобой, — прошептал Брайан. — Вдыхай меня каждым своим вздохом. Измени со мной темп своей жизни и возьми за руку. Не стыдись своей усталости и воспользуйся мной в этот момент. Доверь мне контроль над своей жизнью хотя бы на мгновение. Я всегда с тобой. С твоими проблемами, твоей болью и со всеми событиями в жизни, которые меняются. Доверяй мне до такой степени, чтобы проводить со мной столько же времени, как и со своими проблемами. Со временем ты поймешь, что после отдыха и разговоров сможешь сделать гораздо больше. Ты важна для меня, Эмили. И я улыбаюсь, когда ты улыбаешься. Твои мысли имеют для меня огромную ценность.

— Пожалуйста, не переставай говорить, — прошептала я, всматриваясь в его глаза.

Мы упали на кровать, и история повторялась. Я настолько влюблена в него, что не могу это контролировать. Я хочу, чтобы эти чувства были вечными. Хочу, чтобы его мечты стали нашими планами. С ним я готова менять мир и переворачивать планету. Хочу, чтобы Брайан укрывал и согревал меня от непогоды или плохого настроения, а я буду целовать его, когда он улыбается. Каждый раз, когда он прикасается ко мне, я чувствую себя сильной и знаю, что могу светиться даже при свете дня.

— Я нуждаюсь в тебе, дорогая. Я нуждаюсь в тебе каждое чертово мгновение. И теперь, осознавая это, я понимаю, что это моя сила. Ты моя сила. Я люблю тебя за то, кто ты есть. Я люблю тебя за то, кто я с тобой. Но только не за то, что ты делаешь. Ты будешь моей до окончания веков, а потом еще немного дольше. Ты со мной в безопасности, будь уверена. Не бойся положиться на меня, и я покажу сколько могу сделать для тебя. Я покажу, что на самом деле ты умеешь любить и можешь быть счастлива. Но только рядом со мной. Только рядом.

Мы лежали на кровати, и я держала Брайана за рубашку, словно он был моим воздухом. Порой хочется, чтобы рядом был человек, который скажет: «Я тебя понимаю». Чтобы я видела, что он действительно понимает, почему я так поступаю и почему я такая, какая есть. Это важно. Ранее я не понимала, почему люди считают себя неполноценными без партнера.

Но на самом деле ты чувствуешь себя таковой, пока именно та «полноценность» не приходит вместе с этим человеком в твою жизнь, уверенно открывая дверь, и ты понимаешь, что больше ничего не будет так, как прежде.

Позже мы сидели на улице. Я помогала маме нарезать салат, а Брайан объяснял Максу, почему не стоит покупать мотоцикл, не упоминая, что сам фанат этого железа. Мы старались весь день не пересекаться, и каждый думал об утре. Возможно, именно это нам и было нужно. Чувства, как и их разоблачение, случились так неожиданно, что, задумавшись над этим, невольно понимаешь, что сейчас промолчала бы. Брайан посылал мне сообщения на телефон, а я улыбалась, ничего не отвечая.

— Эмили, как он воспринимает тебя? — спросила мама.

— Ты имеешь ввиду мои закидоны? — улыбнулась я, нарезаю мясо.

— Нет, я имею ввиду тебя и твой образ жизни.

— Знаешь, мне не всегда нужен экстрим, мам. Порой я хочу провести вечер рядом с ним, нашими родителями или друзьями, играя в бильярд и попивая пиво.

— У тебя всего одна жизнь, дорогая. Ты знаешь, как хочешь ее провести?

— Да.

— Так скажи ему об этом, — поцеловала мама меня в висок. — Я помню, когда ты уезжала из страны, семьи и всего, чего добилась тут, чтобы поддержать Донну. Ты смотрела на меня своими потрясающими глазами, словно на самом деле не понимала, что делаешь. В тот момент в твоих глазах застыло слишком много боли. Но на самом деле ты все знала. Ты всегда все знала, Эмили.

— Ты так думаешь? — прошептала я.

— Я это знаю, дорогая.

Наши родители — это наши сердца, которые в теле другого человека. Это люди, которые не досыпали ночей в нашем детстве. Они чувствуют нашу боль, пребывая всегда с нами даже на расстоянии тысячи километров. Мама сделает все ради своего ребенка. Эта любовь самая сильная и смертоносная в то же время.

— Дочка, с самого детства ты была слишком самостоятельной девочкой. Я всегда могла на тебя положиться, и не имело значения, ты была в четвертом классе или на четвертом курсе. Многие родители ломали характер своих детей, но не мы. Мы всегда поддерживали тебя, и год за годом ты сама делала себя. Жизнь должна удивлять, а мужчина в ней должен заставлять тебя задумываться о том, чего ты еще не сделала. Вы должны делать лучше друг друга. В этом и смысл любви.

— По принципу вместе в раю?

— В крайнем случае, поделите ад.

В кухню вошли мужчины и сели за стол. Я всегда знала о своей привлекательности и умело ею пользовалась. Много лет назад я пыталась полюбить, позже поняла, что это бессмысленно, и брала из отношений только то, что мне пригодится в жизни. Но со временем я настолько научилась владеть собой, что все чувства были лишь мелочью, от которых я получала силу и власть. Сейчас я знала, что отдаю себя. Я знала, что хочу отдавать себя. И каждый раз, когда я слышала шепот Брайана Прайсона, мое сердце замирало.

Мы сели за стол, ужиная, и снова говорили о мелочах. О погоде, цветах, природе и любимой собаке. В мире так много бессмысленных вещей, что порой кажется, смысла в нем просто не существует. Слова сами приходят, когда нужны, и наши сердца набирают нужный темп жизни, когда понимают, что оно того стоит. Говорят, глаза — зеркало души. Но,

может, наши глаза и есть душа? В них видна наша сила, власть, любовь, ненависти, презрение, восхищение и желание жить. Только глаза — единственное, что может сказать правду о чем угодно.

— Пойдем в кино? — прошептала я.

— В десять вечера?

— На ночной сеанс. Я всегда любила ночные фильмы и разговоры. Люблю людей ночью и состояние их душ.

— Пошли, — обнял меня Брайан.

Я отклонилась от него, чувствуя неловкость под взглядом отца.

— Эмили, — начал папа. — Я понимаю, что ты взрослая и самостоятельная, но это мой дом, и я попрошу, чтобы вы соблюдали нормы.

— Хорошо, отец, я поняла.

— Роберт, я уважаю вас, — сказал Брайан. — И еще больше уважаю вашу дочь. Я сожалею о том, что вызываю у вас возможно не самые приятные чувства, и я прошу прощения за это.

Я поцеловала отца и маму в щеку, подмигивая брату, и мы с Брайаном вышли из кухни. Он направился в свою спальню, а я в ванную. Я надела кожаные штаны с завышенной талией, белую рубашку, и завязала ее немного ниже груди. Черные туфли на шпильке, которые открывали пальцы на ногах, полностью закрывая щиколотку. Расчесала волосы. На руке красовался толстый серебряный браслет. Выходя из комнаты, я улыбнулась, увидев Брайана.

— Мне жаль, что твой отец в тебе разочаровался, — прошептал Брайан.

— Он никогда во мне не разочаруется, — ответила я. — Просто мне кажется, нам пора возвращаться домой.

— Ты дома.

— Нет, нам пора возвращаться в Нью-Йорк.

Я смотрела на вечерний город и не могла поверить в то, что так привязалась к Нью-Йорку. Раньше я очень любила Львов, да и сейчас люблю. Во Львове другие люди и культура. Другой мир. Уличные фонари, мужчины, которые снимают шляпы при виде женщины, и девушки в бальных платьях. Улыбки людей, которые смотрят на тебя с искренностью. Уличные музыканты и танцоры, которые в очередной вечер развлекают прохожих. Вот по этой причине я не хотела уезжать, но сейчас я не покину Нью-Йорк. Этот город так глубоко влез мне под кожу вместе с жителями и воздухом. Друзья, как у меня, большая редкость, а мужчина, который рядом — исключение.

Мы смотрели фильм "Век Адалин", и каждый думал о своем. Брайан периодически держал меня за руку и целовал ладонь. Иметь такую внешность и естественное очарование преступно. Я всегда была как к себе, так и другим, немного жестока. На работе, в жизни, но что мне больше всего нравилось, так это то, что данная характеристика не распространялась на отношения с Брайаном ни в кино, ни в постели.

— И кем ты хотел стать, когда был ребенком? — спросила я, когда мы вошли в ресторан после фильма.

— Журналистом.

— Журналистом? — удивилась я.

— Да-да, — засмеялся Брайан. — Я совершенно не умею писать, но там много пива, когда едешь на мероприятия.

— Я думаю, тебе бы доставляли пиво прямо домой, только чтобы ты не писал.

— Это было жестоко, — смеялся Брайан.

— Смотря с высоты на людей и их жизни, поняла, что там, в Нью-Йорке, я на своем месте. Тут слишком тихо, — улыбка исчезла с моего лица. — Люди ходят так, словно продумывают каждый следующий шаг, в отличии от ньюйоркцев. Мы живем работой и сексом. Этого достаточно, ведь по большому счету вся наша жизнь крутится вокруг этих вещей.

— Какой ты никогда не хочешь быть, Эмили?

— Нищей, — ответила я.

Мы взяли еду на вынос и пошли по улочкам, которые освещали фонари.

— Ты боишься только бедности? — удивился Брайан.

— Да. Я слишком долго зарабатывала для того, чтобы быть независимой. Я столько, черт возьми, работаю, что порой мне кажется, что я не живу своей жизнью. Я просто ходячий парадокс.

— У тебя пять машин, пентхаус в Верхнем West Side, собственный офис, где ты единственный адвокат. Твое имя есть на всех закрытых вечеринках, и ты боишься лишь нищеты? Тебе не кажется это странным?

— Я шла по живым трупам, чтобы мое имя было на этих вечеринках, Брайан. Раньше ты считал меня святой?

— Нет, у тебя есть прошлое, поэтому мне интересно с тобой разговаривать. Расскажи мне.

— Тут нечего рассказывать, — покачала я головой, выбрасывая пакет с едой.

— Грязный секс?

— Да.

— Алкоголь, сигареты, наркотики?

— Наркотиков не пробовала, курить, кажется, бросила, — улыбнулась я.

— Почему?

— Ты мне скажи, — остановилась я, смотря на Брайана. — Кажется, что ты изменил что-то во мне. Ты словно включил свет внутри моей натуры, но я все еще не знаю, как сделать так, чтобы он не переставал гореть.

— Ты смогла бы убить, Эмили?

— Да, — ответила я. — Смогла бы.

— Знаешь, ты великолепна. Ты чертовски потрясающая.

Брайан взял меня на руки и начал кружить. Я смеялась, а он сильнее прижимал меня к себе. Я поцеловала его. Нежно, совсем не углубляя поцелуй. Когда я целовала Брайана, знала, что он чувствует, как и я. Мы задыхались от чувств друг к другу. К людям, которых толком и не знали. Рядом с ним я совсем теряю контроль. Одним прикосновением он делает так, что все мои мысли, желания и фантазии принадлежат лишь ему. Одно его присутствие — уже намек на что-то большее, и от того, что он не был очередным, желание усиливалось.

— Мне нравится, что ты осознаешь свою слабость, ведь благодаря этому я чувствую себя сильнее, — сказал Брайан мне в губы. — Не относись к себе так серьезно. Я на твоей стороне, всегда, так за что ты переживаешь? Будь со мной, Эмили, даже когда ты занята чем-то другим.

— Эмили, проснись, — услышала я сквозь сон.

— Брайан, — посмотрела я на часы. Сейчас четыре утра.

— Пошли погуляем.

Я всегда смотрю на жизнь трезвым взглядом, в которой нет места иллюзиям. Я никогда не была мечтательницей, смотря даже на мужчину, которого полюбила с трезвостью ума. Я хочу, чтобы в нем присутствовали определенные качества: серьезность, рассудительность, финансовая самостоятельность и непреодолимое стремление к порядку и чистоте жизни.

— Прайсон, ты серьезно? — посмотрела я на Брайана, когда он сел на мою кровать.

— Знаешь, я люблю дождь, — слышала улыбку в его голосе. — Теплый и холодный. Не понимаю людей, которые нервно бегут от него.

Я улыбнулась его попытке быть лучше. Быть таким, каким я хочу видеть его. Мы все усложняем. Если ты хочешь что-то делать, прекрасно. Поднимайся и делай. Не сиди на одном месте, ожидая чего-то, что никогда само не придет. Это всегда придает уверенности и вдохновляет окружающих.

— Что ты хочешь еще знать? — спросил Брайан, ложась рядом.

— Расскажи о своей жизни, о своем городе и лучших друзьях, — легла я на бок, смотря на мужчину рядом. — Любишь ли ты рыбалку и как относишься к первому президенту?

— Больше всего в людях я ценю верность. Верность к своей семье, любимому человеку, слову, делу, обязательствам, — усмехнулся он, смотря на меня. — Я не люблю рыбалку, уважаю своих друзей и никогда не задумывался насчет первого президента. Я люблю свой город, но Нью-Йорк я люблю больше. А как насчет тебя?

— Когда я приехала в Нью-Йорк, то встретила своих подруг.

— Этот город может быть слишком одиноким.

— Мы взяли друг друга под крыло, — сказала я с улыбкой. — Прекрасные девушки.

— Чего ты никогда не вынесешь, Эмили?

— Ты хочешь честный ответ или ответ женщины, которую любишь?

— Я хочу честный ответ женщины, которую люблю.

— Никогда не говори мне, что ты чего-то не можешь, — сказала я. — Seriously. Я перестану тебя уважать. Я должна быть уверена в тебе. Должна быть уверена в том, что ты попытаешься решить мою проблему задолго до того, как она появится.

Брайан сильно обнял меня за талию, и это было то, во что я искренне верю. В нас. Я живу рядом с ним. Любовь. Одно слово, а как много оно значит. Для многих чувства к другому человеку могут заменить весь мир. Но больше всего мне нравилось то, что мы были зависимы друг от друга, но не испытывали созависимости.

— Почему ты тогда так усердно пытался добиться моего внимания? — спросила я.

— Ты мне понравилась. Ты сильная, Эмили, а я не люблю слабых людей. Ты отдаешься всему, что любишь: своей семье, друзьям, работе, городу, машине и даже клавишам пианино. В тебе столько страсти, порой столько злости и жестокости, но ты вся светишься. Я живу рядом с тобой. И я не скажу, что влюбился в тебя с первого взгляда, но со второго это произошло точно.

Брайан целовал мои ладони и держал руки в своих. Я никогда не понимала женщин,

которые копаются в прошлом своих мужчин. До этого времени. Я хочу знать все, хоть и понимаю, что порой не стоит искать то, что может разочаровать. Я не могу успокоиться. Я чувствую, что тут что-то не так, и привыкла всегда знать правду. Человек, пустивший в себя тьму хотя бы однажды, навсегда с ней и останется. Ранее мне казалось, что замужество и серьезные отношения совсем не для меня. Не каждый мужчина поймет, что иногда я хочу одиночества и тишины. Но также я представляю, что Брайана вдруг не станет, и тогда меня и правда охватывает одиночество, которое будто ломает кости. В жизни каждого человека должен быть другой человек, который своим появлением меняет всю его жизнь и мировоззрение.

Вскоре я встала с постели, а Брайан уснул. Собирая чемоданы, я не переставала думать о том, что нас ждет дальше. Я уже просто ни в чем не уверена. Мне нужно было строить свою собственную жизнь, и моя работа всегда будет ее частью. Сидя над документами на кухне, мама не сводила с меня взгляда. Я заказала билеты и сказала, что уезжаю. Она качнула головой и смотрела на меня последний час, не проронив ни слова. Семья — наша самая большая сила и самая большая слабость. Не нужно торопиться взрослеть. По большому счету, я даже не научилась быть взрослой. Я слишком рано выросла и теперь понимаю, сколько всего потеряла. Пропустила года детства, пытаюсь быть взрослее, пропустила года первой любви, походы в кино и сидения на лавочке по вечерам, все время учась, а потом работая. Я всю чертову жизнь отдавала чему угодно, но не себе. Я разучилась чувствовать. Слова со временем перестали задевать, унижать или делать больно. Думала, что однажды все станет на свои места. Каждый шаг станет важным, и в конце концов, все будет, как в сказке. Я успею. Я не жалею, но нужно было вовсе не так жить.

— Мама, как ты поняла, что отец любит тебя? — встала я с места, прежде чем уйти наверх.

— Ему был дорог каждый мой каприз.

— Нам пора, — прошептала я, улыбаясь со слезами на глазах. — Прости меня.

— Мужчины влюбляются быстрее, — подошла мама ко мне, сжимая меня в объятьях. — Они частенько идеализируют любовь, считая, что, если люди любят друг друга, то никаких проблем быть не может. Мужчины любят бескорыстно. Просто потому, что рядом есть та самая, в отличии от женщин. Если он действительно любит тебя, то до самого конца попытается сохранить отношения. Если ты станешь его партнером и другом, а не только женщиной, с которой он делит постель, то Брайан будет любить тебя сильнее, чем мать и сестру.

Я качнула головой и поднялась наверх. Сегодня мы попрощались с родителями и братом и через два с половиной часа летели прямым рейсом в Нью-Йорк. Брайан держал меня за руку, а я не перестала думать о том, что будет дальше. Он так изящен, так добр, так красив и прекрасен душой. Говорят, что думающий человек часто бывает оторван от реальности. Но как перестать думать о каждой мелочи, которая так или иначе происходит в нашей жизни? И если перестать думать, то будем ли мы проживать наш день по-настоящему?

Диплом юриста — это как лицензия на все противозаконное, но что мне делать с моралью, которая не разрешает идти против закона? Чистоплотность — вот что главное в человеке. Как бы далеко мы не были, и кого бы не звала судьба в нашу жизнь, нужно уметь держать марку перед самим собой. Нет людей, которые не нужны нам в жизни. Каждый из проходящих что-то оставляет после себя, меняя нас. Я поняла это по мужчинам, которые приходили и уходили из моей жизни, и по моему характеру, который со временем

становился живой сталью. Мама говорила, что я слишком рано выросла, и с каждой ошибкой, совершенной в жизни, я понимала, что становлюсь храбрее. Храбрее себя вчера, храбрее, чем думают другие, храбрее, чем многие живущие на Земле.

Сообщение пришло на мой телефон от Тиффани, чтобы я перезвонила, но связи толком не было. Поглядывая все время на часы, я нервничала. Нервничала из-за работы, из-за возвращения в Нью-Йорк и больше всего из-за нас с Брайаном.

— Что тебя беспокоит, Эм? — спросил он. — Ты дергаешься слишком много времени.

— Не знаю, — прошептала я. — Кажется, все изменится.

— Иди ко мне, — обнял меня мужчина. — Я буду рядом. Ничего не изменится. В тебе я нашел все, что искал.

— Что ты нашел? — посмотрела я на него.

— В жизни каждого мужчины есть множество женщин. Есть те, которые не забываются, а есть та, которую невозможно забыть. Ты появилась, и я начал видеть горизонты. Ты умнее меня. Ты красивая. Ты заботливая и добрая. Ты всегда говоришь правду, будь я прав или нет. То время, что мы вместе, наполнено страстью. И ты значишь для меня все, Эмили. Я от начала и до конца пропитан тобой.

— Я хочу быть самым важным в твоей жизни.

Брайан сильнее обнял меня, и я забылась. Я была практически невесомая. Улыбка. Вздох. Закрываю глаза, чтобы продлить это мгновение. Исчезли все лица. Дыхание реже, замедляется, а затем сердце стучит как сумасшедшее, и я растворяюсь, забывая о мире.

— Эмили, кто был твоим кумиром? — спросил Брайан. — На кого ты ровнялась? Кем восхищалась? Мерлин Монро или Одри Хепберн?

— Изабеллой Кастильской, — посмотрела я на него.

— Почему?

— В то время, когда Испания представляла собой одно сплошное разорение и множество королевств, она первая закрепила там католицизм. Она родила десятерых детей, потеряв из них при рождении или чуть позже ровно половину.

— Да, но она подвергала людей жутким репрессиям.

— Но именно эта женщина заложила фундамент испанской империи будущего. Благодаря Изабелле вся Южная Америка говорит на испанском языке, а учитывая, сколько народов в те времена жили в Испании, инквизиция, возможно, была единственным выходом сохранить нацию. Кроме того, она росла в семье католиков.

— Она спасла Колумба от тюрьмы, — улыбнулся Брайан.

— Да, и в честь нее он назвал первую колонию на территории Латинской Америки.

— Ты никогда не перестаешь меня удивлять, — улыбнулся мне Брайан.

Вот почему раньше у меня не было отношений. Никто на меня так не смотрел. Никто мной не восхищался. И никто не пытался узнать меня. Оказывается, где-то внутри я хотела, чтобы в моей жизни появился мужчина и перевернул весь мир, изменил взгляды и привычки. Приехал, забрал и увез далеко от всей этой суеты, а потом уложил спать, укрыв одеялом. Утром сделал кофе и поцеловал. Я всегда думала, что для счастья нужно много факторов, но сейчас понимала это по-другому — нужно было многое, но поистине счастливой я чувствовала себя просто рядом с ним. Есть люди, ради которых ты забудешь всех. Это как внезапный ливень, а потом радуга. Таким же внезапным ливнем в мою жизнь вошел Брайан.

Ситуация выходила из-под контроля. А я привыкла все контролировать, как и этот мужчина. Только в фильмах бывает, что встречаются двое сильных людей, и они счастливы.

В реальности есть проблемы, недомолвки, вранье и страхи. Страхи, которые мы еще не раскрыли, и то, что мы так и не успели друг другу сказать.

Приземлившись в пять часов утра, мы направились в мой дом. Я приняла душ, и как только собиралась идти спать, телефон показал фото очередного клиента. Мартин Адамс — человек, который владеет крупной строительной компанией в Нью-Йорке.

«Эмили, я не могу присутствовать на сделке. Проведи её сама, а потом скажи, сколько они готовы заплатить. До встречи.»

— Ну да, кто бы сомневался, — пробормотала я себе под нос.

Мой телефон зазвонил, и, поднимая трубку, я услышала Стивена:

— Меня задержали, — сказал он. — Я жду вас.

— Скоро буду, — ответила я, направляясь в комнату.

Я надела джинсы, блузу, на ноги красные лодочки и стала искать ключи от машины в выдвижном ящике.

— Эми, ты куда? — вошел в спальню Брайан.

— Извини, у меня работа. Позже позвоню.

— Но мы же только приехали.

— Я потом позвоню тебе.

Я поцеловала его в щеку, спустилась в гараж, завела ауди и направилась в участок. От привычек избавляются не скоро, особенно от тех, которые стали «второй кожей». У каждого наступает такой момент, когда нужно сделать выбор. Выбор профессии, человека, какой кофе ты любишь и в какой стране будешь жить. Вся наша жизнь — это череда выбора.

Я ехала через центр, который еще был практически пуст, и чувствовала, что дома. Однажды я проснулась и поняла, что изменилась. Я перестала узнавать свои привычки, свои взгляды и свою жизнь. Я поняла, что перед моими глазами проходила история, которую я не жила для себя. Я проживала жизнь, к которой не была готова. За то время, проведенное с нужным мужчиной, я стала старше и мудрее. Я поняла, что в конечном итоге все в этом мире сводится к любви.

Войдя в участок, меня схватил за руку следователь.

— Я был о вас лучшего мнения, мисс Харисон, — сказал он.

— О вас могу сказать то же самое, — ответила я со злостью. — Где мой подзащитный?

— Одумайтесь, кого вы прикрываете, адвокат.

— И без вас знаю.

— Вторая дверь по коридору.

Я вошла в кабинет, и там сидел Стивен в наручниках. Мы были похожи с ним — отказались от всего, что могло причинить нам боль, и сконцентрировались на том, что делало сильнее.

— Я надеюсь, вы ничего не говорили? — спросила я, садясь рядом.

— Нет, — ответил он. — Я ждал вас.

В кабинет вошел следователь и сел напротив. Он скрестил руки на столе и всматривался в меня, словно от его взгляда я могла хотя бы смутиться.

С появлением Брайана я чаще проявляла сострадание, жалость, чувства, и порой могла выглядеть смущенно и незащищенно. Я ненавижу ложь. За милую чувствую, что мне врут. Не выношу трудности, но мастерски справляюсь с ними. Но все-таки наша жизнь — мелочи. Жить стоит именно ради них. Ради ночных разговоров, поцелуев под дождем, танцев без музыки, любимой книги, теплого кофе и любимых глаз после трудного дня. Звезды,

приключение и Новый год. Рассветы, закаты и первый снег на дворе. Нужно попробовать задержать дыхание и немножко жизни. Удержать мгновение и запечатлеть его в памяти. Жить ради того, что заставляет чувствовать нас живыми. Жить ради жалости, порой беззащитности и сострадания.

— Мы можем приступить к допросу? — спросил Стивен.

— Да, — ответила я. — Только в чем вы обвиняете мистера Максфилда, надев на него наручники?

У меня сложилось впечатление, что у мужчины, сидящего напротив, личная неприязнь к Стивену. Затем он расстегнул браслеты и вернулся обратно.

— Где вы были с ночи 15 на 16?

— Я был...

— Он был со мной, — ответила я. — Это могут подтвердить камеры в моем офисе.

— Это правда, мистер Максфилд? — спросил следователь.

— Да, — качнул головой Стивен, смотря на меня с опаской. — Это правда.

— По какой причине?

— Мы говорили о следующей сделке, — ответил Стивен.

— О какой сделке?

— На такие вопросы мы не обязаны отвечать, — сказала я. — Если у вас есть что-то конкретное, я вас слушаю, а если нет, то мы уходим, и вы можете продолжать свою охоту на ведьм.

— Отпечатки мистера Максфилда нашли на месте преступления, — сказал следователь.

— На чем? — спросила я.

— На его одежде.

— Чьей?

— Вот, — ответил он, показывая мне фото мертвого мужчины. — Марк Марьянс. Он работал в фирме Стивена, и накануне они сильно поругались.

— Послушайте, — не отводила я взгляд. — У мистера Максфилда есть алиби. Они вместе работали и то, что они ругались, не доказывает, что мой клиент убивал его. А сейчас, если это все ваши доказательства, мы пойдем, — встали мы с кресла, направляясь к выходу. — Позвоните, когда будет что-то большее.

Мы покинули здание, и я выдохнула. У меня болела голова, и я устала после перелета. Я только приехала, но сейчас отдала бы многое за то, чтобы отключить телефон, взять книгу и отправиться в домик у озера. Стоя сейчас у зала суда, понимаешь, что жизнь — это свобода. Только свобода — это идти, куда хочешь. Слушать свои желания и чуточку забыть о морали.

— Давайте пройдемся, мисс Харисон, — сказал Стивен, подавая мне руку.

— Я на машине, — ответила я. — Вы хотите о чем-то поговорить?

— Нет, иногда приятно пройтись с умным человеком.

— Вы будто пытались там защитить меня, а не я вас.

— Вы женщина.

— Но кроме этого я юрист, — улыбнулась я. — А значит я сумасшедшая и всегда буду вас защищать.

— Вы чертовски привлекательны, — ответил Стивен, на что я нахмурилась, а он лишь покачал головой. — Я не хотел вас смутить, мисс Харисон. Как вы думаете, хорошо было бы, если бы я сам знал те законы, которые смогли бы меня защитить?

— Знание законов — это хорошо, мистер Максфилд. Все зависит от того, как вы бы их

использовали.

Я люблю умных людей и простые вещи. Любовь, кофе, утро у моря. Темп моей жизни просто порой не позволяет наслаждаться этим. Но я бы хотела. Хотела бы сидеть на собственной террасе домика у озера и рисовать картины, умей я это делать. Или читать книги, узнавая этот мир чуть лучше. Ходить по мостовой, смотря, как меняется температура озера в зависимости от погоды. Смотреть на все, переставая каждый раз уничтожать людей и делать больно каждому, кто стоит по другую сторону баррикад.

Мы прошли к моей машине, а затем зазвонил телефон.

— Извините, нужно ответить, — сказала я, поднимая трубку. — Привет, Тиффани.

— Через двадцать минут ты должна быть в фирме Адамса.

— Буду, спасибо.

— Спасибо вам, мисс Харисон, — поцеловал Стивен мою руку.

— Не говорите ничего лишнего, я со всем разберусь.

И я отправилась на очередное дело. Раньше мне говорили, что юрист — проклятая должность, и я никак не могла этого понять, пока не приехала в Нью-Йорк. Ты постоянно в гуще событий и почти не бываешь дома. Мой уровень жизни пыталась контролировать Донна. Она замедляла все вокруг, смотря на небоскребы. Теперь это делал Брайан. После рабочего дня все, что я хотела — быть рядом с ним.

Войдя в конференц-зал, первым делом я осмотрелась. Это было большое, просторное освещенное помещение с огромным столом посередине. Только вот лица, сидящие за ним, были просто отвратительны. Джаспер Амел — парень, который покупает все, что видит, а потом перепродает по частям. Его адвокат — Кристофер Вайт. Он единственный юрист, которого я уважаю во всем Нью-Йорке. Конечно, я думаю, что он меряется слитками и членом со своими друзьями, но язык у него подвешен почти так же хорошо, как у меня.

— Здравствуйте, мисс Харисон. Какая приятная встреча. А где ваш клиент? — спросил Вайт.

— Здравствуйте, — ответила я, садясь напротив. — Надеюсь на быстрое её окончание. Сегодня я одна. Приступим?

— Да, конечно, — так же официально ответил Вайт. — Мой клиент хочет купить строительную компанию «Constructing». Нам кажется, что это хорошая возможность для обоих, так как мой клиент готов щедро заплатить за нее.

— Мистер Амел, что вы сделаете с этой компанией? — спросила я, обращая свой взгляд на него.

— При всем уважении, мисс Харисон, это вас не касается, — ответил он.

— При всем уважении, вы — покупатель, а не наоборот, так что я думаю, касается.

— Вы не имеете права спрашивать меня о моих планах, — начинал нервничать Амел.

— Я хорошо знаю свои права, поверьте, только ответьте, в дальнейших переговорах вы хотите конкурента или соперника? — скрестила я руки на столе.

— Хорошо, я отвечу, — ответил он со злостью. — Я сделаю то, что сделал бы каждый на моем месте — распродам её по частям.

— Сделки не будет. До свидания, — направились я к выходу.

— Хорошо, я дам десять миллионов!

— Да хоть двадцать. Я лучше сама куплю эту компанию и изменю среду деятельности, чем позволю, чтобы тысячи семей остались без кормильцев.

— Вы ведь понимаете, что это не конец, мисс Харисон? — спросил Вайт.

— До свидания, мистер Вайт, — ответила я, закрывая за собой дверь.

Мартин Адамс — мой второй клиент. Пожилой мужчина, которому уже хотелось отдать себя семье, а не фирме. Люди со временем устают от спешки, работы и даже этого города. Но чего я не могла допустить, так это развала еще одной компании.

— Мистер Адамс? — позвонила я клиенту, садясь в машину.

— Да, Эмили?

— Я думаю, вам не стоит продавать свою компанию этому человеку, — Адамс молчал, подавая мне знак, чтобы я продолжала. — Он разберет её по частям, и она исчезнет, словно никогда не существовала.

— Эмили, но я больше не в силах руководить ею.

— Если я найду другого покупателя?

— Время, ты же знаешь, — вздохнул он.

— Я постараюсь.

— Хорошо, мисс Харисон. Держите меня в курсе.

— До свидания, мистер Мартин.

Я села в свою машину и опустила голову на руль. У меня есть четыре состояния: общительная, тихая, отчаянная и полна ненависти. Так вот сейчас у меня именно четвертое состояние. Моя работа стала моей первой любовью. Она приносила мне не только прибыль, но счастье и радость. Но с тех пор, как я обрела любовь, мне стало плевать на потерю всего остального. Я перестала жить жизнью каждого клиента и стала наслаждаться собственной. Сейчас все вокруг заставляло меня скучать по Брайану. С тех пор, как я с ним, я знаю, что нет ничего не возможного.

Позвонил Брайан, и звонок в таком настроении меня не обрадовал. Хотя обычно, когда я говорила с ним, моей улыбкой можно было осветить полмира. Порой я хочу молча грустить. Грустить в одиночестве. Ведь на свете нет ничего лучше, чем влюбляться в собственную жизнь день за днем, зная себя.

— У меня нет настроения. Я хочу побыть одна.

— Что случилось? — спросил Брайан. — Я помогу тебе.

— Нет, я сама справлюсь.

— Эмили, как тебя нужно любить, чтобы ты поверила?

— Я не знаю, — прошептала я, даже не задумавшись.

— Позвони мне, как будешь готова, — сказал он спустя несколько секунд, и я положила трубку.

Я заглянула в блокнот и смотрела на свое расписание. Суд Эмили через два часа. Усталость заполняла мой мозг и тело. Врать трудно, но недоговаривать тяжелее. Я не врала. Не все говорила, но точно не врала по поводу себя и нас. Бывают моменты, когда хочется быть волком. Когда не знаешь, что сделать, чтобы не навредить никому словесно или себе физически. Чем день, тем больше понимаю, что ломаюсь. Я не знаю, выдержу ли следующий, и это меня убивает. Сколько бы я не пыталась уйти от своих страхов до конца, у меня не получается, даже с появлением в жизни идеального мужчины.

Я взяла телефон и позвонила Вайту. Секретарь нас соединила.

— Я слушаю вас, мисс Харисон, — ответил он.

— Мистер Вайт, хотела попросить вас.

— Вы не просите, мисс Харисон. Просят об одолжениях. Вы заставляете.

— Мистер Вайт, то, что вы слышали обо мне, ничто в сравнении с правдой.

— Мисс Харисон, на вашем месте я бы лучше помолчал в суде и не подрывал свою репутацию, — ответил он. — У вас нет шансов.

— Я не стану молчать по доброте душевной, — ответила я со злостью. — Я надеру вам задницу и напому, кто я.

— Было приятно пообщаться, мисс Харисон.

Когда ты выбираешь профессию адвоката, забываешь о равенстве и собственном достоинстве. Величие собственной души становится ничтожным, и со временем забываешь о том, что имеешь право на ошибку. Ты становишься почти не человеком, понимая, что от тебя зависит судьба многих, пусть даже недостойных этого мира людей. Суметь уничтожить врага полностью зависит от тебя. Забываешь, что можешь быть хотя бы вторым среди лучших.

Звонок Тиффани нарушил тишину:

— Адвокат истца перенес допрос по семейным обстоятельствам, его суд перенесли еще на две недели, мисс Смоук подала иск в суд на три миллиона за изнасилование со стороны твоего подзащитного. Сегодня нужно составить план допроса и через три дня, семь часов, и тридцать четыре с половиной минуты состоится главное событие, связанное с твоими двумя подопечными.

— Какими подопечными? — спросила я в замешательстве.

— Гендельман и его компания.

— Хорошо, я приеду после суда. Тифф, что за года работы со мной ты ненавидишь?

— Ничего, — ответила девушка. — Но есть привычки, которые не делают тебя лучше.

— Например?

— Порой ты слишком жестка и прямолинейна. Ты зациклена на том, чтобы все происходило в точности так, как ты хочешь, и не иначе, смотря свысока на тех, кто пытается внести что-то новое в твою жизнь и нарушить идеальный мир, построенный тобой.

— Знаешь, почему ты все еще рядом со мной?

— Потому что я всегда говорю правду, — слышала я улыбку в ее голосе. — Эм, никто не спорит, что у тебя непростой характер, но это лишь по отношению к чужим людям, а со своими близкими ты другая. Ради своих любимых ты готова горы свернуть, и мы любим тебя за это.

— Знаешь, иногда мне бывает даже интересно, ошибаюсь ли я когда-нибудь?

— Я забираю свои последние слова назад, — засмеялась подруга. — Ты где?

— Сейчас поеду на пятую авеню за новым костюмом для процесса.

— Удачи на суде.

— Она мне не нужна, но все равно спасибо.

Я включила Rita Ora — Poison и рванула с места. Лучшее в жизни мы приобрели благодаря терпению, рвению к лучшему и семье. Горьковатый вкус жизни полезен, ведь потом благодаря этому мы понимаем, как он сладок. Может быть поэтому я никогда не спешила с отношениями? Ведь внутри меня буря и огонь одновременно. А тот, у кого есть то же самое, сразу поймет, что ему нужна именно я. Я хочу гореть, а не догорать. Я люблю покой, но он мне не нужен, вот такой я парадокс.

Мне бывает интересно, искал ли меня Брайан в каждой женщине? Хотел ли он меня, не зная, встретит ли вообще? Что я для него значу? И самое главное, интересна ли для него моя любовь так, как хочу того я?

— Верно ли я понимаю, Эмилия, — говорила я. — Лишь вы по большому счету

занимаетесь ребенком?

— Верно, — ответила женщина. — Дочь своего отца совершенно не видит, а если и видит, то лишь с другими женщинами или пьяным.

— По завещанию своего отца ваш муж должен прожить с вами под одной крышей не менее десяти лет.

— Да. Иначе его дети унаследуют все еще при его жизни.

— Но я не изменял своей жене, — крикнул этот подонок.

— А как на счет Донны Картер? — посмотрела я на него.

— Вы не докажете.

— А мне и не нужно, — подошла я к судье. — Ваша честь, сейчас я добавлю снимки с вещественным доказательством, и я хочу, чтобы их приняли.

— Протестую, — сказал Вайт. — Нельзя просто так добавить фотографии, которые вы могли подделать.

— О, поверьте, мистер Вайт, эти не подделаны, — улыбнулась я, качая головой.

— Я добавляю эти снимки как вещественное доказательство, адвокат, — посмотрела на меня судья. — У вас все?

— Да, ваша честь, — ответила я. — Думаю, этого более, чем достаточно.

Дело Эмилии я выиграла. Ребенок остался с матерью, хоть отцу и разрешили забирать ее раз в неделю на пять часов.

У вас никогда не было ощущения, что вы впустую тратите свой день? Красота спасет мир, но разве мы всегда имеем ввиду только людей? Ни к чему пышность фраз. Триумф победы не всегда сладок. Донна. Она спасала периодически не только мою душу, но и мое дело. Она заботилась обо мне. Могла говорить неприятную правду, но никогда не позволяла умереть. Даже морально. Эта девушка повязала невидимые нити на наших запястьях, и я знала, что ради меня она пойдет даже на войну.

Я вышла из суда и вдохнула свежего воздуха.

— Что это были за снимки? — спросила миссис Мазерфилд. — Кто на них был?

— Знаете, Эмилия, порой нужно давить до тех пор, пока не заболит, — посмотрела я на нее. — Берегите себя.

— Спасибо вам.

Я последний раз взглянула на нее и направилась к своей машине. Зазвонил телефон, и я увидела фото Донны на экране айфона.

— Ты в порядке? — спросила подруга.

— Ты каждый раз спрашиваешь у меня это после суда.

— Потому что я знаю тебя, Эм. Ты можешь все время жить под куполом. Никто не вправе вешать тебе бирку с ценником. Ты Эмили Харисон, помнишь?

— Я не знаю, что делать.

— Потому что это впервые. Это чувство великой руки творение.

— Птицей? — улыбнулась я, садясь в машину.

— Однажды мы ими станем. Хочешь, я сегодня останусь рядом с тобой?

— Хочу.

— Не падай, Эм, не надо.

— Я жду тебя.

Наверное, я причинила самой себе больше зла, чем все остальные люди вместе взятые. Но Донна права. Я Эмили Харисон. Я отмахнусь, проглочу все обиды и пойду дальше. Когда

другие будут совершать самоубийства, я буду улыбаться и идти вперед, несмотря ни на что. Но порой хочется остановиться. Быть в безопасности в чьих-то объятьях. Сдаться. При всем моем желании доминировать в отношениях, кажется, я все ему прощу. Стремление оставлять всегда последнее слово за собой было в прошлом. Любовь к шуму, риску и яркому свету у меня в крови. Я редко ошибаюсь и никогда не буду уважать того, в ком разочаровалась. Я много видела в жизни: жестокость и тонкость натур, мужчин-полубогов и рыцарей, ложь и правду, но если я и верила в кого-то, то только в «нас». Я не родилась с любовью, но умру лишь с ней.

Единственным мужчиной, с которым я хотела сейчас говорить, был мой брат.

— Привет, сестренка, — сказал Макс, когда я позвонила ему.

— Как ты? — улыбнулась я.

— Весь на чемоданах, — засмеялся парень. — Мне звонил Брайан.

— Ты хочешь, чтобы я с тобой говорила о отношениях? — скептически спросила я.

— Да, а почему бы нет?

— Думаю, ты говоришь глупости.

— Меня пускают к тебе, — сказал Макс, переводя тему. — Через полтора года я буду у тебя со всеми вещами.

— Макс, не торопись взрослеть, научись быть взрослым. Поверь, там ничего хорошего нет. У тебя будет право выбора, но не толького, чем заниматься, а и насчет жизни априори.

— Ты же не будешь держать меня дома и под контролем? — спросил он, смеясь.

— Нет, конечно нет. Это твоя жизнь, твой выбор, твои решения и ошибки. Но я всегда буду рядом, чтобы помочь тебе, дать совет и снести все трудности на нет. В любое время суток, слышишь?

— Да, Эмили, я слышу. Ты же знаешь, что я также?

— Да, я знаю, — улыбнулась я.

— Что у тебя случилось?

— Я просто недостаточно... — попыталась сказать я.

— Ты самодостаточна и идеальна по всем параметрам, поняла? В твоих глазах есть именно тот свет, та искра и рвение не стоять на месте, и именно это делает нас похожими и отличает от остальных. Просто помни всегда об этом.

— Я люблю тебя, Макс, — прошептала я, закрывая глаза, чтобы сдержать слезы.

Нужно начать сейчас. Пусть даже будет страшно и немного больно. Но кем я буду, если не попробую? Кем я буду, если не рискну? Нельзя стоять на одном месте. Пусть будет сложно, но я научусь сжигать мосты.

— Здравствуйте, мисс Харисон, — улыбнулась Тиффани в трубку, когда я набрала ее номер.

— Привет, — сказала я в ответ. — Что это с тобой?

— Просто давно не говорила так. Что-то нужно сделать?

— Да, — я замолчала на несколько секунд, смотря в зеркало заднего вида. — Записывай: Lexus LFA, Benz G63 AMG Hennessey HPE 700, BMW Alpina Bu Bi — Turbo Carb F33.

— Ты мне диктуешь название своих машин? — удивленно спросила она. — Ты что, серьезно?

— Я еду покупать новую машину, поэтому эти мне больше не нужны, — ответила я, включая в машине Faydee — Lullaby. — Машины — игрушки мужчин.

— А мужчины?

— Игрушки женщин, — тронулась я с места.

— Ты циник.

— Не всегда.

— Сумасшедшая, — засмеялась Тиффани.

— Поэтому мне нужна такая же машина.

— Что ты хочешь за них?

— Как можно дороже, Тиффани, — ответила я с наигранным ужасом. — Ты же юрист, значит ты понимаешь толк в машинах.

Затем я положила трубку, не попрощавшись. Я тот человек, который редко говорит «пока» в конце разговора. Ненавижу прощения, даже по телефону. На улице светило солнце, а я вышла из машины и стала разглядывать мустанги разных моделей и цветов. Но, смотря вокруг, не увидела машины, с которой хотела бы прожить жизнь.

— Вам помочь? — спросил консультант, подходящий ко мне.

— Выбор машины — выбор души, не так ли? — посмотрела я на него. — Это ощущение счастья — слышать рев мотора, это учащенный пульс от переключения передачи. Механика, как душа. Она требует любви и подхода.

— На чем вы приехали? — спросил мужчина лет сорока, смотря на меня.

— Ford Mustang Boss 55769 Pro-Touring PK Motors, — ответила я, склонив голову на бок.

— Пройдемте со мной, — сказал он спустя несколько секунд молчания. И я последовала за ним. Мы вошли в зал, где стояли Shelby, и я потеряла дар речи.

— Дальняя, — сказал он, показывая на модель, от которой я не могла оторвать взора. — Красивая машина.

— Красивая? — спросила я, не отводя взгляд от железного коня. — Ford Mustang V6 2016 cabriolet. Это произведение искусства.

Я направилась к машине цвета бордо с белыми поперечными полосками на капоте.

— Самолет, а не машина.

Садясь за руль, я провела по нему кончиками пальцев. Скорость. Она течет в моих жилах, а что может быть лучше, чем езда на таком шедевре? Я как наркоман. Только вместо героина у меня красный мустанг.

— Оформляйте ее, — сказала я, на мгновение закрыв глаза.

— У вас наличка или перевод?

— Банковская карта, — ответила я, выходя из машины и передавая карту.

Я никогда не разрешала привозить мне машины и всегда доставляла себе их сама, делая первый ее настоящий пробег. Я села за стол менеджера, прочла договор и подписала бумаги. Пока ждала, написала Брайану, что вскоре направлюсь домой и буду рада, если он все-таки будет у меня. Я поняла, что мое хобби — далеко не только машины или книги. Главное мое хобби — Брайан. Я люблю слушать его, разговаривать с ним и смотреть на него. Мне нравится то, как он пахнет, какой он, и какая я рядом с ним. На самом деле все в нашей жизни сводится к любви, начиная от покупки цветов и заканчивая началом войны.

Я забрала документы, ноутбук и некоторые вещи с бардачка и перенесла их в новую машину, паркуя Boss 557 на стоянке. Мне отдали карту, и я подписала документы. Надела очки, села в машину, открывая окно, и включила Adelitas Way — Last Stand. Сто километров за 3,9 секунды. Я рванула с места и написала Тиффани, чтобы ждала меня у входа. Приехав на место, увидела, что та улыбалась и завизжала, когда увидела меня.

— Я хочу эту малышку, — крикнула она, обнимая меня.

— Убери от нее свои ручонки, — засмеялась я. — Она еще девственница.

— Как ты так быстро купила новую машину? Ты клиентов тщательней выбираешь, чем машину.

— Это не просто машина, это мой ребенок. Она гладкая, изящная и так сексуальна.

— Мы точно о ребенке говорим?

— Она уже большая девочка, — ответила я, пожимая плечами.

Подруга улыбалась, а я смотрела на нее и благодарила, что судьба подарила мне такого человека. Будучи далеко, я знала, что с фирмой и клиентами все будет в порядке. Со временем я хочу сделать ее своим партнером, она заслужила это. Женщины сильнее, чем думают многие мужчины.

— Я со всем справляюсь, если тебе интересно, — сказала она, когда мы вошли в здание. — У меня было несколько сделок, и я продала фирму, о которой ты просила позаботиться.

— Кому? — удивилась я, не переставая улыбаться.

— Это конфиденциальная информация.

— Не зли меня, Тиффани, — покачала я головой.

— Он просил не говорить, кто покупатель. — девушка ждала какой-то реакции, но поскольку ее не последовало, Тиффани договорила. — Брайан твой. Он пришел с утра и начал спрашивать о тебе и твоей работе. Если честно, было умилительно и жалко в то же время. А я как раз занималась поиском покупателя, так как клиент начал нервничать из-за сроков, и подсуетилась. Я рассказала ему, что тебе важна эта фирма и что ты не продаешь её кому попало. А он сказал, чтобы я готовила бумаги и предупредила Мартина Адамса о том, что он покупает фирму. Брайан, кстати, заплатил за нее сорок миллионов.

— Боже, это двойная цена фирмы, — прошептала я.

Закрыв глаза, я увидела то же лицо. Брайан. Я скучала по нему, думая о том, как он целовал меня, водя пальцами по телу. По нашим разговорам, по его глазам, которые видели только меня. Мне нравилось то, как он любил меня. Этот человек отличался от остальных своим умом, обаянием и явным уважением ко всему, что его окружало. Но в то же время мне нужна была правда, честность и преданность, чего, судя по всему, он не способен дать. Но я и поверить не могла в такую быструю привязанность с его стороны. Тут было что-то не так, и я хотела это узнать.

— Тиффани, мне нужен айтишник, — сказала я, направляясь в свой кабинет.

— Эмили, у нас уйма дел. Я не справляюсь. Нужно...

— Нет! — перебила я ее. — Со всем остальным я разберусь потом. Сейчас у меня другое дело.

Я не знала, кому позвонить в этой ситуации, и первое, что мне пришло в голову — Брайан. Я набрала номер, и эти несколько гудков казались мне вечностью.

— Да?

— Мне нужна твоя помощь.

— Я слушаю тебя, — ответил он. — Принесите другие документы, с прошлыми договорами мы разобрались. Извини, это не тебе.

— Мне нужен айтишник, которому можно верить.

— Что случилось?

— Нужна помощь с компьютером.

— Я понял. Что именно нужно?

— Нужно взломать базу данных полиции.

— Что тебе нужно?

— Ты мне поможешь?

— Эмили, ты адвокат, — сказал он. — А это противозаконно.

— Ты мне поможешь? — стояла я на своем.

— Подожди на линии.

Брайан поставил меня на удержание, а сам отошел. Спустя тридцать четыре секунды, я снова услышала его голос.

— У тебя есть 120 секунд, смотри, что тебе нужно и уходи из сервера.

— Спасибо тебе большое, — ответила я, все еще слушая его дыхание в трубке.

Я сразу вошла на сайт полиции Нью-Йорка. Не было защиты, строки пароля, он словно был сломлен.

— Так, так... — шептала я, вводя данные Максфилда. — Где же что-нибудь о тебе?

И тут я наткнулась на отпечатки пальцев на месте преступления, убийстве о котором он мне ранее рассказывал. Как только я собралась удалить все улики, сайт выключился. Я снова вошла на сервер, возвращаясь к базе данных. Нажав на удаление, нервно ждала, пока строка дойдет до конца.

— Эмили, ты защищаешь не очень хороших людей.

— Я не защищаю их настолько предано, как ты думаешь, но держу репутацию.

Я знала, что хожу по лезвию ножа, но ничего не могла поделать. Мне нужна была информация. Я просто хотела быть готовой к исходу событий.

— Я хочу объяснений, — сказал он жестко.

— Я не могу тебе их дать, Брайан. Это моя работа, и я не знала к кому обратиться.

— Это незаконно!

— Ты у нас такой праведник.

— Я заеду за тобой.

— Не надо, — вздохнула я. — Давай каждый пусть занимается своим делом.

— Я скоро буду.

Знаете, что мне нравится в мужчинах? Мужчина. Возможно, другие посчитают это банальным, но для меня многое значит, когда я говорю с мужчиной, он ждет пока именно я первая сброшу вызов. За все мои года общения с ними, я научилась ценить тех, которые ждут, пока ты первая не прервешь свое дыхание в трубке.

— Как ты дошла до этого, Эмили? — вошел Брайан в мой кабинет, спустя полчаса.

— Я вытерпела все начало, — подняла я на него глаза.

Я всегда хотела распоряжаться своей жизнью. Никогда не позволяла себе плакать и ни разу не сползала по стене после захлопнутой двери. Вокруг столько всего удивительного. Музыка, театры, книги, ночные разговоры и шум дождя. Тихое море и бушующий океан. Весь мир ждет меня, я знаю это. И я приду. Однажды я все брошу и уйду, куда глаза глядят. Только, возможно, уже с кем-то интересным за руку. Жизнь — это сейчас. Мы никогда не будем моложе, чем в этот самый момент, и на самом деле идеальной жизни не существует. Идеалы попросту скучны. Никогда не поздно начать. Это лишь отговорка для ленивых и глупых.

— Расскажи мне, Эмили, — сел он напротив меня.

— Жизнь — игра, Брайан. И она принадлежит мне. Мне принадлежит моя жизнь и

многие другие, я не имею права проиграть.

— Думай меньше о такой глупости. Ни минуты уже не вернешь из прошлого.

— Ты не знаешь, как я порой работаю, — смотрела я на него.

— Я люблю тебя, несмотря на твои поступки. Бывает, ты пытаешься быть лучше, даже немного другой, чтобы заслужить любви. Но какой бы ты ни была, твои поступки и моя любовь — это разные вещи. Я не ставлю никаких условий. Не бойся, ведь я с тобой, несмотря ни на что.

Брайан подошел ко мне и сильно обнял. Я посмотрела на него и чуть улыбнулась. Огромный букет полевых цветов был у него в руках.

— Цветы, — наслаждалась я ароматом. — Какой повод?

— Хорошо, когда без повода, — ответил он.

Как часто мужчина вас удивляет? Как часто вы хотите отношений и видите только единственного человека в своей жизни? У меня такое первый раз в жизни. Говорят, есть вещи гораздо важнее, нежели мужчины. Но в жизни нет ничего важнее, чем любовь.

Я забрала бумаги, выключила лампу и спустилась вниз. Брайан держал меня за руку и улыбнулся, увидев новый автомобиль.

— Ты нашла место для него?

— Я продаю остальные, — передала я ему ключи. — Хочешь?

— Хочу.

— Брайан, я редко тебе говорю слова, в которых нуждается каждый мужчина, но ты дорог мне. Я люблю тебя.

Он сильно сжал меня в объятиях и посадил к себе на колени, когда мы сели в машину. Слезы потекли с моих глаз. В нем я нашла все, что искала. И даже больше. Мы жили и просто однажды встретились, и с того момента произошло то, что мы называем судьбой. Я чувствовала любовь к нему каждой клеточкой тела. Раньше я не умела мечтать, но с ним мечтаю. Он верит в меня, а я в его веру.

Мы ехали по ночному городу, и я улыбалась сквозь слезы. Мужчину нужно почаще хвалить. Тогда у него вырастают крылья. Мы вошли в мою квартиру, зазвонил телефон, и я услышала Донну.

— Дорогая, через час мы ждем тебя.

— Я буду.

Брайан поцеловал мою шею, и я улыбнулась. Его руки сжали мои ягодицы, и я закусила губу.

— Я ничего не боялся, пока не встретил тебя, Эмили, — прошептал он.

— Что-то случилось? — спросила я, поворачиваясь к нему и проведя рукой по его щеке.

— Твое мнение может измениться, — ответил он. — Я расскажу тебе и надеюсь, что ты согласишься и останешься со мной.

Брайан слишком сильный. Слишком красивый. Слишком умный. Слишком воспитанный и интеллигентный. И слишком... Боже, он просто слишком идеальный. В мире не существовало информации о его прошлом, которая могла бы изменить что-то между нами.

— Я убил мужа матери, — сказал Брайан.

Я качнула головой в знак согласия. У меня появилось странное чувство. Я не знала, как оно называется. словно что-то должно случиться, и все полетит к чертям.

— Раньше у меня часто были вспышки гнева, и со мной было трудно справиться, — продолжил он. — И в очередном его проявлении я застрелил человека. Намеренно. Это был

наркоман, который подсаживал подростков на экстази.

— Это был твой отчим?

— Сначала был этот, а потом муж матери.

Несколько минут я просто молчала, понимая, что человек, которого он убил, погубил далеко не одну жизнь, но свыкнуться с мыслью, что у женщины, которого я люблю, гнев приводит к убийству, довольно непросто.

— Эмили, скажи что-нибудь. Покричи, ударь, или что-то еще, только не молчи.

Я встала с дивана и оперлась рукой на стену.

— Брайан, я не знаю, что ответить. Просто о таких вещах ты мог бы мне сказать раньше. Где-то между сексом или ужином: «Эмили, я однажды человека в гневе убил, а как у тебя на работе?»

Он подошел ко мне ближе, смотря в глаза. Я стала отходить и как только собралась открыть дверь, Брайан схватил меня.

— Да послушай, вот потому и не говорил. Я боюсь такой реакции.

— Не сваливай все на мою реакцию, — кричала я. — Я устала от секретов. Что я еще должна знать? Много еще таких вещей?

— Нет. Ты узнаешь все, — я подняла бровь. — Когда-нибудь.

— Вот когда-нибудь и поговорим, — пыталась я вырваться. — Черт, отпусти меня, Прайсон! Я тебе не игрушка, ты не можешь меня контролировать и решать, уходить мне или нет.

— Потому что тебя вообще никто не может контролировать, ты не разрешаешь. Никуда ты не уйдешь, — спокойно ответил он, сильно держа в своих руках.

— Ненавижу тебя.

Поставив меня на землю, он взял мое лицо в руки и сказал:

— Я люблю тебя, слышишь, я люблю тебя, и никуда ты от меня не денешься. Куда бы ты не ушла, догоню тебя, и куда бы ты не пыталась уехать, найду. Я в ад спущусь и к небесам поднимусь ради тебя. И убью ради тебя, Эмили. Я больше не тот человек. И могу себя контролировать. Поговори со мной. Только не уходи, прошу тебя.

В любви проявляется все самое худшее. Но любовь оправдывает все. Она разрушительна, отважна и свободна. Я потянулась к нему и крепко сжала в объятьях. Это больше, чем любовь. Это притяжение. Непреодолимое желание, что хочется разорвать на части в попытке утонуть в нем. Я хотела его. Я хотела Брайана еще и еще.

— Прости. И я не ненавижу тебя.

— Я знаю, малышка, знаю. Поговори со мной. Расскажи, чего боишься ты. Пожалуйста только не говори, что меня.

— Нет, — покачала я головой. — С тобой я чувствую себя в безопасности.

Он поцеловал меня. Мы не несемся по течению, а совсем наоборот. Я верна измерениям иным. Мужчина, которого вы любите, убивал? Ладно. Не один раз? Хорошо. Все это вранье, недомолвки и прошлое перекрывает любовь. Фильмы о любви неинтересные, гораздо лучше наша жизнь.

— Как на счет быстрого секса? — улыбнулся Брайан. — Я разведу в стороны твои бедра и буду вылизывать твою киску, пока ты не будешь умолять, чтобы я трахнул тебя. Я переверну тебя на живот, и ты будешь полностью в моей власти. И я буду делать это снова и снова, пока утром мы не увидим первые лучи солнца.

— Попридержи эту мысль, Брайан, — прикусила я его шею. — Попридержи, а после

того, как мы вернемся домой, сделай это.

Мы тяжело дышали, и я пыталась прийти в себя. Брайан усилил хватку вокруг моей талии и сжал другой рукой мою попку. Мы собирались в ресторан и спустя полтора часа были на месте. Брайану нужно было поработать, и он поцеловал меня в щеку и поднялся наверх.

Донна была одета в короткое шифоновое платье без бретелек цвета слоновой кости, которое выделяло грудь, и красные босоножки на шпильке. Ева надела элегантное маленькое черное платье с прозрачным кружевом поперек животика и белые туфли на шпильке с открытым носком. Стейси нарядилась в платье чуть выше колена с юбкой-солнцем кораллового цвета и черные ботинки Lita. Долорес была в ажурном голубом платье до колен с вырезом на спине и белых туфлях-лодочках. Эбби красовалась в красном платье-футляре без рукавов чуть выше колена и черных туфлях на шпильке. Я же на сегодня выбрала желтое шелковое платье-бандо с короткой юбкой спереди и подолом сзади до костяшек и черные туфли на шпильке с открытой пяткой. Они сидели с улыбками на губах, счастьем в глазах и бокалами шампанского в руках.

— Ты уже увеличила гараж? — закричала Эбби.

— Я остальные продаю, — ответила я, смеясь.

— И зачем тебе новый мустанг? — спросила Долорес. — Женщина за рулем — это всегда сексуально, но не на такой же. Это же не машина, а зверь.

— Мустанг — моя любовь, — ответила я, садясь за стол.

— Я думала Брайан, — хмыкнула Эбби.

— Брайан — мой возлюбленный. А Shelby — любовь, — ответила я, делая заказ.

— Машина лучше мужчины, — добавила Донна.

— Верно, но только есть это мустанг, и больше ничего.

— Вы такие сумасшедшие, — засмеялась я, делая глоток шампанского.

— И если выпьем столько алкоголя, то окажемся в больнице, — сказала Ева.

— Наслаждайся, — подмигнула Стейси.

— Я так давно не пела, — сказала я, попивая коктейль.

— Ну так в чем проблема? — задала вопрос Ева.

— Я не смогу сейчас, — ответила я, смеясь.

— Детка, ты прогнешь под себя вселенную, и она будет подчиняться, — сказала Эбби.

Я посмотрела на каждую из своих подруг, затем выпила коктейль до дна и поднялась с места.

— Девочки, я хочу петь, здесь должно быть караоке, — улыбнулась я.

— Так, ты кто такая и что ты сделала с Эмили, верни её обратно, — засмеялась Эбби.

— Если Эмили захочет, то этот клуб пешком пойдет ради ее улыбки, — ответила Стейси. — Особенно, боясь гнева Прайсона.

— Я сейчас все устрою, — сказала Донна, и прежде чем уйти к Dj, выпила залпом бокал «Космо».

Вернувшись через несколько минут, она взяла меня за руку и приказала всем следовать за ней.

— Эмили, выбирай песню, — сказала Эбби.

— Пусть будет Can't Fight the Moonlight — LeAnn Rimes, — сказала Долорес.

— Если я завтра захочу умереть, убейте меня, — сказала я, смотря на своих подруг.

— Идем, крошка, — улыбнулась Стейси, и мы все последовали за ней на сцену.

Я чувствовала взгляд и улыбку Брайана, обращенные ко мне, но никак не могла найти его глазами. Отбросив эти попытки, я просто пела и наслаждаюсь. Я пела только для него, и он знал это без каких-либо слов или доказательств. Мы провели потрясающий вечер. Брайан познакомил нас со своими друзьями, и один из них, Майкл, определенно понравился Стейси, хотя он далеко не тот тип мужчины, которых всегда предпочитала Эс. Он серьезен, знает, чего хочет, и добивается этого. Старается не обращать внимание, что знает о собственной сексуальности, что является исключением из правил Стейси. Она определенно не осталась равнодушна к нему.

Адам — второй мужчина, заинтересовался Донной, но Донна не верит ни во что. Говорила, что выйдет замуж только ради социального статуса, но, когда сама поднялась по этой лестнице и до сих пор стоит очень твердо, сказала, что муж ей и вовсе не нужен. И Адам не был исключением. Он был высоким мужчиной со светлыми волосами и голубыми глазами. С теплой улыбкой, как у Брайана, и насколько я поняла по их общению, он один из его лучших друзей.

Когда мы пошли танцевать, знакомые руки легли на мою талию. Это невыносимо. Его дыхание щекотало кожу на моей шее, а руки исследовали тело.

— Брайан, я хочу тебя, — прошептала я ему в ухо, кусая его шею.

— Ты ненормальная, — ответил он, прижимая меня к себе.

— Я предпочитаю: непредсказуемая, веселая или спонтанная. Мне нравятся джентльмены, но, когда ты ведешь себя, как подонок, я схожу с ума, — взяла я его за руку.

Мы завернули за угол, и Брайан прижал меня к стенке. Я притянула его за волосы, сильнее прижимая к себе, и впилась в него поцелуем. Мы тяжело дышали. Музыка гремела, и вокруг было много народу, но мы видели только друг друга и чувствовали только витавшее возбуждение между нами. Брайан заправил мою выбившуюся прядь за ухо и спустился поцелуями к шее. Затем взял меня за руку и повел к выходу. Оказавшись на улице, мы вдохнули запах свежего воздуха, а затем, смеясь, сели в машину Брайана. Водитель тронулся с места и, нажав кнопку, в одно мгновение между нами и водителем появилось матовое стекло. Я села Брайану на колени, ослабляя галстук. Он одним своим видом возбуждал меня настолько, что сдерживаться больше не было сил. Запустив руки ему в волосы, я притянула его к себе, жадно целуя.

— Эмили, — сказал он, тяжело дыша. — Мы в центре Нью-Йорка и мы в машине.

— Мне плевать, — ответила я, растягивая его пояс.

Брайан целовал мою шею и мочку уха и проник пальцем в мое сладкое местечко. Я застонала, цепляясь руками за его плечи.

— Мы нарушаем законы морали, милая, — игриво сказал он.

— Они и созданы для того, чтобы их нарушать.

— Боже, и это говорит мне адвокат, — засмеялся он, расстегивая молнию платья.

Я сдавалась без боя. Этот мужчина снова был со мной. Я целовала его нежную кожу, которая так же пахла гелем для душа и мятой. Мне чертовски нравилось все то, что происходило между нами. Я ахнула, после улыбнулась. Мое тело было на пределе. Я знала, что Брайан в курсе этого. Говорят, что женщине нужен сон, чтобы функционировать, а мужчине секс. Так вот, я не подхожу под эту статистику, я могу не спать, но секс мне нужен как воздух. Секс с Брайаном. Я, конечно, не такое животное, мне не настолько важен исход, как сам процесс страсти, желания, стоны, его запах, толчки и чувство чертовой идеальности, когда он двигался внутри меня.

— Боже, Эмили, ты просто клубок противоречий, и этим сводишь меня с ума.

— Я знаю. Это то общее, что есть у нас, — сняла я пиджак с него.

— Вырез подчеркивает грудь, и платье так потрясающе подходит к цвету твоей кожи, контрастируя с оттенком шеи, — прошептал он, покусывая и посасывая мою кожу.

Я застонала и улыбнулась. Я ненавидела, когда одежда разделяла наши тела, и я не могла почувствовать тепло его кожи.

— Брайан, но кроме сладкой упаковки, внутри...

— А внутри я сейчас попробую.

Спустя два часа, мы попали домой. Я открыла дверь, и как только мы собирались войти, Брайан поднял меня на руки и понес в спальню, захлопнув дверь ногой. Он посадил меня на пианино, и мы не отпускали зрительного контакта. Освободил от платья и снял свой пиджак. Он целовал мою кожу. Одной рукой я держала его за шею, а второй расстегивала рубашку и снимала брюки. Он снова был со мной. Рядом с ним я возношусь к небесам, несмотря на то, что по многим поступкам в лучшем случае заслуживаю на ад.

— И я буду делать это с тобой снова, и снова, и снова. Как и обещал.

Сегодня ночью я впервые была в квартире Брайана. Это был безжизненный дом. Минимальное количество мебели, и никаких квартирных аксессуаров, словно ее снимали, зная, что в скором времени уедут. Не было фотографий, картин, цветов и остальных вещей, которые делали помещение домом. Тем более не скажешь, что здесь живет миллиардер: ни роскоши, ни болезненного богатства. В спальне белые стены и контрастная черная мебель. И главной достопримечательностью была гитара.

За это время я узнала о Брайане гораздо больше, чем знала до этого любого мужчину, с которым была знакома годами. Его любимый цвет изумрудный. Алкоголь — виски. Он не фанат машин, а только мотоциклов. Больше чем двадцать смертей на счету этого человека: «Я получаю удовольствие, когда бью кого-то. Мне нравится причинять боль человеку, который этого заслуживает. И когда я спускаю крючок, у меня внутри словно бальзам, который смазывает каждую измученную деталь». Дико. Вот какое слово сначала я подобрала для услышанного, но потом поняла, что именно это мне и нужно. Дикость. Судя по всему, только поэтому я и выбрала профессию юриста и машину мустанг. Любовь всегда права, но со временем понимаешь, что человеку нужно немного пространства. Если не всем, мне то уж точно. Мне нужно чувствовать свободу, и я не имею ввиду только выбора. Я проснулась, когда уже солнце стучало в окно. Брайана не было рядом, так что я отправилась на кухню делать кофе. К холодильнику была прикреплена записка: «Любимая, твой кофе в кофеварке. Прямо по коридору есть подвал. Найди меня».

— Маньяк какой-то, — сказала я с улыбкой.

Но все равно пошла его искать. Спустившись, увидела то, чего меньше всего ожидала — потного соблазнительного мужчину в тренировочных шортах с бинтами на руках, колотящего грушу. Остановившись в дверях, я наблюдала за игрой его мышц, за движениями и сосредоточенностью над тем, что он делает. У него потрясающая внешность, соблазнительная улыбка, тело бога, но под всем этим скрывается заботливый, добрый и нежный мужчина, который ценит свое и счастлив, когда ты рядом.

Судя по всему, Брайан почувствовал взгляд на себе и обернулся.

— Доброе утро, — улыбнувшись, сказал он, вытирая лицо полотенцем.

— Доброе утро, — ответила я, пожирая его глазами. — У тебя тут бойцовский клуб.

— Ты хотела узнать меня. Вот это то, чем я занимаюсь, когда злюсь или снимаю напряжение. — Я подошла к нему и нежно поцеловала в губы, обнимая за талию.

— Я потный.

— Мне все равно. Кроме того, ты такой сексуальный, — подмигнула я ему. — Хотелось бы знать причину твоей напряженности.

— Когда ты голая и теплая спишь рядом в моей постели, как ты думаешь, я могу расслабиться? — ответил он с хищной улыбкой.

— Нужно было меня разбудить.

— Ты побудешь сегодня со мной?

— Мне нужно на работу.

— Чем ты руководишься в суде? — спросил Брайан, когда мы поднялись наверх.

— Не доказано — значит не виновен, — исчезла улыбка с моего лица.

— Ты никогда не сомневаешься?

— Если засомневаешься, ты покойник.

— Эмили, ты не любишь говорить о своей работе? — открыл он холодильник.

— Я адвокат, — покачала я головой, смотря на экран телефона. — Во мне нет ничего сострадательного на той стороне. Я умею отлично эмоционально отстраняться. Кроме того, я перфекционист.

— Почему ты выбрала именно эту профессию?

— Я стремилась сделать мир лучше, чем есть. Я терпелива и вижу вранье насквозь. Со мной не выйдет схитрить или сделать ставку на то, что я могу что-то забыть или пропустить.

— Тиффани, — отдал мне чашку Брайан. — По каким критериям ты ее отбирала из тысячи юристов в этом городе?

— Тщательность, точность, честность и корректность. Она не была ленива, вульгарна, лжива или расчетлива. Она держит под контролем свои эмоции. А ты почему выбрал свою профессию?

— Я не выбирал, — покачал он головой. — У меня не было выбора. Но я умею наблюдать и побеждать. Я начал много времени уделять работе, брал на себя порой невыполнимые задачи.

— Я пойду под воду, — сказала я, поцеловав его в щеку.

Я лежала в ванной, когда дверь открылась, и вошел мой любимый мужчина. Он снял спортивные брюки и залез ко мне. Я положила голову на его грудь, наслаждаясь чувствами, которые меня переполняли. Брайан сильнее прижал меня к себе, и я улыбнулась.

— Слышишь? — прошептал он.

— Что?

— Как бьется мое сердце рядом с тобой?

Я повернула к нему голову и поцеловала грудь. Даже если весь мир будет против него, я буду стоять рядом с этим человеком. В этот момент я поняла, что слово «любовь» слишком слабое для того, чтобы описать мои чувства к Брайану. Когда мы встретились, он был объектом, когда переспали — любовником, потом — другом, вскоре стал мужчиной, которого я полюбила, а теперь, ни много ни мало, смыслом жизни. Я не говорю, что не смогу жить без него. Я смогу, но дело в том, что не хочу. Это было самым правильным в моей жизни — чувства к Брайану.

— Брайан, я хочу поехать в Новую Зеландию.

— Хорошо, поехали. Кажется, горы зовут тебя, не так ли? — увидела я улыбку на его лице.

— Кажется, они мне по плечу.

Путешествия помогают лучше понять многие вещи и обрести себя. Вы не должны доказывать никому и ничего. Каждый живет так, как хочет, создавая собственный мир реальности, в котором ему комфортно. Никто не вправе говорить вам, что делать и как жить. По большому счету, люди расходятся на жизненном пути, считая, что именно их теория правильности линии жизненной полосы непоколебима. Но с другой стороны, а кто сказал, что эта теория неправильная для определенного человека? По большому счету, всем все равно, как мы живем. И если уж что-то случается в нашей жизни, то у нас нет другого выхода, как принять это. Как сказал Макс Фрай: «Какая к черту разница, почему небо в

очередной раз рухнуло мне на голову? Оно рухнуло, следовательно, надо выстоять».

— Брайан, — взяла я его за запястья. — Я люблю, когда ты не относишься ко мне, как к кукле.

— Эмили, я люблю сочетать занятия любовью с тобой и жесткий трах, но пока на тебя не будет кольца, я не буду проявлять к тебе грубость.

— Брайан, на мне клеймо независимости, и я не готова от него избавиться.

— Значит, я уберу его и нанесу свое.

Меня ошарашили его слова. Я знала, что он не сделает мне больно. Под клеймом он имел в виду кольцо, которое я не готова была принять еще как минимум несколько лет. Брайан поцеловал меня, не давая возможности задуматься о чем-то еще. Поцеловал властно, страстно, до боли в губах и яростно прижимая к себе. Я выбрала эталонного красавца. Такого, что при первом взгляде на него сердце замирает. Наверное, только истинная красота могла меня заставить отключить мозг. Истинная красота лица и сердца. Говорят, мужчины не Боги. Но я считаю совсем наоборот. Любой мужчина — Бог. Именно так. И если он не произвел на вас впечатление Бога, значит, вы не влюблены. Такие уж они существа. Им нужна вера в себя, которая порождает ее только из слов женщины. Из ее взглядов и улыбки. Их нужно вдохновлять. Но для этого мы и сами должны быть вдохновленными. Я никогда не хочу доказывать Брайану своего превосходства над ним. Своего совершенства. Я не буду ему конкуренткой, а только соратницей, пусть даже против всего мира. Я вижу лучшее, что есть в нем. Я уважаю его, а не только люблю.

— Твои губы — мой кислород. И я хочу дышать все время.

Я улыбнулась и прижалась к нему, обнимая за талию. В Нью-Йорке возможно увидеть падающие листья еще до прихода осени. Ты накрываешься прозрачным теплым одеялом, окунаясь в мягкие подушки. Для меня этим одеялом был Брайан. Внешность, ум, возраст, социальное положение, качества характера — все это, по сути, глубоко вторично. Есть ложь, в которую мы свято верим: «Если мы одни, то одиноки». Но все совсем наоборот. Мы не одиноки, а просто одни. Наслаждаться собой — самое трудное искусство, но, освоив его, мы становимся счастливыми. И как бы то ни было, счастье — это когда у нас есть то, чего мы хотим. Это не сегодняшней день, а все дни в нашей жизни. Просыпайтесь с мыслью о хорошем, и это обязательно произойдет. Никто не может нам навредить больше, чем мы сами. Меняйтесь. Меняйте взгляды и продолжайте двигаться. Вы должны быть сильными, но чувствовать боль. Это нормально. Не лгите, но порой лучше все-таки смолчать. И самое главное — мечты. Это не бессмысленная трата времени. Мечтайте. Но после, если вы хотите чего-то, то пойдите и получите.

— Кто твой любимый поэт?

— Шарль Бодлер, — ответила я. — А твой?

— Я знаю много стихов. Раньше мама заставляла учить, но по правде, у меня нет такого. Мне нравится наблюдать за тобой, когда ты читаешь или слушаешь стихи.

— Прочти мне что-нибудь.

— Тебя, как свод ночной, безумно я люблю,

Тебя, великую молчальницу мою!

Ты — урна горести, ты сердце услаждаешь,

Когда насмешливо меня вдруг покидаешь,

И недоступнее мне кажется в тот миг

Бездонная лазурь, краса ночей моих!

Я как на приступ рвусь тогда к тебе, бессильный,

Ползу, как клуб червей, почуя труп могильный.

Как ты, холодная, желанна мне! Поверь, -

Неумолимая, как беспощадный зверь!

— Он великолепен, — прошептала я, закрывая глаза.

С любовью не спорят, ведь начиная такой спор, ты проигрываешь с самого начала. У каждого из нас есть ангел, который оставляет нам след, по которому мы всегда будем лететь, зачеркивая все, что было, и взлетая выше облаков.

— Ты такая красивая.

— Потому что я счастлива, — прошептала я в ответ. — Нам мало вселенной с тобой. Мало вечности.

Это был самый интимный момент моей жизни. Самый чувствительный. Я никогда о нем никому не смогу рассказать, а только вспоминать с улыбкой в глазах.

Мы не ценим того, что у нас есть. Не ценим искренность и любовь, пока не потеряем. Но в конечном итоге понимаем, что образ некоторых людей высказывается на нашем сердце, и мы не вправе этому помешать. Люди приходят и уходят, такова жизнь. Но разве всегда всех нужно отпускать? И если не бороться за то, что важно, мы ничего не сможем поставить в правильное русло или жить счастливо.

Брайан поднял меня на руки и направился в комнату, кладя на кровать. Я лежала на боку, а он накрыл меня, сжимая в объятьях. Я не только смотрела на Брайана, я видела его. С тех пор, как он нашел меня, и с тех пор, как полюбил, мне больше никого не нужно. Он — другой. Нет, он просто мой. Я думала, что умею читать людей и знаю о них все, но встретив этого мужчину, поняла, что на самом деле в постижении людей я бездарь. Я не понимаю, как раньше говорила о прекрасном утре с другими мужчинами. Как я вообще пустила в свою жизнь кого-то другого, кроме него? Почему я была знакома со столькими ненужными людьми и не была знакома с ним? Просто однажды я поняла, что не хочу никого ни о чем оповещать. Я закрылась. Полностью ушла в себя. А потом я встретила его. Я не позволяла любить себя, но он все равно любил. Я не позволяла быть рядом, но он приходил каждый раз без стука. Я не люблю цветы, а он все равно каждый раз дарил их. Вся моя жизнь начала пахнуть лишь его духами. Я стала видеть жизнь его глазами. Рядом с ним я полюбила свое отражение в зеркале.

Мой телефон зазвонил, и я, ненавидя его в этот момент, подняла трубку.

— Харисон.

— Эмили, у тебя дело по убийству, — сказала Тиффани.

— Что? Я не занимаюсь убийствами.

— Потому что не доказано — не виновен? А доказать практически нереально?

— Именно, — ответила я вздохнув. — Какого хрена ты мне даешь дела?

— Эмили, если ты не забыла, в Нью-Йорке есть комитет права. И что они скажут, когда нужно будет продлевать удостоверение? Она отличный адвокат, только есть половина уголовного кодекса, который она даже не открывает. Потому что она чихать хотела на убийства. Ты любишь, чтобы на тебя чихали?

— В чем дело, Эм? — спросил Брайан, когда я бросила трубку и вылезла из ванной.

— Мне дают дело с убийством, — вздохнула я.

— Разве тебе могут дать дело?

— Поверь, могут. И я ненавижу раздел убийства.

— Ты боишься убийц? — произнес он с улыбкой.

— Нет, дело в самой системе. В том, как следователи относятся к предполагаемым убийствам, хотя их вина даже не доказана, и в том, как проводятся допросы. Только в двадцати процентах случаев виновный действительно слышит обвинительный приговор.

— Разве это плохо? — обнял он меня за талию.

— Когда ты первый раз допрашиваешь человека, то на 99,9 % уже знаешь ответ о его причастности к этому. И как бы ты себя чувствовал, если защищал бы того, в чью вину искренне веришь?

— Но ты же адвокат, дорогая, это твоя работа.

— Да, но в то же время я человек. Мне редко приходится защищать невиновного.

Мир жесток. Не важно, кто виновен, а кто нет. Важно чей адвокат лучше. Важно то, как ты одет и на скольких языках можешь сказать: «Обвинения сняты». Адвокаты не врут, просто со временем говорят то, что не является правдой. Мы не работаем на закон. По большому счету, мне плевать на закон, в этом и заключается моя профессия.

Мое утро было испорчено, как и идеальный момент с Брайаном. Я привела себя в порядок и отправилась на работу. Сидя над стопкой бумаг четыре часа, сорок четыре минуты и двадцать две секунды, я нуждалась в кофеине. В конце концов решила выпить кофе, но Тиффани не было на месте. Весь день шел практически наперекосяк. То, что я видела перед собой, не могла никому рассказать, но и молчание разрывало меня изнутри.

В дверь постучали, и я увидела Стивена.

— Добрый день, мистер Максфилд.

— Может, перейдем на «ты»? — закрыл он дверь за собой, войдя в кабинет. — Что это?

— Новое дело. Кофе будешь?

— Буду. Что на счет моего?

— Если тебя возьмут, то я сделаю все, чтобы выпустить тебя под залог, а затем вытащу из дерьма, в которое попал.

— У тебя проблемы, Эмили?

— Да, у меня проблемы. Потому что теперь я занимаюсь не только сделками фирм, продажами, договорами и разводами, я занимаюсь чертовыми убийствами. Я ненавижу это, — выдохнула я. — Извини.

— Все в порядке, — расстегнул пиджак мужчина, забирая у меня чашку с кофе. — Когда ты последний раз отдыхала?

— Смеешься? — улыбнулась я. — Я все время отдыхаю теперь, да и вернулась в страну

только недавно.

— Нет, когда ты последний раз просто отдыхала? Не думала, что о тебе подумают, совсем не думала о работе, друзьях и Брайане Прайсоне?

— А так можно? — вернулась я на место. — Нельзя жить без работы и друзей.

— Да, но и нельзя жить только ими.

— Если я буду уделять себе больше времени, то много людей окажется в болоте по горло.

— Зато ты будешь счастлива.

— Я счастлива, — появилась улыбка на моем лице. — Просто порой не хочу себе позволять это чувствовать.

Максфилд был мастером контроля. Он хотел контролировать все, что даже не должен был. По собственному опыту мне было известно, что чем больше мы пытаемся контролировать жизнь, тем больше неуверенности в нас самих. Мы пытаемся убежать от выдуманной жизни, предательства в ней и недоверия к собственным чувствам. Раньше я бы попыталась открыть этого человека. Но правда в том, что, когда Брайан вошел в мою жизнь, все изменилось и стало на свои места. Я теперь не знаю, как жить без него, его чувств и переживаний. Когда кто-то настоящий входит в твою жизнь, он не занимает часть тебя. Он становится тобой, и жить дальше без него почти болезненно.

«Я соскучился», — поступило уведомление на мой электронный адрес от Брайана.

«Я недавно уехала», — отписала я.

«Плевать, я соскучился»

«Думай обо мне»

«Всегда»

— Почему ты спрашивал у меня насчет Эбби? — постучала я ногтем по аквариуму позади себя.

— Мне интересно, — ответил он. — Она одна из лучших экономистов.

— Я знаю. Не смей ее обидеть, у нее достаточно непростая жизнь.

— Что ты имеешь в виду?

— Не имеет значения, — покачала я головой. — Ты мой клиент, она мой друг, когда вы будете стоять на одном уровне, возможно, я тебе помогу, но точно не расскажу.

— Что нужно сделать для моего дела?

— В ближайшее время у нас будет переломный момент, — встала я со стула, подходя к окну. — И я не скажу, что чувствую себя спокойно.

— Что ты хотела бы изменить? — стал он рядом.

— Я хочу, чтобы меня окружали только чистые люди. Чтобы они отражали аспекты моей собственной жизни.

— По-настоящему счастливой жизнью живут лишь немногие избранные. Эмили, ты потрясающий адвокат. Ты не просто работаешь, ты живешь этим. Но подумай о том, чтобы спасти еще свою душу. В конце концов, она у тебя до сих пор есть.

Затем он вышел из кабинета, а я стояла в полной растерянности. Сейчас я хотела сесть в машину и просто уехать. Аляска. Фонари, снег, деревья, освещенная дорога и запах свободы. Я помню, как была там последний раз. Это был один из моментов, которые слишком ценны, чтобы пережить его снова. Я слишком сильно привязалась к Брайану. Я просыпаюсь с мыслью о нем и засыпаю с раздумьями о том, что я рада, что он рядом. Я редко позволяла себе эмоции. И еще реже — чувствовать. Возможно эгоизм, цинизм, ненависть и презрение

появились у меня, когда я начала видеть людей. Думала, что начала видеть. До встречи с этим человеком. Все, что было ранее, стало неважным. Бессмысленным и пустым. За мою улыбку он был готов начать войну. И выйти победителем, увидев слезы. Мужчина, которого я встретила, дал мне возможность понять, что не все в этой жизни изуродовано. Прощение — не слабость. И в конце концов я просто влюбилась в него без оглядки. Это любовь не была зависимостью, но была уверенностью в том, что я счастлива. Уверенностью в том, что моя жизнь рядом с этим человеком будет историей. Когда он улыбается, в моей душе что-то переворачивается. С его приходом я узнала, что у меня есть душа.

Я открыла ноутбук и вошла на сайт обуви. В кабинет вошла Тиффани и насыпала немного корма в аквариум. Я листала страницы, полностью ее игнорируя.

— Почему ты молчишь? — спросила она наконец, став возле меня.

— Мне кажется, что я возвела Китайскую стену вокруг себя. И даже когда свободна и не на работе, все равно не отдыхаю.

— Ты выбираешь туфли за 1,6 миллионов долларов и думаешь о собственной душе?

— Я всегда думаю о собственной душе, — посмотрела я на нее, качая головой.

— Но не всегда ею пользуешься, дорогая.

— Тифф, помнишь о деле про изнасилование, про которое ты мне говорила?

— Да, — смотрела она на меня. — Только не говори, что ты...

— Да, — закрыла я ноутбук. — Ты займешься этим делом.

— Но у меня нет опыта, Эм.

— Ты видела меня. Ты возьмешь это дело и выиграешь, иначе никогда не станешь адвокатом, если тебе будет присущи хорошие манеры, вера только в добро и плохая обувь.

Тиффани покачала головой, и я видела в ней злость. Но также потенциал, и в какое-то время саму себя.

— И еще, Тифф, — сказала я, улыбаясь, прежде чем она ушла. — Я имею право на туфли.

— Ну конечно, — покачала головой девушка, закрывая за собой дверь.

Я снова села за документы, перелистывая бесконечные показания свидетелей и итоги следователя.

«Ты не только умна, Эмили Харисон. Ты красива и чертовски очаровательна. Будь ты только умна, я бы смог пройти мимо».

Я улыбнулась письму, которое поступило мне на электронку.

«Ты просто загадочно-волшебный, Брайан Прайсон».

Говорят, если долго не видишь человека, начинаешь скучать. Но что, если начнешь просто забывать? Сколько нужно времени нашему сердцу, чтобы забыть человека, который существовал в нашем подсознании еще до встречи с ним и поселился в сердце после этого события? Почему человек, который любит одиночество, не может быть без определенной личности в своей жизни? И нужно ли задавать себе все эти вопросы, когда ты чувствуешь любовь другого на расстоянии?

— Тиффани, зайди ко мне, — крикнула я и достала два бокала.

Девушка появилась в дверях, и улыбка расплылась по ее лицу от увиденного. Я достала бутылку виски, лед и пригласила войти.

— Напиться собралась от избытка счастья? — спросила она смеясь.

— Если бы.

— Детка, я всегда за виски, ты же знаешь, — сказала она уже без тени улыбки на

лице. — Кроме того, где я еще буду пить выпивку, которая стоит больше, чем моя зарплата?
— У тебя что, правда такая маленькая зарплата? — отдала я ей бокал.
— Это у тебя такой виски. Так что случилось?
— Это дело доводит меня до сумасшествия, — ответила я, склонил голову.
— Каждую проблему ты можешь решить, Эм. И убийство, совершенное человеком, который безусловно красив и постыдно богат, не настолько уж трудное.
— Лучше бы ты помолчала, — отпила я глоток.
— Как у тебя с Брайаном?
— Мы вместе, — ответила я, переводя взгляд на окно.
— Что он думает по поводу твоего стремления все контролировать?
— Не жалуется.
— Не жалуется, или вы просто еще не говорили об этом?
— Что ты от меня хочешь? — вздохнула я.
— Правды.
— Тиффани, если однажды я все-таки стану лучшим адвокатом в этом чертовом мире и взойду на «престол», хочу, чтобы рядом со мной были люди, которым я могу верить. Я могу верить тебе, но мне нравится, когда ты не задаешь тупые вопросы. Я не могу изменить себя, но даже цвет неба, под которым мы будем с Брайаном вдвоем, выбирать буду только я.
— Почему бы и Брайану не стать тем самым человеком?
— Тебе нужно замуж, — улыбнулась я.
— Какая свежая мысль пришла в твою тепленькую головушку.
— Однажды Брайан сказал мне, что я как сыр с плесенью.
— В каком смысле? — с непониманием смотрела на меня девушка.
— Я не каждому понравлюсь, но даже у меня есть свои ценители.
— Более милого способа сказать, что у тебя паршивый характер я еще не слышала.
— Подготовь документы, которые мне нужны на допрос, — улыбнулась я.
— Ты и правда собираешься выбирать цвет неба? — остановилась девушка, прежде чем выйти.

— Разумеется.

Позавчера был момент, когда я просила Брайана уехать. Он привез меня домой и начал снова спрашивать, я же в свою очередь сказала ему убираться. Но он не сделал этого, а вышел в другую комнату, предоставляя мне пространство. Я уснула одна и проснулась также в одиночестве. Он заехал за мной на следующий, словно ничего не случилось. Словно я не хватаюсь еще за возможность решать все самой и быть одной, даже изредка.

— Я ухожу, — сказала я, выходя из кабинета.

— И тебе хорошего вечера, — услышала я вслед.

Я села в машину и направилась к Брайану. Войдя в клуб, поняла, что сейчас он был похож на ресторан — несколько пар, сидящих за столиками, и тихая музыка, играющая где-то в дали. Я поднялась наверх и увидела рядом с дверью охранника.

— Мне нужно к Брайану.

— Вы кто, мисс? — спросил он.

— Я его адвокат, — ответила я. — Мне нужно пройти.

— У него нет адвоката.

— Зато у меня есть девушка, Слейтер, — вышел Брайан из кабинета. — И кстати, она мой адвокат. Иди вниз и никому не разрешай подниматься.

— Хорошо, сэр.

Мы прошли в кабинет, и я села на диван. Он останавливал мое сердце каждый день. Сейчас я не просто была влюблена в этого человека. Чаще всего я им жила.

За то время, что мы вместе, я поняла три вещи: первая — у него есть свои секреты, и он все еще сломлен; вторая — он всегда будет оберегать меня; третья — ни с кем, кроме Брайана, я не буду счастлива.

— Ты в порядке? — спросил он, закрывая дверь.

— Помнишь несколько дней назад я попросила тебя уйти? — посмотрела я на него.

— Помню. Тогда я остался и ушел в другую комнату, оставляя тебя в одиночестве.

— Я сказала, что от тебя много проблем, а ты ответил, что думаешь так же обо мне. Ты оставил меня, и я пребывала в своем привычном одиночестве. И на утро проснулась одна. Тогда я была немного не в своей тарелке, но вечером ты снова приехал за мной и сделал вид, что ничего не случилось. Что ты чувствовал в тот момент, когда я сказала тебе уйти?

— Знаешь, Эмили, я рад что живу в мире, где есть ты, — присел он напротив меня, беря мои руки в свои. — Что ты хочешь услышать? Что ты одна? Что ты единственная? Что я обретаю себя вместе с тобой? Что звоню порой, чтобы просто услышать твой голос или сказать, что соскучился? Я наблюдаю за тобой и знаю, что тебе, физически больно говорить о своих чувствах ко мне. Но ты не даешь мне расслабиться.

— В каком смысле?

— Зачем тебе нужен был сайт полиции? Точнее, доступ к нему?

Мы сближаемся не после секса, а после испытанных эмоций. Кажется, что судьба именно в момент нашей встречи решила, что мне нужен новый человек, и с того момента я больше не чувствовала одиночества. Я — женщина. Во мне больше мужества, чем думают многие. Впрочем, потом это и так становится известно. Мужество и сила женщины лишь в ее женственности, слабости и любви. С тех пор, как я себя помню, меня или ненавидели, или восторгались. Отец учил меня быть сильной, а мама — женщиной. И когда я подросла, это стало ядовитой смесью. Фраза моей матери навсегда будет высечена на моем сердце: «Милая, не воюй. Не будь той женщиной, которая не будет леди. Но если нападают на тебя, твою семью и твой дом, дерись и побеждай».

— Ты прав, я не дам тебе расслабиться.

Встав с дивана, я направилась к его рабочему столу и нажала кнопку, чтобы окна стали матовыми. Я знала, что могу делать с Брайаном, что захочу. Я полностью завладела его мыслями и сердцем, и он никогда ни в чем мне бы не отказал. Раньше я думала, что пусть я буду любить человека, но пойму, если он захочет в определенное время чего-то другого. Кого-то другого. Но нет, только не сейчас. Такие глупости всегда говорят женщины, которые чувствуют, что одиноки. Он будет только моим и ничьим больше. Горе, волнение, гнев, страх, отчаянье. Все это не будет связано с нами. И пусть наша жизнь переменчива, и в ней не обойтись без трудностей, мы всегда все вынесем. Ведь если людей и правда все время тянет друг к другу, их не остановить даже небесам.

Мы задержали взгляды, и каждая частичка меня жаждала этого человека. Брайан смотрел мне в глаза, скользнув взглядом к моей груди, платью, ногам и снова к лицу. Его руки были сжаты в кулаки, пиджак расстегнут, и прямо сейчас я направилась к этому лакомому кусочку. Ладони Брайана скользнули по моим бедрам, затем спине и расстегнули

молнию платья. Его губы были мягкими и полными обожания.

— В этом мире не будет ничего сильнее моей любви к тебе, — прошептал он, проведя подушечками пальцев по моей руке.

Я толкнула его на кожаный диван, и прижала к спинке. Брайан улыбнулся и спустился поцелуями к моей шее. У нас, у женщин, есть такой мужчина, к которому мы всегда вернемся, и не имеет значения, с другой комнаты или от другого человека. Никто не может дать рационального объяснения, но так будет всегда. Я наконец нашла того человека, которого не хочу потерять. Мужчины всегда легко приходили и уходили из моей жизни, и я каждый раз думала, что никогда не встречу того, с кем захочу быть по-настоящему вместе. Но вот я встретила правильного человека и часто думаю: «Наконец-то, Эмили. Ты сделала это. Не потеряй то, что так трудно искала».

— Если однажды меня не будет рядом с тобой, знай, что ты сильнее, храбрее, умнее и лучше, чем ты думаешь, — смотрела я ему в глаза. — Я всегда буду с тобой, Брайан Прайсон, но все же не всегда рядом.

Брайан поставил меня на землю и опустил мои трусики вниз. Его руки легли на мою талию, и он целовал шею, нежно касаясь спины. Все, что сохраняло реальность — его запах. Я любила чувствовать тело этого мужчины или просто прикасаться к нему, и он знал это. Брайан держал меня за затылок, жадно целуя. Бретельки были опущены, и пока он снимал мое платье, я освободила его от пиджака и развязала галстук. Ради таких моментов стоит жить, не так ли? Когда вы думаете о моментах, которые хотите, чтобы произошли. Вы понимаете, что они скорее всего никогда не будут реальностью, но не можете перестать придумывать идеальную жизнь. Но однажды каждый из вас встретит того, с кем ничего не нужно будет придумывать. Все будет само по себе волшебно, как сон. Как ваши мысли, которые вы не захотите контролировать. Я сожгу мир, чтобы найти его и находиться рядом. Когда мы далеко от близкого человека, становится невыносимо трудно дышать. Он является твоей опорой, и терять ее не хочется, а лишь летать и пропускать теплый песок сквозь пальцы. Хочется еще и еще, как самый чистый кайф.

Мы целовали друг друга легкими касаниями губ, исследуя тела руками. Я стояла в чулках, бюстгальтере и туфлях. Дыхание этого мужчины обжигало кожу. Брайан дернул меня за волосы, и я была полностью в его власти.

— Детка, я могу довести тебя до оргазма за три минуты, — прошептал он. — Но тебе будет мало, и мы оба об этом знаем.

Я застонала и добралась до ремня Брайана, расстегивая брюки. Я водила руками по его телу и сняла рубашку. В моей душе были его частицы, а в его глазах — мой огонь. Сейчас весь мир был наш, и, если бы начался апокалипсис, нас бы это не волновало. Ощущения его рта на моей груди были каждый раз такими нереальными. Тысячи нервных окончаний хотели только его.

— Свяжи меня, — простонала я.

— Ты хочешь, чтобы я связал тебя? — спросил Брайан с игривой улыбкой на губах.

— Да.

Он взял галстук, поднимая мои руки над головой, затем достал из ящика еще один и обездвижил ноги. Я другая с ним. Я хочу того, чего не хотела раньше. И я не просто поддалась желаниям, я отдавалась им целиком. Игра, когда я была полностью в его власти, меня возбуждала. Он был моим наркотиком. Моим дымом. Моим океаном. Я была пьяна этим человеком. Я дышала им без попытки отвлечься хотя бы на мгновение. Брайан провел

рукой по всей своей длине, затем развернул меня лицом к стене, наматывая мои волосы на руку. Массирование клитора и облизывание пальцев с моим вкусом делало что-то невероятное. Он обнимал меня за талию, а моя голова лежала на его плече.

— Брайан я люблю тебя, — прошептала я.

— Я ощущаю себя богом, когда ты так реагируешь, — ответил он, кусая мою шею.

— Так и есть.

Я стонала от удовольствия, выкрикивая его имя. Брайан делал круговые движения, и мне нужна была почва под ногами. Я утопала в нем. Этот человек был моим воздухом и опорой, а на данный момент это было в буквальном смысле. Мы зависимы. Мысли путались, и мы были так близки. Испепеленные желанием. Как огонь и вода, только без попытки правильных пропорций для погашения племени. Волна удовольствия прошла по моему телу, когда он вошел в меня двумя пальцами. Я чувствовала вибрации, которые проходили по коже. До этого мужчины мне несвойственно было терять контроль, но как только Брайан прикоснулся ко мне, все летело к чертям. Он двигался идеально и знал, что необходимо моему телу, чтобы потом я болезненно чувствовала его отсутствие рядом со мной.

Его руки легли на мои ягодицы и сжали их. Моя голова была на его плече, а он подводил меня к самому краю, не переставая целовать. Брайан всегда меня целовал, и больше всего на свете я хотела, чтобы он не переставал этого делать. Пока хочется целоваться, хочется быть рядом. С жадностью и нежностью одновременно. Я таяла в его руках. Он медленно вошел в меня, двигаясь в вальяжном темпе. Мое тело создали специально для него. Я ахнула, а он сильнее прижал меня к себе, увеличивая скорость. Этот мужчина всегда делал все с жадностью, словно каждая наша встреча будет последней.

— Еще, — закричала я. — Сильнее.

— Мне нравится, какие звуки ты издаешь, когда я трахаю тебя, — прорычал он.

Брайан еще глубже вонзился в меня. Мне нравилась его грубость, интенсивные движения, когда он держал меня за бедра. Было все сразу — страсть и неприступность. Власть и неизбежная нежность. Запрокинув голову, Брайан напрягся всем телом и зарычал.

— Смотри на меня! — потребовал он.

Я подняла голову и сделала, как он сказал. Теперь я не смогла бы отвести взгляд, даже если бы захотела. Брайан, словно окаменел от напряжения. Твердый пресс и каждая мышца выделялись, когда он двигался. Я почувствовала запах, который так любила, и облизала губы. Брайан полностью покинул мое тело, а затем снова так же медленно скользнул обратно. У меня перехватило дыхание, и волна удовольствия прошла сквозь меня.

— Я хочу тебя обнять, — почти задыхалась я, пытаюсь освободить запястья.

— Все должно оставаться так и дальше. Не дергайся, — зарычал он в ответ.

Он держал меня в подчинении, глядя прямо в глаза и продолжал меня трахать. Это было чертовски сексуально — быть обездвиженной, неспособной что-либо сделать, кроме как чувствовать сильное тело мужчины, который двигался внутри меня.

Мы зажигали огни и сжигали мосты. Мы воспринимали и принимали пошлость и меру распущенности друг друга, и сейчас я имею ввиду не только физическую. Стиль жизни нам был понятен, и мы четко следовали его указаниям. Мы говорили, но порой нам было достаточно переглянуться. Он был моим. Он смеялся над тем, над чем смеялась я.

Чувствовал то же, что чувствовала я. Мы жили только сейчас.

Переместившись, Брайан изменил угол проникновения, не прекращая двигаться. Он усмехнулся, когда я громко вскрикнула от удовольствия, разрывающего мой мозг на части. Я сжалась вокруг его члена и знала, что принадлежу ему. Я сильнее прижималась к нему бедрами, и стенки влагалища сжались так, что, кажется, Брайану приходилось бороться, чтобы проникнуть хотя бы на дюйм. Мое дыхание участилось, а тело задрожало. Сильно прикусив губу, я отчаянно пыталась внушить себе, что на первом этаже были люди. Брайан дотронулся к моему клитору и стал его массировать. Я упала ему на руки от чувств, а он не переставал двигаться внутри меня еще несколько секунд, пока не последовал за мной.

Мы простояли так какое-то время, и Брайан сильно сжимал меня в объятьях. Я понимала, что скорее буду проигравшей, чем победителем в этой истории. Совсем недавно я была другой. Думала другое, чувствовала не то. Я не представляю, когда это поменялось, но что со мной сделало это время?

— Я запоминаю каждую деталь, связанную с тобой, — прошептал он, целуя меня.

Он развязал меня и отнес на диван, посадив на колени. Я улыбалась, а Брайан делал массаж моим пальцам на ногах, потирая щиколотки. Я забыла, что такое ужинать в одиночестве, спать одной и разбираться со всеми проблемами самостоятельно. Мы поддерживали друг друга, даже будучи дилетантами в отношениях. Мне нравилось просыпаться от его прикосновений. Я встала с дивана и подняла его вещи. Мир изменчив, но мечту нужно сделать ближе. Я доверяла этому человеку. Сегодня я полностью доверяла ему.

— Брайан, я люблю тебя, — смотрела я на него. — Я за тебя при любых обстоятельствах. Жар, который есть в моей крови от тебя, я принимаю. Я принимаю тебя целиком, со всем твоим прошлым и будущим. Я не отдаю тебе себя, но дарю дальнейшую жизнь.

Он ничего не ответил и наблюдал за мной с полной серьезностью на лице. Я надела на него рубашку, целуя в грудь, и завязала галстук, нежно дотрагиваясь к губам. Я не дам ему сорваться. Один жест, взгляд в ответ не были случайны. Каждый раз я люблю его с новой силой. Мы сидели в полной тишине. Я надела платье, и Брайан застегнул мне молнию.

— Пора перестать этой вечеринке быть трезвой, — улыбнулась я.

— Пойдешь со мной на прием? — спросил он осторожно.

— Хорошо. Я составлю вам пару, мистер Прайсон.

— Сочту за честь сопровождать вас, мисс Харисон, — поцеловал он мою ладонь.

— Ты такой джентльмен.

— Это потому, что рядом со мной истинная леди.

Я поцеловала его в щеку и прижалась к нему. Его объятья — мое самое любимое место во вселенной. Я хотела быть рядом с этим человеком. Он словно задерживал мое дыхание, но сердце начинало биться сильнее.

— Что мне нужно надеть?

— Я все купил, — поцеловал он мои волосы.

— Ты был настолько уверен, что я соглашусь? — усмехнулась я.

— Я был уверен, что смогу тебя уговорить. Умею пользоваться тем, в чем хорош. — Брайан поднял меня на руки, и я обняла его за шею. Мы вышли из клуба, сели в машину и направились в его дом. — Я кое-что приготовил для тебя.

Мы ехали в полной тишине, и я смотрела за тем, как он сексуально выглядит, управляясь с машиной. Когда добрались, Брайан помог выйти мне из машины и, взяв за руку,

повел в дом. Мы прошли в конец коридора. Когда Брайан открыл последнюю дверь, заставил меня замереть. Я прошла в комнату и спустя мгновение повернулась к нему с вожделением во взгляде.

— Однажды я надеюсь прочитать твои книги, — начал он. — Ты просила меня уйти, чтобы побыть одной, но остаться наедине с собой ты можешь и тут, а я буду в другой комнате, чтобы не мешать.

— Ты не мешаешь мне, Брайан, — подошла я к нему впритык.

— Мешаю, но не физически, и мы оба знаем об этом. В тебе столько лиц, Эмили, но какое твоё настоящее?

— Я не знаю.

Мы стояли в комнате цвета персика. Огромное окно во всю стену открывало потрясающий вид. На полу находились цветы, свечи, стеллажи с разными книгами, лежали подушки, и плед до нелепости небрежно брошен. Альбомы, ручки, папки, бумага и ноутбук. На стенах висели картины с изображением Нью-Йорка и разные старинные фотографии. Стол, стоящий в углу, цвета слоновой кости, и кожаное кресло ему под стать. Возле окна — кровать, с несколькими подушками, и висело подвесное кресло. Все, что нужно было для наслаждения и знакомства с самим собой.

— Ты вдохновляешь меня, — услышала я голос за спиной, все еще находясь в процессе изумления. — Желание жить, расти, работать, зарабатывать деньги, купить дом и иметь детей. Быть преданным и любимым. Завести в будущем собаку и посадить дерево возле нашего дома. Все эти желания у меня только благодаря тебе.

Я смотрела на него некоторое время, не говоря ни слова. Мне нравится быть неотъемлемой частью этого города, где люди в костюмах и галстуках терпеливо ждут своей очереди за кофе. Мне нравилось быть частью нью-йоркского городского пейзажа. Но больше всего мне нравилось быть частью этой любви, которая появилась, как я думала, в несуществующей душе. Только рядом с этим человеком я по-настоящему счастлива.

— Спасибо тебе, — прошептала я. — Порой мне кажется, что ты знаешь меня лучше, чем я сама.

— Если бы я знал, что так мало нужно для того, чтобы ты на мгновение остановилась и посмотрела на себя со стороны, я бы превратил это здание в дом, — ответил Брайан, обнимая меня за талию.

— Ты ничего не знаешь о женщинах, — улыбнулась я.

Я хотела рассказать ему то, что мучило меня долгие годы. Я хотела, чтобы он знал, хотя бы что-то из моего прошлого. Брайан поцеловал мое плечо и дал возможность побыть одной. Рассматривая книги, я нашла конверт. На нем было написано: «Для Эмили». Я открыла его и устроилась поудобней.

«Мы не властны над судьбой, Эмили. Все происходит, потому что так должно быть. И вот спустя определенное время меня наказали за погубившие чужие судьбы. Наказали любовью. Любовью к тебе. Я столько лет искал непонятно чего, но встретив тебя, понял, что по большому счету больше ничего и не нужно. Ты хранишь тепло. Столько времени я пытался быть один, убегая от всего, к чему мог привязаться. И потом время остановилось. Я встретил тебя, когда, наверное, после очередного суда, ты села в мустанг и рванула с места. В тот день был ужасный ливень, и я также несся наперегонки с ветром. Ты вышла из машины возле моста на Шестой Авеню, и все остановилось. Я сказал сам себе: «Плевать, время подождет». Ты хочешь знать все. Такая уж ты есть. Но также у людей есть такое

чувство, как разочарование. Я не хочу оправдываться перед тобой за свои поступки, ведь их не вернуть, да и мало за чем жалею. Мои демоны слишком сильны, но ты вдохновляешь меня. Я дарю тебе любовь и себя, чувствуя себя самым счастливым мужчиной на земле. Мы совпали с тобой. Так удачно совпадают только слова с губами. Ты светишься. И я люблю этот свет в твоих глазах и сердце. Я люблю все, что связано с тобой. И я люблю тебя».

Это был обыкновенный день. Но за то время, что мы рядом, я соскучилась по нему больше, нежели, когда не вижу целый день. Мои глаза были влажными от слез.

Парадокс. Ты скучаешь по человеку, испытывая это отвратительное чувство ничтожности. Ты не можешь дышать, не зная, что он думает или чувствует. Я не задаю дурацких вопросов насчет прошлых отношений. Это глупость. Нереальность потери. Просто прошлое. Но все-таки где та самая черта, о чем ты не хочешь знать?

Я вошла в спальню Брайана и несколько мгновений смотрела на него.

— Мне нравится, когда ты смотришь на меня, — поднял он на меня глаза. — И судя по тому, что ты до сих пор тут, я все еще не потерял тебя.

— Ты не потеряешь меня, — прошептала я, садясь напротив. — У меня тоже есть демоны.

— Расскажи мне хоть что-нибудь, — закрыл он ноутбук. — Меня привлекает твоя таинственность, но только не тайны, Эмили.

— У меня никогда не было серьезных отношений, — прошептала я, рассматривая свои ногти. — И когда ты не уехал даже после того, как я просила тебя об этом... — слезы скатились с моих глаз. — Спасибо, что остался.

Брайан легким движением посадил меня к себе на колени и укутал объятьями. Они нужны были мне. Особенно сейчас.

— Три года назад я была беременна. Мне всегда хотелось иметь ребенка. Мужчина, с которым я тогда встречалась, был лишь эпизодом в моей жизни, и мы оба знали об этом с самого начала. Но после этих слов, произнесенных ему в слух, он ударил меня, — смотрела я Брайану в глаза, показывая всю боль и не пытаясь сдержать слезы. — Я потеряла своего малыша. Причина моего одиночества проста — мне так спокойней.

Он выругался, сильнее прижимая меня к себе. Я сотрясалась рыданиями у него на плече, а он гладил мои волосы, одаривая краткими поцелуями. Спустя несколько минут взял на руки и отнес в ванную. Мне стало легче, когда я рассказала. Брайан медленно снял с меня одежду и включил воду.

— Ты станешь мамой, и я никогда не причиню тебе боли. Я всегда буду беречь тебя.

Мы лежали в воде, и он сильно обнял меня за плечи. Терпкий вкус воспоминаний был аналогичен этим чувствам. За мной словно наблюдали миллионы глаз, и я взлетала, чувствуя себя внеорбитной. Я не разрешала заботиться о себе, но Брайану было плевать. Он делал, не спрашивая. Никогда и ни о чем. Я хотела ребенка. Я хотела прижать его к себе и видеть его улыбку. Как это: любить кого-то просто за то, что он есть? Не выбирать из целой планеты, а понимать, что ты принадлежишь этому маленькому человечку с тех самых пор, когда он первый раз посмотрит на тебя? Я смотрела в одну точку и впервые слушала свое сердце. Я не хочу его терять. Не хочу помнить этого человека, но буду запоминать.

— Я люблю тебя, Эмили. Всегда буду любить. Слышишь? Всегда буду любить. Только тебя.

Я не проронила ни слова. Мы вышли из ванной, и я взглядом выражала все, что чувствую. Он не задавал глупых вопросов и не спрашивал ни о чем, довольствуясь

информацией, которую я ему предоставила.

— Я хочу за руль, — прошептала я.

— Хорошо.

Я надела платье, в котором была, забрала вещи, и мы направились ко мне домой. Да, это не очень удобно — хранить собственные вещи только в собственном доме. Но мне кажется, если я оставлю у Брайана хотя бы одну вещицу, у меня больше не будет дома в физическом смысле. Я не смогу спрятаться там от всего мира, ведь не будет хватать какой-то вещи. Какой — то частички меня. Поэтому, когда он предложил мне хотя бы один шкаф у себя, я сказала, что не стоит. Переодевшись в черные джинсы, топ, кожаную куртку, я взяла Брайана за руку, прежде чем тронуться с места. Я набирала скорость, переключая передачи и растворяясь в эмоциях. В этой жизни у нас все недолговечно, по большому счету, кроме страсти, которая течет в наших венах.

— У тебя такое влечение к машинам.

— Ты называешь мою любовь к мустангу и дороге влечением? — скептически спросила я, показывая на расстояние между нами.

Он улыбнулся, и я свернула по восьмой Авеню, направляясь к выезду из города. Место, куда мы приехали, было заполнено людьми, машинами и ночными огнями. Я остановилась, прежде чем выйти.

— Это гонки. Ты хочешь сейчас быть здесь?

— Где ты, там и я.

Мы вышли из машины и прошли к судье.

— Вы в деле? — спросил парень.

— Да, — ответила я, кладя три сотни ему в ладонь.

Он улыбнулся, затем перевел взгляд на Брайана и снова на меня. Я кивнула, и мы вернулись в машину.

— Что на тебя нашло, Эмили?

— Просто не знаю, когда смогу это сделать в следующий раз, — ответила я, застегивая ремень и подъезжая к полосе старта.

Много девушек и парней стояли по улице, и фонари освещали путь. Слышались подбадривающие крики, но я чувствовала только адреналин, который расширяет сосуды и приводит мое тело в ходячий ток. Тебе кажется, что теплее, даже горячо, но на самом деле холодно. Парень стал посередине, и спустя три секунды я рванула с места. Набирая скорость, я чувствовала, что освобождаю себя от чего-то. Словно много лет сдерживалась, и это наконец-то вырвалось наружу. Брайан видел это и включил музыку. Я, не сдержавшись, дала волю слезам. Я переключила на третью передачу, затем перешла на четвертую и сразу пятую. Я люблю скорость. Люблю, когда ветер из открытых окон раздувает мои волосы, и люблю чувство, когда я полностью свободна. В колонках заиграла очередная песня из моего плейлиста — Starset — My Demons. Затем я резко нажала на тормоз. Животный адреналин проходил по моему телу. Сердце билось, как сумасшедшее, и я снова думала, что никогда не смогу оправиться. Какой бы сильной я не была, этот мужчина сильнее меня.

— Что бы ты не думала, я буду с тобой. С первой нашей встречи мое сердце билось по-другому, и с того момента между нами никогда ничего не будет кончено.

Я поцеловала его, сильно держа за плечи. Затем уткнулась ему в шею, понимая, что именно эти слова мне так нужно было услышать.

— Мама была права, — прошептала я. — Возможно, все-таки я выбрала не тот путь в

жизни.

— Ты преодолеваешь трудности в попытке чего, Эм?

— Достичь большего.

— В попытке чего?

— Быть лучшей.

— Но ты и так лучшая. Ты достигла уже гораздо большего, чем многие люди за всю свою жизнь.

— Чем я буду заниматься? — повысила я голос.

— Писать. Твоя работа разрушает тебя, Эмили.

— Что именно?

— Твоя работа — это страсть или попытка возместить недостаток любви? Это не работа для твоей души, ведь именно этот вид деятельности уничтожает твое сердце.

Тишина — единственное, что было уместно. Приехав домой, мы разогрели пиццу, налили по бокалу вина и легли в постель смотреть телевизор. Что я могу ему дать? Себя? Поломанную психику. Мужчина должен восхищаться женщиной. Она должна вдохновлять его, а я не могу наслаждаться даже сама собой. За что он любит меня? За начало другой жизни после встречи со мной или же за моих демонов? Ведь ангелами я так и не прославилась. В эту ночь я не смогла уснуть, даже когда Брайан мирно сопел рядом. Мне никогда не нужна была ничья помощь. Я сама выбирала и делала все, что считала нужным. Другого не дано, не говоря уже о третьем.

На следующий день Брайан уехал к матери, а я приходила домой, варила кофе, садилась в кресло и открывала ноутбук. Я хотела писать. У меня было миллион мыслей, и самое главное, я точно знала, о чем буду писать. Я чувствовала в одно и то же время и свободу, и одиночество. Любовь не всегда зависит от человека, которого мы любим. Чаще всего она зависит от нас самих. От умения любить.

— Ты всегда так делала, Эм, — смеялась Донна, когда мы сидели у нее дома. — Ты делала так всегда, даже пила.

— Это неправда, — улыбалась я. — В конце концов, я не специально.

— Ты говоришь, любишь, работаешь и даже пьешь с видом «Смотрите, это делается именно так».

— В этом нет ничего плохого.

— Особенно когда ты выключаешь мозги, и твоя эмоциональная сущность смахивает на Инквизитора.

— Больше не говори ни слова, — засмеялась я. — Это лучше, чем быть тобой.

— А это было обидно, — открыла новую упаковку чипсов подруга. — И что ты имеешь ввиду?

— Ты одиночка. Ты любишь тихую и спокойную жизнь, и в ней есть лишь несколько человек, которые стоят того, чтобы ты потратила свое время.

— Пусть я не идеальна, но я подарю этому несчастному миру силу своего сына и доброту дочери.

Лучшие дни запоминаются навсегда, и их невозможно забыть в отличии от несчастий. Вы верите в Рай и Ад? В то, что было что-то до этого и что-то после останется? Потому что лично я верю и в то, и в другое. Если есть что-то хорошее, есть и плохое. Бог редко говорит с нами, но как часто мы прислушиваемся к религии по-настоящему? Как часто ходим в церковь или просто говорим «спасибо» за то, что имеем? Возьмите паузу и взгляните на жизнь под другим углом. На свою жизнь, а не на чужую.

— Что случилось, милая? — спросила подруга.

— Я не знаю, Ди. Все становится таким сложным, и я не знаю, чему верить.

— Верь своему сердцу. Ты всегда была права.

— Я знаю, по поводу чего?

— Ты говорила, что рождена для большего. А разве большее — это не любовь?

— Ты репетировала это перед зеркалом или импровизировала?

Она улыбнулась и взяла меня за руку.

— Я искренне надеюсь, что твои дети все унаследуют от их мамы.

В дверь позвонили, и я встретила на пороге остальных подруг.

— Потрясающе, — сказала Долорес. — Я наконец-то могу вышить.

— Как на счет девичника? — спросила Эбби. — Максфилд дал мне выходной на следующую субботу.

— Какой же он благородный, — покачала головой Донна. — Дал тебе выходной в твой заслуженный выходной.

— Он козел, — ответила Эбби. — Но он умный козел.

Мы скептически посмотрели на нее, на что она только пожала плечами.

— Бывает такое, — добавила Донна. — Умный козел. Посмотрите на Адама.

Все засмеялись, и сейчас я была счастлива. Мои близкие были далеко, но кто сказал, что у человека может быть только одна семья? Мы, люди, странные существа. У нас есть все, что нужно — чувства, сердце, деньги, возможность смотреть на удивительные вещи, на весь

мир, но мы вечно чем-то недовольны. Что нам нужно, чтобы быть счастливыми? И почему, когда в конечном итоге получаем то, к чему стремились, хотим чего-то еще, забывая хоть на мгновение улыбнуться и сказать «спасибо».

— Стейси, что у вас с Майклом? — задала вопрос Ева. — Вы встречаетесь?

— О нет, милая, — улыбнулась та. — У нас взаимный голод, и мы его утоляем. Знаете, девочки, было время, когда я влюблялась в идиотов. Теперь же я вообще ни в кого не влюбляюсь.

— Современные мужчины разучились делать романтические поступки, — добавила Долорес.

— И боятся сказать что-то лишнее, — наполняла бокалы вином Эбби.

— И поэтому не говорят ничего, — улыбалась я.

— Брайан замечательный, — посмотрела на меня Ева.

— Да, — ответила я. — Но он что-то скрывает. Я знаю это.

— Но ты ведь тоже, — смотрела не меня Стейси. — Ты не просто скрываешь, ты врешь ему.

— Слишком много ты знаешь для фотографа.

— Знаешь, они даже врать не умеют, — продолжила подруга. — Слишком много деталей используют.

— Я ненавижу человеческие чувства, у меня аллергия на них, — вздохнула Донна. — А Майколсон не перестает их проявлять, так что мои дела хуже, чем в аду.

— Может, стоит дать ему шанс? — посмотрела я на подругу.

— Ой, не начинайте, даже не думайте, — отмахнулась Донна.

— Я просто ужасно устала, — сказала Эбби.

— Я расширяюсь, — посмотрела на меня Долорес. — Брайан сказал, что поможет.

— Эмили, мне нужен твой совет, — последовала за мной Стейси, когда я вышла на балкон покурить.

— Я думала, что скорее Тихий океан выпью из коктейльного бокала, чем снова начну курить.

— Ты мне pomoжешь?

— Я всегда тебе помогу, Стейси, — посмотрела я на нее. — Что случилось?

— Если человек решает покончить жизнь самоубийством, как он падает?

— Что ты имеешь в виду?

— Я о метраже.

— Если самоубийством, то ровно или максимум несколько сантиметров в одну из сторон.

— А если убийство?

— А если убийство, Шерлок Холмс, — улыбнулась я. — То от трех метров и больше.

— Что бы ты сделала, если бы тебе дали такое дело, Эмили?

— Я бы назначила анализ спермы на наличие в организме жертвы. Могло быть изнасилование, а также анализ на наличие кожи под ногтями. Если найдут, значит был секс. И, соответственно, там уже мотив или же просто изнасилование, и в 70 % следует убийство.

— Ты мне помогла.

— Я не буду у тебя спрашивать, зачем тебе это, но говоря о скелетах в шкафу, прячь свои получше.

Я попрощалась и отправилась на работу. Мы не говорили с Брайаном четыре дня.

Каждый день мне присылали цветы и какие-то коробочки с украшениями, которые я даже не открывала. Брайан умел извиняться, даже когда не был виноват, но только не говорить правду. По пути на работу я позвонила Тиффани.

— Ты странно дышишь, Тифф, чем занимаешься?

— Сексом, — ответила та.

— Смешно, ты где?

— Я бегаю, скоро еду на работу.

— Я даже не буду спрашивать почему ты не на работе в пятницу в одиннадцать дня, но у тебя есть два часа, чтобы выглядеть по-человечески и поехать в суд.

— Эмили, я просто не знаю, что должна делать, — вздохнула девушка. — Я не такая, как ты. Я не смогу.

— Дыши глубже.

— Я не ожидала, что ты отправишь меня в суд по поводу такого дела, — повышала она голос.

— Это услуга тебе как опыт, — ответила я, закрывая дверь машины и направляясь в здание. — Кто знает, где ты будешь в будущем? Помни, где секс, там и деньги.

— Сидит молоденькая девушка, строит глазки начальнику, попивает вино, а потом после секса по утрам кричит об изнасиловании, когда он не хочет делать ей предложение.

— Дорогая, не всегда верь первому впечатлению, но в то же время не забывай, что второго шанса у тебя не будет.

— Что ты имеешь в виду? — слышала я непонимание в ее голосе.

— Если присяжные будут похожи на девушку, которая готова отдаться за коктейль, то первое заседание ты протянешь, но на втором тебя отымеют, как и ее.

— Лучше не скажешь, Эмили. Не будет никого сильнее тебя в таких делах.

— Знаешь, я выслушивала все эти шутки, сколько себя помню. С шестнадцати лет, а мне, извини, скоро тридцать.

— Дашь совет?

— Ты мой помощник. Ты была им с тех пор, как я в этом городе. И это моя вина, что ты боишься судебных заседаний. Но теперь все изменится, Тиффани, я сделаю из тебя адвоката, достойного этих чертовых регалий, которые не имеют никакого значения для тебя лично, — затем я прервалась, и вздохнула. — Ты знаешь основы права, а остальное придет. Пойди в суд, встретиться с клиентом, поговори, и, если чувствуешь, что не готова, добейся отсрочки. А затем выучи это дело вдоль и поперек. И делай так до тех пор, пока тебе не хватит часа, чтобы купить туфли и выиграть процесс.

В очередной вечер я сидела дома, писала очередные мысли и поняла очередную вещь: я хочу ребенка и собаку. Хочу дом где-то за городом, детей, смех которых будет делать все вокруг светлее. Я буду выжимать им свежий сок, встречая их отца с работы. Не хочу быть зависимой от времени. Хочу работать, когда придет вдохновение. Путешествовать, когда какое-то место захочет тронуть мою душу. И чтобы ничего в моей жизни, кроме близких, не связывало возможностей.

Может все-таки мама и Брайан были правы? Может я добилась уже достаточно в области юриспруденции, и пора делать то, чего мне по-настоящему хочется?

В дверь позвонили, и я думала, что это Брайан, но, к сожалению, это была очередная коробка от него. Я забрала ее у курьера, поставила свою подпись и намеревалась оставить, где и остальные, но что-то не дало мне этого сделать, и я сорвала шелковую ленту, открывая

ее. Это было платье. Насколько я поняла, то самое платье на прием, о котором он говорил. Цветом зеленого изумруда. Тянулся шлейф, но спина до лопаток была открытой. Оно было красивое и элегантное.

Мы не ссорились, но я и не чувствовала, что мы вместе. Говорят, нельзя ложиться в постель раздельно, пока не поговорите о том, что вас гложет. Я не хочу, чтобы прошлые привычки были в наших отношениях. Я не хочу рутины. И не хочу, чтобы этот человек разбил мне сердце. Хочется, чтобы тебя любили так, как ты того хочешь и еще немного больше. И чтобы, когда любовь моей жизнь был чуть дальше, чем обычно, мой свет все равно горел ярко и прекрасно, как и с ним.

— Безупречный вкус, — прошептала я.

Я решила его примерить, выбирая в украшения черные брильянты. Смотря на себя в зеркало, понимала, что, закрыв глаза, уже мысленно провела вечер. Телефон зазвонил, и я подобрала подол платья, чтобы успеть принять звонок.

— Харисон.

— Эмили, это Адам. Собирайся.

— Куда?

— К Брайану, у него проблемы.

— Куда мне подъехать?

— Поднимись на свою крышу, я буду там через десять минут.

Я не знала, что произошло, да и не стала бы спрашивать. Но словосочетание «Брайан» и «проблемы» были как выстрел в голову. Я переоделась в брюки и блузу, взяла в руку пиджак и обула лодочки. Ноутбук и самые необходимые вещи — телефон, зарядное устройство, кошелек, кредитки, документы и сменное белье.

Когда я позвонила Брайану, услышала только голос на автоответчике. Это на него было совсем не похоже, он был слишком внимателен к деталям. Я поднялась на крышу и увидела Адама, который ждал меня возле вертолета.

— Куда мы направляемся?

— В Вегас.

Пока мы летели, единственная мысль не выходила у меня из головы: «Все ли с ним в порядке?» Мы надели наушники, и я посмотрела на человека, сидящего рядом.

— Эмили, у него есть прошлое, — сказал Адам, смотря на меня. — Он не хочет тебя впутывать в него. Будь помягче. Он очень редко бывает в таком состоянии.

Я лишь качнула головой и спустя три часа вбежала в холл дома. Прежде, чем найти Брайана в гостиной, я побывала в нескольких комнатах и кухне. Но когда увидела его, остановилась, как вкопанная.

— Брайан, — чуть слышно прошептала.

— Черт бы побрал Адама, — ответил он безжизненно. — Уезжай домой.

Он сидел на диване, склонив голову на руки.

— Нет. Никуда я не уеду, — ответила я, подходя к нему и садясь на пол напротив.

— Эмили, давай не сейчас. Я не в настроении.

— Не хочешь говорить, значит, будем молчать. Хочешь напьемся? — забрала я руки с его лица.

Брайан резким движением посадил меня к себе на колени, сжал в объятьях и зарылся лицом в шею.

— Ты сумасшедшая. — Несколько минут он молчал, а потом прошептал: — Сегодня

умерла моя мама. Ее больше нет. Лидия меня ненавидит. Я не смогу. Ее больше нет, Эмили, понимаешь? — закричал он. — Она единственный человек, который любил меня.

В этот момент я пожалела, что нам неподвластно забирать чужую боль.

— Я люблю тебя, — прошептала я, беря его лицо в руки. — И всегда буду любить. Я буду рядом, Брайан, что бы не случилось, буду рядом. Буду с тобой.

Я была уверена, пребывая тогда в аду, у него не было такого состояния, как сейчас. Мне моментально захотелось позвонить своим родным и сказать, что я люблю их и рада, что они есть.

Адам вошел в комнату и сел в кресло напротив. Все молчали. Странно смотреть как человек, который подарил тебе жизнь, который заботился о тебе, дарил моменты счастья, мертв. Когда понимаешь, что больше никогда не услышишь слов от нее, не увидишь улыбки и будешь скучать только по воспоминаниям. Цените своих матерей. Цените, пока они рядом с вами. Ведь даже когда вам кажется, что им все равно на ваши судьбы, внутри они разрываются от переживаний. Мы до конца никогда не поймем, что значит любить кого-то безоговорочно, пока не станем родителями.

— Я пойду подготовлю все к похоронам, — сказал Адам, похлопав Брайана по плечу.

И ушел. В этот момент я начала уважать этого человека. Я записала его в число тех, кому бы доверилась. Тех людей, которые после тяжелого рабочего дня берут собственный вертолет и летят к другу, чтобы молча похлопать по плечу.

— Скажи, что ты будешь рядом, — прошептал Брайан.

— Я всегда буду с тобой, — ответила я, забирая волосы с его лица.

Мы несколько минут смотрели друг другу в глаза, а затем я поцеловала его. Брайан прижал меня к себе, и я окунула руки в его волосы. Многие говорят, что лечиться сексом плохо. Я же считаю, что именно он помогает нам больше ни о чем не думать. Брайан поднял меня на руки, сильно держа за талию, а я прикусила его губу до боли. Я слышала, как начался дождь. Брайан направился со мной в спальню. Этот дом соответствовал его положению. Он был огромен, чересчур ухожен и слишком богат. Но все же отчаянным. Дом не был счастлив, как и его владелец. Мы молча легли в кровать, и я была готова делать все, что ему понадобится. Но он выключил свет и обнял меня, сильно прижимая к себе. Я утопала в нем, не зная в то же время, как помочь.

— Будь ближе, — сказал он.

— Поговори со мной, — прошептала я. — Что нужно сделать?

— Будь рядом, и этого достаточно.

— Где вы познакомились с Адамом?

— Вместе работали в ФБР, — ответил он. — Только между нами есть разница. Адам был готов пожертвовать человеком ради спасения многих. Он не жалел о совершенных поступках, понимая, что в этом нет смысла.

— А ты?

— А я жалею, хоть тоже понимаю, что в этом нет смысла.

— Какая она? Твоя сестра?

— Лидия, она красивая, — слышала я улыбку в его голосе. — Ей пятнадцать. У нее рыжие волосы и большие зеленые глаза. В ее взгляде много ненависти и презрения, порой,

наверное, сколько и не снилось взрослому человеку, но она такая только на первый взгляд. Колючая снаружи и нежная внутри.

— Ты ведь ее не знаешь.

— Я знаю ее по письмам мамы, фотографиям, которые она присылала. Иногда я отдаленно смотрел на нее на некоторых праздниках. Мама знала об этом, но, чтобы не травмировать ее, я держался вдали.

— Почему? — потекли слезы из моих глаз.

— Я мог сесть в тюрьму. Меня не было с ней рядом. Я не знал с каким уродом она жила эти годы, и что он с ней сделал. Кроме того, я бы никогда не остался. Я ненавижу этот город. Он уродует всех, кто сюда приезжает.

После этих слов я сплела наши пальцы и больше не спрашивала ничего. Я не стала тревожить его мысли и напускать еще больше холода. Ведь когда наступает утро, почти все забывают о горе. Через несколько часов я проснулась одна в постели. На столе лежал черный брючный костюм и туфли на небольшом каблуке. Прежде чем надеть все это, я отправилась в душ, чтобы прочистить собственные мысли. Чтобы взять себя в руки и быть сильнее. Быть той, в которой он нуждается сейчас.

Я сделала высокий хвост на голове, накрашила ресницы и как только вышла из комнаты, услышала женский голос:

— Все ужасно. Я ненавижу цветы и кремовый цвет. Он приехал сюда и такой весь хороший, все делает, бегают, еще и притащил с собой двоих. Если он заберет меня отсюда, это будет ад, я знаю.

Я прошла мимо открытой комнаты, откуда был звук, и направилась в кухню. Брайан и Адам сидели с бокалами виски, и я молча достала еще один, выпивая его залпом.

— Все готово? — посмотрела я на Адама.

Тот качнул головой, а Брайан молча смотрел в одну точку. Я села рядом и взяла его за руку. Дальше все шло, как в тумане. Речи, слезы и потерянные глаза мужчины, который был самым сильным человеком, которого я знала. В конце дня Брайан и Лидия стояли на мосту, чтобы развеять прах. Мы с Адамом вышли из машины, находясь позади.

— Я всегда буду любить тебя, мама. — сказала Лидия, проливая горькие слезы.

Она взяла в ладонь небольшое количество праха и бросила в воду.

Затем Брайан посмотрел на урну, которую держал в руке, и поднял глаза к небу.

— У меня много жизни в запасе, мама. Я знаю, что ты смотришь на меня. Ты ушла и оставила эту землю пустой. Я получил шанс жить снова, получил благодаря тебе. Но сегодня я сдался.

— Что ты вообще тут делаешь? — закричала девочка. — Какого хрена ты говоришь о моей матери, если ее даже не видел?!

Она убежала, и никто не сказал больше ни слова. Брайан бросил урну в воду, и мы молча сели в машину, направляясь домой.

— Она всегда хотела, чтобы я сделал именно так.

Еще два дня мы провели в этом городе. Некоторую мебель, дорогую сердцу Брайана, он забрал, как и столовые приборы, фото, картины и скрипку своей матери. Эти дни мы молча помогали ему. Я готовила завтраки и ужины, а в обеденное время наблюдала за тем, как Брайан избивает кулаки в кровь. В очередной обед я поняла, что каждый день выпиваю

теперь как минимум по три бокала виски. Что я, черт возьми, делаю? Куда я иду и куда тащу Брайана? Отсюда нужно было забирать вещи и возвращаться домой. Я решила поговорить с ним. Он строил эту жизнь, строил этот дом, который выглядел до неприличия шикарно, но вот ему самому не было места здесь.

— Ты в порядке? — спросила я, опираясь на арку, пока он тренировался.

— Похоже на то, что я в порядке? — слышала я злость в его голосе. — Моя мама умерла, сестра ненавидит.

— Брайан, ты не можешь все время колотить грушу, когда твоя сестра мотает тебе нервы.

— А что я должен сделать, Эмили? — закричал он. — Куда ты все время выходишь, когда тебе кто-то звонит?

Я подошла к нему и взяла его руки в свои ладони.

— Расскажи ей правду, Брайан.

— Какой психолог в тебе пропадает. Ты уверена, что выбрала ту профессию?

— Иди ко мне, — обняла я его. — Я не могу рассказать тебе все, Брайан, так же, как и ты мне. Но нам нужно уезжать отсюда. Хочешь, продай этот дом или приезжай сюда каждую годовщину, но двигайся дальше. Живи. В этом смысл. Знаешь, у итальянцев есть выражение: «Сладость ничего не делать».

— Я купил новый дом в Нью-Йорке и хочу, чтобы мы обустроили его по собственному вкусу. Он за городом. Я хочу, чтобы ты там была со мной «женщиной в поисках слова».

У меня непреодолимое желание забыть о времени и мире. Отстраниться от вечной суеты и уйти, куда скажет сердце. Я хочу найти следы, оставленные мне судьбой. Узнать кто я. Где мое место? Пойти навстречу неизведанному и найти то, что предназначено. Но может этот дом и есть мой корабль? Начало пути и правильности выбора? Я заполню его свежей выпечкой, картинами и книгами. Украшу цветами на фоне прямых линий, а затем ароматом наших путешествий и любви.

— Мне нравится, когда ты наблюдаешь за мной, Эмили. Каждое мгновение с тобой бесценно, и я не хочу пропускать ни секунды.

— Да, но ты уверен во мне? — смотрела я ему в глаза. — В конце концов, это как татуировка на лице — всерьез и надолго.

— Я не вижу никого, кроме тебя. Я люблю все в тебе и даже то, что ты так отчаянно в себе ненавидишь. То, что ты ценишь свою свободу, и то, что не миришься с моим свинством. Не даешь мне спуска, оспаривая со мной все, и тем, что ты видишь меня. Именно меня, изнутри, Эмили. Ты не считаешь меня своей собственностью. Ты никогда не пыталась меня приручить, но именно это и сделало меня твоим. И пусть ты сомневаешься, но я знаю, что счастливее, чем с тобой, я не буду ни с кем ни в этой жизни, ни даже в следующей.

— Я хочу поехать куда-нибудь с тобой, — сказала я ему в губы. — Отдохнуть, побыть вместе. Быть счастливой в незнакомом месте. Видеть счастливых людей и быть рядом с ними. Погулять по паркам, смотреть на цветы и есть странную еду, непривычную для нас. У тебя никогда не было чувства, что ты не все нашел?

— Я не знаю, Эм, — направились мы в кухню. — Просто не знаю, как можно по-другому.

— Можно я покажу тебе? — держала я его за руку.

— Я буду рад.

Это и была первая наша трудность — покинуть то, что затянуло. В этот же день мы забрали то, что важно, перевезли все в квартиру Брайана и, оставив Лидию на попечение Адаму, улетели в Париж. Я никак не могла понять, почему все так любят этот город. И исчерпав все отговорки, отправилась в город любви с любимым мужчиной. Мы забыли о смерти, о проблемах, о семье и даже друзьях. В этот момент мы знали, что только мы вдвоем есть друг у друга, и мир есть у нас. Мы его так мало знаем. Ведь жизнь меняется, и это не плохо. Как скучно жить все время среди благодати. У нас было пять дней, чтобы насладиться любовью, о которой, по большому счету, мы не имели понятия.

— Как ощущения, Брайан? — спросила я, когда мы приземлились.

— Мне нравится.

— Знаешь, я скажу кое-что, — не отводила я от него взгляда. — Только пойми меня правильно. Смерть — это всегда ужасно, особенно смерть того, кого любишь. Но ты поранился. Ты поранился снова и будешь раниться еще, такова наша жизнь. Но мы, люди, должны воспринимать это как знак бегства от того, что имеем, а не как удар жизни и попытки закрыть нас от прекрасного. Ведь если бы не раны, ты не знал бы, что все еще способен чувствовать. Не знал бы, что у тебя есть душа. Я рядом, а толку, если тебя не будет у тебя самого?

Это, наверное, единственный город на планете, о котором всегда говорят с приставкой «самый». Самый красивый, самый изысканный и самый романтичный. Машина забрала нас с аэропорта, и мы направились в отель. На улице была потрясающая погода, и, проезжая мимо, ты понимаешь, что Париж привлекает своей архитектурой. Ни в одном городе мира нет столько старых зданий, как в этом, при чем на окраине в том числе. В Париже есть, наверное, единственный район, который выглядит как Нью-Йорк — Дефанс. Там такие же здания, как у нас — высокие офисы из стекла и бетона. Но все остальное — не город, а чувства. Мы решили насладиться романтикой Парижа и поехали в бутик-отель подальше от офисных районов. Бутик-отель слишком уникален. Второго такого номера вы не найдете. Огромная ванная, вся в стеклах. Наш номер был в черных, белых и красных тонах. Не удивительно, что этот отель находится в Божьем районе. Высокие потолки, огромные окна, камин, балкон с перилами из кованого железа и много разных раритетных вещей. Улыбнувшись солнцу, я вышла на балкон и видела перед собой башню.

— Потрясающе, — прошептала я. — Мне нужна шляпа, как истинной француженке.

— Значит, купим, — обнял меня Брайан за плечи, а потом сильнее сжал в объятьях.

Мы приняли ванную, немного поспали и решили поужинать. Моя мама всегда говорила, что у женщины идеальными должны быть волосы, ногти и туфли. И если она наденет на себя пакет, все равно будет неотразимой. Я выбрала королевский синий и белые босоножки на шпильке. Сегодняшний вечер у нас начался с лимузина.

— Когда проезжаешь по таким улицам Парижа, действительно тянет на романтику, — взял меня за руку Брайан. — Что бы ты хотела?

— Я хочу пойти на оперу «Нотр дам Де Пари» именно в Париже, — улыбнулась я, не в состоянии отвести взгляд от красоты, которая меня окружала. На площади Опера пары танцевали танго, а прямо перед мэрией ребята играли в волейбол.

Мы заказали улиток по-французски и по бокалу Каберне.

— Потанцуем? — спросил Брайан.

Я улыбнулась и вложила свою руку в его ладонь. Мы двигались под мелодию Andriano Chelentano и улыбались. Любовь приносить боль, сомнения, переживания, ссоры, но в то же

время она оставляет нам счастье, защищенность, уверенность, и главное — потребность. После встречи с нужным человеком ты понимаешь, что больше никогда не будешь одинока.

— Я люблю танцевать, — сказала я. — Я всегда хотела красивых отношений с развратным мужчиной.

— А я развратных отношений с красивой женщиной.

— Кажется, мы оба получили, что хотели.

— О чем ты думаешь сейчас? — спросил Брайан, смотря с нежностью.

— Если я скажу, ты подумаешь, что я сексуально озабоченная.

— А это не так?

— Это ты виноват.

— Господи, Эмили. Останови землю, я сойду, — сильнее прижал он меня к себе.

— Не испорти то, что тебе дано в жизни, Брайан.

— Это же я.

— Притворись, будто ты воспитанный.

— Это я могу. Весь день только этим и занимаюсь.

— Ты никудышный актер, — искренне засмеялась я.

— Демоны плачут от счастья, смотря на меня.

— В аду отдельный кабинет.

— Я не люблю одиночества.

— Ты справишься.

Брайан оплатил счет, и мы пошли по улицам Парижа, держась за руки, словно подростки.

— Эмили, как ты относилась к моему отцу? — вдруг спросил он.

— Брайан, давай не будем портить момент, — вздохнула я.

— Все так плохо?

— Ты хочешь мне что-то рассказать? — посмотрела я на него.

— Нет, просто хотел знать.

— Однажды я спросила, есть ли у него сердце, — снова видела я лицо этого человека. — А он ответил, что оно ему не нужно. Но знаешь, боль не вечна. Все в конце концов проходит.

— Почему ты согласилась со мной тогда поужинать?

— Меня тянуло к тебе, и я не могла этого объяснить.

— Тебя тянуло ко мне, потому что ты спасаешь людей. А мне нужно было тогда спасение из той жизни, в которой я погряз.

— Знаешь, если что-то делает меня счастливой, я буду бороться за это, — произнесла я с улыбкой на губах. — А меня счастливым делаешь ты.

Брайан был как я. И, если бы я начала переубеждать его, он бы еще больше засомневался.

— Ты когда-нибудь теряла равновесие? — спросил он, когда мы стояли на мосте Альма, где умерла принцесса Диана.

— Постоянно, — ответила я, смотря на надписи. — Но, знаешь, наверное, важно найти точку гармонии. Ту идеальную середину, которую рисуют на бумаге.

Зазвонил телефон, и я уже думала сбить звонок, но увидела имя Адама.

— Да ладно, — засмеялась я. — Кажется, я увела у тебя друга.

Брайан улыбнулся и обнял меня за талию.

— Эмили, я хотел поговорить насчет Донны, — сказал Адам. — Я знаю, что вы в Париже, в городе любви, и все такое, но, черт возьми, я с ума схожу.

— Донны? — удивилась я. — Что случилось?

— Просто эта женщина... — запнулся он. — Я не могу перестать о ней думать. Я следить начал за ней, понимаешь?

— Я тебе нужна как адвокат?

— Нет, но ты ее подруга.

— Я поняла, можешь не объяснять дальше, — прижала я Брайана к перилам моста. — Донна — женщина, ради которой тебе придется сражаться с ней самой. Она никому не дает шанса. Она любит свою работу и жизнь. Все, что хочет, она получает. Тебе придется попотеть, чтобы она даже на свидание согласилась с тобой пойти, понимаешь?

— Черт, почему с вами, женщинами, так трудно?

Я почти видела голубые глаза этого мужчины и не могла отвести взгляд от улыбки Брайана. Затем отключила звонок и, положив телефон в клатч, поцеловала человека, стоящего напротив.

Он так красив. Так красив изнутри. Все, что окружает его, становится добрее и защищеннее. Огни вечернего Парижа окружали нас, и я понимала, что все остальное сейчас пустое. Я достала телефон и сделала несколько снимков, чтобы запомнить. Запомнить навечно его вкус на губах и запах, по которому сходила с ума, эту дату и наши прогулки в этот день. Нам нравилось ходить хоть куда-то. Делать вместе хоть что-то.

— Знаешь, я смотрю только хорошие фильмы. Пишу только то слово, в которое сама верю. Улыбаюсь только добрым людям, красивым в своей доброте, и счастлива быть с ними рядом. Наслаждаюсь красным вином, утренним кофе и вечерней оперой. Признаю свои слабости, пусть даже порой это физически больно. И считаю, что в конце концов когда-то в нашем мире не останется ничего, кроме любви, времени и музыки.

— Как же я люблю тебя, — сказал Брайан, беря меня на руки и кружа.

Существуют тысячи причин, чтобы не влюбляться, но лишь одна, чтобы сделать это и все-таки поверить в другого человека чуть больше, чем веришь в себя. В этот момент я не хотела слышать ничего, кроме биения сердца и нашего смеха. Все чувства — правда. И единственное, о чем стоит писать — любовь. Вся мировая литература в конечном итоге учит лишь любить. Я держала Брайана за плечи, а когда он опустил меня на землю, не могла насмотреться на него. Это было выше любви. Это было что-то необъяснимое. Мы соприкасались лбами, и слезы потекли с моих глаз. Он делал меня такой счастливой, что я возносилась к небесам, переставая бояться упасть.

Вернувшись в отель, мы не отрывались друг от друга. Войдя в ванную, становились безнадежны. Чудаки, которые не отрывались от земли. Где он, там я. Вода стекала по нашим телам, а он целовал каждый дюйм моего тела, водя руками по изгибам, иногда пощипывая кожу. Мы останавливали мгновение и оставляли его только себе. Занимаясь сумасшедшим, диким сексом, словно звери, но без потерь. Без потерь себя, и когда сил не оставалось, переходили на занятия любовью, с нежностью и проявлением всех чувств, высказывая все, что накопилось за это время.

Посмотрев «Нотр дам Де Пари» в опере «Гарнье», мы направились на выставки.

Побывали в музее «Орсе» и Люксембургском саду. Посетили Лувр, площадь Бастилии и Латинский квартал. Утром завтракали как истинные французы — круассаном и эспрессо. Затем поднялись на Эйфелеву башню, смотря на Париж с высоты птичьего полета. Я не

могла отвести взгляд от собора Парижской Богоматери, и, проходя мимо Триумфальной арки, прихватила в магазине бутылку французского вина. Конечно, обойти столько архитектуры и знаменательных мест за пять дней нереально, но мы обязательно вернемся. Вернемся еще много-много раз, чтобы смотреть на сады и танго на площади.

Брайан еще спал, когда телефон зазвонил на тумбе. Я надела халат, взяла трубку и вышла на балкон.

— Я слушаю.

— Мисс Харисон, — сказал мужской голос.

— Кто это?

— Не важно. Вы тот самый гениальный адвокат?

— Нет, но адвокат.

— О, мисс Харисон. Вы существуете для мистера Максфилда, а большей похвалы быть уже не может.

— Что вы хотите?

— Вы так часто помогаете людям, но вам не помогает никто.

— Что вы хотите? — почувствовала я злость.

— Вскоре вы кое-что получите, — сказал мужчина. — Я помогу человеку единственный раз, и этот человек — вы.

Затем он бросил трубку, а я еще несколько минут смотрела на экран телефона, не понимая, что произошло. Я заказала в номер завтрак, и пока Брайан все еще беззаботно спал, отправилась в душ. За эти дни мы не откладывали на потом ни чувства, ни любовь. Я стала чаще писать, получая удовольствие от самого процесса. Я поняла, что все когда-нибудь заканчивается, и мы не заметим, когда очередная линия снова будет подведена. Но все-таки, после этой параллельной, мы не будем прежними, даже улыбаясь, вспоминая грезы.

Выйдя из душа, я улыбнулась. Брайан сидел на балкончике в спортивных брюках, читая утреннюю газету и попивал кофе.

— Я прожил бы так с тобой несколько жизней, — улыбнулся он, поднимая глаза.

— Я словно в огромном телешоу.

Я села напротив, наливая кофе и разламывая теплый круассан с шоколадом. Солнце светило, и я уже скучала по этому месту.

— За эти дни я по-другому начал смотреть на мир, Эмили, и я благодарен тебе за это.

— А я тебе, — положила я свою ладонь на его руку. — Ты ведь помогаешь мне ничуть не меньше, чем я тебе. Доброта и сострадание — не преступление.

Мы наблюдали за внешним миром, пытаюсь запомнить и это мгновение.

— Брайан, у меня к тебе будет просьба.

— Все, что пожелаешь.

— Не пытайся купить меня.

— Что? — нахмурился мужчина.

— Когда ты уехал в Вегас, ты каждый день присылал мне разные безделушки. Я даже не открывала их, не считая последней.

— Я просто хотел сделать тебе приятно.

— Сделай, — не отводила я взгляд. — В следующий раз напиши письмо или позвони, но не одаривай меня подарками. Я не против украшений, но не в таком количестве, — я села ему на колени и легко поцеловала в губы. — Но спасибо. И кстати, если платье выбирал ты, то в безупречном вкусе тебе не откажешь.

Вскоре мы покинули Париж, возвращаясь в реальность. Как жаль, что мы так часто недосказываем нежные слова важным людям. Мы не ценим каждый миг. Не ожидаем встречи с волнением, не понимая, что с важным человеком в конце концов у нас одно сердцебиение.

Мы только прилетели в аэропорт, как позвонил телефон Брайана. Я люблю этот город, но, когда приезжаю во Францию или Италию, чувствую, что на своем месте. Нью-Йорк — город сильных, а Италия — страна счастливых. Но иногда какими-то странными путями, людьми, событиями все становится лучше. Налаживается само собой. Людей нужно оставлять. Не только на вечер, а затем в воспоминаниях. Они нужны нам в наших жизнях, как воздух.

— Я слушаю, — ответил он, беря меня за руку и направляясь к такси. — Хорошо, сейчас буду.

— Что случилось? — спросила я, заметив перемену в его настроении.

— Лидию задержали, она в участке.

— Поехали.

Мы сели в такси и как только подъехали, я взяла Брайана за руку.

— Давай сначала я попробую.

— Эмили.

— Вдруг мне больше повезет.

Он качнул головой, и я направилась в здание.

— Мисс Харисон, вы не являетесь ее родственницей, — говорила мне детектив.

— Я ее адвокат. Что случилось?

— Знаете, вы как вино, — улыбнулась женщина. — Как хорошее вино.

— Вы о ее возрасте? — съязвила Лидия.

— Что она сделала? — вздохнула я.

— Супермаркет.

— Воровство, — договорила я за нее, на что Лидия улыбнулась, а детектив покачала головой.

— Давайте, я возьму все утраты, и мы просто закроем это дело. Она девочка, и ей не нужна такая характеристика.

Детектив качнула головой и открыла нам дверь. Я молча вышла, и Лидия последовала за мной. Когда женщина вышла за бумагами в другой кабинет, я села напротив нее.

— Почему ты выручаешь меня? — спросила Лидия. — Я думала, придет мой брат.

— А теперь послушай меня, твой брат любит тебя, но я не так впечатлительна к твоим чувствам. У него и так проблем по горло, а ты все только усложняешь. Я не твой брат, веди себя соответственно.

Лидия больше не сказала ни слова, и после подписания документов мы вышли из участка и направились в машину. Телефон зазвонил, и я увидела фото человека, которого и правда была рада слышать.

— Привет, профессор, — улыбнулась я. — Как ты?

— Расскажу все при встрече, — ответил Джаспер. — Ты нужна нам как практик. Тебе предложили вести лекции на семестр в Йеле. — Я только хотела ответить, как Джаспер перебил меня. — Не отказывайся сразу, это большая возможность, так что подумай.

— Хорошо.

Брайан написал мне, что ему срочно необходимо на работу, так что мы с Лидией сели в

машину и направились домой. Я вошла на кухню и поставила чайник.

— Есть будешь? — спросила я.

— Нет, — ответила Лидия, направляясь в свою комнату.

— Какой смысл в таком количестве столовых ножей, если некого ими проткнуть? — сказала я сама себе.

— Ты пугаешь меня, Эмили, — прошептала она.

— Так и должно быть, — ответила я, обернувшись. — Присядь.

Она молча села за стол, смотря на меня немного с опаской.

— Извини меня за монолог, — вздохнула я. — Возможно, я далеко не добрая, но точно не хамка. Твой брат хороший человек. Мы все не идеальны, но он делает все для того, чтобы ты не узнала, что может пережить человек.

Она посмотрела на меня, и я смогла уловить ее улыбку.

— Твоя одежда говорит мне о том, что ты счастлива, — сказала девочка, пытаюсь перевести тему.

— А о чем говорят тебе мои туфли? — улыбнулась я.

Она опустила глаза, рассматривая мою обувь.

— О том, что счастлив Брайан.

— А ты разбираешься в обуви.

В конце недели у Брайана состоялся прием. Ему нужна была моя поддержка, я чувствовала это, поэтому безоговорочно была рядом. Наводя красоту, я сидела на своей кровати и уже подкрашивала губы, когда Брайан вошел в спальню.

— Ты представить себе не можешь, что творишь со мной сейчас своим бельем и телом.

Я подняла волосы вверх, оставив одну выбившую прядь. Затем молча поднялась с кровати с улыбкой на лице, а Брайан подошел ко мне, показывая, что ему необходима помощь. Я завязывала галстук-бабочку этому мужчине, а он не сводил с меня взгляда. Это действие слишком интимно, слишком лично. Легко прикоснувшись своими губами к его, я закрыла глаза. Я хотела продлить этот момент. Момент, когда мы были только вдвоем, и весь мир ждал нашего выхода.

Надев платье, подаренное Брайаном, я покрутилась вокруг своей оси. Оно было так восхитительно. Брайан застегнул молнию на моей спине, затем взял мои туфли и надел их мне по очереди.

— Я буду ревновать тебя к каждому взгляду. Ты очень красивая, Эмили.

Я улыбнулась и поцеловала его. Брайан углубил поцелуй, не давая мне возможности возразить.

— Думаю, не стоит сейчас демонстрировать свои навыки, — отклонилась я, все еще с улыбкой на лице.

— Но тебе нравится.

— Брайан Прайсон, мы выходим через десять минут.

Он покачал головой, и я любила быть причиной его улыбки. Любила чувствовать, что он дышит мной. Чувствовать, а не только слышать.

Мы подъехали к Empire State Building. Прожекторное освещение подсвечивало верхушку в синем цвете. Войдя внутрь, от такого количества народа Брайан направился за виски. Я засмеялась и остановилась, чтобы разглядеть присутствующих. В зале находились клиенты, конкуренты, враги и друзья.

Долорес была шеф-поваром, Ева — обязательным приглашенным гостем, и Эбби —

бизнес леди, от которой не отводили взгляда присутствующие мужчины. Я улыбнулась ей, и она закатила глаза, поднимая бокал с шампанским. Поднимаясь на террасу Empire State Buildinga, я увидела Нью-Йорк под углом обзора 360 градусов. Тут было так тихо. Восемьдесят шестой этаж встретил меня легким ветерком и доносящейся музыкой из этажей пониже.

Вы когда-нибудь встречали мужчину, в котором были бы полностью уверены? Когда вы идете по улице, и на встречу вам идет он. Уверенный, привлекательный, даже красивый, с соблазнительной белоснежной улыбкой и в идеально сидящем костюме. Мужчина, уверенный в себе, поскольку его внешний вид показывает его успешность. Но даже когда вы начинаете отношения и любите друг друга, женщина, по большому счету, не может быть уверена до конца «в нас».

Не в наших силах предвидеть будущее. И наше поколение слишком практичное, чтобы делать то, что нельзя предусмотреть. У каждого из нас свои страхи, и мой заключается в том, что однажды утром я проснусь с мыслью о том, что несчастна.

— Мисс Харисон? — спросил мужской голос позади меня.

— Да, — обернулась я. — А вы?

— Я — Эммет Скотт. Финансовый отдел «Property». Вы очень красивы.

— Благодарю вас.

— Выпить хотите? — спросил мистер Скотт, становясь рядом со мной.

— О, нет, спасибо, — улыбнулась я.

— Вы одна?

— А я могу здесь быть одна?

— Я знаю, что вы делаете для фирмы. Вы очень умная женщина, и я давно за вами наблюдаю.

— Извините, мистер Скотт, но какой реакции вы от меня ждете?

— Может быть, поужинаем как-нибудь?

— Она не будет с тобой ужинать, — ответил за меня мужской голос, и этот определенно был знаком. Обернувшись, я увидела разъяренного Брайана. — Эта женщина со мной. Так, что вали отсюда, — прошипел он сквозь зубы.

— А вы ей кто, мистер Прайсон? — спросил с улыбкой Скотт. — Она сама может за себя отвечать.

— Я повторяю, вали отсюда.

— Мистер Скотт, было приятно с вами познакомиться. Еще увидимся, — сказала я, смотря на Брайана без тени улыбки на лице.

— И мне, мисс Харисон, — поцеловал он мою руку. — Мое предложение остается в силе.

Затем он ушел, и мы с Брайаном уставились друг на друга. Я взяла у него бокал с шампанским и осушила его.

— Отличный вкус, в отличие от твоего поведения.

— Он приставал к тебе, — жестко сказал Брайан.

— Нет. Он просто пригласил меня, а я отказала.

— Я защищал тебя, Эмили.

— Нет. Ничерта ты не защищал меня. Ты метил территорию. С таким же успехом мог бы надеть мне ошейник со своим именем или пометиться возле меня.

— Второе звучит отвратительно. Я так не делаю.

Мужчины. Собственники до мозга костей и считают, что такое поведение нормально. Я видела, что он пытался успокоиться, и меня это не только злило, но в то же время пугало.

— Боже, ты придурок, Прайсон, — сказала я, собираясь уйти.

— Куда ты? — схватил он меня за локоть.

— Домой.

— Нет.

— Что?

— Никуда ты не пойдешь.

В детстве мама мне говорила: «Если он единожды сказал тебе, что делать, значит так будет всегда». А я не была готова к такому. Он был таким обаятельным, нежным и добрым наедине со мной, и стал совсем другим человеком сейчас.

— Прайсон, да ты обнаглел. Я тебе не кукла, а ты не мой кукловод, — толкнула я его.

— Нет, — прижал он меня к стене. — Ты моя, и я не позволю, чтобы какой-то Скотт даже дышал в твою сторону.

— Отпусти меня, — сказала я тихо. — Я больше не проведу с тобой ни минуты. — От Брайана не последовало никакой реакции. Он просто не сводил с меня взгляд. — Я только что сказала, что ухожу, ты что, не слышал?

— Слышал, — так же тихо прошептал он. — Ты никуда от меня не уйдешь.

Я пыталась вырваться из его рук, но все было тщетно. Чем сильнее я пыталась уйти, тем сильнее была прижата к нему.

— Не пытайся вырваться. Ты моя. И только моя.

— Я не собираюсь мириться с твоим свинством. Ты одержим обладать мною, а я тебя не игрушка, отпусти меня.

— Боже, что ты со мной делаешь? — прильнул он к моим губам.

Мне нужно было отпихнуть его, но я не смогла. У меня нет сил противостоять этому человеку. Его губам. Его запаху. Он застал меня безоружную. И с каждым днем я больше сдавалась, отдаваясь без остатка. Мне нравилась смятая постель, в которой мы проводили утро, и солнце, которое здоровалось с нами, уведомляя о том, что нужно вставать с кровати. Я задыхалась рядом с ним и не дышала, когда Брайана не было. Он взял мое лицо в свои ладони и начал целовать мои щеки, шею и губы. Сейчас я чаще чувствую ненависть. Ненависть к отцу Брайана, его отчиму и людей, из-за которых он был там. То, что он пережил, сотрясало меня до мозга костей при малейшем упоминании. Мы, люди, не учимся ненависти, мы рождаемся вместе с ней. Просто в определенный момент она безвозвратно выходит наверх, затмевая наш рассудок.

— Эмили, прости. Я веду себя как идиот, но ты нужна мне.

Брайан обнимал меня за талию, прижимая к себе.

— Поцелуй меня, — прошептала я.

Мы не замечали никого, кроме нас. Интересно, будет ли у нас такой голод и жажда всегда?

— Расскажи мне, за что ты его ненавидишь, — обняла я его.

— Мне нравится, как ты манипулируешь мной.

— Я хочу тебе кое-что рассказать.

Брайан обнимал меня за талию, и, слушая тишину, я задавала себе вопросы. Когда я полюбила его? Что в нем было такого особенного? Он красив, умен и обаятелен. Но я встречалась со множеством таких мужчин, но в Брайане я увидела что-то еще —

освобождение от правил, свободной жизни, страха и всегда уверенность в «нас».

Когда Брайан влез в мое сердце, мой разум назвал его «вечным» столько раз, что я открыла интернет, чтобы понять почему. Нет, конечно я знала значение этого слова, но я не понимала значения этого выражения в собственном мозгу, который жил отдельной жизнью от моего сердца в то время, когда я думала, что всегда контролирую и то, и другое.

— Говорят, что адвокаты пессимисты, но я исключение. Я являюсь ретроградным оптимистом. Если в будущем все может быть хуже, значит сейчас все еще хорошо.

— Ты такая ненормальная, — улыбался он. — Ты делаешь то, что хочешь, независимо от времени и места.

— Нет, просто я взяла выходной.

— Ты разрушила меня для остальных. Обещание этого горело в твоих глазах с нашей первой встречи. Ты всегда готова помочь и никогда не ждешь ничего взамен, — я улыбнулась. — Ты все еще любишь меня?

— А у меня есть выбор? — спросила я, целуя его в щеку.

— Нет.

Пары, которые все время ругаются, как подростки, забывая о том, сколько им лет, с самого начала обречены. Это отношения несчастны. Счастливые отношения — труд. Постоянные ссоры утомляют не меньше однообразия. Тогда с чего мы взяли, что человек уходит только тогда, когда ему скучно?

Спустя какое-то время мы вернулись вниз. Говоря с важными людьми и налаживая контакт, я чувствовала его взгляд на себя. В этот вечер Брайан говорил речь, когда его пригласили к микрофону.

— Мне нужно уйти отсюда, — сказала я, подходя к Долорес.

— Значит, мы уходим, — ответила она.

Я сказала Брайану, чему он явно не был рад, но все же лишь качнул головой, поцеловав на прощание. Мы с подругами вчетвером вышли из здания, вдохнув свежего воздуха. Когда я оказалась в Нью-Йорке, моя жизнь снова стала прежней. Этот город словно жил сам по себе, но в то же время с каждым жителем в унисон. Я не училась любить Нью-Йорк. Я родилась вместе с этой любовью.

— Все мужчины стояли в режиме стендбай, а это значит, что мы не просто хорошо выглядим, — улыбнулась Ева.

— А выглядим настолько круто, что лишаем дара речи и возможности двигаться, — договорила Долорес.

— Будем гулять всю ночь, поняла? — сказала Эбби, позвонив Донне и Стейси.

— Первые двести раз я не могла понять, но теперь до меня дошло, — засмеялась я.

Она покачала головой, а затем все взорвались хохотом. Мы гуляли по Нью-Йорку, и я понимала, насколько моя жизнь замечательная. Я живу в городе, который сам дает тебе возможность быть счастливым, даже утром, выходя за чашкой кофе. И рядом со мной всегда будут подруги, с которыми я буду сидеть за столиком в любимой кофейне.

— Вчера с Майклом поссорились, — сказала Стейси, когда мы сидели в ресторане, попивая Космо. — Этот кобель не пропускает ни одной юбки.

— Алкоголизм и кобелизм не излечим ни в одном мужчине, — ответила ей Ева.

— Если мужик не может создать женщине рай, то хоть бы геморрой не оставлял, — хмыкнула Эбби.

— Что у тебя с Адамом? — спросила я у Донны, смотря на нее.

— У меня с Адамом? Поверь, ничего, — фыркнула она.

— Ты говорила с ним? — спросила Ева.

— Если это можно назвать разговором. Не люблю я плоских мужиков. Он считает себя пупом земли, и как будто все женщины должны целовать землю, по которой он ходит. Так вот, не на ту попал. Он мне не интересен, я ему прямо об этом и сказала. Он психанул, ударил кулаком об стену и сказал, что он все равно добьется своего. На что я ответила, что лучше крокодилу себя скормлю, чем схожу с ним хоть на одно свидание. Вот и вся история.

— Жестоко ты с ним, — открыла я меню.

— Нет, он не исключение.

— Он не так плох, — добавила Стейси.

— С такими заёбами я себе мужа не найду, — улыбнулась Донна.

— С такими заёбами ты себе даже любовника не найдешь, — добавила Эбби.

— Чего ты радуешься? Это не смешно.

— Нет, конечно, не смешно, — все еще смеялась Стейси. — Просто так приятно знать, что есть кто-то, кто бесит тебя больше чем я.

— Знаете, в нашу женскую библию я вписываю еще одну заповедь, — посмотрела я на Донну. — Никогда не кричи. Но если тебе очень хорошо, тогда кричи.

— Ты хочешь сказать, что я часто поднимаю голос?

— Я хочу сказать, что мы леди. И пусть небо падает, но мы должны остаться ими до конца.

В эту ночь все было как раньше. Шесть подруг наслаждались тем, что имели без попытки что-либо исправить. Мы разговаривали и смеялись. Потом отправились ко мне и уснули утром под шум тлеющего дерева в камине. Я открыла ноутбук, чтобы записать важные слова, и улыбнулась, понимая, что именно то, что я записываю и осознаю это, уже делает мою жизнь лучше.

«Я никогда не была слабой. Будь я такой, не стала бы сильнее от того, что прошла. Сегодня я подумала над тем, как сделать мою жизнь лучше. Еще лучше и ярче. Я стала замечать, что жизнь удивительно красива. Или же она удивительно красива, когда начинаешь ее замечать? Мир — шведский стол. В нем есть доброта, счастье, вино и музыка. С первого взгляда как любовь и страсть, так ненависть и презрение».

Я сидела на террасе своего дома, пила вино и наблюдала за миром. Я смотрела за стариком, который держал в руках цветы, никого не замечая. Интересно, он родился в Нью-Йорке с любовью к цветам или же купил женщине, с которой прожил всю жизнь? Потом была леди. Удивительная блондинка в черном платье и шляпке. Не сводя глаз с людей и смотря на них с детским энтузиазмом, я не хотела его терять, открыв в себе. Наблюдая за ней, я понимала, что каждый день — это повод выглядеть идеально.

Я помню свое детство. Родители боготворили меня, хоть и не знаю, чем я это заслужила. Они позволяли мне быть глупышкой и умной. Бунтовать и читать книгу в таком месте, где меня бы никто не нашел. Настойчивой и мягкой. Веселой и грустной. Они позволяли мне быть правой, но также давали разрешение на ошибки. И моя жизнь сложилась так, как должна была. Я не променяю ее на другую. А дальше... дальше я узнаю, именно живя той жизнью, которую приготовили для меня небеса.

На мой телефон поступило уведомление от Брайана:

«Где ты?»

«Дома», — отписала я.

«Дай мне двадцать минут, и я приеду».

«Я голая».

«Дай мне пять».

Он опоздал на две минуты, и я смотрела, как мужчина приближается с улыбкой на лице. Я думала все утро, чего хочу и чего боюсь. Брайан молча поцеловал мою ладонь, затем губы и, поставив кресло рядом, взял за руку. Почему женщины часто думают, что с ними что-то не так? Что они должны что-то изменить в себе, чтобы быть любимыми? Мы должны быть успешными или хотим быть такими? Это исходит изнутри. Каждый наш выбор — это то, чего мы хотим или то, что должны. Как научиться различать? Но наступает момент, когда жизнь разделяется на «до» и «после», и то, что было «до», становится бессмысленным.

— Что ты видишь? — спросила я.

— Людей.

— Феноменальное наблюдение.

— Ты не дала мне договорить, Эмили, — сильнее сжал мою руку Брайан. — Я вижу людей, которые так погрязли в бытовых вещах, что не замечают собственных желаний. И еще эти деревья, ты замечала?

— Что именно? — улыбнулась я, делая глоток вина.

— Они словно что-то знают.

— Знаешь, раньше я думала, что у меня никогда ни с кем ничего не выйдет. Но вот сейчас я смотрю на эту женщину, которая идет вместе с дочкой, держа ее за руку, и понимаю, что хочу того же. Почему любовь делает нас такими глупыми?

— В этом, наверное, ее смысл, дорогая, — улыбнулся Брайан. — Я обещал тебе весь мир, но обещаю еще и счастье.

— Любой поворот, и мы будем где-то еще. Но мы будем вместе. Все происходит в нашей жизни, и хорошее, и плохое, пусть даже с опозданием. Это ведь счастье, когда что-то хорошее, чего мы очень ждем, наконец-то случается.

Некоторые люди совершенно не слышат себя. Не слушают внутренний голос. Я хотела прекратить заниматься безумием и начать все сначала. В этот момент я точно осознала, что когда-нибудь оставлю эту профессию, возможно даже этот город, возьму Брайана за руку и отправлюсь путешествовать. С ним я отправилась бы на край света.

— Эмили, тебе делали когда-нибудь предложение?

— Да, но я думала о том, как стать личностью, а не надеть кольцо на палец и стирать мужу носки.

— Но все имеет другую сторону медали.

— Как и все, — покачала я головой. — Любое зло имеет и другую сторону, которая его оправдывает. Вступая в брак, люди думают, что любовь — все, что нужно для счастливой семейной жизни. Кого бы мы не выбрали: похожего на себя или полную противоположность — конфликты неизбежны. Как бы то ни было, в семью каждый приходит со своим набором достоинств и представлений.

— Знаешь, один семейный психолог сказал такую фразу: «Многих людей научили насторожено относиться к различиям, потому что раньше рассматривали их как повод для конфликтов и ссор. Поэтому, чтобы жить, надо избегать различий. Здоровая, честная борьба вовсе не означает смерть — она может принести близость и доверие», — с улыбкой посмотрел он на меня. — Знаешь, я думаю, любовь — это не просто одна из техник борьбы, как победить противника и получить от этого удовлетворение. Я думаю, что это целая философия.

— Даже с любовью не бывает все идеально, — прошептала я. — Представляешь, как живут люди, которые ее не испытывают.

Подняв меня на руки, как Ретт Скарлетт, Брайан вынес меня из террасы, входя в дом и направляясь в спальню.

— Ты ведь знаешь, что я люблю тебя очень? — спросил он, сильно прижимая меня к себе.

— Знаю, — прошептала я, окуная руку в его волосы.

Положив меня на кровать, он прильнул к моим губам.

— Лежи спокойно, — сказал он, прокладывая дорожку поцелуев от шеи и до лобка. Когда он спустился к клитору, я вздрогнула, утопая в чувствах и проводя руками по его шевелюре.

— Не останавливайся, — вздохнула я.

Скользнув в меня одним, а потом двумя пальцами, не отрывая рта от моей киски, он набирал темп. Трепет охватил меня, когда подушечки его пальцев ласкали. Я извивалась под ним, и Брайан практически всем своим весом навалился на меня неутолимо массируя чувствительную точку внутри.

— Брайан... я не могу больше.

— Отпусти, — прильнул он к моим губам.

Я пришла к кульминации, и невероятной силы оргазм накрыл меня. Удовольствие прошло по моему телу, и я покрылась жаром как внутри, так и снаружи. Я видела удовлетворение в его глазах, которое так редко замечала.

— Ты на вкус такая же удивительная, как и пахнешь.

Не успела я отойти от оргазма, как он вошел в меня своим членом. Моё дыхание замедлилось, и я простонала в его рот, а Брайан прикусил мою нижнюю губу и переместился к груди, захватив сосок зубами. Он двигался медленно, а я закрыла глаза, наслаждаясь им. Это было правильно. Это было самым правильным в этом мире. Я вцепилась руками в

простыни, но он перехватил их, поднимая над моей головой. Брайан набирал темп и двигался быстрее, словно требуя от меня немного ответа на вопрос, держащий в своей голове. Я открыла глаза, смотря на него с вожделением, нежностью, любовью и страстью. Смотрела на него как на человека, которого выбрало мое сердце, и разум впервые одобрил.

— Не смотри на меня так. Иначе я не выдержу, и все закончится быстрее, чем я планирую, — зарычал он, впившись руками в мои бедра. — Я люблю тебя, Эмили. Черт, так сильно люблю тебя.

Брайан сильнее вдавил меня в матрас. Его рука скользнула по моему бедру, и он поднял мою ногу на своё плечо. Его бицепсы сжимались, а взгляд метался между моими глазами и подпрыгивающей грудью. Я любила эти руки на своем теле, а его тело продолжало качаться, сопровождаясь сильными толчками бёдер. Я снова чувствовала волну, которая пыталась вырваться наружу. Мои ногти впились в его плечи, и я выгнула спину, прижимаясь к его твердой груди. Мощные волны удовольствия разлились во мне. Он последовал за мной, со стоном роняя свою голову мне на грудь. Мы прислушивались к дыханию друг друга, которое становилось каждый раз спокойней, и Брайан сильнее прижал меня к себе, обнимая за талию.

— У нас вся жизнь впереди, хоть и не думаю, что нам будет этого достаточно, — прошептала я.

Брайан сплел наши пальцы и, скатившись, прижал к себе, укутывая в свои объятия. Я водила подушечками пальцев по его лицу и мне было мало. Я дотронулась своими губами к губам Брайана. Он целовал меня жёстко и страстно. Его язык облизал мою губу, а затем чуть прикусил, оставляя лёгкое покалывание, когда отстранился. Когда наши глаза встретились, в его взгляде светилось удовлетворение и безграничная любовь.

— Детка, я еще от прошлого оргазма не отошел, — прошептал он, целуя меня в кончик носа.

— Значит, мы с тобой в расчете.

— Знаешь, я не понимал раньше, как человек может перестать жить, когда теряет другого человека, — сильнее прижал он меня к себе.

Я держала голову на его груди и задумалась. Говорят, что, когда часто видишь человека, перестаешь его замечать. Но у меня все наоборот. Чем больше я смотрю на него, тем чаще хочу видеть.

— От тебя когда-нибудь уходила женщина?

— Нет. Я никого раньше не любил, реально воспринимая вещи. Я — мужчина, большинство в нашем мире можно купить.

— Тогда почему ты со мной?

— Ты — женщина, которая ничем никому не обязана и никому ничего не должна. Для тебя захотелось жить, совершать поступки, чтобы увидеть твою улыбку. Ты со мной не потому, что я богат, а потому, что тебе хорошо. Тебя интересует жизнь, ее принципы и правила. Ты хочешь менять этот мир. Тебе нравится чувствовать, что ты нравишься. Ты нравишься всем мужчинам, я вижу это, но тебя интересую лишь я. Порой ты очень сильная, и я не могу быть тебе равным. Но в другой момент ты хочешь, чтобы я обнял тебя. Возможно, меня всю жизнь будут мучить сомнения «А что, если я не буду достойным ее, не смогу сделать счастливой», но именно это всегда будет заставлять делать меня больше и больше, ведь ты выбрала меня.

— Мужчины тоже чувствуют, — улыбнулась я, проведя рукой по его щеке.

— Я так часто завязывал себе галстук, но не знал бы какую рубашку надеть, не чувствовал бы вкуса кофе без тебя и не мог бы спать.

— Ты лучше, чем ты думаешь, родной.

— Во мне порой много жестокости, Эмили.

— Но не пропадай надолго, ведь потом ты забудешь, как быть человеком. А теперь лежи и молчи.

— Не могу. Тебя возбуждает, когда я говорю.

— На самом деле мне нравится все, что делает твой рот.

Я взяла его член в руку, сжала, закрывая рот своими губами. Потом спустилась поцелуями к животу, проведя языком по дорожке волос, а затем по всей длине члена, сильнее сжимая его в своей ладони. Взяв в рот, начала облизывать, водя языком по головке. Брайан напрягся и вцепился руками за мои волосы. Все возвышенное всегда слишком забываемо. Время, проведенное с удовольствием, всегда великолепно и слишком ранимо. Я хочу быть причиной его счастья и причиной его улыбки, пусть даже мимолетной. Счастье есть. Вы просто живите в нем.

— Эмили...

— Я знаю.

Набирая темп, я водила пальцами по внутренней стороне бедер, нежно касаясь мошонки. Он любил то, что я делала с ним, и за это я любила его еще больше. Темные глаза задержали на мне взгляд, и мое дыхание остановилось. Брайан потянул меня за волосы, увеличивая темп, и я делала, как он мне приказывал. Его тело было напряжено до предела, как и мое.

— Хочу наблюдать за тобой, — прошептала я. — Хочу видеть твое лицо.

— Ты хочешь видеть, как я теряю себя, — хрипло произнес Брайан.

Подняв, как пушинку, Брайан поставил меня на ноги, прижимая к стенке, а затем взял за бедра так, чтобы я обняла ногами его талию. Он водил член вокруг моей киски, а затем резким движением вошел в меня до конца. У нас было неутолимое желание обладать друг другом. Душой и телом. Он глухо стонал, и эти звуки будоражили кровь так, что мое тело отказывалось сопротивляться. Я не нимфоманка, просто люблю секс с Брайаном. Мне нужен тот, кто бы заводил не только мое тело, но и каждую струну моей души. Кто был бы диким, смешным, сумасшедшим ньюйоркцем с любовью к кофе и моментам, когда наш разум замолкал.

— Давай вместе, — потребовала я, еще сильнее сжимая его член внутри себя.

Наслаждение пролилось по моему телу горячей волной. Я улыбнулась, а Брайан зарылся в шею, сильно сжимая мои ягодицы. Я осыпала поцелуями его плечи, и мы, все еще потные, стояли, пока он медленно двигался внутри меня. Этот мужчина был рожден, чтобы затрахать женщину до потери пульса.

— Ты сумасшедшая, — прошептал он, тяжело дыша.

— Училась у лучших, — ответила я, и Брайан поднял меня на руки, ложа на кровать.

Я легла сверху, и, обнимая друг друга, мы наслаждались реальностью. Он был моей опорой. С ним я могла чувствовать себя слабой, потому что как он и сказал однажды: «Я все равно сильнее». Никогда не думала, что такое случится, но я действительно его. Я принадлежу ему.

— Моей малышке четыре года сегодня, — улыбнулась я.

Брайан поднял мою голову, смотря в глаза, а затем начал смеяться. Я настолько

пропитана им, что дышать вместе гораздо легче. Кофе с ним гораздо вкуснее, а жизнь слаще. Я всегда слишком много ожидала, и меня трудно любить, но он смог. Этот человек превзошел ожидания.

— Тебе нужно научиться как-то жить без машины, — сказал Брайан улыбаясь.

— Я не могу, — ответила я без тени улыбки.

— А без меня?

— А без тебя не хочу.

— Хорошо, что ты осознала это. Помнишь, я задавал тебе вопрос?

— Какой именно?

— На счет отца. Ты с ним работала из-за денег или действительно помогала ему?

— Из-за денег, — ответила я слишком резко. — Он не был хорошим человеком. А уж гражданином подавно. Он все время нарушал законы и покупал людей, и я сейчас не только о женщинах.

— Расскажи мне.

— Одна из строительных компаний твоего отца занималась криминалом. Не в смысле убийствами или вроде того. Ты извини, твой отец был козлом, но слишком слабохарактерным, — хмыкнула я. — Там работали люди без документов, жилья и, соответственно, прописки, то есть иммигранты. Не все, конечно, но пятнадцать процентов, это приблизительно сто тысяч человек, а за сорок лет это сорок семь процентов сделанной работы. Он знал, что у этих людей не было другого выхода, и пользовался этим на протяжении многих лет.

— Почему ты с ним работала?

— Я не имела права отказаться от клиента или от фирмы после подписания контракта, а когда поняла, было поздно. Твой отец был один из первых моих клиентов в Нью-Йорке, вот я и согласилась. И если до конца быть честной, считала дни, чтобы срок контракта истек, и я была бы свободна от него и его проблем.

Я не жалела Брайана, но искренне сочувствовала. У всех нас разное детство, и каждому не хватает определенных вещей, но любому хочется любви и понимания.

— Я рассказал Лидии почти все вчера вечером.

— И как она восприняла это?

— Ты не поверишь, она плакала, — улыбнулся Брайан. — Я не думал, что у этой девчонки есть слезы в организме.

Мы занимались любовью, пока не стемнело. Мы целовали друг друга, оставляя следы на теле. Уснули в объятиях с переплетенными руками и ногами, проведя весь день постели. Находясь с ним рядом, я могла смело назвать себя самой счастливой женщиной во вселенной.

Он еще спал, когда я решила выпить кофе. Брайан пошевелился, еще сильнее прижимая меня к себе.

— Куда ты? — спросил он хриплым голосом.

— На кухню.

— Зачем?

— Кофе сварить.

— Не уходи.

Я поцеловала его в губы и, надев рубашку Брайана, пошла на кухню. Поставила чайник и открыла ноутбук, войдя в почту. В имени отправителя увидела «НЕ БЛАГОДАРИТЕ»

Открыв его, увидела фото Брайана с отцом. Брайана, бьющего Форстмана, а потом руки Брайана в крови.

«Об этом никто не узнает, мисс Харисон. Держите на поводке вашего спутника».

Я захлопнула ноутбук и уставилась в одну точку. Прежде чем нырять в омут, нужно принять решение: сможете ли вы жить с тем, что знаете или узнаете. Ведь столько сил уходит на притворство. Спустя несколько минут я направилась в душ, когда зазвонил мой телефон.

— Здравствуйте, мистер Максфилд.

— Эмили, ты должна приехать, — сказал он.

— Я не могу сейчас, — ответила я. — У меня есть семья, и на данный момент я о ней забочусь.

— Это убийство, — вздохнул он. — Ты нужна тут.

— Где ты?

— На кладбище Вудлон.

— Скоро буду.

Я надела спортивный костюм, кроссовки, очки Ray-Ban и, садясь в мустанг, направилась к Стивену. Я знала, что не должна ставить работу выше Брайана, но вся моя жизнь — моя работа. И я просто не могла поступить по-другому.

— Знаешь, Стивен, у меня сейчас свои проблемы, которые не связаны с работой, — сказала я, хлопая дверью, когда приехала на место назначения.

— Я тоже рад тебя видеть, Эмили, — усмехнулся он. — Пошли.

— Черт, угораздило же меня, — выругалась я и последовала за ним.

Мы проходили сквозь могилы, и я была в недоумении.

— Куда мы идем? — спросила я.

Мы подошли к последнему ряду, и я остановилась на месте, как вкопанная.

— Что за фигня? — спросила я.

— Это кровь.

— Я вижу. Почему? — подошла я к одной из могил.

— Тут похоронен отец вашего парня, и на могиле кровь.

— Откуда ты знаешь о его могиле, о крови на ней, и самое главное, какое это имеет отношение к тебе? — спросила я со злостью, смотря ему в глаза.

— А ты спроси у Брайана, Эмили, — ответил он. — Ты помогаешь мне, а я помогу немного тебе.

Я покачала головой и направилась к машине.

— У меня нет времени разгадывать твои ребусы, Стивен, — сказала я со злостью. — Не смей лезть в мою личную жизнь и говорить гадости о человеке, которого я люблю.

— Он убийца, Эмили.

— Но ведь и ты тоже. Мир, как пазлы. Один теряется, его заменяют новым. Правду нельзя обмануть и от нее нельзя убежать, но я за оплату долгов. Не смей трогать Брайана и воздух, которым он дышит.

— Ты всегда защищаешь тех, которые тебя окружают?

— Нет, я защищаю семью и свою работу.

— Но кто же для тебя Прайсон?

— А это не твое дело.

Я села в машину и направилась в офис. Но теперь была еще одна загадка. Что же

Максфилд хотел этим сказать? Зачем он притащил меня на кладбище на могилу умершего человека, который связан с жизнью Брайана? Чем больше живу, тем больше вопросов возникает.

Стоя в известной Нью-Йоркской пробке, я хотела быстрее оказаться в офисе. Сворачивая на третью Авеню, я пролетела мимо светофора, когда в мой автомобиль врезалась другая машина. Это вызвало мгновенную остановку, и подушки безопасности сработали.

— Черт, — выругалась я.

— Вы в порядке? — спросил мужчина, который вышел с другого автомобиля.

— Да. Я в полном порядке.

Спустя полчаса я сидела в больнице, и доктор светил фонариком в глаза. Я ненавижу больницы почти так же, как и спортзалы. Неужели все счастье всегда покупается ценой страдания? Мужчины и женщины проходят через проблемы и становятся чуточку мудрее и взрослее. Отношения должны крепнуть и приносить удовлетворение. Но как насчет веры? Веры в другого человека и в «вас» как что-то вечное?

— Доктор, я в порядке. Моя машина слишком дорога для того, чтобы попытаться не защитить меня.

— Очень остроумно, мисс Харисон. Вы всегда такая? — покачал головой доктор.

— Это часть моего обаяния. То, что вы слышали обо мне — ерунда. Правда гораздо ужаснее. Можно я поеду домой?

— Нет. Позвоните кому-нибудь, чтобы приехал за вами, и следующее четыре часа он должен следить за вами, как за маленьким ребенком.

— Я надеюсь, вы шутите.

— Измените законы, мисс Харисон.

— Она пойдет со мной, — услышала я голос Брайана за спиной.

— Ну вот видите, — хмыкнула я. — У меня везде ангелы.

Брайан поднял меня на руки и понес в машину. Я обняла его за шею, и он сильнее прижал меня к себе. Я молча сидела в машине, чувствуя невыносимую усталость. Брайан привез меня домой, снова беря на руки, внося в дом, а затем ложа в кровать.

— Брайан, ты совершал ошибку, о которой жалеешь? Которую хотел бы исправить? — пробормотала я.

— Спи, дорогая.

И я провалилась в сон. Не знаю, что мне снилось, но, проснувшись почти через пятнадцать часов, я лежала в кровати, какое-то время думая о могиле. Люди дешевают, но неужели Брайан один из них? Он сидел на кухне, пил кофе и читал утреннюю газету. Я села напротив, пронзая его взглядом.

— Брайан, мне нужна правда.

— Доброе утро, Эмили, — смотрел он так же на меня. — Как ты себя чувствуешь?

— Ты убил своего отца?

— Что ты делала с Максфилдом? — Я со злостью покачала головой. — Он недостойн тебя. Ты серьезно игнорируешь здравый смысл?

— А ты серьезно такой идиот? — повысила я голос. — Он мой клиент, а ты пытаешься оградить меня от каждого мужчины, у которого есть глаза.

— Ты слишком упертая, Эмили! — говорил мужчина со злостью. — Он использует тебя ради защиты.

— Нет, он платит мне деньги и говорит правду, в отличие от тебя. И я больше не позволю тебе указывать мне, что должна делать, а что нет. Я хочу правды, и пока ее не услышу, ты знаешь, где находится дверь, — мой голос сорвался на последнем слове, но я выдержала его взгляд.

— Ты не всерьез, Эмили, — подходил он ко мне. — Мы сейчас разбежимся и спустя десять минут будем говорить, словно ничего не произошло.

— Если ты прикоснешься ко мне, я уложу тебя на лопатки, — отошла я. — Во мне слишком много тьмы, и ты только добавляешь ее.

Свою работу я всегда делаю на отлично, но репутация «сложного человека» преследует меня везде. Брайан пытается защищать меня, но наступает на больной мозоль. Я понимаю животных и мертвых, но в отношениях с живыми мне есть над чем работать. Брайан взял ключи от своей машины со стола и вышел за дверь. Я была вне себя от гнева. Моя вина есть в этом, но она ничто по сравнению с враньем Брайана. Я держу секреты, но они не мои, а он хочет связать со мной свою жизнь, не рассказывая о своих демонах. Сам пытается защитить меня от ошибок, совершенно не избегая собственных.

Моя голова закружилась, и как только я собралась снова лечь спать, в дверь влетела Донна. Она осмотрела меня с головы до ног, затем обняла, сильно прижимая к себе.

— Как ты? — спросила она. — С тобой все в порядке? Ничего не сломано?

— Я в порядке, Ди, — улыбнулась я. — Или точно буду.

Мы направились в спальню, и Донна обняла меня, укрывая одеялом.

— Девочки скоро будут, — сказала подруга, смотря на меня.

— Дай мне телефон, пожалуйста.

Донна передала мне сотовый, и я со злостью набрала номер Максфилда, слушая гудки в трубке. Когда он поднял телефон, я поняла, что именно из-за него поссорилась впервые с мужчиной, которого люблю.

— Мистер Максфилд, если вы хоть раз тронете моих близких, я разорву вас на части.

— Эмили, что случилось? — спросила Донна, когда я бросила трубку.

— Я выгнала Брайана, — ответила я. — Он врет мне, а я ненавижу это.

Телефон зазвонил, и я увидела фото мамы.

— Привет. Как ты, мам?

— Хорошо, Эмили, мы с отцом хотим полететь в Париж.

— Пусть Макс побудет у меня какое-то время.

— Я хотела тебя об этом попросить, — слышала я улыбку в ее голосе. — Твой брат совсем не похож на тебя.

— Знаешь, я подумала сегодня о том, почему раньше мне нравились модные и с дорогой машиной?

— А сейчас хочется мягких и теплых, чтобы обнимать хотелось, и мужчину — хорошего отца.

— Без брутальности.

— Но с хорошим ароматом, — ответила мама, и я улыбнулась. — Знаешь, дорогая, жизнь несется. Так что прыгай выше головы и искушай судьбу, а все остальное пусть идет к черту.

— Святые угодники, я слышу это от своей матери.

— Хэмингуэй написал очень умные слова: «Женщину теряешь так, как свой батальон: из-за ошибки в расчетах, приказа, который невыполним, и невысказанных условий. И

еще своего скотства».

— К чему ты это, мам?

— Эмили, твой отец влюблен в тебя больше, чем в меня, — слышала я тревогу в голосе матери. — Родила тебя я, но на трон посадила ты себя сама, и прежде чем менять свою жизнь настолько, подумай, готова ли ты порой идти на компромиссы. И мне нравится Брайан, но ты моя дочь. Ты и Макс — самое важное, что есть в моей жизни, и если он сделает тебя больно, то болеть будет у меня гораздо больше, чем у тебя. У тебя трудный характер, дочка, и я сама говорила нырять тебе, как в омут, но послушай свое сердце. Ты уверена в нем?

— Не знаю, мам, — прошептала я. — Я точно знаю, что мне нравится красный цвет, пицца и машины, но все, что связано с Брайаном, я люблю.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Тогда пусть будет так, как ты решишь. Макс сегодня вылетит, ладно?

— Конечно, напиши мне, когда прилетает самолет, чтобы я забрала его. И по пути назад я была бы рада вас видеть.

Я услышала голоса подруг внизу и попрощалась с матерью по телефону.

— Что будете пить? — спросила я, когда они вошли в комнату.

— Текилу, — ответили они в унисон.

Долорес заказала еду, принесла выпивку, соль, нарезала дольками лайм и налила каждой по стопке.

— Меня пригласили в Нью-Хейвен, — выпалила я, а затем залпом выпила первую. — Поссорилась с Брайаном, выгнав его за дверь, и у меня чертовски болит голова.

— Тебе нужно разбудить свой мозг, — сказала Донна. — Тебе нужна еда и кофе.

— Сейчас будет готово, — направлялась Долорес в кухню.

— Ты в порядке? — спросила Эбби. — Как так случилось, Эм, ты же лучший водитель, который живет в Нью-Йорке и носит туфли.

— Боже, мне так хреново, — посмотрела я на нее. — Мне ничего не поможет.

— А ты увеличь дозу, — ответила Стейси, сверля меня взглядом.

— Секс не вылечит, — сказала Ева. — Тут и любовь не поможет.

— Ты у нас слишком романтична, — обняла ее Стейси.

— Знаешь, Ева, я думаю, тебе нужно было жить в восемнадцатом веке, — улыбнулась я, наблюдая за выражением лица подруги.

— Почему? — спросила та в недоумении.

— Ты слишком мила для этого.

— Я редко бываю на свиданиях, — сказала Эбби.

— А я вообще на них не бываю, — отозвалась Донна.

— Милая, твоя еда, — в комнату вошла Долорес с пакетами.

— Лучше морфий. Желательно тройной, — посмотрела я на нее.

— Что у вас с Брайаном? — прошептала Ева.

— Мы поругались. Все было прекрасно до этого. Мы летали в Париж, говорили по утрам.

— И трахались, — закончила Эбби. — Как меня давно никто к стенке не прижимал. Я завидую.

— Низко же ты пала, раз завидуешь хорошему сексу, — посмотрела на нее Донна.

— Я хочу съездить к нему, — сказала Долорес. — Я ведь ни разу не была после

похорон.

— Если тебе что-то будет нужно... — начала я.

— Я знаю.

Когда подружки ушли, Донна осталась, и мы отправились на кухню делать пиццу.

— Я за то, чтобы заказать, — сказала я, нарезаю мясо.

— Помолчи, Эм, — покачала головой Донна. — Когда ты последний раз ела нормальную еду?

— Сегодня. Я ела пасту.

— Ну да, с ресторана.

— А пицца с соусами самая настоящая домашняя еда? — улыбнулась я.

— Это единственное, что я умею готовить. Что случилось, Эм? Ты мне никогда не врала, а мы пережили не мало.

— Мне кажется, Брайан убил своего отца.

— Почему ты так думаешь?

— Я чувствую. Я, черт возьми, вранье чувствую за милую. Доказать трудно, вот что.

— Но возможно.

— Я не дам ему сесть в тюрьму.

— Ты собираешься его защищать вопреки закону, морали и совести?

— Ты бы позволила мне сесть в тюрьму?

— Не сравнивай, Эмили. Ты мне роднее себя самой, а Брайан очередной мужик. Но он чертовски красив, умен и до неприличия богат. Кстати, как ему удалось?

— Сказал, что начинал с малого, а потом раскрутился.

— Я не верю в это. Он или украл, или убил, или продал душу дьяволу.

— Донна, без сарказма.

— Кто я без своего сарказма?

Я покачала головой и задумалась над тем, что он делал в прошлом, кроме попытки выжить. Убийства, это слишком, но убийство родного отца — потеря собственной души. Я взяла ноутбук и отправила договор одному из клиентов на факс. Брайан до сих пор не звонил, а я и не хотела этого. Я ненавидела себя за причиненную ему боль. Он дал мне то, чему невозможно дать названия. С ним я та, кем думала, что никогда не стану. Брайан — мое всегда. Я люблю его, но я не до конца люблю себя, кроме того, трудно любить того, кого нет, как оказалось.

— Помнишь, когда мы раньше жили вместе, я ходила на свидания, — вырвала меня из раздумий подруга. — А ты каждый раз была королевой самопознания?

— Королевой самопознания? — засмеялась я. — Я училась.

— Не будь такой умной, Эм. Мужчины этого не любят.

— Брайан не такой, Ди. Ему нравится мой ум и чувство юмора.

— А еще то, что у тебя между ног.

— Я не хочу потерять его, — прошептала я чуть слышно.

— Терять людей никогда не бывает легко, — обняла меня Донна. — Недавно я прочла такую фразу: «Память — это не кинолента. Она завязана на эмоциях, а эмоции не лгут». Что тебе важнее: эмоции или его прошлое, которое не имеет отношения к нему настоящему на данный момент?

— Просто, когда я встретила его, он показался мне тем, кого я всегда любила. И я влюбилась в него, Донна, по-настоящему. Я полюбила его так сильно. Мы спорим,

обсуждаем и смеемся. Я хочу быть с ним, но с ним настоящим, а не его попытке быть лучше рядом со мной. Выходит, что я совсем его не знаю.

В этот день мы с Брайаном так и не говорили. На следующий с самого утра я отправилась в аэропорт за Максом. Я была безгранично счастлива, сильно сжимая в объятьях брата. Его глаза так чисты, с удивительной искрой. Улыбки солнечней я не встречала. Так по-доброму смешной. Ему так много предстоит, и однажды придет время, и он поймет. За его счастье я легко отдам свое.

— Привет, Макс, — улыбалась я. — Как я соскучилась по тебе.

— И я по тебе, сестренка, — обнял он меня. — Ты потрясающе выглядишь.

Я взяла один из его чемоданов, и мы сели в машину.

— Ты все время становишься выше, — улыбка не сходила с моего лица.

— А ты красивее, — открыл он окно. — Какие у нас планы?

— Все, что захочешь.

— Не надо. Мама всегда говорит, что я не такой как ты. Мне нельзя позволять многого.

— Я еще буду хвалиться, что твоя сестра. Тебе судьба дала билет в первый ряд.

— Конечно, ведь именно ты моя сестра.

Как хорошо, что в этом мире я точно знаю, что никогда не буду одинокой благодаря своему брату. Он всегда скажет, что любит, и мы пойдем за солнцем, за большими городами, друг друга обнимая и думая в этот момент только о хорошем. Такой счастливой, как с ним, я бываю только с подругами. С Брайаном все по-другому.

— Мне предложили преподавать семестр права в Йеле, — сказала я, когда мы вошли в дом.

— Ты согласилась?

— Еще нет.

— И когда ты должна ехать? — спросил он, снимая обувь.

— Скоро.

Макс подошел ко мне и поцеловал в лоб.

— Ты идеальна, Эм. Но нас все равно не будет в списках на проход в Эдем, попробуй грешить. А если кто-то попытается тебя обидеть, я сломаю каждую косточку в его теле. А теперь мне нужно в душ.

Я улыбнулась, и каждый раз, когда смотрела на его улыбку в ответ, мое дыхание замедлялось и становилось спокойней.

— Ты мне так важен, брат, — сказала я.

— Я знаю, — ответил он, прежде чем закрыть дверь. — Именно поэтому я верю всему, что ты мне не договариваешь.

— Правда?

— Конечно нет, сестра. Но я доверяю тебе.

Пока Макс был в душе, я заказала еду из мексиканского ресторана. Мы смотрели «Пилу» и смеялись. Моему брату не по нраву любовные прятки и верные поступки. Он живет с крыльями, игнорируя правила. Мой брат — идеал нашего времени. В нем присущи столько уважения и презрения к слабым в одно и то же время. Нежность и суровость.

— Где Брайан? — спросил он, смотря на меня. — Вы поссорились?

— Нет, просто у нас маленькие разногласия.

— Ты его любишь?

— Да.

— Тогда все остальное не важно.

— Важно, Макс. Просто я не готова верить и не знать.

— Эмили, порой вещи меняют нас и превращают в тех, кем мы думали, что не сможем быть.

— Да, но правда — единственная сила, которая осталась в мире.

— Жизнь не обязана давать нам то, чего мы ждем. Надо брать то, что она дает, и быть благодарными уже за то, что это так, а не хуже.

— Ты серьезно? Макс, это не наш стиль. Мы берем больше, чем можем. Это заложили в нас родители еще до рождения.

— Ты хвасталась аналитическими способностями, так попробуй отыскать ошибки в судьбе этого человека.

— Ты собираешься мне все фразы с «Пилы» цитировать? — засмеялась я.

— Знаешь, сестренка, где бы ты ни была, ты всегда в сердце нашего отца. Он в тебя так влюблен. Влюблен в твой омут, что ли. Но не опускай руки. Это самое страшное, что может быть в жизни.

Эту ночь я отдала чтению. Я отдала десять часов «Скарлетт», отрываясь, только чтобы попить и улыбнуться, понимая, как замечательно себя чувствую. На следующий, пока Макс спал, я написала ему записку и отправилась в офис. Пока ехала, мысли заполняли мою голову, мою машину и все пространство вокруг в радиусе одной мили. По-моему, честность — это игра. Это игра в правду, а правда — иллюзия, которую создают люди, после чего больно разочаровываясь.

Телефон зазвонил, и я подняла трубку.

— Я слушаю.

— Это Вайт. Ты что, черт возьми, позволяешь себе?

— И я рада тебе слышать, — улыбнулась я. — Ты про что именно?

Голос, где слышалась моя ирония и сарказм, чаще всего выводил из себя оппонентов, и я удачно этим пользовалась при каждой возможности. Я припарковалась и вошла в офис, качая головой Тиффани, в знак приветствия.

— Это не мелкое происшествие.

— Как раз мелкое, Вайт, — налила я стакан воды. — Я даже не воспринимаю твоего клиента всерьез. Тем более о пятидесяти миллионах речи идти не может.

— Я разорву тебя на куски.

— Я говорила, не надо со мной играть, ведь я играю лучше. Нет смысла в простой трате времени, и поговорим о домогательстве, когда кто-то кого-то схватит хотя бы за член или грудь.

Максфилд назначил мне встречу, и мне нужно было определенно отчаливать из офиса. Приехав в ресторан, я огляделась по сторонам и сразу нашла Стивена.

— Здравствуй, — сказала я, подойдя к нему.

— Здравствуй, — ответил он, помогая мне сесть. — Ты опоздала впервые.

— Просто не хотела приходить.

Телефон зазвонил, и я извинилась, отходя, надеясь, что это Брайан.

— Здравствуйте, мисс Харисон, — сказал мужской голос. — Вы помните меня?

— Кто это? — удивленно спросила я.

Голос мне был знаком, но я никак не могла вспомнить.

— Эммет Скотт. Я приглашал вас на ужин.

— Я слушаю вас, мистер Скотт, — перебила я его.

— Хотите сразу к делу? — слышала улыбку в его голосе. — Ваш парень — Брайан Прайсон, его убьют.

— Что вы несете? — прошипела я сквозь зубы.

— Держитесь от него подальше, чтобы и вас не задело. Ваши глаза так искренне наивны.

— Не доверяй моим глазам, которые, возможно, иногда и наивны, — говорила я со злостью. — Я леди, но след от моего кольца может быть на твоём лице, если из его головы упадет хоть один волосок.

— Эмили, у меня столько же власти, как у тебя в этом мире. И мы можем взаимно относиться друг к другу как к объекту секса.

— Не говори больше ни слова, потому что меня сейчас стошнит, — ответила я с презрением.

— Тебя смущает мой звонок?

— Меня смущает твое существование.

Я вернулась за столик, нервно стуча ногтями по столу.

— Эмили, прости меня, — сказал мужчина, сидящий напротив. — Я не имел права этого делать, но я пытался помочь тебе, защитить что ли.

— Не надо меня защищать, я сама справлюсь, Стивен. Никогда не делай ничего, что может навредить тем, кто мне дорог. Я не умею прощать.

— Давай начнем сначала, — протянул он руку, улыбаясь. — Я Стивен, и я порой отвратителен, но мне нужен адвокат и умный человек рядом, которому я могу доверять, даже если плачу ему.

— А мне нужны деньги, мистер Максфилд, — засмеялась я. — Приятно познакомиться.

Моё дыхание остановилось. Брайан появился из ниоткуда и направился ко мне. Костюм-тройка и расстегнутый пиджак сидели на нем идеально, и наши глаза встретились. Весь мир пропал. Он подошел ко мне, взяв за руку, и направился в сторону стоянки, не сказав ни слова.

— Ты делаешь мне больно, — сказала я, пытаюсь вырваться, но все было тщетно.

— Не пытайся вырваться, Эмили, — остановились мы возле его мотоцикла.

— Скотт звонил мне, — вырвала я руку. — Он сказал, что ты умрешь. Что, черт возьми, между вами произошло?

— Я переспал с его женой года два назад, и теперь он мстит мне.

— Зачем ты это сделал?

— Я хотел секса, и она было не против.

Я смотрела на него, не понимая, что за человек передо мной стоит.

— Ты думала, я святой? — хмыкнул он. — Ну же, Эм, ты хотела знать.

— Что с тобой, Брайан? Ты ведь был лучше этого мира.

— Нет, ты думала я лучше этого мира! — крикнул он. — Я говорил, что мне нужно спасение.

Мы молчали какое-то время, смотря друг на друга. Мама однажды сказала, что у меня слишком особенная улыбка. Я думала, так говорят все родители своим детям, но отец объяснил, что я просто редко улыбалась. Раньше смех без причины меня раздражал, вспомните несколько первых дней с Брайаном. Сейчас я стала замечать за собой частую улыбку, как на лице, так и в глазах. Так же, как и покой, когда Брайан рядом. С первой

минуты знакомства с Брайаном я была другой. В нем была я. И те эмоции, которые я испытываю рядом с ним, никогда не смогу забыть, да и не хочу. Я просто хочу разобраться, готова ли я сделать то, что приготовила мне судьба. Теперь я верю в судьбу. Я встретила нужного человека. Жизнь решила, что нужно нам быть вместе, а случайностей априори не бывает.

— Что ты хотела написать после нашей ссоры?

— Я хотела написать о счастливом конце, но остановилась. Как можно писать о том, чего сама никогда не испытывала? Я прочла множество книг, пересмотрела все возможные фильмы о любви, но так и не поняла, что такое любовь, и какие чувства она вызывает, когда к тебе приходит понимание, что это навсегда, что это уже навеки.

— Ты думаешь, что со мной ты не навсегда?

— Теперь я сомневаюсь в этом, — чуть слышно ответила я.

Брайан притянул меня к себе и сильно сжал в объятьях. Он гладил мои волосы, и я тонула в нем. Снова. Это было как наваждение, которое не проходило. Да я и не хотела. Я запуталась. Он столько чувств вызывает во мне. Я думала, что хочу знать ошибки, но теперь поняла, что лучше бы не лезла в это. Говорят, человека нужно любить просто за то, что он есть. Но это чушь. Сказки романтиков, не более. Ты хочешь быть с достойным человеком, но почему-то всегда идя по жизни с такой целью, встречаешь сломанного и влюбляешься в него без памяти. И когда пролетают года, как видение, ты тонешь, как в облаке, с наваждением встречая каждый день.

Брайан завел мотоцикл, и я села к нему, обнимая за талию. Мы выехали на автостраду. Ему это было нужно. Он либо сбивает кулаки в кровь, либо садится за руль. Возможно, в этот момент он вымещал злость, а я была рядом. Наше сердцебиение, как одно. Мы приехали на кладбище, и он, сплетая наши пальцы, повел меня к могиле отца. Я смотрела на Брайана с непониманием и раздражением, но молчала, пока мы не пришли на место.

— Может, поговорим? — наконец спросила я. Он молчал и поцеловал мою ладонь, держа все еще в своей руке. — Ты считаешь, что это поможет забыть о проблемах? Почему ты просто не можешь поговорить со мной? Искренне? Без всяких увиливаний или делая вид, что тебе все равно?

— Потому что не хочу! — прокричал он. — Ясно? Просто не хочу.

— Ладно, это твое право. А знаешь, я больше не хочу тебя упрашивать, — вырвала я руку. — Я не могу верить тебе, если ты все время убегаешь.

Развернувшись, начала уходить, но он схватил меня.

— Ты козел, — сказала я со злостью, когда он сжал меня в своих руках.

— Это многое объясняет в моем поведении.

Мы стояли возле могилы, и я поцеловала Брайана в губы. Он напрягся, словно ему было физически больно тут находиться.

— Каким он был, Эм?

— Ты совсем его не помнишь? — спросила я.

— Нет.

— Он жил работой, но у него было чувство юмора. Порой я не понимала его жестокости, но он был моим клиентом, я защищала его, несмотря ни на что. Это немного изматывало. На что была больна твоя мать?

— На алкоголизм, — ответил Брайан, прижимая к себе. — Она начала пить, когда я уехал. И потом, приехав, я все понял. Она кричала, злилась, винила меня в поломанной

жизни, но потом высыпалась и обнимала меня. Я знал, что моя мать любит меня. Я знал, что она единственная, кто действительно любит меня.

Мы направились к выходу из кладбища, и, когда Брайан сел на мотоцикл, я взяла его лицо в свои ладони.

— Как ты выдержал? — спросила я. — Как ты смог пережить столько боли?

— Все со временем проходит, Эмили. И боль, она притупляется. Не надо меня жалеть.

— Не буду, — прошептала я, прильнув к его губам.

Он прикусил мою нижнюю губу, садя к себе на колени.

— Тут умершие живут, — улыбнулся Брайан мне в губы.

— Им уже все равно.

— Если нас застукают, я жертва.

— Что это с тобой? — засмеялась я. — Ад замерз?

— Я люблю тебя, Эмили.

Затем он снова завладел моим ртом и в очередной раз моим сердцем. Он отстранился, вздохнул, затем поцеловал меня в уголок рта, нос и губы.

— Ты нужен мне, Брайан, — прошептала я. — Каждый день. Ты нужен мне целиком.

— Я полечу на Луну и обратно, если тебе нужно будет. Я все сделаю, что бы ты не попросила.

— Тогда я прошу тебя не ревновать меня.

— То есть ты считаешь нормальным обед с мужчинами, которые смотрят на тебя, как волк на мясо? — сильнее прижал он меня к себе.

— Какая разница с кем я обедаю, если все равно потом буду просыпаться в твоей постели?

— Мне есть разница, я не хочу видеть с тобой других мужчин, совсем. Кроме того, сейчас ты явно не хочешь иметь какую-либо метку от меня.

— Знаешь, Прайсон, это переходит все границы. Я не твоя собственность! — взорвалась я с места, как ошпаренная.

Он сильно схватил меня за локоть, притягивая к себе и возвращая обратно на колени.

— Я не знаю, что творится в твоей прелестной головке, но ты никуда не уйдешь, — прорычал он мне на ухо. — Когда ты впервые поцеловала меня, поговорила со мной и занялась любовью, то подписала себе смертный приговор на жизнь рядом с таким чудовищем, как я.

— Я не хочу, чтобы вместо разговоров ты избивал грушу. Ты думаешь, твои проблемы исчезнут с ударом или бутылкой виски? Мне нужен мужчина, но мужчина, с которым у нас будут честные отношения, а не который будет выгонять меня, как только у него проблемы. Мне нужна определенность и гарантия. Я привыкла к этому и не хочу менять таких вещей. Мы к чему-то движемся, но в то же время стоим на месте.

— Эмили, но я тоже о тебе фактически ничего не знаю.

— У нас разное количество трупов в шкафах. Вот и все. И вообще, наши отношения странно начались. Обычно люди узнают друг друга, а потом спят. Я думаю, мы ошиблись с этим.

— Нет, нет, не говори так, — сильнее прижал он меня к себе. — Я не отпущу тебя. Даже если придется удерживать силой.

— Я не такая женщина. Я не привыкла к такому, — оттолкнула я его. Он взял в руки мое лицо и нежно поцеловал. — Брайан...

— Шшш... тише, тише. Я люблю тебя. И не отпускаю, даже если придется драться против всего мира.

Я расслабилась, обняла его и ответила на поцелуй. Мне все время мало его, даже когда он рядом. Мне нужна свобода, и я не знаю, что будет дальше. Но я поняла, что начала любить свой возраст. Я стаю умнее и понимаю, что мне плевать, что думают другие. И причина — он. В нем есть все, что нужно мне. Словно я вот-вот упаду, а затем расправлю крылья и взлечу до небес.

— Я люблю тебя, Эмили. Люблю тебя.

— И я люблю тебя, Брайан.

Мы поехали к нему домой. Я держала его, и кубики пресса напрягались каждый раз, когда я проводила по нему ногтями. Войдя в помещение, поняла, что здесь пахло по-другому. Домом что ли. Я вошла в гостиную и увидела рояль, стоящий посреди комнаты. Картины и цветы в вазе. Спальня Брайана также изменилась. Двухспальная кровать из красного дерева и белые стены потрясающе контрастировали. На полу лежал белый коврик, похожий на медвежий мех, и он поставил два мягких кресла и кофейный столик между ними с другой стороны.

— Ты сделал это помещение домом, — прошептала я.

Он наблюдал за мной и смотрел с вождением. Затем подошел и разорвал пуговицы на блузке, снимая ее.

— Ты такая красивая, — прошептал Брайан, покусывая мою шею и облизывая мочку уха.

Брайан поднял мою юбку, а я сняла его пиджак, освободив от галстука и расстегнула пуговицы рубашки.

— Эмили, если ты и дальше будешь так расстегивать пуговицы, то я захочу не только трахнуть тебя, но и убить.

Я облизала губы, и в следующее мгновение Брайан взял меня за затылок, впиваясь в губы. Он посасывал и покусывал верхнюю и нижнюю губу по очереди, а я освободила его от ткани. Когда провела ногтями по его груди, он сильнее прижал меня к себе. Мне нравилась медленность. Я наслаждалась его телом. Его мышцами и сердцебиением под своей ладонью.

— Я не понимал, насколько сильно нуждаюсь в тебе, пока не оказался один.

Я улыбнулась, а Брайан провел рукой по внутренней стороне моего бедра, взяв в рот мой сосок. Я закусила зубами его плечо и вонзила ногти в спину. Он покусывал мою грудь, шею и ключицу. Брайан подвинул меня к себе резким движением, и я почувствовала боль. Провел рукой по моей спине, обжигая прикосновениями. Это сладость и пытка — быть рядом с этим человеком. Я давно перестала искать и недавно перестала спрашивать: «Почему?», думая, что однажды в любом случае найду правильные слова для объяснений, как и ответы, и они будут просты и самые важные в то же время.

— Я скучала, — прошептала я, целуя его.

— Меня ломает без тебя, — смотрел Брайан мне в глаза. — Нет наркотика, который ломает хуже, чем твой запах. Губ слаще, чем твои. Нет привязанности сильнее, чем моя. И любви удивительнее, чем ту, которую мы испытываем.

— И нет мужчины лучше, чем тот, который сейчас со мной, — провела я рукой по его члену. — Ты как всегда уже твердый.

— А ты уже влажная, — ответил он, сильно сжимая мои бедра до той боли, которая мне так нравилась, и вошел в меня резко двумя пальцами.

Как все меняется с приходом одного человека в жизнь. Женщина знает, что хочет делать, а мужчина — кого хочет видеть. Я знаю его слабости, а, по-моему, это и есть высшая степень любви.

— Я хочу тебя. Сейчас, — говорила я, царапая его спину. — Глубоко и быстро.

— День, когда я откажу тебе, будет последним в моей жизни.

Брайан поднял меня на руки, а я обняла ногами его за талию. Он прижимал меня к стене, а я видела столько страсти и вожделения в его взгляде, затем он резко вошел в меня, покрывая шею поцелуями.

— Твое дыхание такое теплое, — прошептала я.

Брайан забрал мои волосы с лица, целуя и одной рукой держа меня за шею. Он трахал меня жестче, сжимая мои бедра, а я держала его спину, не отводя взгляд. Моя грудь раскачивалась с каждым нашим движением, и Брайан сжимал мою попку, покусывая соски. Он ускорил темп, и я выгнулась в его руках, кончая и сильнее впиваясь ногтями в его спину. Брайан зарычал мне в ухо, следуя за мной.

Мы стояли, наслаждаясь друг другом, когда дверь резко открылась, и я увидела Адама. Брайан поставил меня за свою спину, крича:

— Проваливай, Адам.

Я заметила улыбку на лице друга, и как только он закрыл дверь, начала хохотать, сползая вниз по стенке.

— Нам весело вместе, не так ли? — спросила я, смотря на него, и вытирая слезы.

— Обхохочешься, — покачал головой Брайан.

— У меня идея.

Я открыла шкаф, доставая кальян, и соблазнительно улыбнулась, смотря на мужчину рядом.

— Ты серьезно, Эмили? — засмеялся он, подходя ко мне. — Мы же взрослые люди.

— Вот именно, — подмигнула я.

Брайан забрал у меня эту вещицу, начиная заправлять. Я же встала у него за спиной, обнимая за талию. Когда я чувствовала его тело, мурашки покрывали мою кожу. Я была готова сражаться ради всего мира, и как бы мы не были различны, я никому не доверю свою жизнь, кроме него. Я помню, как глаза в глаза, и все распалось. Как я сидела в ресторане и получала букет пионов. Пульс стучал, и я чувствовала, что срываюсь. Как часто мне приносили цветы вместе с кофе при каждом моем заказе, благодаря Брайану? Он единственный, кто делает меня счастливой, а разве есть что-то важнее?

Прежде чем начать, Брайан отправил Адама, а затем скользнул к моей руке, пока наши пальцы не сплелись. Он сидел на полу комнаты, а я села на его колени и вдыхала абсент, вишню, мяту, все время смотря на Брайана. Я видела, как движется его кадык и вены вздуваются на виске. У нас не было: «давай будем вместе». Этот человек просто сделал меня своей.

— Ты настолько красива, что все твои капризы я готов терпеть вечно, — прошептал он, обнимая меня.

— Ты пробовал наркотики? — спросила я.

— Это глупо, странно и вообще нелегально, — улыбнулся он. — А ты? Что у тебя было самое грешное?

— Ты, — прошептала я. — Ты единственное, на чем я зависла и от чего не могу избавиться.

Вскоре мы оделись и отправились ко мне домой. Макс с Адамом смотрели третью часть Пилы и ели заказанную пиццу. Брайан ушел с Адамом на террасу, что-то обсуждая, а я позвонила друзьям, которые вскоре к нам присоединились. Мы, словно подростки, проводили время, попивая пиво, смотря фильмы и отпуская комментарии по поводу каждой сцены. Я была счастлива. Возможно, не всегда нужно быть счастливым, ведь в редких случаях мы их гораздо больше ценим. Мы не слепы, не глупы, у нас две руки, две ноги и есть пальцы. Так почему мы несчастны гораздо чаще, нежели чувствуем счастье? Старайтесь держаться и попытаться оторваться от земли.

Проснувшись утром, поняла, что Брайана не было рядом. Но я улыбнулась, увидев рядом спящего брата. Он был таким беззащитным во сне, и я поцеловала его в лоб, любуясь этим человеком, которого подарила мне жизнь. На столе лежала коробочка, букет моих любимых цветов и записка.

«Доброе утро. Любовь моя, спасибо тебе за то, что ты есть. Мне не хватает тебя каждую секунду, но я не мог остаться. Я скучаю, когда не рядом, по чувствам и ощущениям тебя рядом со мной. P.S. Мир ждет тебя»

— Я всегда думаю, что не могу любить сильнее, но каждый раз после такого понимаю, что ошибаюсь, — улыбнулась я. — Черт бы тебя побрал, Брайан Прайсон, за твою идеальность.

В коробочке была цепочка из белого золота и платины с кулоном, на котором были видны контуры нашей с Брайаном совместной фотографии, и надпись с другой стороны «Forever». Я снова села за ноутбук, открыла документ и написала:

«Никогда не делайте выводов, пока не узнаете человека, истинные причины его поступков и собственную душу. Быть одной совсем не трудно, гораздо тяжелее быть с кем-то. Рискуйте. Признавайтесь в любви себе и кому-то. Смейтесь до слез. Или плачьте до смеха. Живите полной жизнью, а не суровым приговором. И никогда не жалеете о жизни, которую вы проживаете».

Я была на работе и просматривала с Тиффани документы для очередного суда, когда в кабинет вошел Брайан. Долгое время я не знала усталости, продолжая идти вперед. После волнительных дней возвращение к обычным трудовым будням вызывало во мне странные ощущения. Я сидела практически на иголках, ожидая, что что-то должно случиться, и история примет неожиданный поворот.

— Здравствуйте, девушки, — улыбнулся он. — Мне нужно поговорить.

— Хорошо, — посмотрела на меня помощница. — Я уйду.

— Нет, нет, мисс, я подожду, а вы продолжайте.

Я улыбнулась, а Брайан сел на диван. Я какое-то время не отводила взгляд от него. Ежедневно все меняется, покуда стоит белый свет. Но единственное остается неизменным — стремление к счастью. Мужчины. Без них наша жизнь была бы невыносимой. Без них нашей жизни не было бы вообще. Они говорят: «Доверься мне», и мы доверяемся. «Я уберегу тебя», и они правда берегут. Мужчины не притворяются. Не делают вид, что есть другие. Для него существует лишь единственная женщина. Его женщина. Они замечают новый маникюр и прическу. Носят на руках, когда мы пытаемся вырваться со словами: «Я тяжелая». Они дарят цветы без повода и рассказывают о гольфе и футболе, когда становятся не просто мужчиной ее жизни, а другом, который заботится о той единственной. Мы, женщины, и сами никогда не поймем, когда влюбились в него. Видение идеала и красоты меняется, когда ты встречаешь такого мужчину. Мелочи, которые раньше приносили радость, кажутся скучными, но зато его восхищенный взгляд не имеет цены. С ним просыпаешься — и мир идеален.

— Тифф, — посмотрела я на подругу. — Дело не в доказательствах, и даже не в противнике, а в твоём умении быть лучше.

— Эмили, не может такого быть. Тут явно виновен. Доказательства идут против него.

— Нет, они против тебя. Твое первое дело об изнасиловании не может быть проигранным. Кроме того, ты его адвокат, и это не просто твои деньги, это твоя репутация. Моих клиентов от этого дела не убавится, но вот прибавится ли твоих, зависит только от того, что ты можешь доказать. Он виновен?

— Мне кажется, нет, — покачала головой девушка. — Просто его экс подставляет.

— Он под стражей?

— Да.

— Так разберись с этим. Продумай перекрестный допрос, хороший монолог и приведи доказательства, чтобы спасти этого парня. Его жизнь только в твоих руках, понимаешь? Ты сможешь. Ты умница, Тифф. Ты лучше остальных. И только когда сама в это поверишь, никто против тебя не сможет выиграть.

Она собрала документы и благодарно мне улыбнулась. Тиффани нравится мне своей невозмутимостью. Когда она начала учиться, раздулась от гордости, потом я начала вводить ее в высшие круги, знакомить с важными людьми, и она поняла, сколько еще не знает. А со

временем я видела в ней себя. И как мне ранее помогали родители, так я буду помогать ей. Она превзойдет меня. Хороший ученик всегда превосходит своего учителя, а Тиффани Джейсон лучшая ученица. Остановившись у двери прежде чем выйти, она сказала:

— Теперь я начинаю понимать, почему именно ты выбираешь небо, под которым ходят твои родные.

Я смотрела в окно, и Брайан подошел ко мне, обнимая за плечи. Я улыбнулась, смотря на него. Раньше я и не думала, что можно испытывать такие чувства к другому человеку. Сколько бы мы не пытались убежать, наша тень все равно нас догонит. Я не могла убежать от своих мыслей и чувств, но порой люди заставляют нас меняться.

— Эмили, ты обычный человек. Тебе нужно отдохнуть.

— Не говори никому, что я обычный человек, — прошептала я, усмехнувшись.

— Ты все так же прекрасна, как и в первый день нашей встречи. Ночью под дождем, — я попыталась спросить, а он лишь усмехнулся. — Однажды я тебе все расскажу.

Я укуталась в его объятия, удивлялась власти мужчины над моим сердцем. Я ждала зимы. Холода снаружи и тепла внутри. Я ждала горящих фонарей, музыки и украшенного двора. Я стала замечать, что хочу порой готовить и провести день за просмотром фильмов. Сколько всего в жизни я пропускаю, пытаюсь заработать и стать лучше. Но какой смысл? Суть жизни именно в самой жизни, в ее ярких моментах, и не все они зависят от карты Gold в кошельке и новой машины в гараже. Ведь приготовленная чашка кофе любимым мужчиной гораздо лучше.

— Кофе? — спросил он меня спустя несколько минут.

— Кому нужен кофе после таких слов?

— Ты знала, что люди, предпочитающие эспрессо — лидеры? Любители латте испытывают трудности с принятием решений, а ценители фраппучино склонны к авантюрам.

— А какой предпочитаешь ты?

— Американо, — поцеловал Брайан меня в висок. — У меня простой подход к жизни, и я редко совершаю эпатажные поступки.

— Я бы с этим поспорила.

Он засмеялся, поцеловав меня в висок. Остались только мы. Брайан спросил, что за дело мы обсуждали с Тиффани, и я рассказала. Я сказала, что это не «очередная папка с фото», но вполне реально для решения, и Брайан смотрел на меня в замешательстве. Я не собираюсь давать этой девушке что-то легкое и слишком банальное. Таким я могу и сама заниматься. Но если я когда-нибудь уйду, хочу, чтобы она была достойной. Чтобы она была той, кем я буду гордиться.

— Всегда одни женщины лучше других. Для меня нет лучше, чем ты. И кого бы я не встречал, я во всех вижу тебя. Всех сравниваю с тобой.

— Знаешь, я не верила в судьбу. Но нас определенно связывает красная нить.

— Все в жизни не случайно. А если случайности случаются, то они самые неслучайные.

— Ты уверен, что экономист по профессии? — засмеялась я.

— Я приготовлю черный со сливками и корицей, — поцеловал он меня в плечо.

— Ты меня подкупаешь, да?

— Да. Я хочу поговорить с тобой, — улыбнулся он.

В кабинет вошла Тиффани, улыбнулась, увидев нас в такой позе, и сказала, что пришел новый клиент. Я села за стол, а Брайан колдовал над кофемашиной, после чего вернулся на

диван, не сводя с меня взгляда.

— Мисс Харисон, — сказал мужчина. — Здравствуйте, приятно с вами познакомиться.

— Это ненадолго, присаживайтесь, — показала я на стул. — Чем могу помочь?

— Мне нужен адвокат по разводу.

Мы поговорили определенное время и, узнав то, что меня интересовало, я отказалась представлять этого человека. Он выглядел как обычный бизнесмен с дорогими часами, ароматом и костюмом, но не мужчиной. В нем не было ничего поистине мужского, и теперь я дошла до того уровня, чтобы выбирать клиентов. Могу выбирать, кто выйдет победителем, и какой ни была бы его жена, вскоре бывшая, я лучше буду представлять ее.

— Почему, когда он сказал, что разведен, ты изменила о нем свое мнение?

— С чего ты взял? — обратила я взор к Брайану.

— Я видел это в твоих глазах, хоть на твоём лице не дернул ни один мускул. Почему ты презираешь людей, которые разводятся?

— Я не презираю людей, которые разводятся, просто редко уважаю мужчин, которые подаются на развод. Когда человек женится, он должен понимать, что это как татуировка: с обязательствами, всегда и надолго, и что в любом случае эта женщина, которая рядом, как вторая кожа. Ее, возможно, не всегда замечаешь, но все равно понимаешь, что она — часть тебя и всегда ею будет, несмотря ни на что. И как бы не хотелось порой избавиться от нее, ты понимаешь, что, когда делал этот рисунок, руководился чем-то в тот момент. Когда увидел впервые — был счастлив. А мужчины, которые разводятся, по-моему, слабы. Они не держат своего слова, и, да, я презираю таких людей. Ведь только мужчина может спасти брак.

— Ты пыталась когда-либо при помощи клиентов разобраться в собственной жизни?

— Да, и нихрена не разобралась.

— Эмили, — ворвалась в кабинет Тиффани. — Это же было выигранное дело с самого начала.

— Если хочешь, забирай себе, — пожала я плечами.

— Ты серьезно?

— Вполне. Я не хочу работать с кретинами, у меня и так их больше, чем жизни.

— Твое мужское высокомерие погубит твою карьеру, если ты не будешь исправлять ошибки людей, пытаюсь вынудить все, рассказывая в ответ чуточку о себе.

— Для экономии времени, Тифф, если я умалчиваю о деталях, то делаю это осознанно. Если тебе нужен разведенный малыш на Bentley, дерзай. Считай, что ты получила мое благословение.

— Как вы ее терпите, мистер Прайсон? — обратилась девушка к Брайану. — Это самая невыносимая заноза в заднице, которую я встречала.

— Тогда почему вы с ней работаете, мисс? — спросил он с улыбкой.

— Это лучшая заноза в заднице, которую я встречала.

Она вышла за дверь, и я улыбнулась, закрывая ноутбук.

— Поехали, — посмотрела я на Брайана. — Пока Макс у Адама, у нас есть время поговорить.

Мы приехали домой, и я бросила вещи на диван, пройдя к холодильнику. Я захотела что-то приготовить. Открыла бутылку вина и стала нарезать овощи для жарки на гриле. Брайан резал мясо, и песня The Afters — Say it now делала это время практически идеальным. Нежность украшает нас, а любовь придает силы. Послевкусие моментов с этим

человеком было незабываемым, а ведь именно оно и определяет счастье самого момента. Мы говорили о наших семьях, о недавнем аресте политика и о том, что я добавляю слишком мало специй в блюда, над чем я смеялась еще больше.

— О чем ты хотел поговорить?

— Я пойму, если ты почувствуешь, что не можешь поддержать меня, — видела я впервые страх в его глазах.

— Что случилось?

— Ты спрашивала меня, знаю ли я что-то о смерти своего отца, — посмотрел он на меня. — Знаю. Я убил его.

Вокруг тишина. Стук моего сердца сейчас отбивался в ушах, и я просто надеялась, что это сон. Я не могла поверить в то, что человек, которому я говорю, что люблю, человек, которому я верю, может убить отца, каким бы тот ни был. Его жизнь ранее приносила ему мало счастья, но не может же он быть без сердца. На все есть причина. Должна быть. Сломать можно кого угодно, но как потом восстановить этого человека? Как сделать его целым и собрать все осколки его души воедино? Мне нужно было сознание Брайана. Он выпустил ситуацию из-под контроля, и я хотела помочь ему. Я хотела, чтобы он знал, что ему есть на кого положиться. Брайан справлялся всегда со всем в одиночку, и я восхищалась этим, но я противник ничуть не хуже, чем человек, за которого я однажды выйду замуж.

— Почему?

— Он заслужил этого. Из-за него я убивал в себе все, что чувствовал. Он бросил мать, и она умерла. Она умерла потому, что я не смог ее защитить, и он не смог.

Он сидел на диване, держа голову в ладонях, пытаюсь убежать от чего-то. Теперь я понимала его молчание, понимала реакцию, и даже лучше его самого. Я подошла к нему и обняла за талию, прижимая к себе. Этого было достаточно, и мы оба об этом знали. Я не тот человек, который влюбляется в улыбку, идеальные кубики на животе или ямочку на левой щеке. Я влюбляюсь в душу. В стремление жить. В возможность любить и желание быть счастливым.

Я провела носом по его подбородку и дотронулась губами к вене на шее.

— Эмили, я сказал тебе, что убил отца, а ты обнимаешь меня? — удивленно спросил Брайан.

— Тебя не подозревают, остальное не важно, — прошептала я, поднимая на него глаза. Он все еще в замешательстве смотрел на меня. — Брайан, у тебя есть недостатки, так же, как и у меня извилины.

— Ты жалеешь меня, черт возьми, — взорвался он с места, ударяя кулаком об стену.

Он оставил вмятину, и я поднялась с дивана, смотря на него со злостью.

— Где-то в глубине души я думаю, что ты любишь своего отца, но ведешь себя так, чтобы никто не узнал об этом.

— Оставь меня, — рявкнул он.

— Я пытаюсь помочь! — повысила я голос. — Не веди себя как мальчишка. Чего ты ожидал от меня? И не трогай мои стены, они и без того уже не первого сорта.

Я словно жила в мире иллюзий, выдуманных кем-то другим. Он посмотрел на меня, а я ушла в спальню, хлопнув дверью. Я укрылась одеялом и долго думала, уснув в конечном итоге. Я думала о том, что не знаю, чему верить. Не знаю, как теперь доверять словам. Мне так часто и так много говорили, но я верила Брайану. Верила, что он сохранил доброту, несмотря на трудности и жесткость пройденного. Но также мою голову посещали мысли о

том, как я должна исправить ситуацию. Что я должна сделать, чтобы уберечь этого человека от тех, кто пытается сломить его? Я не позволю этого сделать никому. Я любила ночи с Брайаном. Нет, не из-за секса. Просто это время предоставлено лишь нам, и мы больше никому не нужны. Ни мы, ни наши мысли.

Проснувшись спустя некоторое время, я открыла глаза, а Брайан лежал рядом и смотрел на меня, обнимая. В этот момент я поняла, что выбрала правильного человека. Он был истинным мужчиной, который вел себя именно как мужчина даже во время ссоры, в крайнем случае, после нее. Я смотрела на Брайана некоторое время, и слеза скатилась по моей щеке. Он поцеловал меня в щеку и убрал прядь волос. Скользнув своим взглядом к моим губам, он поцеловал меня, смотря мне в глаза.

— Я не хотел оставлять тебя надолго. Ты бы подумала о том, какой я кретин, и я больше никогда не смог бы к тебе притронуться, — прошептал он. — Я никого не смогу полюбить так, как тебя.

Я ничего не ответила, лишь нежно прикоснулась своими губами к его. Он прижал меня к себе, успокаивающе шепча на ухо:

— Я здесь, малыш. Я рядом. Прости меня. Я хотел как лучше. Хотел рассказать тебе правду.

— А я хотела отвлечь тебя.

Я провела языком по его губам, и Брайан углубил поцелуй. Сегодня я впервые поняла, что значит защищать и любить, несмотря ни на что. Верить в человека больше, чем в то, что тебе говорили о правильном всю жизнь.

Мы сходили в душ и замерли вместе в любовном покое. Мы впивались губами друг в друга, не переставая утопать в воде и наших душах. Вскоре собирались в ресторан, чтобы немного отдохнуть. Я выпрямила волосы и сделала совсем легкий макияж. Надела короткие синие джинсовые шорты и свободную белую футболку. Наверх накинула синий пиджак, и в маленький черный клатч положила телефон и ключи. Черные босоножки на шпильке и очки Ray-Ban завершали мой внешний вид. Мы сели в машину, направляясь в ресторан. Несколько пар сидели за столиками и разговаривали. Брайан держал меня за руку, и я сильнее прижалась к нему.

— Я хочу пиццу, — сказала я, когда Брайан помог мне сесть.

— Нужно было ехать в другой конец города, чтобы заказать пиццу, — улыбнулся он.

— Я того стою.

— Тебя так легко и в то же время так трудно любить, Эмили Харисон.

Я видела в нем всех, кого любила. Я не могу надыхаться им. На моих губах всегда его имя. Вдох, выдох, руки, касания, небо падает, но он стоит, не шевелясь, чтобы оно не тронуло меня. Мы рассматривали меню и карту вин, а когда я подняла на него глаза, его взгляд говорил мне, что он счастлив. Я улыбнулась, молча давая ему понять, что чувствую то же самое. Мои глаза часто могли ничего не выражать. Я словно смотрела в пустоту. Но в большинстве случаев сканировала каждую деталь человека, мысленно отмечая как достоинства, так и недостатки. Смотря на него, я прожила бы вечность за несколько дней. Он — моя целая планета. Сила любви самая несовершенная. Сила априори должна делать человека сильнее, но любовь часто разрушает. Любовь — самое нестабильное чувство в мире. Злиться на человека легче, ненавидеть — дольше, а вот любовь, как слабая нить. Мгновение — и она разорвана. Или, если, трепетно храня ее, мы обретаем то, что успокаивает нас, когда мы держим её в своих ладонях.

— Меня пригласили на лекции в Йель, — выпалила я.

— Когда? — исчезла улыбка с его лица.

— Завтра мне нужно поехать.

— Как давно ты знала?

— Парочку недель, но не была уверена, стоит ли ехать.

— А сейчас?

— А сейчас я не уверена, что ты хочешь, чтобы я ехала.

— Знаешь, я помню, когда узнал твое имя и читал о тебе.

— Где? — удивилась я.

— Взломал сайт Юстиции Нью-Йорка, — я смотрела на него, и Брайан засмеялся. — Я шучу, просто забил в гугле. О тебе писали многое, но одно я запомнил слишком хорошо: «Она мстительна и никогда ничего не забывает. Конкуренция — жизнь Эмили Харисон. Ее нельзя раздражать и давить на что-либо связанное с семьей, иначе след ее ненависти будет преследовать вас на каждом шагу».

— Слушая это, я сама себя ненавижу, — улыбнулась я, делая глоток вина.

— Но я смог завоевать тебя, и ты полюбила меня. Разве я не чудо?

— Для меня, тебя и твоего эго тут слишком мало места.

— Я так тебя люблю, — улыбнулся Брайан. — Адам просил, чтобы я устроил двойное свидание.

— Двойное свидание или наше свидание, счастливый вечер Адама, и мою смерть от рук Донны после?

— Ты так уверена, что она сможет устоять перед ним? Это же то же самое, что устоять передо мной.

— Все, дай мне поесть, — смеялась я.

— Вообще-то я уже пригласил их, — сказал он осторожно. — И надеюсь...

Брайан не успел договорить, когда я увидела входящих в ресторан Донну и Адама, который шел за ней, не сводя глаз, и улыбался.

— Милая, не переживай, я сделаю тебе хорошо, — услышали мы голос друга.

— Ты себе-то хорошо сделать не можешь, — ответила Донна, смотря на меня со злостью.

Мы переглянулись с Брайаном, а Адам улыбался.

— Я тут не при чем, Ди, — покачала я головой. — Это все он, — показала я на Брайана.

— Давайте мы просто поговорим, — улыбнулся мой мужчина. — Кроме того, Эмили завтра уезжает.

— Не поняла, — села Донна напротив меня. — О чем я не знаю?

— Ну вот и все, — развел руками Адам. — Я отошел на второй план.

— Ты никогда не был на первом, — съязвила подруга.

— Детка, ты потрясающе выглядишь, — приобнял за плечи Адам Донну.

— Где Адам? — отпихнула она его и снова обратила свой взор ко мне. — Ты видишь его, Эм? В уборной, наверное, снова поправляет макияж.

— Нет, он...

— Выпендрейщик, — закатила Донна глаза.

— Я исполню любое твое желание, — сказал он, подмигивая мне.

— Тоже мне Джин, — хмыкнула подруга.

— Может мы не будем... — я снова не договорила, как Адам перебил.

— Милая, я не Джин, но могу слишком многое. Особенно говорить и делать приятно женщине, и первое стоит на втором месте.

— Тогда просто отвали от меня. Это мое единственное желание, — сказала Донна, пронзая его взглядом.

— Кажется, ты меня хочешь, — улыбался Адам.

— Определенно, — засмеялась я.

— Куда ты, Эм?

— Меня пригласили преподавать в Йеле курс практической криминологии, — ответила я, пожав плечами. — Но я все еще думаю, ехать или нет.

— Ехать, — сказал Брайан. — Нужно попробовать. Ты сама так всегда говоришь.

— Чего не хватает мне до идеала? — спросил Адам, смотря на Донну и полностью игнорируя наш разговор.

— Мозгов, — ответила она. — Возможно, для многих ты уже идеал, поскольку говоришь с ними, но у меня яйца побольше твоих.

— Вообще-то нужно, чтобы мужчина был немного наивен, — улыбнулась я.

— Лично мне нужен дебил, — со злостью ответила Донна, выпивая стопку синей жидкости в рюмке. — У меня в этой жизни все через жопу.

— Ну так снимайся в порно, — обнял ее Адам. — Будешь самым ценным работником.

Мы с Брайаном смеялись, чувствуя себя раскованно и свободно. Он сжимал мою руку и целовал костяшки пальцев. Я обняла его за талию, смотря ему прямо в глаза. Сейчас бы звуки песни — John Legend — All of Me, и все было бы как в фильме. Я улыбнулась, понимая, что нет ничего лучше, чем мужчина, который искренне любит тебя и всем своим видом и действиями доказывает это.

— Я должна быть там, где сейчас.

— Итак, играем в игру «Жизнь без секса», — снова отпихнула Адама подруга, привлекая к себе внимание.

— С нами мужчины, — засмеялась я.

— Нет, мужчина есть только у тебя, Эм.

— Аргументов больше нет.

— Секс — фитнес, — все не унималась Донна.

— Без любви.

— Иногда нужно им заниматься, иначе жизнь сожрет тебя.

— Когда это ты занималась им? — спросил Адам.

— Сегодня утром по пути в туалет.

— Слушай, ты хоть когда-нибудь плачешь? — исчезла улыбка с лица друга.

— Это не ее стиль, Адам, — посмотрела я на него. — Донна Картер не плачет, она пьет.

— Слушай, ты правда настолько уверен в себе? — посмотрела на него подруга.

— Порой даже больше, чем хотелось бы, — ответил тот. — А ты и правда такая недотрога?

— Если твоя рука будет еще хотя бы раз на моем колене, как сейчас, это будет последний раз, когда у тебя будет рука.

Этот вечер, мягко говоря, не удался. Домой мы шли с Брайаном, держась за руки и разговаривая о том, что было. Мы не переставали смеяться. Мир казался сейчас совершенно другим. То ли от алкоголя, то ли от свободы, которую я почувствовала. Никто не скажет тебе, какой должна быть жизнь. Мир никогда не будет идеален, но мы должны сделать наш

собственный мирок хотя бы приближенным к желаемому.

— Брайан, я не могу уехать вот так просто. Расскажи мне о Скотте.

— Милая, у меня есть план, — сильнее стиснул он мою руку.

— В плане не должно быть убийства.

— Значит, у меня нет плана.

— Прочти мне что-нибудь.

Он взял меня за руки и нежно прикоснулся к губам с улыбкой на лице.

— Скажи, откуда ты приходишь, Красота?

Твой взор — лазурь небес иль порождение ада?

Ты, как вино, пьянишь прильнувшие уста

Равно ты радости и козни сеять рада

Заря и гаснувший закат в твоих глазах

Ты аромат струишь, как будто вечер бурный

Героем отрок стал, великий пал во прах

Упившись губ твоих чарующею урной

Прислал ли ад тебя иль звездные края?

Твой Демон, словно пес, с тобою неотступно

Всегда таинственна, безмолвна власть твоя

И все в тебе — восторг, и все в тебе преступно

С усмешкой гордою идешь по трупам ты

Алмазы ужаса струят свой блеск жестокий

Ты носишь с гордостью преступные мечты

На животе своем, как звонкие брелоки.

Вот мотылек, тобой мгновенно ослеплен

Летит к тебе — горит, тебя благословляя

Любовник трепетный, с возлюбленной сплетен

Как с гробом бледный труп сливается, сгнивая.

Будь ты дитя небес иль порожденье ада,

Будь ты чудовище иль чистая мечта,

В тебе безвестная, ужасная отрада!

Ты отверзаешь нам к безбрежности врата.

Ты Бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?

Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,

Освобождаешь мир от тягостного плена

Шлешь благовония и звуки и цвета!

— Все? — спросила я, все еще находясь в изумлении.

— Ты думала, я буду всего Шарля Бодлера читать?

Я не переставала улыбаться. Мужчины, которые ранее встречались мне в жизни, были эгоистами до мозга костей. Брайан же готов был пойти со мной в три часа ночи, если я захочу, как в постель, так и пешком в другую страну. Пока вы думаете, что не в силах что-то изменить, пережить или сделать — так и будет. Ваши возможности безграничны. Каждый из нас способен на очень многое. Сделайте то, о чем мечтаете не потому, что хотите доказать другим, а потому, что хотите доказать себе.

— Эмили, давай потанцуем, — сказал Брайан, прижимая меня к себе, держа за талию.

— Мы будем танцевать тут? — в изумлении спросила я.

— А кому мы мешаем?

— Но у нас нет музыки.

— Мы придумаем свою, — поцеловал он меня в лоб. — У меня слабость к цвету твоих глаз.

Я улыбнулась и сильнее прижалась к своему мужчине. Он сильно сжимал меня в объятьях, и очередной момент счастья отложился в моей памяти. Наша жизнь, словно мозаика, которую мы складываем и откладываем, вспоминая в определенный момент нужный пазл. Мы танцевали под музыку, которую слышали только мы у себя в воображении. Как же я любила его. Он стал центром моей вселенной, моим сердцем. Не всегда тот, кого мы встречаем в шестнадцать, является нашей судьбой. Мы можем познакомиться в тридцать, сидя в кафе за чашкой кофе или выгуливанием собаки, но этот момент может стать самым нужным в жизни. Ты встречаешь человека именно тогда, когда он тебе нужен больше, чем воздух, даже когда ты сама не осознаешь этого. Внезапно пошел ливень. Поднимая голову к небу, я засмеялась.

— Я люблю непрошенный дождь, — прошептала я.

Брайан целовал меня снова и снова. Все осколки моей души развалились, если бы этот человек ушел из моей жизни. И я верю в судьбу, сколько бы нам не пришлось пройти, она

предназначила нас друг для друга. Я всегда думала, что нет ничего хуже, чем недоверие, но теперь понимаю, что нет ничего хуже, чем отсутствие любимых людей.

Такси привезло нас в квартиру Брайана, и, войдя внутрь, он отпихнул меня, закрыв собой. Все было перевернуто, вещи лежали на полу, и простреленная подушка выглядела жутковато. Записка на ней напугала меня, при том, что я привыкла находиться не в самых романтических ситуациях.

— Брайан, нужно вызвать полицию! — закричала я, подходя к листу бумаги, который валялся на полу.

«Ад ждет тебя. Следующий раз это будет твоя голова».

— Эмили, не надо! — ответил он со злостью, осматривая дом. — Где, черт возьми, моя сестра?

— Я тут, — сказала Лидия, войдя в дом, и остановилась как вкопанная.

— Убери ее, Эмили!

Я взяла девочку за руку, и мы вышли из дома. Сильно сжимая руку, я видела, что слезы текут с ее глаз. Все-таки мужчины — странные существа, но, какими бы мы не были самостоятельными и независимыми, они нам нужны. Мы нуждаемся в их поддержке, нежности, страсти, любви, шутках и иногда даже жестокости.

Брайан спустя несколько минут был рядом, и мы садились в машину, отправляясь в мой пентхаус. Всю дорогу никто не проронил ни слова, а я сильно сжимала Лидию в объятьях. Брайан позвонил Адаму, и он приехал через несколько минут после нас. Быть сильным человеком — в крови. Если Скотт делает это так открыто, не боясь, что его накажут, значит есть что-то сильнее нас в этом. Адам задал Брайану несколько вопросов, а я налила бокал виски и выпила залпом.

— Макс, заberi Лидию, и не выходите.

Я решила вернуться в дом. Преступники всегда возвращаются. Но без Брайана. Я доверяла ему, но мне нужно было поговорить с Адамом. Он не будет пытаться уберечь и защитить меня. На лице моего любимого мужчины была целая палитра эмоций. И самая последняя — понимание собственного поражения. В этот момент я поняла, что мы не просто пара, мы команда. Что бы не случилось, Брайан будет рядом защищать меня, а я его. Куда бы я не пошла, он прикроет меня, и что бы он не сделал, я его защищу.

Мы с Адамом сели на мотоцикл и отправились в дом.

— Ты в порядке, Эмили? — спросил друг, когда мы вошли.

— В полном.

Я направилась в спальню и, когда дверь захлопнулась, увидела Скотта.

— Вот и виновник торжества. Преступники всегда возвращаются на место преступления. Чего ты хочешь?

— Я хочу того же, что он сделал со мной — желание жить. Я хочу сделать ему то, после чего он никогда не сможет двигаться дальше. Я хочу тебя.

— Что? — засмеялась я.

— Ты или его жизнь, выбор за тобой.

— Ты же понимаешь, что сейчас может везде стоять прослушка.

— А ты понимаешь, что Прайсон может зайти в уборную очередного ресторана и больше не выйти?

— Что ты, черт возьми, тут делаешь? — ворвался Адам в спальню и направился к Скотту, начиная избивать его, повалив на землю.

— Адам, оставь его! — кричала я. — Адам, черт возьми, оставь его!

Я оттолкнула друга, а Скотт улыбался нахальной улыбкой, и прежде чем выйти, сказал:

— Ты умница.

— Что ты, черт возьми, творишь, Эмили? — со злостью спросил Майколсон.

— Дай ему уйти, — прошептала я. — Нам надо поговорить.

Приехав домой, я застала Брайана за документами. Казалось бы, что все уже было идеально и только начиналось, но на самом деле это был конец. Слезы полились из моих глаз. Обычно женщины плачут из-за потраченного времени и надежд, но я плакала именно из-за Брайана.

— Я забыл, как дышать за это время, — направился он ко мне, сильно сжимая в объятьях.

— Мне приятно.

— Что я не дышал?

— Что причиной того была я.

У меня жутко болела голова, и все, чего я хотела — это убить этого чертового невидимого человечка, который забивал гвозди в мои виски. Мой план был самоубийственным. Я была словно садистка и мазохистка в одном лице.

— Я верю в нас и в тебя. Ты тоже должен мне верить, ладно?

— Эмили, что случилось?

— Ничего, просто хочу, чтобы ты понимал. Ты должен знать, что я с тобой.

— Мы двое против всех, Эмили, — взял он в руки мое лицо. — Поняла меня? Не смей думать и решать что-либо в одиночку.

Я поцеловала его в уголок рта, затем направилась в спальню. Как бы я не любила Брайана, он не в силах изменить меня. Изменить мою природу — защищать тех, кто мне дорог, и я сделаю все без лишних слов. Возле моего рояля находилась гитара Брайана. Я улыбнулась и села на фортепианный стул. Лидия лежала на кровати, и я включила настольную лампу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты играешь? — спросила я.

— Да, — прошептала она.

— Брайан тоже играет.

— Я знаю. Мы играли несколько раз вместе.

Я направилась к гардеробному шкафу, открывая его. Вытащила свежую одежду, пока разговаривала с девочкой.

— Я слышала, вы с Брайаном нашли общий язык? — спросила я, снимая обувь.

— Мамочки, — вздохнула она, на что я улыбнулась. — Зачем тебе столько туфель? — взяла она в руки пару синих лодочек.

— Плоская подошва для домохозяек и олигархов, — ответила я. — Если ты не одно и не другое, то обязана носить каблук. Возьми их себе.

— Я хотела извиниться.

— За что? — удивленно спросила я, поворачиваясь к ней.

— За то, что вела себя, как стерва.

— Лидия, я не хотела этого говорить.

— Но ты так считаешь и правильно делаешь. Мне правда жаль. Я не знала, почему он меня бросил. Он спас жизнь нашей маме, — она замолчала на секунду, закрыв глаза. —

Тогда спас, возможно, и мне тоже, ведь я незнаю, что бы делал со мной этот козел. Он счастлив с тобой, Эмили. Мой брат действительно любит тебя. Не обижай его, пожалуйста.

— Не могу тебе обещать, что не обижу, но я могу обещать, что ни при каких обстоятельствах не перестану любить, — ответила я, беря ее личико в свои ладони. — Он действительно замечательный человек, любящий мужчина, и мне очень повезло. С самого начала я думала, что ты хороший человек, немного озлобленный, но хороший. Ты можешь положиться на меня. Когда тебе нужна будет помощь или совет, ты всегда можешь мне позвонить или прийти. Ведь на самом деле есть вещи, которые мужчины не поймут, но я всегда выслушаю. Просто дай возможность любить себя. Он хочет дарить эту любовь, и этим меня удивляет. У человека, который годами ходит по тонкому канату жизни и смерти, столько любви в душе, и ты на первом месте, кому он всегда хотел её дарить.

— Нет, ты, — покачала она головой.

— Он уже любил тебя тогда, когда ты еще не родилась. Ты — счастье, ради которого он сорвется с места, даже если ты просто захочешь обнять его. Я знаю, что это за любовь, Лидия, у меня ведь есть Макс.

Она сжала меня в объятьях, и я улыбнулась, обнимая ее в ответ. Она незащищенная, по большому счету, и просто ребенок, которому нужна семья и забота. Каждому из нас нужно понимание и тот, кто бы нас любил за то, что мы есть, без привилегий, но и с готовностью принять нас, когда мы совершаем ошибку.

— Эмили, что произошло сегодня?

Я взглянула на девушку сверху вниз, и по её щекам текли слезы. Я сильнее прижала её к себе, поглаживая по волосам.

— Я боюсь, и мне так не хватает мамы. Она мало говорила в последние годы со мной, но была рядом, а теперь её нет.

— Она всегда будет в твоём сердце. И вернуть что-либо не в наших силах, но мы можем помнить. Мы должны помнить.

— Там был человек, который хотел убить Брайана?

— Я скажу тебе правду, думаю, на твоих юных ушках и так много вранья. Твой брат однажды сказал, что любая женщина хочет, чтобы её спасали, позволь себе иногда быть слабой, это не легко, я знаю, но ведь разнообразие нужно в жизни, даже в проявлении чувств.

Макс вошел в мою комнату и улыбнулся, держа руки в карманах.

— Рад, что ты в порядке, Эм.

— Иди ко мне, — улыбнулась я, обнимая брата.

— Что ты делаешь? — засмеялась Лидия.

— Обнимаю вас. Говорят, именно объятья снимают стресс, придают сил и способны залечить раны.

— Я так долго была одна, что теперь мне трудно привыкнуть к мысли о том, что нужно жить и идти дальше, — сказала Лидия, убирая с лица выбившую прядь.

— Знаешь, малышка, — улыбнулся Макс. — Эмили всегда мне говорит: «Работай и делай все для того, чтобы те, кем ты восхищаешься, со временем стали твоими соперниками».

— У тебя умная сестра, — ответила девочка.

— А теперь идем есть, — сказала я, открывая дверь и выходя из комнаты. — Живо.

Брайан нарезал салат, а я положила мясо и овощи на гриль. Макс делал соус, а Лидия

сервировала стол. Я улыбалась ему, и мы молча разговаривали глазами.

«Спасибо»

«Всегда рада»

«Все хорошо?»

«Конечно»

— Что это вы делаете? — смотрела Лидия на нас с Брайаном.

— Они так разговаривают, — ответил мой брат. — Вскоре ты привыкнешь к этому безумию.

Мы с ним улыбнулись, и Брайан поцеловал меня в щеку, обнимая за талию.

— Ты была капризной, Эм, — смеялся Макс. — Но папа всегда говорил: «Моя дочь уехала и мой мир исчез».

— А ты как скучал по сестре? — спросила Лидия.

— Я искал ее черты.

Я обняла своего брата, целуя в волосы, и улыбалась. Адам позвал своих ребят, и охрана сейчас занимала коридор, крышу и вход в пентхаус. У меня есть план, и, если он будет успешно выполнен, всему придет конец. Лидия подошла к Брайану и также обняла его. Я видела в его глазах столько счастья. Пускай мы порой забываем о наших чувствах, но наши братья и сестры — это мы. И больше никого не надо. Все, что есть, мы отдадим, чтобы только они были счастливы.

— Говорят, дети — отражение их родителей, — подошла ко мне Лидия, и взяла мою ладонь. — Но твои дети будут именно твоим отражением. Они будут слишком упрямы и властны. Но также любовь к прекрасному будет течь по их жилам. Их будет много, и ты будешь любить их больше, чем что-либо в этой жизни. Один из них будет лидером, другой — чувственным. Еще один слишком умным и сосредоточенным на жизни. Четвертый будет защитником, а пятый молчаливым. И еще одна линия есть, но я не знаю, что это значит.

— Это конечно круто, Лидия, — улыбнулась я, когда мы сели за стол. — Но у меня точно не будет шестеро детей, максимум двое.

— Если я сказала неправду, то впервые ошибусь.

Вскоре все забыли об этих словах, но не я. Брайан на меня еще какое-то время поглядывал, но все-таки он мужчина. И даже если я скажу, что просто летала, он бы схватил меня, сказав, что падала с высоты.

— Я не знаю, как попрощаться. Я не умею, — сказала я на следующий день Брайану, стоя в аэропорту.

— Тогда не прощайся.

Скучать — значит ждать. И как только я села в самолет, поняла, что скучаю по нему. Мы простились. Не на вечный срок, но факт прощания им и остается. Сейчас, пролетая километры и смотря на землю с высоты полета, я поняла истину — каждый поступок, который случался, вел меня к чему-то хорошему, и только к этому. Пока мы не теряем что-то действительно стоящее, не перестаем искать. Брайан взял верх надо мной. Он, как наркотик, и мне все время нужна доза. Где бы я ни была и с кем бы не обедала, сердцем я всегда остаюсь с ним. Я всегда вернусь к Брайану по причине того, что моя душа принадлежит ему.

Нью-Хейвен. Волшебная архитектура и живописная природа. Музеи — коллекция филантропа Поля Меллона. Картины Пикассо, Ван Гога, Мане и Моне. Прекрасная коллекция динозавров демонстрируется в Музее естественной истории Пибоди. Так что я решила насладиться тем временем, что предстоит мне провести тут. После прибытия я

поехала в гостиницу Omni New Haven Hotel at Yale. Этот отель напоминал мне архитектуру Нью-Йорка, так что именно там я забронировала номер, пока летела. Я приняла душ, надела желтое платье-солнце до колен, обула босоножки и пошла на встречу с Бренденом Кэмбелом. Брендон был красивым статным мужчиной со светлыми волосами. Он профессор и преподает в Йеле курс английской литературы. Ему тридцать три года, и мы знакомы ровно на шесть дней меньше, чем с Эбби. Договорившись встретиться в «Union League Cafe» я с нетерпением ожидала встречи. Это был милый ресторанчик, который подходил для всего, начиная с завтрака и ланча, заканчивая романтическим ужином с любимым. Я пришла раньше, но мужчина уже ждал меня.

Самое трудное в жизни — сделать выбор. Жизнь — поле боя. Чем больше я пыталась изменить его, тем сильнее менялась сама. Защищая Брайана, я защищала себя. В конце концов, все будет в порядке. Не сегодня. Не завтра. Но будет. Даже если сейчас я застряла, то выберусь. Я всегда выберусь. Я и есть огонь, опасность и разрушение. Я ведь женщина, а что может быть сильнее?

Джаспер сжал меня в объятьях и поцеловал в щеку.

— Ты с каждым годом все красивей.

— А ты все умнее, — улыбнулась я.

По глазам можно прочесть многое, и не только эмоции человека, но понимает ли он тебя, заинтересован в тебе, а уж врет или нет, так, по-моему, глаза первыми и выдают. Он был одет в серые брюки, белую рубашку, черный блейзер и очки в черной оправе. Зеленые глаза, светлые волосы и милая улыбка. Доброта и наличие ума читались в его взгляде. Семья у Эбби и ее брата не была идеальной, но она была. Эбби нашла себя в Нью-Йорке, а Джаспер так и не смог этого сделать.

— Ты квартиру нашла? — спросил Джаспер.

— Нет, но я займусь этим завтра. Наверное.

— Можешь пожить у меня это время.

— Не думаю, что это хорошая идея, — покачала я головой.

— У меня никого нет. Я живу один, — я промолчала, а Джаспер покачал головой, улыбаясь. — Твои жизненные принципы в твоих венах, и ты им не изменяешь.

— Да, — улыбнулась я. — А у тебя их нет?

— Нет, — ответил он без доли улыбки в глаза. — Зачем?

— Брайан.

— Ревнует? — спросил Джаспер, снимая очки.

— Ужасно, — откинулась я на спинку кресла, когда нам принесли кофе.

— Значит любит.

— Я не считаю ревность проявлением любви.

— А чем ты считаешь ревность?

— Чувством собственности.

— Ты его ревнуешь? — спросил он, делая глоток кофе.

— Нет, — ответила я, как само собой разумеющееся.

— Ни к кому?

— Он никогда не давал повода.

— А это тогда проявление чего?

Я улыбнулась и, когда нам принесли вишневый пирог, взялась за еду. Приятно поговорить с умным человеком, особенно если этот человек мужчина, и вы не хотите секса

друг с другом. Уведомление поступило мне на телефон и, взглянув на экран, увидела фото Брайана.

«Квартира готова. Тебе понравится. Машина приедет за тобой через два часа к отелю. Люблю тебя. Перезвоню попозже, сейчас на совещании».

— Мои апартаменты готовы, — сказала я с улыбкой, но в то же время начиная чувствовать тревогу.

— Что-то случилось? — спросил Джаспер.

— Ничего не меняется, Джаспер, — ответила я. — Проходит время, и человек наступает на те же грабли, начиная с исходящей точки, — он молчал, и я продолжила. — В начале наших отношений Брайан пытался узнать меня, а я просто хотела заглянуть внутрь его сердца. Я думала о нем немного, а потом забывала. Но вскоре случилось то, что я не смогла больше контролировать — я перестала забывать.

— Ты боишься будущего, не так ли?

— Я думаю рано говорить о чем-то большем, чем любовь, — ответила я, смотря ему в глаза.

— Не важно сколько вы вместе, главное именно это слово «вместе», понимаешь?

— Ты мне больше нравился, когда не читал нотации, — улыбнулась я.

— Ты разбила мне сердце, — засмеялся Джаспер.

— Становись в очередь.

— За сердцем?

— За тем, чтобы оно было разбито мной.

— Теперь я понимаю, что Брайан увидел в тебе, Эмили, — усмехнулся Джаспер. — Ты ненормальная, но в то же время нереально мила.

— А что на счет тебя?

— У меня сегодня новая девушка, — улыбнулся он.

— Ты что, влюбился?

— Влюбился я утром. Сейчас я по уши влюблен. — Я хохотала, а легкий ветерок ложился мне на плечи. — Но эти отношения не будут долгими.

— У тебя есть уже новая партия? — спросила я, все еще улыбаясь.

— Нет, еще эти отношения не прекращены.

— Милый, ты же не идешь без нижнего белья за новым, — подмигнула я.

— Ты коварно меня соблазняешь, — улыбнулся мой друг, расплачиваясь. — Я посажу тебя в такси.

Джаспер уходил от отношений по своим собственным причинам, но все же у него были чистые глаза и нежная душа. Он поцеловал меня в щеку, а я помахала ему рукой на прощание.

— Твое фото украшает мой стол, и когда я очень сильно начинаю скучать, поднимаю глаза и смотрю на него. В последние часы я смотрю на него постоянно, — сказал Брайан, когда я набрала его номер.

— Я рада тебя слышать.

— Я тебя тоже, родная. Чем ты занималась?

— Встречалась с Джаспером, пили кофе.

— Джаспер?

— Это брат Эбби, — улыбалась я. — Он предложил пожить у него, и спустя несколько минут ты прислал мне смс-ку, что нашел жилье.

— Я надеюсь, ты шутишь? — сказал он со злостью. — Эмили, я приеду и разнесу нахрен этот Йель с этим Джаспером.

— Я не сказала «да», чего ты завелся?

— Но ты и не сказала нет.

— Я сказала, что не пойду!

— У меня нет желания ссориться с тобой, — сказал он уже более спокойно. — Я люблю тебя, Эмили.

— И я люблю тебя.

— На меня в суд хотят подать.

— Это плохо?

— Это дорого, — засмеялся Брайан. — Хладнокровная интеллектуалка.

— Юрист.

— А я что сказал?

— Брайан, ты ведь соображаешь, что делаешь?

— Периодически.

— Позаботься о Лидии и Максе.

— Обязательно.

Мы помолчали несколько секунд, а затем я отключила звонок. Выйдя из такси, направилась в гостиницу. Войдя в номер, я сняла туфли и заказала порцию «Космо». Я начала собирать вещи, как мой телефон показал фото Стивена Максфилда.

— Привет, Стивен, — сказала я.

— Эмили, ты где?

— На данный момент собираю вещи.

— Когда будешь в Нью-Йорке?

— Через парочку дней.

— Ты уехала?

— Стивен, я даю тебе конкретность и стабильность. Я анализирую, классифицирую и создаю фундамент для безопасности твоей жизни. Тебе не кажется, что я могу уехать?

— Прости, — вздохнул он. — Просто сейчас так много дел и...

— Сядь и подумай, что можно перенести на потом. — Стивен засмеялся, и я улыбнулась.

— Мне нравится, что ты больна своей работой, Эмили.

— И верностью, — ответила я, улыбаясь.

— И верностью, — прошептал он, а затем я отключила вызов.

Ровно через час машина ждала у входа в гостиницу. Когда я приехала, мне занесли вещи, оставляя еще дополнительную доставку от Брайана. Квартира действительно была красива. Три спальни, просторная гостиная с камином и большая ванна. Стены были светлые, и темная мебель. Я открыла коробку, которую передал мне Брайан, и улыбнулась. Она была наполнена конфетами, сладостями и лепестками пионов. Еще было письмо. Брайан знал, что я люблю письма, и устроившись рядом с камином, улыбалась, читая его. Я вспомнила свою жизнь до этого мужчины. Какой я была. Я распоряжалась ею и ни за что не отчитывалась. Я уходила без лишних слов, понимая еще в начале любых отношений о предсказуемом финале. Я не жалею ни о чем, но все же как расставить акценты в собственной жизни, когда ты осознаешь, что до конца она тебе больше не принадлежит?

Вечером я поговорила с подругами и Брайаном. Затем Джаспер заказал домой

китайскую еду, и мы просидели в такой обстановке почти до двух часов. После он взял такси, поцеловав меня в щеку на прощание, и отправился домой. Проснувшись утром, я выпила кофе из Старбакса и позвонила Максу. Он сказал, что собирается очередной день ничего не делать, а я хотела забрать его, поместить в коробочку рядом. Знаю, это глупо, но я так люблю его. Я люблю его больше, чем способна любить. Направляясь на первую пробную лекцию в своей жизни, я не признавала этот город. Он был тихим и неуютным. Мы были несочетаемы и слишком разные. Я была одета в синюю шелковую блузу, белый брючный костюм и белые туфли на десятисантиметровой шпильке. Сам Йель был не просто красив, а походил на сказочный замок. Множество архитектуры, большие библиотеки и практически сплошная готика поражала своей привлекательностью. Когда вошла в аудиторию, студенты уже сидели на своих местах, и меня охватила паника. «Ты профессионал. Ты справишься». Я проговорила еще много ободряющих фраз самой себе, прежде чем сделать последний шаг.

— Всем здравствуйте. Я — Эмили Харисон. Буду вести в этом семестре у вас курс адвокатской этики и практической адвокатуры. Я скучная и заносчивая, так что вам будет нелегко. — Я услышала смешки и немного расслабилась. — Но к концу семестра вы будете знать по этому предмету все, что вам пригодится в реальной жизни. Конспекты обязательны, учебники тоже. Строго по учебному плану идти не будем, но проходить обязательно. Я говорю много, поэтому все интересующие вас вопросы вы можете задавать мне на протяжении семестра за исключением сдачи семинаров. И еще, когда будете отвечать на мои вопросы, помните о моей заносчивости. Правоведение — точная наука, а значит, если не можете доказать, значит не знаете. Вопросы?

— Вы замужем? — спросил парень, сидящий в дальнем ряду.

— Нет. Но за такие вопросы в дальнейшем у вас будет плюс одна тема на самостоятельное изучение.

— Понял. Больше не буду, — поставил он руки в защитном жесте.

— Отлично. Значит мы поладим, — потерла я ладони, улыбаясь.

После лекции в мою аудиторию вошел Джаспер.

— Как ваш первый день, мисс Харисон? — спросил он с улыбкой.

— Ты не поверишь, но хорошо, — вздохнула я. — Они хорошие ребята.

— Да, так и есть, — сказал Джаспер, садясь за стол. — Тут не берут кого попало, ты ведь знаешь? — Я качнула головой в знак согласия. — Поэтому они редко создают проблемы. Ты слушаешь меня, Эмили?

— Иногда.

— Пойдем пообедаем, — подавая мне руку.

Прежде чем выйти, я погасила свет и улыбнулась пустой аудитории. Хотела бы я всегда быть такой спокойной, как сейчас, но один умный человек сказал: «Если бы желания были лошадьми, нищие бы ездили верхом».

— Ты скучаешь по своей учебе? — спросила я Джаспера по пути в кофейню.

— Я не успеваю. Я учусь всю жизнь.

— Почему ты не живешь в Нью-Йорке?

— Это не мой город, — ответил он немного грустно. — Я скучаю по маме и сестре, но там я скучаю по себе, понимаешь?

— Немного, — ответила я. — Я так же чувствую себя тут. Но там можно купить себе как работу и хобби, так и настроения и смысл жизни.

— Такое можно купить? — засмеялся Джаспер.

— Это Нью-Йорк, — ответила я, разводя руки. — Там можно купить все.

Мы сели за столик и сделали заказ на салат, стейк и латте.

— Сегодня в бар вечером? — спросил он, когда ушел официант.

— Давай, — расплылась я в улыбке.

— Ты кажешься такой правильной, Эмили, но на самом деле ты дикая, не так ли? — Я отрицательно покачала головой, а Джаспер расстегнул пиджак, опираясь на спинку стула. — Мне нравится, как ты лжешь.

— Я не могу ошибиться, Джаспер. У него тяжелое прошлое, и он становится лучше рядом со мной.

— Нет, Эмили. Он не становится лучше с тобой. Он просто видит в тебе себя, поэтому он любит это состояние. Ты предана своей семье, друзьям, работе, а Брайан предан всему, что связано именно с тобой.

— Ты не можешь быть в этом уверен, — сглотнула я. — Ты не знаешь его.

— Нет, — хмыкнул мужчина, сидящий напротив. — Но я знаю мужскую натуру.

Я дотронулась до цепочки на шее, начиная тереть ее между пальцами. Я так делаю всегда, когда нервничаю.

— Я не могу избавиться от жесткости, которая является частью меня. Но у него есть ключ от моего тела.

— Я тебя больше скажу, Эмили, — улыбнулся Джаспер. — Наблюдая за тобой, я понял, что у него есть ключ от твоей души.

Такими темпами прошла неделя. Каждый день я посещала пары, идя домой после этого, покупала букет цветов, делала кофе и открывала книгу, наслаждаясь последними лучами солнца. Мы говорили с Брайаном часами о политике, футболе, наших младших и о новом договоре, который он не готов поручить Тиффани. Я улыбнулась, ответив, что на днях займусь этим сама. Кстати говоря, все бумаги я сбросила ему на факс следующим вечером, понимая, что это последняя наша переписка на какое-то время.

Я сидела в самолете по пути в Нью-Йорк и вспоминала наш разговор с Адамом:

— Ты разобьешь его сердце.

— Зато сохраню жизнь.

Макс находился в доме, и как только я вошла, прильнула к нему, сжимая в объятьях.

— Ты в порядке, сестренка?

— Где Лидия? — спросила я.

— На учебе.

— Собираем вещи и выходим отсюда.

— Эмили, что случилось? — удивленно смотрел на меня брат.

— Доверься мне.

Я забрала самые необходимые вещи и загрузила их в багажник машины. Макс также собрал чемодан, и я убедила его, что все необходимое мы купим на месте.

Написав подругам свой новый адрес почты и забирая несколько рамок с фотографиями, я закрыла дверь, попросив Томми ничего не говорить. На столе оставила письмо, в котором не было и слова правды, и чтобы сохранить хоть чуточку достоинства, позвонила Брайану.

— Привет, милая, — от его голоса по моим щекам потекли слезы, и я завела мотор мустанга, когда Макс все еще не мог понять происходящие.

— Брайан, нам нужно расстаться, — прошептала я. — Я уезжаю.

— Куда?

— Еще не решила. Но я не прошу тебя ждать меня.

— Эмили, не уходи, не бросай. Если ты не готова, я буду ждать столько, сколько потребуется. Ты — единственное постоянное, что есть в моей жизни. Ты — то лучшее, что есть во мне, понимаешь?

— Дело не в этом, Брайан, — перебила я его, уже не сдерживая слезы. — Ты начал пробивать мои стены после первого нашего поцелуя, и уже тогда я не понимала, что со мной происходит. Но мы ведь понимали, чем это закончится.

Мое сердце стучало как ненормальное, и душа была натянутой струной. Если ты хочешь любить, то должен уметь прощать, но также идти против собственных желаний ради другого человека.

— Черт! Черт! Черт! Эмили, я не смогу без тебя! Это глупо, — кричал он. — Тебя невозможно разлюбить! Давай мы вместе со всем разберемся.

— Брайан, не делай жизнь сложнее, чем она есть.

— Когда ты вернешься? — спросил он шепотом.

— Я не знаю, вернусь ли.

Я отключила звонок срывая последнюю нить. Я все время любила его и все время это отрицала, и это не проходило. А когда призналась в этом ему, себе и всему миру, случился конец. Случилось то, чего вернуть нельзя. Оборвалась нить, и мне пришлось его отпустить. При моем стремлении оставлять частичку себя себе, я буду защищать его, пусть даже наши мысли не совпадают, и это будет умножать боль в моем сердце. Вернуть ничего нельзя, и я попрощалась с ним навеки. Я открыла ноутбук, пока Макс держал его на коленях, и на старой почте нашла десятки сообщений от Брайана: «Я люблю тебя, Эмили, вернись ко мне», «Куда мне приехать и забрать тебя?», «Зачем ты это делаешь? Ты убиваешь меня!», «Прости меня». И самое ужасное, что он не виноват. Не в том, что я ушла. Просто я его табу. Каждому приходится платить. Я понимала, что мы двигаемся в определенную сторону, и в конце этого пути всегда кольца, узы брака, создание семьи, дети. Это нормально, такова жизнь, только я не думала, что это останется лишь в моих мечтах.

Включив Adelitas Way — Scream в сабвуфере, мы ехали по дороге, где единственным светом были мои фары. Музыка гремела в ушах, и я плакала из-за мужчины. Мы направлялись в Новый Орлеан, и это было самое долгое молчание между мной и Максом. В письме нужно было быть более убедительной. Поэтому я ранила его насколько могла.

«Я ухожу. Не хочу быть в тисках. Не хочу, чтобы ты разрушил мой мир. Я чувствую себя неуютно в твоём. Ты не вернешь меня. Не жди. Изменяй реальность своей жизни. «Двое против всех» звучит глупо, и я больше не верю в нас. Ты не в силах приручить меня. Никто не в силах. Надеюсь, ты сможешь понять мою душу без слов «Слишком сложный характер». Это финал предсказуем, не так ли? И твой рай для меня чужой».

«В детстве я мог часами сидеть и смотреть, как горит огонь. Люди считали это своеобразным, но мне было плевать. До определенного момента. По большому счету, мне было плевать на все до тебя. На фоне ночного Нью-Йорка ты выглядела насквозь порочной, похожа на мою ошибку. На ошибку, которая станет моей слабостью и гибелью. Ты уходила от мира, когда темно, но не растратив теплоты, каждый раз возвращалась туда, где тебя ждали. Знаешь, я помню куриный бульон, который варила мне бабушка, когда я был маленьким. И вот сидя с тобой за столом, я почувствовал, что у меня снова есть семья. Я почувствовал запах дома. Когда-то я сказал тебе, что, по большому счету, все воспоминания ранимы. И вот сейчас, зная о моем прошлом, ты все еще рядом. Не знаю, чем я это заслужил, но пусть будет так. Я не хочу знать иной причины, кроме твоей любви».

Читая это сейчас, сидя возле камина гостиницы, я не проронила ни слезы. Я надеялась, что он поймет мои слова. Или я действительно оттолкну его, но он будет жить. Мне его жизнь и безопасность важнее, чем чертовы отношения. Я полюбила Брайана Прайсона. Я больше, чем просто полюбила его. Он wszed мне под кожу, и я дышала им. Его запахом, ароматом, улыбкой, и непоколебимым желанием оградить нас от всего мира.

Мы остановились в гостинице New Orleans Marriott. Она расположена во Французском квартале и в двух кварталах от Bourbon Street. Этот отель был оформлен в полностью современном стиле, хотя, если честно, я надеялась совсем на другое. Мы не спеша ходили по улице Canal Street, смотря на людей и подставляя лицо солнцу. Ветер обдувал мои волосы и плечи. Если, приехав со Львова в Нью-Йорк, я удивилась движению и темпу этого города, то в Новом Орлеане — праздникам. Художники сидели за мольбертами, рисуя картины, музыканты развлекали туристов, и в ресторанах подавали лучший бурбон. Джаз играл в каждом баре, и мужчины пытались удивить своих женщин, когда те привлекали их внимание.

— Вы — моя королева, — сказал мужчина, стоящий возле меня, когда я любовалась картиной художника.

— Жаль, что вы не мой король, — посмотрела на него, улыбнувшись.

Затем мы ушли, направляясь в следующий квартал. Макс сжимал мою руку в своей, и это было прекрасно. Он понимал меня. Каждый раз я искала призрачный след мужчины, которого любила, чувствуя себя беспомощной, как никогда. Я видела его везде и здесь, и всегда со мной. Но кончилась тетрадь повестью, автором которой была я. Строка оборвалась, и я просто не знала, что дальше. «Прости меня» — слова которые я хотела сказать ему. И пока я снова и снова думала об этом, шаги стихали, и я расслаблялась, но лишь на мгновение.

Фотографировала моменты, красивые улыбки, искренность на лице человека, архитектуру, замки, парки, вкусный кофе, душевного музыканта и уличных собак. Я запечатлела каждый момент, чтобы помнить. Воспоминания так важны, а такие вещи помогают нам лучше вспомнить. Bourbon Street, студийные магазины, эксцентричные бары и праздники гигантского масштаба.

— Может, ты мне все расскажешь, Эмили? — спросил Макс, когда мы завтракали в воскресенье.

— Макс, я думаю, — ответила, смотря на него, — всему есть предел.

— Эмили, предел есть даже у беспредела. Мне нужно беспокоиться?

— Ты хочешь домой?

— Я дома. Я рядом с тобой. И не оставлю тебя, пусть мы и будем переезжать, завтракать каждое утро в другом городе, и ты все время будешь строить планы по захвату миру.

— По захвату мира? — улыбнулась я. — Нет, все гораздо масштабнее.

Завтра утром нужно было быть на парях, и сегодня после обеда мы уезжаем в Нью-Хейвен. Снимем номер в гостинице за наличку, и пять дней проживем в том городе, а потом снова уедем на два дня в Париж или Лондон, не важно. Главное — дать Брайану время свыкнуться, что меня нет, и чтобы он начал жить, тогда я и смогу исправить ошибку, которую он допустил.

Путешествия. Когда тебя везут, ты смотришь на природу, но, когда ты едешь сам, чувствуешь. Я предпочитаю простоту. Красивый уголок природы, кофе и любимые люди рядом. Сейчас не было самого ценного — именно этих людей. Адам знал, где я. Я понимала, что заставляю врать его, но это было для блага, и этот мужчина тоже это понимал. После завтрака мы приехали в гостиницу, включили музыку и стали собирать вещи. Я взяла телефон и позвонила матери, чтобы она не ехала сейчас в Нью-Йорк.

— Привет, — улыбнулась я.

— Привет, милая, — ответила она. — Где ты?

— Едим в Нью-Хейвен. Тут красиво.

— Я знаю, — улыбнулась она. — Ты на машине?

— Да. Мам, у меня вопрос, только не как к маме, а как к женщине, которая обожаема своим мужем.

— Ты хочешь знать, не сомневалась ли я?

— Да, — прошептала я.

— Знаешь, есть женщины, которые говорят, что если нервничаешь перед свадьбой, то это плохо, и если любовь слишком легка, то она не долговечна. Ты никогда не узнаешь, если не попробуешь. Что такое правда, Эмили? Субъективное понятие. Часто она не выгодна, и для некоторых совсем неудобна.

— Мы расстались, — прошептала я.

— Ты моя дочь, Эмили. Любимая дочь.

— Я твоя единственная дочь, — засмеялась я.

— Да, а еще ты мое сокровище. Если уж ты считаешь, что так будет лучше, то значит так действительно лучше. Обернись и пройди немного жизни. Только не той, к которой ты привыкла. Ты не можешь судить людей, ведь ты не знаешь, кто они на самом деле, без их одиночества и страданий.

— Дай Максусу еще немного времени, — чувствовала я подступающее слезы.

— Я даю ему месяц. А потом пусть садится в самолет, и мы ждем его дома.

— Хорошо, мам. Люблю тебя.

— И я тебя, милая. Берегите себя. Поцелуй Макса от меня.

Вскоре мы ехали по дороге, направляясь в Нью-Хейвен, ели пиццу, и я не переставала думать о Брайане. Но что я могла сделать? Он был, как Стейси — непоколебимым. И никогда не отпустил бы меня на моих условиях.

Я задумалась о Новом годе. Я хотела впервые отпраздновать его тихо. Вместе с

Брайаном, музыкой, шампанским и свечами. Никакого света и других людей. Я хотела разговаривать, смеяться, танцевать и заниматься любовью только с ним. Он стал моей второй кожей, и вот уже третий день мне было больно без него дышать. Нет смысла в жизни, кроме любви. Пусть все запутано, беспокойно и неправильно, но все же, если каждый раз, как первый, это и есть свет, который нужен.

Приехав, я написала сообщение Джасперу, что в городе, и перед парами мы идем за кофе. Также, не рискуя еще возвращаться в квартиру, я сняла номер в гостинице. Я пыталась удержать Макса. Он был сейчас единственной ниточкой, которая держала меня на плаву. Прежде чем уйти спать, хоть и оставалось пять часов до подъема, я позвонила Донне.

— Пожалуйста, скажи, что мне не нужно идти на опознание твоего трупа, — ответила девушка.

— Не нужно, — прошептала я, и слеза скатилась по моей щеке. — Ты мне доверяешь?

— Всегда.

— Присмотри за Брайаном, пока меня не будет. Не давайте нового номера или почты. Скажите, что не знаете, где я, и пусть он не ищет меня. Я не вернусь.

— Эмили, что случилось?

— Я расскажу тебе, но в другой раз.

— Брайан тут рвет и мечет. Продал несколько зданий, уволил пару сотен или около того людей.

— Уволил?

— Да, но говорит, что у него все под контролем.

— Я просто хочу, чтобы он был счастлив, понимаешь? — вытерла я слезы. — Чтобы он был жив. Я люблю его. Донна, я так сильно его люблю, но не верю небесам, что они смогут уберечь его.

— Я верю тебе, Эм, и я все сделаю. А ты строй свою жизнь. — В трубке воцарилась тишина, и больше всего я любила именно его. Мне нравилось, что я могу помолчать с ней, и это не вызывало неловкости. — Как там брат Эбби? — спросила Донна спустя несколько минут.

— Красивый мужчина, умный человек, хороший профессор, замечательный друг, кроме того, джентльмен.

— Бесподобно, значит я нашла себе мужа.

Спустя четыре часа сна я встала с кровати, сходила в душ, оставила деньги Макс, заказав еду ему в номер, оделась и пешком направилась в Старбакс. В эти выходные я столько просидела за рулем, что больше не могла слушать две вещи: рев мотора и собственные мысли.

— Что случилось, Эм?

— В каком смысле? — посмотрела я на друга.

— Вы расстались с Прайсоном?

— Да.

— Что ты любишь в нем?

— Я люблю его улыбку, — не смела я посмотреть на друга. — Люблю его запах, и мне нравится, что мы говорим фразами друг друга. Я люблю, как он выглядит с утра и когда спит. Он вызывает во мне столько чувств, и я хочу жить благодаря ему.

— И меня это пугает, — покачал головой Джаспер. — Вспомни, какой ты была. Ты развлекалась, а потом снова работала, как лошадь. И ты добилась. Ты добилась слишком

многого, чтобы бросить это ради мужчины.

— Ты бы бросил все ради женщины? Этот город, эту работу, чтобы быть рядом с ней? Не знаю, как ты, Джаспер, но я брошу ради него мир, за исключением нескольких людей. Но сейчас ему без меня будет лучше. На этом этот неловкий разговор мы заканчиваем, и я иду к своим студентам, профессор.

Я помахала ему рукой на прощание и направилась в аудиторию.

— Зачем люди врут? — спросила я у студентов на паре.

— Удержать.

— Сохранить.

— Спасти или спастись.

Они говорили свои мысли, и каждая из них была правильной. Вы когда-нибудь задумывались, почему врете вы? С чего вы взяли, что, соврав, сохраните человека, семью, достоинство или жизнь?

— Ну или же они хотят быть похожими на вандалов, — сказала я, проводя взглядом каждого студента. — Работа юриста — это состояние души человека. Если вы слишком правдообильны по отношению к другим или себе, скорее всего, вы не выдержите. Там много вранья, и вам часто придется защищать далеко не хороших людей.

— А как часто вы это делаете? — спросил студент.

Я улыбнулась и села на край стола.

— Запомните, никто не спасет вас от собственной жизни. Вы обязаны надеть броню и сами себя спасти. Сегодня может быть тяжелый день, но вы должны его пережить.

— А этика состоит в чем?

— Не важно, насколько грешен человек перед Богом, мы защищаем по закону, и должны сделать все возможное, не разглашая то, чего не обязаны. Объяснения человека вам нужны до суда, дальше в них нет смысла.

— А если это противоречит нашим интересам?

— Если вы о профессии, то бросайте сразу. А если о определенном деле, то зависит, чего вы хотите: быть хорошим адвокатом — откажите, востребованным — заткнитесь и думайте о противнике.

— А что на счет вас, мисс Харисон?

— Я научилась всегда ставить себя и свои интересы выше других, — пожалала я плечами. — Но это было далеко не в первый год моей работы, и даже не в третий.

Я вышла из университета и направилась в кофейню. Снова. Заказав латте, я наблюдала за мамами с детьми, которые гуляли. Когда люди женятся, они не думают, а что будет, если не выйдет. Дети. Мужчина и женщина, если у них есть ребенок, всегда будут в долгу друг у друга, и всегда будут связаны. Ребенок, который похож на любимого человека — живое воспоминание счастья. Брайан присылал мне сообщения все время. Он писал о том, как любит, как скучает, что готовит и какой галстук надевает. «У нас дождь», «Сегодня на мне твой любимый галстук», «Я продал компанию отца», и чаще всего: «Я скучаю по тебе». Я же отвечала, но не отправляла: «Я хочу с тобой в Италию. Италия сама по себе удивительная страна. Она как шкатулка, в которую веками складывали истории, и теперь это все бесценные сокровища, которыми мы наслаждаемся. На мосте Пьетра открывается прекрасный вид на набережную, и там так романтично. Я бы хотела побывать с тобой именно в том месте. Я так скучаю по тебе, Брайан. Прости меня, но я уехала не потому, что ты что-то сделал не так, а просто хочу защитить тебя. За это время я разберусь в себе.

Научусь до конца доверять, прежде чем я смогу полностью посветить себя нашей жизни».

И в последнее время я снова получала анонимные письма на почту: «Ты знаешь, что спишь с убийцей», «Держишь от него подальше, чтоб не зацепило», и все в этом роде. Я сказала Адаму, и он ответил, что позаботится. Я была благодарна, что он не рассказывал мне ничего о Брайане и не спрашивал обо мне. Ведь несмотря на все возможные недостатки любимых, мы продолжаем любить их. Я пришла в номер и улыбнулась, наблюдая за тем, как Макс смотрит телевизор. Я сделала кофе и открыла ноутбук, читая письмо Адама. Он установил слежку за Скоттом, и я вникала в его подноготную. Затем открыла письма подруг, читая их новости и отписывая, что у меня все в порядке. И последнее, что я сделала, набрала номер детектива.

— Том Хэйнс.

— Здравствуйте, это Эмили Харисон. Мне нужна услуга.

— Вы сейчас не в Нью-Йорке, мисс Харисон.

— Не важно, мистер Хэйнс. Мне нужно, чтобы вы следили за человеком, делали фотографии, докладывали о том, сколько раз в день он ест и выглажен ли его костюм. Мне нужно все.

— Имя человека?

— Брайан Прайсон.

Мне нужно было отвлечься. Мы с Максом собрались и отправились узнавать город.

— Черт, мы опаздываем, — сказала я, ловя такси на улице.

Мы уже должны были быть на месте, а машина только завела мотор. Но спустя десять минут мы с братом все-таки вошли в бар, пытаюсь найти знакомое лицо.

— Мисс Харисон, — сказал Джаспер, улыбаясь. — Вы почтили нас своим присутствием.

— Не поверите, мистер Кэмбел, — засмеялась я. — Это мой брат Макс.

Мы находились в ночном пабе с названием «BAR». Этот маленький уютный ресторанчик превзошел мои ожидания. Сев за барную стойку и сделав заказ на три пиццы, порции «Космо» и «Лонг-Айленд», я оглянулась. Народу было много, и большинство из них студенты. На нас никто не обращал внимания, веселясь со своей компанией. Бутылки на полках светились, как и сама барная стойка.

— Почему ты думаешь, что жизнь в Нью-Йорке так прекрасна? — спросил Джаспер.

— Потому что так и есть, — ответила я, разводя руками. — Люди часто лишают себя массы удовольствия, боясь мнения других. В Нью-Йорке нет такой необходимости. Ты свободен и делаешь то, что хочешь и где хочешь.

— Эмили, если ты не перестанешь ходить на каблуках, то взгляд с твоих ног не только я не смогу отвести, — улыбнулся друг.

— Ты можешь забрать у меня многое, но не туфли.

Мы говорили обо всем. Джаспер Кэмбел — потрясающий мужчина. Он добрый, веселый, внимательный и умный. И рядом со мной был мой брат. Мое счастье и моя опора. Мы допили заказанные порции выпивки и после смеялись, не переставая.

— Почему ты такая трезвая? — спросил брат.

— Я опытная, — ответила я, беря клатч и направилась к выходу. — Чем категоричнее запрет, тем непреодолимее желание сделать все наоборот.

— У всех женщин так? — предложил мне Макс сигарету.

— Наверное, — ответила я. — Не буду спрашивать, когда ты начал курить, но не

откажусь.

— Я не начал курить, Эм. Я купил их для тебя.

— Эмили, все это бессмысленно, если ты не возьмешь себя в руки, — подошел ко мне Джаспер.

— Она и так все время держит себя в руках, — вступился Макс.

— Мне всегда нужен был успех во всем. Но для этого нужно прежде избавиться от строгих суждений о себе и людях. Я скепична по своей натуре, а это далеко не лучшее качество. Но знаете, я справлюсь. Я всегда справлялась.

Большинство дней в году непримечательны и не влияют на ход жизни. Но день, когда я встретила Брайана, изменил все. Изменил меня, изменил мою жизнь, мои взгляды, и весь мой чертов мир перевернулся с ног на голову.

— Эмили, я вызову такси, — сказал брат, оставив нас с Джаспером.

— Знаешь, единственная моя эрогенная зона — это мозг Брайана, — сказала я, делая последнюю затяжку. — И я не срываюсь только из-за Макса.

— Ты так сильно любишь его? — без тени улыбки на лице, смотрел на меня друг.

— Больше, чем себя.

Затем я поцеловала его в щеку на прощание и села в такси. Мне хотелось домой. Сегодня произошло что-то странное. Джаспер смотрел на меня не как на друга, и я чертовски испугалась этого. Мне не хотелось портить дружбу с таким человеком, кроме того, братом одной из лучших подруг. Войдя в номер, я направилась в ванную, спускаясь по стенке с другой стороны захлопнутой двери. Я включила воду, проливая горькие слезы.

— Эбби, — позвонила я подруге. — Мне нужно что-то делать. Я постоянно думаю.

— Эмили, — слышала я непонимание и страх в ее голосе.

— Я сижу на полу ванной и не могу перестать пить и плакать. Это так непривычно для меня. Я потеряла его! Я теряю себя! Я все время думаю о том, что было!

— Эмили, я сейчас собираю вещи и лечу к тебе.

— Нет! Не смей. Я позвонила тебе, потому что только ты не поедешь, если я скажу нет. Ты понимаешь, что так будет лучше.

— Вообще-то я ничего не понимаю, — твердо сказала подруга. — Ты ничего не рассказала. Но знаешь, наши ангелы нас не ругают за поступки.

— Зато жизнь кидается грязью.

— Он был твоей последней любовью?

— Да, — остановила я истерические слезы. — Кто сказал, что время лечит? День ото дня не легче.

— Если ты считаешь, что он лучшее, что было в твоей жизни, тогда зачем ты оставила его? Зачем ты ушла, а не сражалась рядом? Зачем оставила, словно никто в его жизни, оставив все в прошлом?

— Просто я его слишком люблю, чтобы быть рядом, и я не похожа на себя. Я стала много пить.

— Научись лучше стрелять, дорогая. Это больше поможет вам обоим.

Так проходила неделя за неделей, и вчера, когда Макс сел в самолет, помахав мне на прощание, я расклеилась окончательно. Я сидела в нижнем белье на полу номера, который стал практически моим домом, смотрела любимый фильм Брайана и пила текилу из бутылки. Одиночество давило на меня физически и, получая фотографии по почте мужчины, которого любила, у меня внутри образовалась дыра размером с солнце. За последние дни я

пересиливала себя десятки раз, чтобы не бросить все и не вернуться к нему. Адам нашел несколько ниточек связывающих Скотта с криминалом, и я надеялась, что в скором времени все это закончится.

Я вспоминала наш Париж. Город любви, романтики и нежности. Ты идешь по улицам, где пары обнимают друг друга, целуются, мужчины носят женщин на руках, а те дарят им свои ослепительные улыбки. Я влюбилась в этот город, как только оказалась там. Наблюдая за местными жителями, я поняла, что они воспринимают такую красоту, как само собой разумеющееся, но я просто очарована ею.

Я говорила в эти дни с мамой, отцом и подругами, порой часами, но потом наступала ночь, а это всегда темно. От этих людей зависело мое состояние, покой и на данный момент жизнь. Мама говорила, что я была слишком самостоятельной, но на самом деле я была просто свободна и отчаянно искала одиночества. А потом одиночество стало привычкой. Именно тот стальной характер я сделала благодаря свободе и эгоизму.

Я любила только свою семью, и, когда встречаешь мужчину, именно своего мужчину, он становится ближе, чем семья, и жизнь больше никогда не будет прежней. Я никогда не забывала свою кровь, потому что люблю, и никогда не разрешала забыть о себе врагам, пока не сведу счеты. Я всегда думала, что, пережив боль и одиночество, не смогу полюбить и не смогу стать прежней. Но я стала лучше, ведь любовь стоит того. Стоит того, чтобы преодолеть все трудности, победить страхи и бороться за каждую счастливую секунду с любимым человеком.

В нем я нашла то, что всегда искала. То, чего мне всегда не хватало. Силы, мужского плеча, на которое я всегда могла бы опереться. В конце концов, я решила на следующей неделе пойти в ту квартиру и забрать вещи или же остаться там как в последней ниточке, связывающей меня с Брайаном. Стук в дверь заставил оторваться от бутылки, и я решила игнорировать, пока тот, кто там стоит, не уйдет. Но так как он все-таки не прекращался, я открыла дверь и увидела Джаспера.

— Что ты тут делаешь? — оперлась я на дверь.

— Приглядываю за тобой, лагуна, — вошел он в номер и огляделся. Я застегнула рубашку Брайана не все пуговицы, не смотря на друга. — Не хочу, чтобы ты погрязла в своей ненависти к себе.

— Ты очень заботлив, но не стоит, — отмахнулась я, наблюдая за его улыбкой. — Моя ненависть меньше не станет.

— Что смотришь?

— Неудержимых, — ответила я, садясь на диван. — Любимый фильм Брайана. — Взяв пульт, он выключил телевизор. — Ты что сделал?

— Тебе нужно поговорить.

— С кем?

— Со мной.

— Точно, именно об этом я и думала целый день, профессор.

— Не язви. Кто это?

— Где? — в замешательстве спросила я.

Он указал на рамку с фотографией, которую подарил мне Брайан. Мы с девочками подняли бокалы вверх, смеясь над какой-то шуткой.

— Кто эта блондинка?

— Это Ева, — улыбнулась я, смотря на своих подруг.

— Она красивая. Вы все красивые. А эта девушка?

— Это Долорес. Мимо нее мужчины не проходят, но она шагает мимо всех. — Я взяла в руки рамку, проведя кончиками пальцев. — Это Донна и Стейси. Донна будет динамить тебя до конца дней, так что даже не пытайся, серьезно, а Стейси признает только дружбу с мужчинами, — сделав жест кавычек. — Ты понял, какую дружбу, так что тоже не вариант. — Я проследила за его выражением лица, и он облизнул губы. — Профессор, судя по всему, ты не такой уж и безгрешный.

— Конечно нет, праведник я в университете, а так страстный, дикий, сексуальный...

— Все, все хватит, — улыбнулась я. — Такое чувство, что я говорю о сексе со своим братом.

— Будешь тут в следующем семестре? — забирал он у меня бутылку.

— Нет. Ты только что отобрал у меня счастье.

— Человек становится другим, когда влюбляется. Но то, что сейчас с тобой происходит, не сделает лучше ни тебе, ни Брайану. Хоты ты и нравишься мне такой больше, чем стерва, которая может запугать мужика при одном упоминании своей работы.

— Вообще-то я всегда этим гордилась.

— Да, но Брайан не испугался.

— Он сначала так бесил меня, — смотрела я на свои ногти. — Я хотела его кастрировать, но в то же время, когда он улыбался, это было прекрасно.

— Как вы с ним познакомились?

— Никогда не угадаешь, — включила я песню 3 Doors Down — What's Left. — У нас был девичник, и мы все время проводили его в клубе, который принадлежит Брайану. Мы увидели друг друга, потом по-быстренькому занялись сексом.

— Бог ты мой! — развел он руки. — Святые угодники. Я слышал это собственными ушами: Эмили Харисон получила мужика благодаря сексу.

— Нет, мы познакомились благодаря сексу, — самодовольно я улыбнулась.

— Ты ведь этим гордишься?

— Да.

— Знаешь, пусть я буду ужасным другом и предателем, но я позвонил сестре, и они скоро будут тут. Я не могу тебе помочь так, как они, а ты становишься зависимой от алкоголя. Можешь кричать.

Я смотрела на него несколько секунд, не отводя взгляд. Он и правда ожидал, что я выгоню его или стану кричать. Но все что я смогла вымолвить:

— Спасибо, — слезы потекли с моих глаз, и я обняла его. — Это лучшее, что ты мог сделать для меня.

Затем он уложил меня в кровать, говоря, что завтра заменит мою пару. Я не помню, как провалилась в сон, надеясь, что это защитит меня от разочарования в его взгляде. Эбби была права, лучше уж научиться стрелять, чем пить. Мой алкоголизм никому не поможет. Адам сказал еще максимум месяц, и та сволочь будет за решеткой. Утром, когда меня осталась лишь половина, я приняла душ и связалась с нужным человеком, чтобы научиться обращаться с оружием. Если Брайан все еще жив, и я дышу, значит мое небо любит меня. Я не хотела привыкать к переменам, но, в конце концов, у меня нет выхода. И я прикоснусь к нему. Хотя бы в мыслях и снах. Как только я собиралась выходить из отеля, позвонил телефон, и я подняла трубку.

— Эмили, у нас проблема. Очень большая проблема, — сказала Тиффани.

— Я тоже рада тебя слышать. Каждую проблему можно решить. Кроме того, что такого может случиться, чего бы Тиффани Джейсон не смогла сделать?

— Стивен Максфилд. Он сказал, что ему нужна только ты. И чтобы я достала тебя из-под земли.

— Это проблема. Я все решу.

Я позвонила Стивену, ожидая исхода минус один в списке клиентов.

— Стивен, это Эмили.

— Здравствуй, мне нужна помощь, и это нельзя отложить.

— Меня нет в городе и в ближайшее время не будет. Что, если я найду достойного адвоката в течение часа?

— Хорошо.

Его ответ меня удивил, и у меня не было другого выхода, как позвонить Кристоферу Вайту.

— Здравствуйте, могли бы вы связать меня с Кристофером Вайтом? — сказала я девушке, которая отвечала за соединение звонков.

— Подождите, как вас представить?

— Эмили Харисон.

— Подождите минутку, мисс Харисон.

Спустя тридцать секунд я услышала голос Кристофера в трубке.

— Здравствуйте, мисс Харисон. Вот уж кого не ожидал услышать. Чем могу быть полезен?

— Здравствуйте, мистер Вайт. Ну, скорее, я вам буду полезна, и это будет выгодно нам обоим.

— Я заинтригован. Говорите.

— Вы знаете Стивена Максфилда?

— Конечно.

— Ему нужен адвокат.

— И что вы хотите от меня? — я слышала улыбку в его голосе. — По-моему, вы его адвокат.

— Точно, — хмыкнула я — Но сейчас меня нет в городе, а ему нужна срочно...

— Не заинтересован, — перебил меня Кристофер. — Особенно, когда я проиграл последние дела, благодаря вам.

— Я буду у тебя в долгу, — сказала я со злостью. — Ты — гаденыш, но в своем деле хорош, даже лучший, после меня, конечно.

— Мы уже перешли на «ты», — засмеялся он. — Хорошо, согласен, давно пора. Эмили, но что ты можешь мне дать из того, чего у меня нет, кроме себя конечно?

— Даже не рассчитывай на это, Вайт, но у меня есть кое-какие идеи, так что не думаю, что плохо в запасе иметь должника, не так ли?

— В лице Эмили Харисон? В хозяйстве всегда пригодится.

— Ты отвратителен, знаешь?

— Ты меня хочешь.

— Точно. Спать ночами не могу.

— Ладно, я не буду пытаться привлечь тебя такими жалкими попытками. Я слишком уважаю себя.

— Спасибо, Кристофер, — искренне сказала я.

— Можно просто Крис. Мы же теперь друзья, — засмеялся он.

— Да, лучшие, но только после того, как ты выиграешь дело и не подставишь меня.

— Я лучший. После тебя, конечно.

— А ты не плох, когда не ведешь себя как скотина.

— Ты тоже, когда не ведешь себя как стерва.

Затем я позвонила Максфилду и сообщила все, что ему необходимо было знать, а также предупредила Тиффани. Выйдя все-таки из отеля, я направилась в место назначения. Я познакомилась с Фрэнком, и он провел меня в помещение, подобное подвалу, где на стене висело множество оружия. Узнай мои родные, что я делаю, сказали бы, что я сошла с ума. Но дело в том, что я и правда сошла, и мне нужно было как-то выпускать пар, не предаваясь алкоголю. В жизни нет одинаковых дней. И я буду искать огонек, и не только вечной любви, но и самой жизни.

Фрэнк предложил мне SAS Jericho 941, но я выбрала пистолет с изумительным металлическим корпусом — Desert Eagle. Этот самозарядный ствол крупного калибра впечатлил не только внешне.

— Мисс Харисон, он не похож по постройке схемы на самозарядный пистолет, скорее на автоматическую винтовку. Газоотводная трубка расположена под стволом, пороховые газы выводятся непосредственно к затворной раме. Запирание осуществляется поворотом личинки затвора. Вообще затвор и запирание боевыми упорами напоминает механизм автоматической винтовки M16. M16 — американская автоматическая винтовка калибра 5,56 мм, разработанная и принятая на вооружение в 1960-х годах. M16 и её варианты до настоящего времени остаются основным вооружением американской пехоты. Это одна из наиболее распространённых моделей стрелкового оружия в мире, — пронзал меня взглядом высокий слишком накаченный мужчина, стоящий передо мной.

— Слушайте, я пришла сюда научиться стрелять и не хочу слушать теорию.

— Жаль, потому что вам придется слушать, — и когда я промолчала, мужчина продолжил. — Вы выбрали модель Desert Eagle Mark XIX. Переоснащение модели для стрельбы боеприпасами другого калибра требуют только смены ствола, затвора и магазина. Поэтому переоснащение может быть легко выполнено даже в боевой обстановке. Отдача этого оружия велика, даже при стрельбе с удержанием пистолета двумя руками, однако она ниже, чем у других видов ручного оружия такого калибра, за счёт меньшей массы и начальной скорости пули, а также за счёт механизма автоматики, который растягивает по времени передачу импульса отдачи стрелку.

— И как я должна удержать его?

— При правильном удержании пистолета стреляные гильзы вылетают вверх и назад, приземляясь за правым плечом. Если держать пистолет неправильно, то при выстреле вращательный момент, повернувший пистолет окном выброса гильз вверх, в сочетании с подбросом ствола развернут пистолет так, что стреляная гильза вылетит прямо в лицо, — увидев мое недоумение, мне показалось, что он мимолетно улыбнулся, но мужчина быстро вернул свое жесткое выражение лица. — Тем не менее, правильно подобранная рукоять позволяет справиться с мощной отдачей без особого труда. Даже после сотни выстрелов руки не будут уставать. Это прежде всего вопрос правильно подобранной удобной рукояти и опыта. Дополнительные средства уменьшения отдачи включают в себя, в том числе, специальную обработку ствола, а также установку, удлиняющую ствол и убирающую большую часть пороховых газов при стрельбе дульного тормоза-компенсатора.

— Давайте, вы просто научите меня держать оружие и попадать с него в цель.

— Ну что ж, мисс Харисон, начнем, — передал он мне маску-очки для защиты глаз.

Я не скажу, что за мой первый урок можно было поставить даже двойку. Это было отвратительно. Я не попадала ни в одну мишень, а когда уже начала стрелять более метко, стреляя в «тело», выше груди все равно ни разу не попала. Фрэнк поставил меня от мишени на расстояние 25 метров. Сначала меня злило, что я все время мазала, но потом стала нажимать на курок медленно, учась терпению, и мои выстрелы достигли минимальной цели и результата для первого раза.

Приехав в гостиницу и войдя в холл, я увидела своих подруг. Они сидели с небольшими чемоданами, ожидая меня, и, увидев, подбежали, сильно сжимая в объятьях. Когда я увидела Долорес и Еву, почувствовала радость. Стейси и Эбби — счастье. Но когда меня обняла Донна — покой.

— Мы принесли антидепрессанты, — сказала Стейси, когда мы ехали в лифте.

— Вообще-то это текила, — улыбнулась я.

— Нет, это антидепрессант, и не спорь со мной.

— Ты в порядке? — спросила Донна, обнимая меня.

Я покачала головой, и мы все вошли в номер, снова обнимая друг друга.

— Мне нельзя пить, — посмотрела я на Стейси. — Кажется, не помню без вспышек последних несколько дней.

— Лично я жду объяснений уже месяц, — сказала Долорес, не сводя с меня взгляда.

— Он приходил ко мне на работу, — сделала заказ на суши Донна. — Пребывая явно после тяжелой ночи пьянства.

— Как думаешь, что он чувствует? — спросила я.

— Я, конечно, не психолог, но, кажется, он был растерян, испуган и, наверное, немного зол.

— Ты любишь его, — начала наполнять стопки Эбби. — Для него ты центр вселенной. Он не испугался твоих обычных приемчиков. И я все никак не пойму, в чем причина?

— Знаете, сейчас я хочу вырваться не просто из собственного тела, а из собственной жизни. Он изменил меня. Он приручал меня с каждой минутой, даже не находясь рядом. Я боюсь, что это ненадолго. Что в конечном итоге мы перестанем говорить друг другу слова любви, замечать, уделять внимание, а со временем чувствовать. Но я скучаю по нему. Каждую секунду вдаль я скучаю.

— Может, ты расскажешь наконец-то, что случилось? — выпила стопку Стейси.

— У Брайана было тяжелое прошлое, — выпила я свой алкоголь. — И из этого прошлого вышел человек, который хочет его убить. Я понимаю, что он это сделает, и никакая типа договоренность, — изобразила я кавычки, — не изменит его жажды крови. Но пока он хочет, чтобы мы не были вместе. Он хочет причинить ему боль, и это все, что я могу делать — оставить его, чтобы хоть немного времени дать на расследование.

— Кому на расследование? — спросила Ева.

— Людям, которые мне помогают, — ответила я. — Я расскажу вам все однажды, обещаю. Но сейчас я даже этого не могу говорить.

— Уезжай отсюда, Эм, — сказала Долорес, пока Донна забирала доставку еды. — Париж, Торонто, Берлин, Лас-Вегас, Чикаго, в конце концов. Какая разница? Если тебе хватит три часа, чтобы понять, что он именно тот человек, с которым ты хочешь провести свою жизнь, хорошо, а если нужно три месяца, так проведи их так, чтобы потом не жалела,

что сбежала, и заberi его. Уберегая его жизнь, не теряй душу. Его душу.

— Я никогда не бежала от проблем.

Я покачала головой, а Ева взяла меня за руку, посмотрев так, словно пыталась забрать немного боли.

— Эми, ты и правда никогда не бежала от проблем. Последнее слово всегда будет за тобой, помни об этом.

— Любовь слишком трудна, поэтому я с мужчиной, который просто все время вводит меня в состояние повышенной влажности, — улыбнулась Стейси.

До конца этого дня мы сидели в номере, говорили и смеялись. Несколько фото, моменты, билеты из прошлого, и это была наша жизнь. Мелодии, напоминающие о моментах радости и счастья. Они лучшее, что есть в моей жизни. Только они в полдень понедельника могут сидеть в холле гостиницы, ожидая меня, чтобы поговорить и выпить текилы.

Эту неделю мы провели вместе. Я ходила на пары, а затем возвращалась к подругам, и мы гуляли, веселились, ходили за покупками и делали новые снимки нашей истории. Они занимали мои мысли, и я стала меньше чувствовать боль или просто привыкла к ней, как уже к части себя. В пятницу вечером мы поехали в Новый Орлеан на тематическую вечеринку 1920 годов. После моих занятий в университете собрали немного вещей, сели в машину и отправились в путь. Музыка гремела, а мы улыбались, наслаждаясь.

— Почему ты не скажешь ему правду? — спросила Долорес. — Возможно, вы избежали бы такой ситуации.

— Не хочу, — покачала я головой. — Я знала, что так выйдет однажды, и мне придется его защищать. Я никого не хотела так защитить, как его. Сначала я спрашивала у него о прошлом, а потом стала ждать, когда Брайан сам запутается в своих словах, и наконец-то расколется.

— Тебе говорили, что ты психически неуравновешенное создание?

— В лицо? — открыла я багажник. — Нет.

Вечеринка в стиле гангстеров — короткие платья, шляпки с вуалью, женские сигары, коньяк и жемчуг на шее, а также мужские шляпы и костюмы-тройки. Я сделала черные выразительные глаза, яркие красные губы и чуть бледное лицо. Не понимаю плюсов искусственной бледноты лица, но раз входить в образ, то до конца. Я выбрала белое платье до колен с прозрачной юбкой, которую покрывали камни, и вуаль на голову. Мы сняли огромный номер гостиницы, где стояли множество кроватей, цветов, висели картины, и солнце освещало комнату. Я смотрела в зеркало, думая о потерянном времени. Оно тянется очень медленно, словно бесконечность пути, которому нет конца. Он лучшее, что я потеряла.

— Нам пора, — сказала я себе. — Ты изумительна.

— Да, — улыбнулась Донна, стоя в дверях.

Я развернулась к ней и увидела всех своих подруг. Донна была в черном цвете, Стейси — красном, Ева в бежевом, Эбби — ярко бирюзовом и Долорес в желтом.

— Я хочу есть, — сказала я.

— Давайте зайдем в ресторан, — улыбнулась Долорес.

— Я лучше что-нибудь приготовлю, — красила губы Стейси.

— Ты отвратительно готовишь, Эс, — засмеялась Эбби.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что нет необходимости, чтобы ты что-то делала, лучше просто отдохнем.

— Ага, я так и услышала, — пробормотала подруга. — Ты просто отвратительна.

— Я никогда не утверждала обратное.

— Нужно пересмотреть наши отношения.

— Какой сезон? — вмешалась Донна.

— Знаете, вы просто неподражаемы, — улыбалась я. — Вы несравненные.

— Тогда сегодня вечером не сравнивай, — поцеловала Стейси меня в висок. — В конце концов, как звучат имена. Только они говорят уже о величии, и мы используем любое оружие, чтобы получить то, чего поистине хотим.

— Жизнь не будет проноситься мимо нас, — наполнила бокалы шампанским Долорес. — Лишь мы мимо нее.

Войдя в клуб, мы словно оказались в другой эпохе. Джаз, саксофон, яркие цвета, женщины, выпивка и сигары.

— Я не знаю, что нужно говорить, — улыбалась я. — Но идем за выпивкой.

Мы сделали это, и я расслабилась. Судьба делает все, чтобы ежеминутно напоминать нам о том, что нужно в жизни. Я чувствовала, что на своем месте. Они — моя семья, и мне, черт возьми, так повезло, что она у меня есть, когда мои родители и брат за тысячи километров.

— Со сколькими мужиками развлекалась? — улыбнулась Стейси. — И я хочу побольше грязных подробностей.

— Ни с одним, — покачала я головой.

— Кажется, я тоже влюбилась до потери трусиков.

— Может пульса, детка? — улыбнулась Донна.

— Нет, трусиков.

— Кто он? — спросила я, откусывая клубнику.

— Да так, парень один. Мы с ним катались на его машине спустя десять минут знакомства.

— Никогда не садись в машину к незнакомому мужчине, Эс, — сказала я без тени улыбки на лице.

— Эмили, у него мустанг.

— То есть, я хотела сказать, не стой на месте. Беги на встречу своему счастью.

— Проблема в том, что, глядя на меня, мужчины думают, что у меня есть мужик. Хоть бери и выходи на улицу с криками, что я свободна.

Стейси пыталась отвлечь меня, и я улыбалась, понимая это. Мы хохотали, затем подняли бокалы. Я вспоминала, как два года назад я стояла возле ресторана, и мне в голову пришла мысль о том, что я могу так и остаться одна, ожидая мужчину, которого не существует.

— Стейси, это прошлое, понимаешь? Ты можешь двигаться дальше. Мы не дадим тебя в обиду, — сказала я.

— Дело не в этом, — ответила та.

— Конечно в этом, — перебила ее Эбби. — Когда ты последний раз что-то чувствовала к мужчине?

— Ты знаешь ответ.

— Конечно знаю, вот именно, что никогда, потому что сама себе не позволяешь этого, — смотрела на нее Ева. — Я бы многое отдала за чувство, когда человек не может без тебя, а ты без него. Когда вы и минуты не можете быть рядом, не касаясь друг друга. Когда вы настолько влюблены, что любовь, как само собой разумеющееся, существует, а влюбленность не проходит никогда.

Спустя какое-то время я вышла подышать и отдохнуть от шума. Я стояла и смотрела на фонтан, который украшали статуи. Все было настолько изумительно, изысканно и ярко.

— Почему ты одна? — спросил мужской голос.

Обернувшись, я увидела Кристофера.

— Шум. Не могу долго.

— Ты очень красивая, Эмили, — сказал он, подавая мне бокал виски.

— И ты не плох, — улыбнулась я, принимая его.

— Правда?

— Нет.

— У тебя есть чувство юмора, мне нравится это.

— Только мое чувство юмора?

— Ну вообще-то твоё тело занято. Но мне нравится то, что ты умеешь смеяться.

— Не только тело. Моё сердце занято без надежды на возвращение на полное моё владение, — взмахнула я руками в театральном жесте. — Что ты тут делаешь?

— Я люблю праздники, — ответил Кристофер. — Так почему ты без Брайана?

— Мы немного повздорили, — ответила я, чувствуя неловкость.

— Ты юрист, Эмили. Ты по своей природе всегда будешь пытаться выйти чистой из воды.

— К чему ты это? — спросила я без тени улыбки на лице.

— Не важно, — усмехнулся Кристофер. — Потанцуй со мной. — Я покачала головой и развернулась, чтобы уйти. — Мне нужен лишь один танец, Эмили.

Мы двигались под музыку, а все мои мысли были о мужчине, которого я так любила. Я всегда искала причину и словно боролась с ним, чтобы уйти, а он делал то же самое, только для того, чтобы я осталась. Я помню, как Брайан улыбался, когда склонялся надо мной и обнимал меня за талию. Когда я поворачивала голову, он смотрел на меня с бесконечной любовью и нежностью. После таких моментов у меня складывалось впечатление, что я теряла себя и контроль над собственной жизнью.

— Я предлагаю прогуляться, — услышала я голос Долорес за спиной.

Я отошла от Кристофера, и спустя несколько секунд рядом стояли все мои подруги.

— Насколько далеко? — спросила я, улыбаясь.

— В Нью-Йорк, — ответила Эбби. — Мне через три дня на работу.

— К звездам, — хихикала Ева. — Кроме того, тут нас никто не знает. А что может быть лучше отсутствия репутации?

— Именно ее отсутствие у юриста, — сказал Кристофер.

Я повернула голову к нему, и мы начали смеяться. Шутки юриста поймет только юрист.

— А ты кто? — спросила Долорес.

— Это адвокат — Кристофер Вайт, — представила я.

— Красив, умен, богат, обаятельный, юрист, — начала Эбби. — Ты не плохая партия для замужества. Почти идеал.

Мы вернулись в Нью-Хейвен через два дня, и, когда подруги легли спать, я отправилась в квартиру, арендованную Брайаном. Мы были уставшие, но все же эти дни были чудесными. Ночь была тихой и словно знала больше, чем знали все остальные. Как только я открыла дверь, знакомый аромат заполнил мои ноздри. Я прошла к камину, бросив в него спичку, и села в кресло-качалку, закрывая глаза.

Брайан — первое лицо, которое я вижу, прикрывая веки. Последний, о ком я думаю, прежде чем растворится во сне. Моя причина, по которой я дышу. Он тот, без кого я не могу жить. Тот, без кого я не хочу жить. Он не отступает, если я теряю голову и порой себя. Его объятия всегда открыты для меня, и он быстро забывает мои ошибки. Я не заслуживаю любви этого человека, но он все равно дарит ее мне. Мне никогда не будет хватать его. И если бы я позвонила ему еще несколько недель назад, мой мужчина бы точно сорвался с места, следуя за мной. Он бы забрал меня с другого города, материка и даже планеты без вопросов. В этом весь Брайан. Я не заслуживаю его любви после всего, что наделала. Несмотря на это, его любовь — все, что мне нужно.

Услышав шорох, я распахнула глаза. И почти потеряла дар речи от изумления. Передо мной стоял никто другой, как Брайан Прайсон. Когда мы были вместе, вокруг я не видела больше ничего. Его лицо не выражало ничего, но глаза... Эти прекрасные глаза сходили с ума от волнения.

— Скажи, что ты не сон, — прошептала я. — Иначе это жестоко.

— Ты все такая же красивая, Эмили, — сел он напротив. — Не ожидала?

— Нет, — не сводила я с него взгляд. — Но твой приезд — лучшее, что могло случиться. Я все объясню тебе, но попозже. Тебе нельзя тут быть.

Я так соскучилась по нему. Его голосу, смеху и взгляду, полному обожания. Какое-то время мы смотрели друг на друга, и вокруг исчез весь мир. Мое сердце почти остановилось. В его глазах отразились миллион эмоций — вдохновение, изумление, воодушевление, восторг, восхищение, замешательство и злость. Он был для меня центром вселенной, и я никогда не думала, что наша первая встреча после разлуки будет именно такой.

— Я не хочу ничего знать, — взял он в ладони мою руку. — Я люблю тебя больше жизни. И буду говорить тебе это каждый день, чтобы ты ни на секунду не забыла об этом. Я хочу прожить с тобой всю жизнь и растить детей. Мне все равно где и как, но я хочу жениться на тебе.

Затем он достал кольцо из белого золота и камнем минимум три карата. По моему телу прошла тысяча эмоций. Изумление, удивление, блаженство и самая последняя — страх.

— Замуж? — это все что я смогла сказать.

— Я не хочу ждать больше. Ты будешь моей.

— Я не готова. Я никому не принадлежу.

— Эмили, я дам тебе время до следующей недели, и жду тебя с кольцом на пальце рядом со мной до конца жизни.

— Какой ты благородный! — взорвалась я с места. — Но оно не всегда к месту.

— Нет, Эмили. Благородные и красивые поступки совершают, а я просто не хочу ждать, когда ты ко мне вернешься. Я похож на идиота? — подошел он ко мне, схватив за талию. — Ты уехала, написала, что я держу тебя в каком-то мире, где тебе трудно дышать. Спустя

месяц я ловлю детектива около моего дома и узнаю, куда попадают его файлы. И после этого ты мне скажешь, что не любишь?

— Прости меня, — потекли слезы с моих глаз. — Я просто...

— Что просто, Эмили?

— Я пытаюсь защитить тебя! — схватила я его за рубашку, притягивая к себе. — Я не позволю тебе умереть, понимаешь? Я люблю тебя.

— Что ты имеешь ввиду?

Хватка его руки на моей талии усилилась, и горячее дыхание коснулось шеи. Я вдохнула его запах, и это опьяняло. Я чувствовала себя в безопасности, когда находилась в объятиях Брайана.

— Ты должен уйти, — прошептала я, когда слезы жгли глаза.

— А как насчет того, что ты научила меня не обходиться без тебя, а потом бросила? — Его голос был холодным, почти ледяным и отстраненным, и он отошел от меня. — Мне жаль, что ты так и не смогла полюбить меня.

— Брайан, я...

— Знаешь, раньше я любил, когда ты красила ногти. Только в эти моменты ты была так мило беспомощна.

Холодок прошел по моей спине, и я опустилась на землю после захлопнутой двери. Ты можешь не видеть человека. Думать, что все прошло, чувств стало меньше, нет больше тех эмоций, забылись воспоминания, но, увидев, ты понимаешь, что врешь сам себе. Ты понимаешь, насколько боль поглощает тебя. Сколько я не пыталась забыть, я знаю, что именно его всегда буду помнить. Я всегда помню. И несмотря на всю боль, он — лучшее, что есть во мне. Радость и грусть, счастье и боль, непреодолимое желание двигаться дальше и в то же время остаться.

Я не согласна, что время лечит. Если это настоящее, оно лишь усиливает чувства. А когда ты не даришь их кому-то, то чувствуешь боль. Время притупляет память о воспоминаниях, словах, прикосновениях, но никак не лечит.

Я всегда думала, что хочу свободы и независимости, но что такое свобода? Самой решать свои проблемы? Одной по утрам пить кофе и просыпаться? Разве лучше садиться за руль, чем на сидение рядом с любимым человеком? Ведь это бесценно, когда тебя ждут и любят. Какая разница, кто ты, сколько зарабатываешь, весишь, если тебя никто не любит? Иногда свобода заключается вовсе не в этом, и даже не в путешествии, мы ведь не птицы, хоть и летаем с определенными людьми, а в том, чтобы остаться, бороться и просто жить.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал Джаспер, передавая мне кофе, когда я вышла из машины.

— И отвратительно чувствую, — посмотрела я на него. — У тебя сегодня первая пара?

— Нет, просто я привык пить кофе в хорошей компании — с тобой. Ты всегда можешь поговорить со мной, Эмили, ты ведь знаешь?

— Знаю, — ответила я, поправляя очки. — Я соскучилась по своим подругам.

— Так поезжай в Нью-Йорк.

— Когда не знаешь, что сказать человеку при встрече, весь город, в котором вы были счастливы, становится ходячим воспоминанием. Он сделал мне предложение, а я отказала.

— Ты отказала? — засмеялся Джаспер, а я посмотрела на него со злостью. — Как будете отмечать, когда встретитесь?

— Еда, выпивка, секс.

— Эмили, — покачал он головой, все еще смеясь.

— Шучу. Никакой еды, я на диете.

С того момента, как мы виделись с Брайаном, прошло две недели. Я перестала решать проблемы с помощью выпивки и научилась управляться с оружием. Ездила на пары, посещала галереи и гуляла по городу. Каждый раз читала что-то новое, готовясь к очередной встрече со студентами, наверное, даже больше, чем они. Но вернуться я так и не смогла. Скотт пропал. Он словно испарился, и Брайан находился под постоянным наблюдением, хоть и не знал об этом.

— Здравствуйте, — сказала я, войдя в аудиторию. — У нас лекция на тему чувств и логики. Мозг. Его функции включают обработку сенсорной информации, поступающую от органов эмоций, планирование, принятие решений, координацию, управление движениями, положительные и отрицательные чувства, внимание и память. Высшая функция, выполняемая мозгом — мышление.

— И за что отвечает какое полушарие? — спросила Энди.

— Кто из вас знает ответ? — усмехнулась я, обводя взглядом аудиторию.

— По-моему, левое за логику и правое за эмоции, — ответил один из учащихся.

— Правильно, — качнула я головой, рисуя на доске человеческий мозг. — Левое — за логическое мышление, правое — интуиция. Левое полушарие понимает только буквальный смысл слов, анализирует все факты и информацию, услышанную вами, символы, математические числа, в то время как правое — понимание невербального языка, его обработка, анализ, также ориентация на вашем местонахождении, музыкальные способности, возможность понимать метафоры, ваше воображение, эмоции, мечты. Существует теория, что мужчины больше пользуются левым полушарием, а женщины правым.

— Это неправда! — возразила Энди. — Вами не всегда эмоции двигают, иначе вы не смогли бы быть адвокатом.

— Ну, я тоже не считаю, что это правда, — улыбнулась я. — Ведь не все женщины эмоциональны, и далеко не каждого мужчину можно назвать логичным.

— Но вам, женщинам, больше нужно прогулки, цветы и вся эта дребедень, значит, вы

более эмоциональны, — высказался Томас.

— На самом деле ты прав. Женщинам нужно это, им важны детали. Когда ты влюбишься, поймешь, что такие мелочи делают твою возлюбленную счастливой, соответственно, счастлив и ты.

— Да, но как мы можем это контролировать? В нашей профессии больше нужно левое, так? — спросила девушка с золотистыми волосами.

— Ну, я такого не говорила, — хмыкнула я, наблюдая за их реакцией.

Студенты — интересные люди. Они вроде только познают мир, но в то же время сами не представляют, сколько уже знают. Они внимательные, и не только я учила их, но и они часто рассказывали интересные факты, которые меня изумляли.

— О чем нужно думать больше: о противнике или самом деле и его материалах?

— Нужно думать обо всем и всегда, — ответила я, садясь на край преподавательского стола. — Вы — будущие юристы и ваш мозг должен работать двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Вы спать должны с открытыми глазами, это важно.

— О чем вы думаете больше, когда у вас очередное дело?

— Смотря в каком деле, но, если честно, то о противнике. Если вы сможете предугадать его действия, то приготовитесь к последствиям, и обойдете его на два шага.

— То есть, в любом случае противник на первом месте? — задала вопрос девочка, сидящая на втором ряду.

— Нет, на первом месте всегда клиент и его интересы, — показала я жестом на доску. — Вы сами устройте себе головоломку и подумаете над этим вопросом. И ответите на следующей паре, но не забывайте о главном правиле.

— Не можешь доказать, значит не знаешь, — цитировал меня студент.

— Молодцы, свободны, — улыбнулась я, хлопая в ладоши.

— Почему вы выбрали профессию юриста? — спросил один из учащихся, собирая вещи.

— Я не выбирала. Она выбрала меня сама. Просто однажды вы поймете, что что-то является частью вас, и это неизменно.

В этот момент я имела ввиду не только работу, но также дом, песню, туфли и людей. Только сейчас я поняла, что человек, который не верит в судьбу, не реалист, а глупец. Ничто в мире не бывает вечным. И день за днем я вспоминаю, как последний раз обняла Брайана, а он смотрел на меня с любовью. Я словно сфотографировала этот момент, поместив в память, зная, что этого больше не произойдет.

— Вы считаете, нас она также выбрала?

— Конечно, ведь судьба редко совершает ошибки. Дейл Карнеги сказал однажды потрясающую фразу: «Выражение, которое вы носите на лице, куда важнее одежд, которые вы надеваете на себя».

Студенты покинули аудиторию, и, когда я собиралась последовать их примеру, услышала хлопанье в ладоши из заднего ряда. Повернув голову, увидела Брайана, который направлялся ко мне. Я застыла и просто смотрела на его напряженное лицо, идеально сидящий костюм, белую рубашку, заправленную в брюки, но не сильно облегающую торс, и расстегнутый пиджак. Я сглотнула, а он молча подошел ко мне, и не сказав ни слова сильно сжал в объятьях. Я обняла его в ответ, улыбаясь при этом, как сумасшедшая.

Брайан — это контроль в оболочке безупречного костюма и притягательной улыбки. Он был так красив, что захватывало дух. В его глазах было столько любви, и с ним я чувствовала, что достойна её.

— Можно я послушаю, как ты молчишь? — спросил он, обдавая томным дыханием мою шею. — Я понял, как тебя нужно любить, Эмили — страстно, нежно, так, чтобы ты чувствовала свободу, но в то же время находилась в моей власти.

— Ты кое-что пропустил, — прошептала я, целуя его в губы. — Глубоко.

Брайан зарычал и поднял меня на руки, садя на стол кафедры. Даже когда мы пытаемся скрыть чувства, глаза и тело говорят за нас. Они знают гораздо больше, чем мы. Он направился к двери, закрыв ее на ключ, и, возвращаясь ко мне, снимал пиджак. Мои руки путались в его волосах, а бедра приподнимались навстречу, желая большего. Я хочу его, и он дает мне все это. Наши языки исследовали каждый миллиметр друг друга, пробуя на вкус, словно вся наша жизнь зависела от этого действия. Брайан снял с меня блузу и поднял юбку. Я же освободила его от брюк и рубашки, проводя языком по кубикам пресса. Когда он разорвал мои трусики и провел рукой по складочкам, я ахнула, и, облизав свои пальцы с моими соками, я поняла, почему все время сходила по нему с ума.

— Я уже, Брайан, — задыхалась я. — Почему ты так хорошо выглядишь?

— Каждый день я просыпался и чувствовал боль в груди. И вчера я знал, что, если усну, тебя все равно не будет со мной утром. И я понял, — сильно сжал он мои бедра, прильнув губами к моей груди. — Что ты в своей жизни уверена во всем, кроме меня. Так что я забираю тебя.

Когда он медленно проскальзывал в меня членом, я задыхалась от чертовой идеальности этого момента. Он сжимал мои ягодицы, и мы не отводили взгляд друг от друга. Одна моя нога находится на его бедре, и он притянул меня к себе, до боли сжимая попку. Это не был секс, где мы выражали чувства. Это был именно той процесс, когда мы выражали эмоции. Брайан ускорялся, а я усиливала хватку в его волосах, пытаюсь оставить этого человека себе как можно больше после того, когда мы закончим.

— О Боже... Брайан... Боже...

Я впилась зубами в его плечо, и он трахал меня, массируя клитор. Я цеплялась за него, как за последнюю соломинку, которая соединяла меня с жизнью. Мои мышцы начали сокращаться вокруг его члена, и он поднял мою ногу, входя еще глубже. Спустя несколько толчков мое тело взорвалось, глаза закатились, спина выгнулась, и я растворилась в этом мужчине. Он двигался во мне еще несколько секунд, и я чувствовала в себе его семя. Каждое мое нервное окончание горело, и я снова вспомнила, что значит полноценно дышать. Лицо Брайана было передо мной, и я обняла его, боясь, что он исчезнет.

— Как я скучал по тебе, — прошептал он мне в шею.

Чем старше женщина, тем она сложнее. Она становится умнее, хитрее и точно знает, кто ей нужен. Я всегда его ждала. Одного его. И как бы я не пыталась оттолкнуть, легче не станет ни мне, ни этому мужчине. На каком бы расстоянии мы не пребывали, мы никогда не были далеки друг от друга. И никогда друг друга не теряли.

Брайан забрал у меня ключи, когда мы оделись, и, помогая сесть в машину, увез. Меня всегда возбуждало, когда мужчина водил машину — властно, сексуально, жестко, словно весь мир принадлежит ему, и никто не сможет ему помешать. И я имею ввиду не только смену передачи.

— Брайан, тут нельзя ездить на такой скорости, — сказала я, смотря, как он каждый раз

меняет передачу.

— Тогда зачем тебе мустанг?

— Это не просто машина, а состояние души. Сворачивай.

Я наблюдала за ним и не могла отвести взгляд. Брайан подмигнул и свернул за город. Он заставляет меня улыбаться. Я счастлива уже от того, что он рядом. Это так потрясающе, когда я могу коснуться его и почувствовать тепло. Люблю его смех и видеть реакцию на мое новое платье, или еще ярче — нижнее белье. Я люблю себя за то, кем становлюсь рядом с этим человеком. Люблю быть уверенной, что он не сделает мне больно. Как я жила раньше без этих ощущений? Как я могла быть одна? Спать и просыпаться одной? Ходить на вечеринки и готовить завтраки лишь себе? Как я могла делать любую глупую мелочь одна и восхищаться этим также в одиночестве? Ведь только Брайан делает мой мир потрясающим.

— Почему мы тут? — спросил он, когда мы стояли на выезде из города.

— Нравится это место, — прошептала я. — Порой я не спала по ночам и любовалась закатами.

— Ты засыпала когда-нибудь тут?

— Да.

— Я думал, ты не сможешь жить без своих кремов и всякой этой женской планеты, в которую я никогда не засуну свой нос.

— Ты назвал только что меня капризной, избалованной и прихотливой?

— Я этого не сказал, но раз ты сама начала эту тему, то я не буду отрицать.

— Я сейчас выкину тебе в окно, Прайсон.

— Может мы поговорим?

Брайан сильно сжал руль, и сейчас я хотела сделать тоже самое. Я хотела рассказать правду. Наши пути все время пересекаются, и он не задает вопросов больше. Он хочет лишь честности и имеет полное право от меня ее требовать. Люди, которых мы встречаем, заставляют нас меняться. Они меняют все — взгляды, приоритеты и саму жизнь, сами того не замечая. Вовсе не обязательно, чтобы ему нравилась вся ваша коллекция компакт-дисков или стол, который вы поставили в прихожей неизвестно зачем. Ведь, по большому счету, это такая глупость. Мужчина полюбил вас и вашу семью. Ваши друзья станут его друзьями. И будь необходимо, Брайан Прайсон танцевал бы чечетку при каждой встрече с моими близкими для их одобрения. Он пек бы печенье и научился бы петь фальцетом ради моей улыбки. Каждая женщина заслуживает такого отношения к себе. В мире много мужчин. И прежде чем защищать своего избранника, думая, что он единственный, и идеальные мужчины только в фильмах, посмотрите, как порой счастливы бывают женщины в браке.

— Скотт сказал мне уехать, если я хочу сохранить твою жизнь, — смотрела я на него. — И я просто не могла позволить, чтобы хоть малейшая опасность угрожала тебе. И ты бы не отпустил меня на моих условиях.

Он смотрел на меня несколько секунд, затем схватил за бедра, пересаживая к себе на колени, и зарылся лицом в мои волосы.

— Я назвал бы планету твоим именем, Эмили, если бы ты захотела. Конечно я бы не отпустил тебя ни на чьих условиях. Почему ты не сказала мне правду?

— Гордость — самый большой костер, в котором можно сгореть.

— Теперь ты будешь со мной, — сжал он мое бедро, а я обняла его за шею.

— Брайан, мы не можем. Жизнь слишком сильно кружит, и...

— Я сказал все, что хотел, и не спорь со мной. Я посажу тебя дома, и мы никуда не

будем выходить пока не найдем этого ублюдка, если хочешь.

— Брайан, — сказала я предупреждая.

— Я знаю, что ты думаешь об этом. Но если дело в деньгах, я все оплачу.

— Даже не начинай, — попыталась я вернуться на место, но он еще сильнее прижал к себе. — Я не могу потерять свою работу. Я не буду содержанкой.

— Значит, заключим с тобой договор. Я буду платить, а ты мне готовить завтраки и завязывать галстук. Я должен был сделать это гораздо раньше. Я не могу, черт возьми, не думать о тебе. Ты владеешь мной. Я на край земли пойду за тобой, и ты стоишь всех усилий.

— На счет усилий, я согласна, — прошептала я, не почувствовав, что слезы текут по щекам, пока Брайан нежно не поцеловал мои веки. — Только мы можем заехать в дом и гостиницу, чтобы забрать мои вещи и попрощаться с Джаспером?

— Все, что захочешь. А потом, я сожгу твои вещи, и ты будешь ходить все время голой.

— Количество людей на судебных заседаниях возрастет как минимум в два раза.

Брайан улыбнулся, и его улыбка была так заразительна. Я легко толкнула его в плечо, и он сильнее схватил меня, прижимая к себе. Он поцеловал меня в уголок рта, и я углубила поцелуй. Его язык проник в мой рот, вызывая головокружение. Брайан заставляет меня чувствовать, и гори оно все огнем, если мы будем вместе. Он обостряет все. Все мои чувства. Мою жизнь. Меня. Ведь я думала, что никогда не полюблю. Я слишком умна, чтобы отдать свое сердце. Я анализировала чувства и делала выводы. Я решала проблемы и сбегала от отношений. Мозг никак не мог перестать работать, выискивая причины. Одиночество — мой сознательный выбор. Мне так комфортней и проще. Лучше быть одной, чем «не со своим человеком». Я потрясающе чувствовала себя наедине с собой. Но человек врывается в твою жизнь, и это становится головокружительным сюжетом для новой истории. Когда он рядом, все, что мне нужно — он. Он — все, чего я хочу. Он все, о чем я думаю.

— Я создана для тебя, — сказала я, положив голову на его грудь. — Разве не банально?

— Это самая лучшая банальность, которую я слышал.

— А что будет, если он тебя найдет?

— Ты даже не представляешь, Эмили, на какую жестокость я способен, чтобы быть с тобой.

Мы сидели так еще какое-то время, и я обнимала ногами бедра Брайана. Я встретила с ним взглядом, и желание отражалось в его глазах.

— Коснись меня, — прошептала я. — Пожалуйста.

— Где ты хочешь, чтобы я тебя коснулся? — спросил он мягко.

— Здесь, — указала я на шею. — И здесь, — спустилась к ключице и расстегнула блузу. — И здесь, — провела пальцами по груди.

Песня Adele — Hello заполнила машину, и Брайан делал то, что я хотела. С ним я жила в стране страсти и любви. Он всегда со мной, даже когда не рядом. Именно эта мысль помогала мне вставать по утрам и включать кофемашину. Когда я все еще обнимала голую грудь Брайана, я снова чувствовала счастье. Счастье, которое испытывала только рядом с ним. Мы соприкасались телами, и он не переставал меня удивлять своей любовью.

— Я соскучился по тебе.

— Правда?

— Да, — прошептал он.

— Я думала, что буду скучать вечно.

— Я соберу тебя кусочек за кусочком. Я не дам тебе упасть, я ведь обещал. Я не оставлю

тебя. Даже Рай с Адом не пройдут мимо меня к тебе.

Мы заехали в гостиницу, потом в дом и в самом конце — к моему другу. Я позвонила Джасперу, и он вышел из дома, стоя на крыльце.

— Я позвоню декану и все улажу, — сказала я. — У нас нет выхода, Брайану угрожает опасность.

— Позвони мне, если что-нибудь понадобится. Я приеду, Эм.

— Пока, профессор, — сказала его в объятьях. — Я буду скучать по тебе.

— Ты перестанешь меня так называть? — с грустной улыбкой спросил Джаспер.

— Нет, — пожала я плечами.

— Знаешь, Эм, эти полтора месяца были чудесными.

— И мне понравилось.

— У меня не было завтраков лучше, чем с тобой.

Я чувствовала на себе взгляды обоих мужчин, но каким бы близким мне не был Джаспер, одно имя Брайана вызывало эмоции, о существовании которых я до него не знала. Он вел машину до Нью-Йорка и держал меня за руку. Мы говорили о предстоящих праздниках и о том, как все будет дальше. Я удивилась, когда Брайан не повез меня ни к себе, ни ко мне домой, но не стала спрашивать и доверилась ему. В конце концов я уснула и проснулась уже, когда заходило солнце. Брайан варил кофе, и аромат витал просто божественный. Мы были в доме, который был практически коробкой с камином и кроватью. Голые стены без покраски и отсутствие мебели сбивали с толку. Я надела банный халат и направилась на запах. Брайан готовил завтрак, и я остановилась, чтобы полюбоваться видом.

— Нравится то, что ты видишь? — слышала я улыбку в его голосе.

— Да, — ответила я, целуя его спину. — Где мы?

— В доме.

— Феноменальное наблюдение.

— Я купил его для нас, Эмили, — передал Брайан мне чашку, целуя в висок. — Тут ты в безопасности.

— А как насчет того, чтобы со мной это обсудить? — смотрела я на него без тени улыбки.

— Зачем? Все, что захочешь, переделаем. Тут практически пусто, ты сможешь обустроить его так, как сама считаешь нужным.

— Но я ведь тогда ушла, — прошептала я чуть слышно.

— Да, но я знал, что верну тебя, — обнял мужчину меня за талию. — Мы не такие уж и сложные создания, Эмили. Если женщина нам нужна, мы найдем способ быть с ней. Вспомни нас. Впервые ты ушла, оставив меня в полной растерянности. Но я узнал все: какие круассаны покупаешь на завтрак, какие цветы любишь, на каком этаже живешь и номер телефона твоей матери. И даже если бы мне пришлось заступать на должность Премьер-министра или идти на войну ровно через четыре часа, то 239 минут из этого времени я бы провел в попытке сделать все, чтобы ты не смогла обо мне забыть, пока я не вернусь обратно. И теперь из-за одной твоей слезы я готов мир обрушить.

— Но почему ты ушел тогда, словно это было концом? — спросила я, пребывая в состоянии шока.

— Сначала я избивал кулаки в кровь, потом ездил на мотоцикле, пил, кричал, затем снова бил все, что видел. Увольнял людей, продавал здания, но в конечном итоге понял, что ты все равно моя. Я чувствовал это и знал, что верну тебя, даже если придется вести войну с тобой.

— Это было бы тяжело, — улыбнулась я, отставляя чашку и обнимая Брайана за шею.

— Войны хуже не было бы в истории, но я не отступил, пока не увидел бы белый флаг с твоей стороны.

Мы позавтракали, и, посмотрев наконец-то в окно, я увидела снег. С самого детства я любила зиму. Первый снег и радость перед ожиданием какого-то чуда. Радость перед чем-то неоскверненным и вечным. Жизнь слишком коротка, чтобы просыпаться утром с сожалениями.

— Брайан, ты куда?

— Мне нужно съездить на работу.

— И мне тоже, подожди, — сказала я, доставая вещи из сумки.

— Эмили, ты не поедешь, — перебил он, и я обернулась.

— В каком смысле?

— Я привез тебя сюда, чтобы никакая опасность тебе не угрожала, и намерен и впредь это делать, пока Скотта не схватят.

— Ты не будешь указывать мне, что делать!

— Прости, — сказал он, забирая ключи. — Это для твоего же блага.

В дверь вошли три охранника, и я метала молнии глазами. Если бы только взглядом можно было убить.

— Брайан, ты же не серьезно. Ты не можешь меня тут оставить. Это тебе угрожает опасность.

— Да, и я знаю о твоём плане вместе с Адамом защитить меня, — я смотрела на Брайана с комнаты, в то время как он находился в коридоре, и нас разделяли эти амбалы. — Я очень благодарен тебе, но я слишком сильно тебя люблю, чтобы переживать, что с тобой происходит и не угрожает ли тебе опасность.

— Брайан, ты можешь дать мне охранника на работу, — почти умоляла я его. — Не поступай так со мной. Не оставляй меня.

— Я просто хочу защитить тебя, Эмили, — смотрел он на меня, затем перевел взгляд на них. — Делайте все, что вам скажут. Если эта женщина захочет красить стены, значит, начните предлагать ей цвета, но ни в коем случае не выпускайте из вида и не разрешайте выйти за пределы периметра.

— Брайан, если ты уйдешь, я возненавижу тебя, — прорычала я сквозь зубы.

— Я привезу тебе зимнюю одежду и продукты.

— Ты придурок, Прайсон! — прокричала я.

— И похуже называли, — слышала я его улыбку, когда он направился к выходу. — Я люблю тебя, малышка.

— Черт, — выругалась я, когда дверь за ним захлопнулась. — Ваш работодатель кретин, вы знаете?

Они ничего не ответили, и один из них стал возле двери, закрывая ее. Другой проверял все время окна, а третий словно ждал моих указаний.

— Даже не думайте. Я не буду ничего делать в этом доме, — посмотрела я на одного из них. — Интернет тут есть?

— Да, мисс. Сейчас принесу ноутбук.

Я смотрела в окно и на мгновение забыла, почему злюсь на мужчину, которого люблю. На улице снег укрывал все дороги, и я улыбнулась. Я видела красоту его души. Я видела красоту, которую он создавал для меня. И видела железо, которое он носил день за днем с собой, пытаясь быть сильнее. Я все-таки открыла ноутбук и стала искать мебель, которая бы подходила нам с Брайаном. Жизнь — это ведь именно настоящее. Зачем думать о будущем, если не захочется вспоминать в нем прошлое?

— Сколько тут этажей? — спросила я.

— Четыре этажа, мисс, и погреб.

— Вы не забываете, куда сворачивать? — улыбнулась я.

Они были роботами. Ничего не говорили, правильно дышали, и ни малейшего намека на любые чувства. Я вошла на почту и написала одному из знакомых, что жду его. Он ответил, что вскоре приедет, и, взяв вещи, я направилась в жалкое подобие ванной, чтобы переодеться.

— Мисс, я вас буду сопровождать.

— Если Прайсон узнает, что кто-то из вас видел хотя бы мое обнаженное колено, это будет последний раз, когда у вас будут глаза.

— Тогда я подожду, — мне показалось, что он даже чуть смутился.

Через минут двадцать прозвучал стук в дверь, и один из мужчин вытащил пистолет.

— Это ко мне, — сказала я, подходя к дверям.

— Мы не можем пустить сюда кого-то, — преградил мне путь один из них.

Я посмотрела со злостью на мужчину, стоящего напротив, и выхватила у него пистолет.

— Отойдите, — сказала я, направляясь к двери. — Кристофер? — улыбалась я, открыв её.

— Эмили Харисон! — ответил он. — Это что за телохранители?

— Никогда не думала, что скажу это, но я рада тебя видеть, — они смотрели на меня с опаской и непониманием, и я отдала пистолет. — Если вас что-то не устраивает, позвоните вашему боссу. Он сказал меня не выпускать, но на счет входа не было сказано ни слова.

— Теперь я понимаю, почему ты лучше меня, — засмеялся он.

Кристофер напоминал мне Брайана. Он часто улыбался и шутил. Брайан простил мне ужасный поступок, чтобы не потерять. Чем дальше этот человек от меня, тем я к нему нежнее. Я просто помешалась на нем, несмотря на то, что за нами по пятнам ходил псих, пытающийся убить.

В дверь постучали, и охранники снова вытащили оружие.

— Кто это?

— Мы от Брайан Прайсона, — ответил женский голос. — Передадим, что нам сказали и уйдем.

— Впустите, — сказала я. — Немедленно.

Мужчина открыл дверь, и на пороге были несколько девушек. Они заносили букеты пионов, уже стоящих в вазах, и ставили в гостиной. Я была удивлена не только их цветами: красные, розовые, белые, бордовые, желтые и даже синие. Но и как этому мужчине удавалось быть настолько потрясающим? Как он смог достать их в это время года, и тем более за такое количество времени? Я подошла к первому букету и достала оттуда маленький конверт. Записка в нем заставила меня улыбнуться: «Я хотел извиниться, хотя и не сожалею. Решил прислать букет, но потом понял, что этого будет недостаточно».

— Ты пригласила меня на свидание? — спросил Кристофер, усмехаясь.

— В таком случае обращай к своему здравому смыслу, а не ко мне.

— Эмили, у тебя есть выходные?

— Сам знаешь, что в нашей работе нет выходных, — я посмотрела на охранников и покачала головой, усмехаясь. — Не обращай внимания, Прайсон совсем из ума выжил.

— Знаешь, ты сногшибательно выглядишь. Особенно сегодня.

— Не ограничивай мою красоту временем. Я всегда великолепна, — отмахнулась я, улыбаясь.

— Как Брайан? Соскучилась по нему в Нью-Хейвене?

— Откуда ты знаешь о Нью-Хейвене? — сделала я нам кофе.

— Это моя работа — все знать, Эмили.

— Я не буду обсуждать с тобой свою личную жизнь, — покачала я головой.

— Кем бы ты меня не считала, я не такой козел, как ты где-то внутри души обо мне думаешь. Я не буду досаждать женщине, сердце которой уже занято, и я правда хочу быть твоим даже если не другом, то не заклятым врагом. У нас бывают разные ситуации, и я думаю, что такие адвокаты, как мы, смогут найти общий язык.

— Ты такой...

— Очаровательный, сексуальный, красивый? — самодовольно улыбался Кристофер.

— Совсем не скромный, высокомерный, но так уж и быть, ты умный.

— Эмили, чисто гипотетически, будь ты не в отношениях с Брайаном, ты бы поцеловала меня? — спросил он так, чтобы его слышала только я.

— Я никогда не поцелую несимпатичного, неряшливого человека и адвоката.

— Ты же сама адвокат, — засмеялся Кристофер.

— Вот именно, — пожала я плечами, улыбаясь.

— Так почему ты решила, что преподавать не так уж и плохо?

— Решила попробовать себя как гений теоретики. Что для тебя счастье, Кристофер?

— Поздние звонки, искусство, еще я люблю театр, путешествия, мою работу, семью, друзей и собак. Как и ты.

— Точно, значит ты решил, что теперь мы родственные души?

— Рад, что ты это поняла.

— А о чем ты мечтаешь?

— О любимом хриплом голосе по утрам, — улыбнулся Кристофер. — Странно мы с тобой перешли от врагов к разговорам старых друзей.

— Наша жизнь коротка, — ответила я. — Поэтому нет смысла быть врагами с тем, с кем можно быть хорошими знакомыми. Кроме того, смотри сколько у меня цветов.

Мы говорили и смеялись, как вдруг я услышала знакомый голос за спиной.

— Какого черта?

— Привет, — улыбнулась я, подойдя к Брайану и шепча на ухо: — Веди себя прилично.

Я вернулась на место, и Брайан сел возле меня, угрожающе смотря на Кристофера, но тот и бровью не повел. Брайан словно видел угрозу в каждом, с кем я разговариваю, работаю или случайно соприкасаюсь в супермаркете.

— Брайан, это Кристофер Вайт, мой друг. Крис, это Брайан, — сказала я, смотря на них по очереди.

— Ее парень, — сказал он злобно.

Он поднес мою руку к губам и поцеловал костяшки пальцев. Потом перевел взгляд на

Кристофера, и они пожали руки друг другу.

— У вас замечательная девушка, — сказал Кристофер с улыбкой на лице.

— Я знаю.

Видя, что Брайан напряжен, я взяла его руку в свои ладони и стиснула. Смотря на него в такие моменты, мне всегда казалось, что злости в нем больше, чем крови. И сейчас я была все-таки не согласна с Джаспером. Он становился лучше со мной. Я могла удержать его и в нужный момент помочь выплеснуть злость наружу.

— Мистер Прайсон, если бы я узнал Эмили раньше вас, я бы сделал все, чтобы она была моей, — начал Кристофер. — Но сейчас она с вами, и если вы правда ее любите, сделайте все для того, чтобы дать ей то, что она хочет. Не ожидайте ничего взамен, она ведь женщина. А красивых и умных женщин не так уж и много в этом мире.

— Вы решили читать мне нотации? — хмыкнул Брайан, сжимая мою руку до боли в пальцах.

— Нет, — покачал Кристофер головой, застегивая пиджак. — Вы ее любовь, скорее всего, настоящая. Вы часть ее. И не ошибитесь, чтобы потом быть просто недействительной печатью в паспорте.

Мужчины словно разговаривали глазами, а после Кристофер передал мне кое-какие бумаги, встал с места и направился к выходу. Если честно, рядом со мной я никогда не видела адвоката как возлюбленного. Нет, я не говорю, что они плохие, совсем наоборот. Но если в семье один человек вечно связан с убийствами, криминалом и враньем, то двое — пытка, которая потом их погубит.

— Был рад увидеть тебя, Эмили.

— Спасибо тебе, — улыбнулась я, открывая дверь. — За все.

Когда Кристофер ушел, я посмотрела на Брайана пронзающим взглядом, при этом поедая глазами от любви.

— Ты смотрел на него, как бык на красное.

— А как я должен был на него смотреть? С чувством нежности?

— Не начинай. Он здорово меня выручил, и я имею право пообедать со своим другом.

— Эмили, я запер тебя в этом чертовом доме, чтобы ты была в безопасности, — взорвался он с места. — Как я должен защитить тебя, если ты сама не разрешаешь этого?

— Значит я слишком сложная, да? Так стань геем, будет проще.

Он смотрел на меня несколько секунд, а затем рассмеялся, проведя пятерней по своим волосам. Подойдя ко мне, сжал в объятьях, и мы пошли в комнату, когда охранники остались стоять в коридоре.

— Нет уж, — все еще смеялся мой мужчина. — С тобой гораздо интересней.

Мы сели возле камина, и Брайан обнял меня. Я вспомнила, как он раскрывал душу, и не только в словах, но и письмах, а я так давно не говорила ему важных слов. Слов, от которых у мужчин вырастают крылья.

— Спасибо за цветы, они потрясающие. Знаешь, ты мое падение с высоты. Ты мой страх, но я не боюсь ничего, когда ты рядом. Ты моя болезнь, но и лекарство в то же время. Не надо мне подвигов Геракла, просто люби меня. Верь мне, ведь я верю лишь тебе.

— Как же я сильно люблю тебя, Эмили. Будь со мной всегда.

Я целовала его и слышала лишь «я люблю тебя» в голове. Он пытается защитить меня, хоть и по большому счету, никакая опасность мне не грозит. Но я вижу его свет. Я верю этому мужчине больше всех на свете. Проблема женщин в том, что они все время пытаются

найти оправдание мужчине. Девушки, если мужчина и правда захочет, он не просто придет за вами, простит вас и купит ваши любимые пончики, ожидая под окнами несколько часов. Мужчина слетает на Луну и обратно, если вы важны для него. Если он этого не делает, то не тешьте себя иллюзиями «У него нет времени», «У него был тяжелый развод», «Он не может оставить своих детей, больную жену, книгу и любимый коврик». Если он не с вами, значит не хочет.

— Брайан, ты веришь мне?

— Ты все, во что я верю, — ответил он, целуя меня в шею. — Ты мой самый большой страх. И ты создала меня, когда внутри не осталось ровным счетом ничего.

— Как думаешь, какая самая большая глупость женщин?

— Они все время пытаются измениться и найти оправдание мужчине, с которым встречаются.

— И все?

— Нет, еще они недостаточно любят себя. По большому счету, каждая женщина идеальна, и чтобы она поняла это, нужно, чтобы рядом был правильный мужчина.

— Если вы думаете, что мужчина не обратил на вас внимания, то возьмите отрезок времени, за которое вы обратили внимание на него, и разделите пополам.

— Кто автор? — гладил он меня по волосам.

— Грег Берендт, но могли бы быть все женщины в период депрессии.

— Чтобы подбодрить мужчину?

— Чтобы подбодрить себя.

— А знаешь, к черту, — взорвался он с места, кружа меня. — Я не буду прятаться.

— Куда мы? — смеялась я.

— Помнишь, как сказала Роза из фильма, который вы, женщины, так любите?

— К звездам, — ответила я шепотом.

Брайан взял меня на руки и понес на крышу. Я улыбалась, держа его за шею, но все же опасалась каждого шага. Охота на монстров стала частью моей жизни, и не важно, что самый страшный монстр — моя душа и мысли.

Когда мы поднялись, я смотрела с изумлением на диван и пледы, лежащие на нем.

— Что думаешь? — спросил Брайан.

— Я бы поставила тут столик, — улыбнулась я, смотря на окно. — Кофемашину, чашечки и повесила ночники. Картины, цветы и свечи. И самое главное, чтобы звук горящего дерева в камине звучал тут зимой.

— Мне нравится, дорогая, — поставил Брайан меня на ноги. — Как же я по тебе скучал.

— Ты не извинился за то, что оставил меня дома.

— Потому что я не сожалею, Эмили.

— Так не может быть, Брайан.

— Я знаю, но не хочу подвергать тебя риску.

— Хорошо, давай завтра мы съездим на работу, решим все за один день и вернемся сюда, чтобы помаленьку делать это место домом?

— Но ты возьмешь с собой двоих охранников.

— Одного.

— Двоих, Эмили. Я люблю тебя.

— Ага, это пройдет, — похлопала я его по груди, подходя к окну.

Телефон Брайана зазвонил, и, поднимая трубку, он улыбнулся, передавая его мне.

— Я слушаю.

— Эмили, дай мне совет, — сказал Адам. — Я поругался с Донной. Седьмой раз за неделю.

— Мило, — улыбнулась я. — Я дам тебе единственный совет, Адам, мирись с Донной Картер как можно быстрее. Чем больше она думает, тем больше накручивает себе. И в итоге любая мелочь станет трагедией мирового масштаба.

— Включи громкоговоритель.

— Ладно, — посмотрела я на Брайана и сделала, как сказал Адам.

— Брайан, что ты делал, когда Эмили злилась?

— Я приносил пончики, — обнял меня Брайан. — И цветы.

— Приготовь ей что-нибудь, — сказала я. — И пригласи на ужин.

— Вы с ума сошли? — засмеялся Адам. — Я худший повар в мире.

— Значит научись, — сказал Брайан.

— Адам, я уважаю тебя, — отключила я громкоговоритель. — Но Донна — одна из самых важных людей в моей жизни. У нее разбито сердце, и, если она скажет мне врать тебе, я буду врать. Никто не смеет ее обидеть, но, если ты все-таки рискнешь, станешь моим самым заклятым врагом.

— Я рад, что у Донны есть ты, — сказал тихо Адам спустя несколько секунд молчания.

— У нас завтра важный день, — посмотрела я на Брайана, отдавая ему телефон.

— Я освобождаю тебя от работы.

— Ага, у меня обязанности как бы.

— Я медленно снимаю их с тебя, — подмигнул Брайан, на что я засмеялась. — Ты выглядишь чертовски возбуждающе в этом доме и рядом со мной.

***

Проснувшись утром, увидела, что Брайана уже не было. Я приняла душ и, стоя напротив зеркала, рассматривала себя. На моем теле были десятки следов от зубов, все тело болело, но самое дикое было то, что мне это нравилось. Брайан не был любовью с первого взгляда. Он как притяжение. Ты смотришь на него, но он не перестает держать, даже не касаясь. И все остальное теряет свое значение.

Я приехала в офис все-таки с двумя охранниками. Они остались возле двери, когда Тиффани, увидев меня, бросилась обнимать.

— Ты это сделала, — улыбнулась она. — Ты бросила это обучение и приехала к тому, что ты и правда умеешь.

— Что я умею? — направила я в свой кабинет.

— Убивать словом.

— Не всегда можно делать то, что хочешь, — села я на свой стул. — Боже, как я скучала.

— Ты можешь делать то, что хочешь, ты ведь Эмили Харисон.

— Нет, я не свободна. Я от многого зависима. Не могу выйти из себя, не могу плакать или утратить самоконтроль.

— Ты отказалась от жизни. Ты самый несвободный человек, которого я знаю. Хотя мы живем в свободное время.

— Знаешь, быть Эмили Харисон никогда не было моей лучшей стороной.

— Что же может быть лучше этого? — в непонимании спросила девушка.

— Может быть когда-нибудь моей лучшей стороной будет Эмили Прайсон.

— Черт возьми, ты серьезно? — вскрикнула она. — Ты же не хотела замуж никогда.

— Нет, я поняла, что не хотела замуж за мужчин, которых встречала. В замужестве нет ничего плохого. Он будет рядом со мной, и я поняла это. Я поняла, что хочу именно с Брайаном провести свою жизнь в доме, который напоминает замок.

Я улыбнулась, а Тиффани достала из шкафчика виски и бокалы, наполняя их.

— Никогда не думала, что, черт возьми, услышу это.

— Как работа?

— Фирма Векслера подала апелляцию, хотят обжаловать приговор.

— Не обжалуют, — покачала я головой. — Они тупые.

— Блин, — засмеялась она. — Не могу поверить. Вокруг столько непристроенных мужиков, и, кажется, теперь на одного стало меньше.

Уведомление поступило мне на почту, и, открыв письмо, я увидела фото Брайана с Синди, которая целовала его. Я разозлилась. Я ревновала. Впервые в жизни меня взбесила женщина, стоящая рядом с ним. Нет, он не смотрел на нее с обожанием, но притрагивался к ней. И только теперь я поняла слова, о которых он мне говорил. Только теперь я поняла, что ревность — неотъемлемая часть любви.

— Тиффани, если ты выдержишь еще эти месяцы, я сделаю тебя своим партнером, — поднялась я с места, направляясь к выходу.

— Ты серьезно? — чуть слышно спросила она.

— Ты заслужила это.

Я направилась к черному выходу и со скоростью ветра вышла из здания, направляясь в офис Брайана. Он был всего в пару кварталах от сюда. Невозможно прожить жизнь, ни разу не испытав боли. У всех свои секреты, но я не смирюсь с секретами Брайана, как и он с моими. Любить кого-то — значит поддерживать, даже если тебе страшно. И я готова поддержать его, выслушать, но что, черт возьми, значит все это? Раньше я бы даже с кресла не встала, чтобы пойти к мужчине и выяснять отношения, но только не сейчас. Я изменилась. Ничто не вечно, как и наши приоритеты. Чтобы построить что-то новое, нужно поставить точку на старом. Ничего не поделаешь, такова цена вселенной. Но жизнь — игра, и у нас нет другого выхода, как играть. И к счастью, мы не обязаны делать это в одиночку.

Когда я пришла в офис, место Синди было свободно. Я постучала в кабинет Брайана и распахнула ее, когда никакого ответа не последовало. Брайан поднял на меня свои глаза, смотря уставшим взглядом.

— Брайан, — вошла я в кабинет.

Я видела вену, пульсирующую на его виске, и противоречивые чувства в глазах. Синди сидела на столе, а я метала молнии, просто смотря на нее. Обычно, когда он смотрел на меня, я видела лишь обожание. Восхищение. Я повелевала его сердцем, как и он моим. Но по сути ничего не изменилось. С ним дальше работали девушки, как и раньше, просто теперь я стала их замечать. И он до сих пор отчаянно хотел, чтобы я верила ему при любых обстоятельствах.

— Я слышала о вас столько хорошего, мисс Харисон, — сказала девушка, улыбаясь.

— Странно, — положила я клатч на стол. — Потому что я полная стерва.

— Синди, выйди, — сказал Брайан, смотря на меня.

Брайан достал виски, налил в бокал и осушил его залпом. Я наблюдала за ним, но его лицо не выражало никаких эмоций. Я не хотела с ним воевать, особенно сейчас.

— Что случилось, Брайан? — спросила я. — Что, черт возьми, происходит? Я понимаю, что сделала тебе больно, и я виновата, — подходила я ближе. — Я пытаюсь убежать от реальности, но хотела просто защитить тебя.

— Что ты вообще несешь, Эмили? — перебил меня Брайан. — Знаешь, почему я ушел на работу? Я люблю тебя так сильно, что, черт возьми, схожу с ума от мысли, что ты врала мне!

— Слушай, ты можешь меня простить или проститься. Если хочешь, я исчезну, но я не смогу больше жить как раньше. Ты изменил меня. И я еще больше люблю тебя, понимая, что ты приехал за мной, где бы я не была. Но чего ты ожидал от меня? Что я буду стоять в стороне и смотреть, как ты снова решаешь все в одиночку?

Я направилась к выходу, и как только моя рука достигла ручки, он схватил меня, притягивая к себе.

— Ты права, тебя невозможно не любить, — прошептал Брайан мне в волосы. — Ты думаешь, я не пытался? Я так хотел, чтобы боль прошла, но чем сильнее я старался, тем больше понимал, что это бесполезно. Ты засела, как клещ, в моем сердце, и тебя не убрать оттуда. — Я сильно обняла его. Долго не думая, Брайан сжал меня в ответ, вдыхая аромат моих волос. — Но какой в этом смысл, Эмили? Если будут трудности, ты не придешь ко мне, не поговоришь, а просто убежишь. Снова. Оставив меня, медленно доводя до безумия. Ты сломала меня в тот момент, когда уехала, а когда сказала, что тебе нужно время, убила. Ты не представляешь, как я каждый день вставал с кровати, понимая, что тебя снова не будет рядом. Не будет твоего смеха, запаха, глаз, что, черт возьми, мне некому готовить кофе по утрам. Что я сделал не так? Где я облажался?

— Ты делал все идеально, — ответила я. — Прости меня, Брайан. Ты лучшее, что есть в моей жизни.

Дверь открылась, и Синди наставила на меня пистолет.

— отошла от него и стала возле стены, — сказала она ледяным голосом. — А ты к другой стене. И руки держите на виду.

— Синди, опусти оружие, — сжал Брайан мою руку. — Ты ведь понимаешь, что нас двое, и я сильнее.

— С чего ты взял, что она одна? — спросил мужской голос. И когда я перевела взгляд, увидела Эммета Скотта.

— Что ты хочешь, Синди? — спросила я, пытаюсь увидеть хоть что-то, кроме ненависти.

— У меня есть мозги, — закричала она. — Но я редко ими пользуюсь, так как люди, еще не зная меня, уже делают выводы. Вас я думала не трогать, пока не узнала, что вы знали обо всем.

— О чем? — спросила я.

— Смерть Ариана. Ты, ублюдок, убил его, — слезы текли из ее глаз, и она с ненавистью смотрела на Брайана.

Затем Синди выстрелила в ногу моему мужчине, и он зарычал от боли. Я подбежала к ней, пытаюсь вырвать пистолет, но Эммет ударил меня по лицу. Брайан поднялся с земли, корчась от боли, и замахнулся кулаком по челюсти Эммета, пытаюсь его свалить на землю. Синди снова выстрелила, но на этот раз в пол.

— Отойди от него, — закричала она. — Умная Эмили, видимо ты не всегда видишь людей насквозь.

Брайан стоял передо мной, пытаюсь закрыть своим телом.

— Брайан, у тебя есть пистолет? — прошептала я, и он кивнул. — Тебе нужно перевязать рану.

— Да, Эмили, нужно, — засмеялся Эммет. — Но ты особо бежать не сможешь. Ты когда-нибудь будешь в кроссовках, а не на каблуках?

— Да. На твоих похоронах.

Брайан схватил меня за руку, и мы спрятались за конференц-стол. Жизнь — игра, как я и говорила ранее. Но я не согласна проиграть ее с самого начала. Я слишком сильно любила человека, находящегося рядом. Но по сути поняла, что не только я, а все вокруг притворяются. Все хранят тайны и секреты, ожидая того дня, когда они смогут выйти наружу. Но что сделано, то сделано. Какой смысл смотреть назад?

— Какой пароль от сейфа? — смотрела я с ужасом на окровавленную ногу.

— Ты не достанешь его, — прорычал он. — Они могут сделать тебе больно.

— Прайсон, или ты скажешь мне пароль, или я буду угадывать, стоя у них на прицеле.

— Числа твоего рождения, начиная с дня.

Я знала, что они подойдут к нам, и мы оба умрем, хотя до сих пор и не понимала, какое дело им до Форстмана.

— Я слишком сложная натура, Эмили, — слышала я насмешку в голосе Скотта.

— Ты не сложная натура, — крикнула я. — Ты циник, лжец и конченный мудака. Ты как мозаика из двоих фрагментов.

Я бросила все вещи со стола, пытаюсь отвлечь, и поднялась к сейфу, который был над нами, вводя пароль.

— Эмили, не делай этого, — прорычал Эммет. — Не заставляй делать тебе больно.

— Пошел ты! — крикнула я, доставая пистолет и бросая его Брайану.

Он улыбнулся, ловя его, и выстрелил в сторону выхода. Жизнь продолжается, что бы не происходило. В эту самую секунду она двигается дальше, и не так уж плоха, если о ней так не думать. За все в жизни приходится платить, и судя по всему, сейчас моя расплата.

— Синди, — крикнула я. — За что ты злишься?

— Я не злюсь, Эмили. Я мщу.

— Ты бы вернулась, если бы я не забрал тебя силой? — спросил Брайан у меня, снова стреляя.

— Слушай, — посмотрела я на него, забирая пистолет. — Я понимаю, что жизнь — это диалог, а разговаривать — моя профессия. Но не сейчас, Брайан.

— Где ты научилась стрелять? — смотрел он на меня, корчась от боли. — Мне нравится, что ты не плетешься, как собачонка, за мной. Ты всегда идешь рядом, не потакая во всем.

— Брайан, они нас убьют.

— Я не позволю тебе умереть от пули, — прорычал он. — Но я не хочу их убивать. Я боюсь, что ты...

— Не разочаруюсь в тебе, — договорила я, дотрагиваясь пальцем к его губам, который он поцеловал. — Я хочу проживать свою жизнь вместе с тобой. Носить твоих детей, утром пить кофе на веранде, а ночью заниматься грязным сексом и периодически любовью. Поэтому да, я выбираю наши жизни.

Брайан отобрал у меня пистолет и выстрелил, после чего я услышала крик Скотта.

— Сукин ты сын! Ты ранил меня!

— Боже, Эмили, как же я люблю тебя, — взял он мое лицо в ладони, одаривая краткими поцелуями. — Я никогда не сделаю тебе больно. И я клянусь, что твои опасения — это всего лишь опасения без надежды на реальность. Я не переживу, если ты будешь несчастна со мной. Твои желания, мечты, предпочтения и все в тебе важнее всего в этом мире. Важнее, чем другие. Важнее, чем мои собственные. Кроме того, я люблю иметь власть над тобой.

— А я люблю тебе подчиняться, — ответила я, смотря на открытый сейф.

— Что ты собираешься делать? — спросил он, качая головой.

— То, что тебе не понравится, — снова поднялась я к сейфу за патронами.

— Ты ненормальная! — закричал он, стреляя. — Нужно вызвать полицию.

— Только у меня две ноги. Нужно достать мою сумочку.

— И как же ты это сделаешь?

— Прикрой меня, — сказала я, смотря на него. — Пожалуйста, рань Скотта.

— Эмили...

— Я никогда никого не боялась, Прайсон. И сейчас не буду.

Брайан качнул головой, понимая, что это наш единственный выход. Он стрелял, и Эммет упал на пол. Я подбежала к своему клатчу и бросила его Брайану. Затем выбила пистолет из рук Синди, направляя его на нее.

— Я вас убью, если он умрет, — закричала девушка. — Твой отец любил тебя, и он хотел оставить все это тебе и уехать со мной. Но ты убил его, затем продал большую половину заработанного им и возомнил себя большим начальником!

Синди кричала, а я подошла к Брайану, чтобы помочь ему встать. Я все еще держала ее на прицеле и, когда Скотт попытался подняться, выстрелила ему в ногу.

— Это за еще один шрам, кретин.

Брайан сидел на диване в приемной, и я смотрела на рану, которая кровоточила. Мы закрыли дверь в кабинет, и я чертовски нервничала. Я взяла в руки его лицо, не отводя взгляд.

— Не отключайся, пожалуйста, — смотрела я на него. — У нас все будет хорошо. Большая семья и прекрасные дети. И не потому что Эмили Харисон их мать, как все говорят.

а потому что Брайан Прайсон будет их отцом.

Затем все было, как в замедленной съемке. Я слышала вой сирен, и Брайан достал кольцо с кармана.

— Я каждый день его носил с собой, — улыбнулся он.

— Брайан, сейчас не самое подходящее время.

— Знаю, — покачал он головой. — Знаю, что в нас стреляли. Знаю, что ты работаешь на Максфилда. Знаю, что ты бросишься за меня в огонь и воду. Знаю, что, несмотря на твою любовь ко мне, ты никогда не будешь мне принадлежать. И еще я знаю, что не хочу прожить эту жизнь без тебя. И этого достаточно, чтобы послать все к черту, услышав от тебя «да» здесь и сейчас.

Кольцо было из белого золота. Филигрань короны сверху, которая держала квадратный рубин. Гравировка слов «Always» с обратной стороны вызвала во мне бурю эмоций. В такие моменты ты понимаешь, что не существует ничего более реального. Ты словно видишь человека изнутри, осознавая, что на самом деле его сердце вблизи далеко от представления.

— Я дам тебе все. Весь мир положу к твоим ногам. А если чего-то будет не хватать, все равно достану и подарю тебе.

— Это кольцо... — прошептала я.

— Оно создано, чтобы ты носила его.

Я покачала головой, и слеза скатилась по моей щеке. Брайан вытер ее подушечками пальцев, и я вспомнила свои дни без этого человека рядом. Словно каждая косточка в моем теле была поломана. Я не хотела больше просыпаться по утрам. Но в один момент ты понимаешь, что уже после первых слов «Я люблю тебя» вы несете ответственность за этого человека. Мы как палач и жертва — не существуете друг без друга.

— Хочешь снова отказаться от моего предложения? — покачал он головой. — Впрочем, я больше не разрешу тебе это сделать.

— Да, — прошептала я, улыбаясь сквозь слезы.

— Да?

— Да.

Я сильно сжала Брайана в объятьях, позволяя ему надеть мне кольцо. Нет границ, кроме тех, которые мы сами себе устанавливаем. По большому счету, всем плевать как мы живем и кого любим. Не спешите. Не торопите жизнь. Сегодня всегда будет только сегодня, а завтра наступит только завтра. И когда-нибудь с этим самым кольцом на пальце я проснусь в квартире рядом с тем же мужчиной, вдохну незнакомый воздух и напишу книгу о самой счастливой женщине на свете.

— Скажи, что будешь со мной всегда, Эмили. Что не уйдешь больше. Скажи это.

— Я с тобой. Я не уйду. Я слишком сильно люблю тебя.

Я обнимала Брайана, когда он взял пистолет и выстрелил в кого-то за моей спиной. Я обернулась на уже лежащего Эммета на полу. Он откашливал кровью, а Брайан встал, подошел к нему и ударил кулаком по лицу. Он был в ярости, и я все еще не понимала, как он до сих пор двигается.

— Это тебе за то, что поднял руку на мою женщину, кусок дерьма.

Затем снова выстрелил ему в голову. Кровь забрызгала пол, и я не могла пошевелиться. Я понимаю, что человека меняет работа и образ жизни. Еще я понимаю, что люблю его, какой он есть. Мы отличались выражением эмоций. Я приводила людей в ярость и страх словами, а Брайан — силой. Он избивал Скотта кулаками, и даже зная, что тот мертв, не мог

остановиться. Я потянулась к Брайану, отрывая его от тела на полу. Синди плакала, сидя возле входа в кабинет, и когда приехала полиция, все покинули здание, направляясь кто в участок, кто в морг, а кто в больницу.

Я находилась в больничном коридоре, так как меня не пускали к Брайану. Прокручивая свое обручальное кольцо на пальце, я задумалась о будущем. Я всегда искала надежного мужчину, а не сумасшедшую любовь, может в этом и есть моя проблема? Мужчины по своей природе собственники и считают, что они обязаны защищать свою женщину даже от самой себя. Но они столько веков живут с нами и до сих пор не усвоили, что мы защищаем их больше, чем они нас. Мы сдерживаем их, направляем, помогаем, любим и с каждым днем поддерживаем силу духа. Сила нужна только для того, чтобы быть искренним к другому человеку. Идите наперекор судьбе, наперекор морали других и наперекор всему, что может помешать вам быть счастливым.

Я встала с кресла собираясь без разрешения войти в палату, когда двери открылись, и вышел доктор. Он кивнул мне, позволяя войти. Брайан лежал на кровати и смотрел в одну точку перед собой.

— Это было неправильно, — сказал он.

Мы были грязные, потные и уставшие не только физически. Этот час забрал у нас несколько лет жизни.

— А теперь будет правильно, если ты примиришься с тем, что произошло, и поцелуешь меня, — сказала я, присев напротив него.

— Ты так уверена в этом?

— Да, а значит смогу убедить и тебя. Мысль о том, что мы все сможем пережить, пришла ко мне только сегодня. Внутри было место пустоте, но мы справились, Брайан.

— Я больше не отпущу тебя, Эмили, ты понимаешь это? — притянул он меня к себе, вдыхая запах моих волос.

— Я больше не уеду.

Страсть, упрямство, защита, надежность, боль, радость, объятия, поцелуи, кровь, биение сердца, отчаянье, нежность — это всё наше, это наша любовь. Я скучаю по нему даже во сне, наконец-то принимая свою жизнь. И в конце концов, когда Брайан уснул, я просидела возле его кровати всю ночь. Я держала его за руку, и утром Адам, разбудив меня, отправил домой немного поспать.

— Доктор все равно сказал, что у него в организме много успокоительного, так что иди.

— Да, — ответила я растерянно, целуя Брайана в щеку. — Позвони мне сразу, как только он проснется. Смотри за ним. И как только...

— Эм, — перебил меня Адам. — Он справится. Он сильный. Кроме того, Лидия сейчас придет.

— Похоже, все еще впереди, — улыбнулась я измучено.

— Знаешь, Эмили, в тебе очень много положительных качеств, и еще большой плюс того, что ты не скована, но хуже другое — в тебе нет тормозов, если ты что-то решила. Он сможет убить ради тебя, но не надо вдохновлять его на подвиги. Если бы с ним что-нибудь случилось, ты бы пережила. Ты бы справилась, пусть и не сразу. Но его сестра не выдержит. Лидия не сможет жить без него.

В этот момент я поняла, сколько причинила ему боли. Я хотела, чтобы мной жили, восторгались, но этого ведь хотят все люди. Я самая эгоистичная женщина на свете. Что было бы, если Скотт попал бы не в ногу, а в сердце или голову? Как бы я жила дальше? Как

бы люди, которые любят его, смогли жить вообще? Приехав домой, я уснула на диване. Кровать — это наше место с Брайаном. Оно, как клеймо, которое я не заслуживаю после того, что ему пришлось пережить из-за меня.

Проснувшись, я взглянула на телефон и увидела много пропущенных. Как только я собиралась позвонить Адаму, в дверь постучали.

— Эмили Харисон, это Фрэнк.

Я открыла дверь и удивилась, смотря на мужчину, который научил меня стрелять.

— Входите.

— Неплохо для адвоката, — вошел он в квартиру, осматриваясь.

— Вы на что-то намекаете?

— Не слишком роскошно?

— Вы сами сказали, я адвокат. Чем обязана вашему визиту?

— А агент ФБР, мисс Харисон. Точнее сказать, я тот, кто спас вашего возлюбленного от тюрьмы однажды.

— Вы брат его матери, — прошли мы на кухню. — Выпьете чего-нибудь?

— Нет, я по делу. Вы понимаете, что Брайан убил человека?

— Это была самозащита.

— Это не доказано.

— Вы пытаетесь обвинить его в чем-то? — смотрела я на него в упор.

— Нет, я пытаюсь привлечь ваше внимание. Так уж случилось, что вам стал равнодушен человек, которого я хочу посадить. И если вы хотите спасти его шкуру, придется пожертвовать своей.

— Чего вы хотите Фрэнк, денег?

— Нет.

— Статус?

— Снова мимо.

— Если жену, то я вам не помощник.

— Эмили.

— Неужели моего первенца?

— У вас хорошее чувство юмора, мисс Харисон.

— Я адвокат. У меня его нет, в принципе, как и сердца. Эти вещи отбирают при вступлении на юридический.

После того, как Фрэнк выдвинул свои требования, я выгнала его за дверь, взяла бутылку виски и сидела в полной тишине какое-то время. В целом моя жизнь совершенно не изменилась. Я дальше просыпалась по утрам и завтракала, не открывая холодильник. Принимала душ, понимая, что стояла там несколько часов назад, когда было за полночь, думая о том же, о чем и сейчас. Затем заводила машину и уезжала на работу. Но после встречи с женщиной жизнь стала похожа на изысканную болезнь. Время проходило, но по большому счету, ничего не менялось. Я уезжала на работу, но только теперь я заводила сперва не автомобиль, а лежащего рядом человека.

В дверь снова позвонили, и я решила не открывать, кто бы то ни был. Но спустя несколько минут увидела Донну с ключом в руке.

— Я заберу его у тебя, — сказала я, смотря на нее.

— Эмили, ты в порядке?

— Все отлично.

— Ты пьяна?

— У меня частная вечеринка. Приглашена, кстати, только я.

Донна подошла ко мне и забрала бутылку, закручивая ее. Подала мне руку, заставив подняться. Я снова видела в этой девушке её — человека, который был моей совестью долгие годы. Она могла разговаривать часами обо всем на свете. О драмах с парнями, сплетнях, работе и мировых новостях. Даже когда я ничего не отвечала, Донна все равно продолжала говорить. Это был особенный дар. Дар подарен только ей.

— Поднимай свою задницу и делай что-то с проблемой, которая возникла, — не отводила она взгляд. — Ты, черт возьми, Эмили Харисон.

— Мне надоело видеть, как это имя внушает страх.

— Когда ты влюблена, это видно. Любовь меняет нас, Эм. Ты уверена в любви к Брайану?

— Да, — направились мы на кухню, и Донна открыла холодильник.

— Была уверена с самого начала?

— Не знаю. Я знаю, что хочу лишь его. Это как наваждение. Знаю, что хочу видеть лишь себя рядом с ним.

— Тогда возьми себя в руки и не тянись за бутылкой. Ты превратилась из фарфора в сталь за определенные года своей работы. Ты — это смесь чистой нежности к близким и величайшей силы против врагов.

— Мне нужно в душ, — прошептала я, поднимаясь с места. — Сделай кофе.

— Нет уж, дорогая. Я приготовлю еду, а потом мы поедим в больницу, и ты будешь решать проблемы по мере их поступления.

Я приняла душ, оделась, сделала легкий макияж и, выйдя с ванной, увидела, что Донна приготовила макароны с сыром. Мы ели в полной тишине. Каждый думал о своем, и я поняла, что именно Брайан превратил мою жизнь в мечту, а эту мечту в книгу, которую я пишу.

— Эмили, терпи, — сказала Донна по пути в больницу. — Все достойные женщины до тебя терпели.

— Ты считаешь меня достойной?

— Ты самая достойная.

— Может, надо было послушать тебя? — прошептала я, смотря на Донну за рулем моей машины. — Может, я ему совсем не подхожу? У него от меня одни беды.

— Нет, никогда не слушай меня. Я ничего не смыслю в отношении. Знаешь, какое твое самое яркое достоинство?

— Какое? — чуть улыбнулась я.

— Ты умеешь любить. Ты красива, как твоя мать, и умна, как отец. Ты не имеешь права упасть.

Мы приехали в место назначения, и Адам встретил нас, удивленно поглядывая на Донну.

— Майколсон, перестать так смотреть на меня. Я тут ради Эмили, и, если они поженились, мы станем семьей, — вошли мы в палату.

— Что значит если? — пробормотал Брайан, открывая глаза.

Я взяла его за руку, целуя ладонь. Близость. Разве она только в сексе? Сейчас я была дома. Рядом с Брайаном мой дом будет, где угодно, но также я находилась в Нью-Йорке. Город, который поможет мне, когда будет чувствовать, что пора. Нью-Йорк — это эмоции.

— Я выйду за тебя, — ответила я. — Оставьте нас наедине.

— Зря ты это сказала, — улыбнулся мой мужчина. — Сейчас там будет больше крови, чем от моей раны.

— Я люблю тебя, — приподнялась я с кресла, нежно касаясь своими губами его. — Я очень люблю тебя.

— Эмили, что случилось? — смотрел на меня Брайан зелеными глазами. — Давай же, просто скажи и не убегай. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

— Брайан, пожалуйста, позволь мне хоть раз защитить тебя.

— Мне уже не нравится начало.

— Как ты себя чувствуешь? — помогла я ему сесть и налила стакан воды.

— Потрясающе, — сжал он мою руку. — Не понимаю, зачем они меня тут держат.

— Брайан, пуля прошла насквозь, если ты забыл.

— Поверь, дорогая, этих ощущений я не забуду. Ведь потом я давил на жалость, и ты согласилась стать моей женой.

— Женись на мне сегодня, — села я на больничную кровать, обнимая Брайана за плечи. — Сегодня вечером.

— Что?

— Ко мне приходил Фрэнк.

— Откуда ты знаешь его?

— Он учил меня стрелять, но я не знала, что он такой мудака.

— Он — моя кровь, ты все еще уверена, что хочешь выйти за меня? — улыбнулся Брайан, но улыбка не коснулась его глаз. — Ты не о такой свадьбе мечтала, Эмили.

— Брайан, мы не будем жертвами. Жертва — это утрата контроля над ситуацией. Я же, потерпев неудачу, смирюсь с ней только в гробу.

— Ты сможешь меня простить за утрату свадьбы, которую всегда хотела?

— Я прощу тебе все, где причиной твоих поступков буду я. Где я буду целью, мотивом и желанием. Потом мы отпразднуем этот день со своей семьей, где захотим. Я не буду защищать эту девушку, просто не хочу.

— Так он хочет, чтобы ты сделала это назло мне? Своими руками засадила меня за решетку, понимая, что твои самые примитивные вопросы укажут на меня?

— Нет, они укажут на нас, Брайан. Давай сделаем это, черт возьми. Я лучше потеряю идеальную свадьбу, чем тебя.

— Я сделаю все, что захочешь, просто скажи, что все еще любишь меня, — поцеловал он мою ладонь, смотря на кольцо.

— Я люблю тебя. Люблю.

— Эмили, как мы назовем нашу дочь? — спросил он, улыбаясь мне в губы.

— Она еще не родилась, а ты уже сходишь с ума, — засмеялась я. — Знаешь, пока ты в больнице, нужно нанять людей для ремонта. Я уеду на пару часов и потом снова буду тут с тобой. А ты за это время напиши для меня письмо.

— Какое письмо? — нахмурился Брайан.

— Не знаю. Напиши мне что-нибудь. А я буду читать эти слова год за годом, жизнь за жизнью, а после положу на свое сердце, не открывая его больше никому.

В конце концов, мы упускаем не только день из нашей жизни, думая, что потом наверстаем. Порой мы упускаем целую жизнь, прикрываясь этой мыслью. Я помню, как сидела в компании подруг и была единственной, кто был без пары. Пусть девушки и

пережили гораздо больше, чем я, но я никогда не позволяла себя быть рядом с кем-то. Или кому-то рядом со мной. Я всю жизнь убегала, но не от отношений. Я поняла, что убегала от самой себя, ну а потом в моей жизни появился Брайан, и мне захотелось сидеть с ним в тишине и держаться за руки.

— Эмили, ты серьезно? — смотрела на меня Донна. — Что подумают остальные?

— Мне плевать, — заводила я мотор машины. — Все мои поступки, какими бы они не были — моя жизнь. А он ее часть. Я люблю свою жизнь, Ди. Я полюбила ее так сильно после встречи с Брайаном. И буду жить, как хочу я, а не другие.

— Тогда я организую сегодняшний вечер, — сказал Адам, переводя взгляд с меня на Донну. — Дай мне свой телефон.

— Ты с ума сошел, Майколсон? — засмеялась подруга. — Эмили, звони.

— Эмили едет в новый дом. Ну же, Картер. Я не покусаю тебя через телефонную трубку.

Донна передала Адаму телефон, закатив глаза, а тот улыбался, вводя цифры на экране.

— Я записал тебе свой номер, и каждый раз, когда я буду звонить, ты будешь думать, какой я потрясающий.

— Или какой ты козел.

Я улыбалась, наблюдая за их перепалкой. Сердце Донны оставалось при ней, а все остальное меня не интересовало. В Нью-Йорке сегодня была ужасная метель, и на улицах почти не было людей. Дома, лужайки, лающие собаки. Было слишком спокойно. В определенное время я перестала искать тишину и одиночество. Я стала принимать каждое сумасшедшее мгновение, благодаря небеса, что они уже есть у меня в памяти.

Я подвезла Адама к его дому, и мы договорились встретиться через пять часов.

— Эмили, она больше не хочет идти в другой ресторан? — засмеялась подруга.

— Я бы трахнула Брайана сейчас даже на полке для обуви.

— Какой кошмар, — откинула она голову. — Я думала, ты будешь последней, кто выйдет замуж из нас шестерых.

— Возможно, мужчины не так плохи, как я думала. Точнее, я так думала, пока не встретила действительно мужчину.

— Я рада за тебя, Эм. Я звоню тяжелой артиллерии.

Донна позвала всех подруг ко мне, и когда мы вышли из машины, все было засыпано снегом вплоть до порога.

— Я поняла, для чего тебе нужен Брайан, — открывала дверь Донна. — Чтобы снег откапывать, пока ты обуваешь туфли.

— Да, — засмеялась я. — Только поэтому и выхожу за него замуж.

— Знаешь, странно, но, когда Адам дотронулся до меня, у меня мурашки по телу пробежали.

— Просто поразительный ток, — улыбалась я. — Я заметила это.

— Да уж, нужно держаться подальше от электричества.

Мы прошли в спальню, и я достала белое платье из шкафа, которое купила в Авеню. Я смотрела на себя в зеркало, когда все мои подруги вошли.

— Черт возьми, Эм, — слышала я голос Стейси. — Ты восхитительна.

Я подняла на них глаза и улыбнулась, вытирая слезы, которые стекали по щекам. Они всегда будут со мной. Я чувствую это. Ведь мы любим друг друга, несмотря ни на что. Даже когда я думала, что весь мир был фальшью, лишь они всегда говорили правду. Нет идеальной

жизни, но есть идеальные моменты и идеальные люди.

С этими девушками я свободна в эмоциях, желаниях и чувствах. Можно сказать, что я счастливейший человек во вселенной.

— Я выхожу замуж, — прошептала я. — Можете в это поверить?

— Но почему в больнице, милая? — обняла меня Ева.

— Брайан раньше работал в ФБР, и из-за убийства Скотта его хотят посадить. Егс бывший босс, дядя Фрэнк, хочет, чтобы я представляла Синди, и он уверен, что у меня нет выбора. А если Брайан будет моим мужем, то благодаря Пятой поправке Конституции я своими руками не засажу его.

— Фрэнк? — в непонимании спросила Стейси.

— Ты с ним знакома?

— Нет, — прошла Стейси в комнату. — Просто слышала.

— Ладно, это все не важно, — вникла Долорес. — Нужно готовится к свадьбе, пусть даже больничной.

— Адам все устроит, — ответила я. — Вы мне нужны там.

— Мы будем, — сказала Эбби. — Мы будем с тобой в каждом эпизоде.

Мы все отправилась в салон красоты, прихватив с собой лишь улыбки. Нам делали маникюр и прически, а мы смеялись, наслаждаясь моментом.

— Я вчера ходила на свидание, — сказала Ева.

— Можете сделать всем нам холодного чая? — посмотрела я на администратора. — Спасибо.

— Я хочу знать все, — слышала я улыбку в голосе Стейси. — Куда вы ходили, что ели и чем занимались, особенно в конце.

— Ходили в бильярд и ели куриные крылышки.

— Какой ужас, — засмеялась Эбби. — Надеюсь, он наверстал упущенное в постели после такого провального свидания?

— Мы даже не целовались.

— Значит свидание прошло хуже некуда, так получается? — посмотрела я на подругу в воображаемом ужасе.

— Выходит, что так, — засмеялась Донна. — В конце он должен был оттрахать тебя так, чтобы ты три дня не могла ходить. А когда ты все-таки решила бы сбежать от него утром, он бы притянул тебя к себе, сказав: «Ты снова одета и снова собираешься уйти?»

Все засмеялись, и Ева лишь качала головой. Мой телефон зазвонил, и я увидела фото Адама на экране.

— Я слушаю.

— Какую музыку ты предпочитаешь?

— Спроси Брайана.

— Он сказал, что твои стоны, — улыбнулся друг. — Извини, я думаю это неприлично.

— Я думаю Kelly Clarkson — Beautiful Disaster отлично подойдет.

— Хорошо. Он ждет тебя в белом.

— А я его без очередной раны.

— Ничего не обещаю, сестренка, — засмеялся Адам, и я бросила трубку.

Я тону в нем. Я тону в нас. Утопаю в нашей жизни и мечтах. Я сейчас совершенная противоположность той, которую знаю. Это проклятие и блаженство — любить. Но если вдруг я перестану это чувствовать хоть на мгновение, мир рухнет. Я не знаю, что будет

после, но сейчас все поистине прекрасно. Мы — это правильно. Он волшебство и миф. Трагедия с прекрасным концом и бесконечным бедствием. Но так трудно винить его в моем счастье, так пусть держит меня покрепче. Я жажду любви и логичности в то же время. Этот человек — прекрасная истерика. Его всегда мало. И он гораздо большее счастье, чем я могу вынести.

— Долорес, — обратилась к ней Стейси. — Ты пользуешься помадой и той палитрой консилеров, которые мы купили?

— Нет, я как проститутка выгляжу.

— Я знаю. Может хоть мужика заведешь, так что ты пользуешься?

— У меня бывает иногда секс. Просто каждый раз мне приходится врать мужчинам, что они великолепны и что так хорошо мне еще не было.

— А ты ломай систему, подруга, — улыбнулась я. — Скажи, что так плохо, как с ним, тебе еще никогда не было.

— Кстати, да, — расплачивалась Эбби, когда мы выходили из салона. — Я читала в журнале, что тридцать лет — это максимальный возраст, когда женщина доходит до пика своей красоты. Так вот посмотрите на нас, и по большому счету, это максимум, что мы смогли выжать.

— От этого становится страшно, — засмеялась Донна. — Замуж нужно было выходить до двадцати пяти. Потому что только тогда мы молоды, глупы и все еще влюблены в свою жизнь.

Подруги смеялись, и мы направились в больницу. Я взяла телефон и нажала на вызов, смотря на фотографию брата.

— Привет, Эмили.

— Привет, — улыбнулась я. — Как ты?

— Все в порядке. Кажется, мне понравилась девушка.

— Блондинка или брюнетка?

— Брюнетка. Дашь совет?

— Слушай, помогай, дари подарки, обнимай, заботься и будь рядом. Запомни, Макс, если не будет тебя, будет кто-то другой. А ты заслуживаешь, чтобы быть рядом с женщиной, которую любишь.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?

— Я выхожу замуж за Брайана. Сейчас. В больнице. И я сожалею, что тебя нет тут.

— Я тоже, — слышала я разочарование в его голосе. — Почему?

— Ему грозит опасность, и я хочу его защитить.

— Знаешь, пока я был с тобой в Нью-Йорке, то осознал одну важную вещь: благодаря семье, созданной вами там, стоит начать бой с кем-то одним из вас, как начинается война со всеми.

— Так и есть. И ты всегда будешь ее частью. Макс, ты — мое самое радостное мгновение в жизни.

— Я знаю, Эм. Я тоже люблю тебя. Я так понимаю, родители не должны об этом знать?

— Ты правильно понимаешь.

Это была почти идеальная свадьба. Никаких камер и посторонних людей. Не хватало только моих родителей и Макса. Наши друзья стояли рядом с нами и улыбались. Мои волосы были подобраны в прическу в греческом стиле, и я улыбнулась, войдя в палату, смотря на реакцию Брайна. Ему было больно ходить, но он все равно подошел ко мне и, беря мои руки

в свои ладони, поцеловал, не отводя взгляд. Я видела лишь его, и слеза скатилась по моей щеке. Брайан подхватил ее поцелуем, и мы развернулись к Кристоферу. Он узаконит наш брак, и это все, что на данный момент меня беспокоило. Я посмотрела на каждого из друзей, и когда мой взгляд остановился на Донне, я прочла по ее губам:

— Не бойся.

Я качнула головой, перевела взгляд на Брайана и остановила его на Кристофере.

— Давайте начнем со свадебных клятв, — улыбнулся друг, смотря на меня.

— Ты хотела, чтобы я написал тебе письмо, но я просто не смогу выразить все, что чувствую. Словами не передам, как ты глубоко в моем сердце. Ты спокойна и покладиста, но также груба и резка. Ты можешь совершать жестокие поступки и идти по головам, но как же трепетно ты относишься к тем, кого любишь. И мне повезло стать одним из них. Мне повезло надеть кольцо на палец Эмили Харисон. И я знаю, что ты не любишь, когда тебя так называют, думая, что твое имя внушает страх. Но не для меня. Для меня это лучшее, что есть в жизни. Это лучшее, что есть в этом мире. Я сделаю тебя счастливой, обещаю. Я сделаю тебя самой счастливой в нашей бесконечности. И сегодня мы ее начнем. Я не просто далеко готов пойти за тобой, Эмили. С тобой я не остановлюсь, что бы не случилось. Я нашел в тебе не только своего друга и соратника. Ты та, кого я могу любить. Я нашел в тебе себя. Я нашел в тебе целую жизнь. Ты заполняешь пустоту и каждый удар моего сердца счастьем. Я твой. Все, что окружает меня — твое. Все, что я люблю, принадлежит только тебе. С нашей первой годовщиной, Эмили. С нашей вечностью.

— Жизнь с тобой не может быть обыденной, Брайан. Слова порой заканчиваются, но тогда ты берешь меня за руку, и пусть мир продолжает жить дальше, планета вращается, но мы остаемся на месте. В конце концов, что бы мы не делали, даже сейчас, мы никогда не будем просто парой, которая заведет собаку и будет сидеть в кино, проводя вечера. Мы слишком сильно привыкли к извращенной жизни, но я не жалею. Это в нашем стиле, и, кажется, это то, что нам нужно. Ты не только любовь всей моей жизни. Ты мой друг, мой союзник и порой мой наставник. Ты не скажешь мне: «Немедленно отруби ему голову», но всегда скажешь: «Мы сделаем это». Ради своих любимых мы совершаем немыслимые поступки, о которых раньше не задумывались. И ради тебя я совершу любой, не сожалея об этом. Ты говорил, что я задавливаю своей силой, но в любом случае люди попадают именно под твое влияние. Ты, Брайан Прайсон, половинка моего сердца, и я не позволю тебе навредить. Никогда. Ведь с этого момента у нас будет одна кровь, пусть даже разные ДНК. Ты пахнешь моим счастьем, и я во веки веков буду идти на этот запах.

— Берешь ли ты, Брайан, Эмили в законные жены?

— Да.

— Берешь ты, Эмили, Брайана в законные мужья?

— Всегда.

— Властью, данной мне Штатом Нью-Йорк, объявляю вас мужем и женой. Жених, можете поцеловать невесту.

И он поцеловал. В Брайане есть что-то такое, на что я хочу претендовать. Я хочу, чтобы он был моим. Его руки путешествовали по моей талии, прижимая к себе еще сильнее. Наш поцелуй был страстным, но нежным, и мы с каждым разом становились ближе друг к другу. Этот мужчина умеет наполнять каждым днем счастьем и радостью Рождества. И он всегда будет рядом. Мне хочется верить, что все в нашей жизни написано уже за нас. Тогда мы можем просто отдаться течению и плыть, наслаждаясь. Мне нравятся те чувства, которые я

испытываю рядом с ним. Только с ним. Я никогда ни на кого не смотрела так, как на этого человека.

— Я буду стараться каждый день, чтобы быть мужчиной, которого ты полюбила с самого начала, — прошептал Брайан, прижимая к себе за талию.

— Никогда меня не отпускай, — поцеловала я его в губы. — Никогда.

Мы заказали еду из ресторана, и палата Брайана была нашим свадебным залом. Я была счастлива. Мы смеялись и пили шампанское, и Брайан не отпускал моей руки.

— Я хочу сказать несколько слов, — поднялся с места Адам. — Я помню, как мы познакомились с Брайаном. Он мне помог. Благодаря ему я понял, что врагов может быть больше, чем друзей, — все засмеялись. — Но также я понял, что такое дружба. Я рад, что наша семья, все мы, вместе. Таким счастливым, как с тобой, Эм, я его не видел никогда. Он снова почувствовал покой, несмотря на сотни проблем и прошлое, которое царило в его жизни. Ты, казалось бы, самое правильное в нем. Он смотрит на тебя так, как не смотрел ни на кого ранее, и ты смотришь на него так же. Это теперь будет навсегда, и дай Бог всем нам встретить такую любовь, какая у вас. Всем мужчинам встретить свою Эмили, а всем женщинам — меня.

— Спасибо, Адам, — засмеялась я, обнимая его. — Кажется, тебе удалось привлечь внимание Донны, — прошептала я так, чтобы слышал только он.

— Она даже не улыбнулась.

— Зато как ты будешь изумлен, увидев ее улыбку впервые.

Потом все разъехались по домам, и с Брайаном остались только я и Лидия. Девушка ушла переодеться, а мы стояли с моим мужем возле окна, смотря на ночной Нью-Йорк. Он развернул меня и притянул к себе. Брайан целовал меня, и я изо всех сил старалась запомнить этот момент. Наша жизнь была вихрем эмоций, и я не хочу от них сбегать. Тут вместе с этим мужчиной я могу наконец-то смеяться и грустить вдали от любопытных глаз. Доктор снова дал ему обезболивающего и сказал, что утром сможем забрать его домой.

— Детка, поезжай домой, — сказала я Лидии. — Я позвоню водителю, и он отвезет тебя.

— Не хочу. Ты сделала ему больно, знаешь об этом?

— Знаю.

— Ты же говорила, что не сделаешь этого.

— Нет, Лидия, я говорила, что не разлюблю его.

— Не смей больше этого делать, — не отводила она взгляд. — Он единственное, что у меня есть. И ты нравишься мне, Эмили, но сделаешь ему больно еще раз — и я стану твоим кошмаром.

Я притянула ее в свои объятия, целуя в макушку.

— Знаешь, я многое слышала. И могла бы сказать, что ты сказала что-то не то. Но из всех людей, которых я знаю, ты сказала это правильно.

Мы сели возле окна, пока Брайан спал, и я все еще была в своем платье.

— Ты очень красивая, Эмили, — улыбнулась девушка. — Вы оба очень красивые.

— Спасибо. А как насчет тебя?

— Мне никто не нравится. Я хочу достичь многого и съехать от Брайана.

— Тебе не нравится дом?

— Нравится, просто я хочу жить одна.

— Ты не права. Жить одной только поначалу хорошо, потом тебя каждый день

встречают одинокие вечера.

— Раньше я боялась, что окажусь на улице.

— Только не ты, — тихонько засмеялась я. — Женщины сейчас зарабатывают гораздо больше мужчин. А с твоим характером и амбициями ты добьешься многого.

— То есть бомжем я не стану?

— Нет, во-первых, ты женщина. А во-вторых, мы не позволим.

— Ты не дашь ему умереть, Эмили? — посмотрела она со слезами на глазах.

— Никогда. Брайан Прайсон выйдет мертвым только из ада. Я знала всегда, что готова была оставить мужа ради любимого мужчины. Но как хорошо, когда эти две личности находятся в одном человеке. Я всегда встречала удары судьбы с высоко поднятой головой. Во мне не было покорности и незащитности. Кажется, что вся моя женственность была сделана из стали. Когда другие девушки водили машины в пьяном виде и участвовали в сомнительных вечеринках, я была королевой самопознания, — улыбнулась я. — Так однажды сказала Донна. Но потом я переехала в Нью-Йорк, стала адвокатом и поняла, что всю мою жизнь меня будут встречать непреодолимые препятствия. Я не плакала, не падала в обмороки и не молила о помощи. Я собственными силами и умом все устраняла. И только с приходом твоего брата поняла, что буду бороться за него. Ведь он и есть мое счастье.

Той ночью я легла рядом с Брайаном и наконец-то уснула. Я погрузилась в сон из-за истощения или усталости собственных мыслей. Теперь у меня новая жизнь. Брайан лежал рядом, и из-за его родного запаха мне хотелось быть ближе. Я готова была влезть под кожу и утонуть. Я обвила руками талию своего мужа и сплела наши пальцы. Я наделась, что он чувствовал эту близость между нами. Потому что с его появлением я стала чувствовать все.

Спустя несколько часов я проснулась и стала собирать вещи. Когда все сумки были погружены в машину, я села возле его кровати и взяла за руку.

— Зачем ты сидишь тут? — спросил он, проснувшись.

— Знаешь, я счастлива, — улыбнулась я. — И скоро заберу тебя домой.

— Я рад. Теперь ты не убежишь, — поцеловал он мою ладонь, смотря на кольцо.

— Ты мне каждый вечер желаешь спокойной ночи. Я гораздо счастливее многих и не собираюсь уходить из твоей жизни. Теперь ты застрял со мной.

— Теперь счастлив я.

Вскоре Брайан подписал все документы о выписке, и как друзья не пытались помочь мне со всем, я сказала, что справлюсь. Я помогла ему войти в дом, а Лидия заняла гостевую комнату. Брайан лег на шелковые простыни, и я поняла, как все изменилось. Теперь мы были женаты, а не просто пара. Теперь это навсегда. Я помогла ему переодеться и прилегла рядом, обнимая за талию.

— Нам нужно разобраться с воздержанием, которое накопилось, — легко поцеловала я его в губы.

Я целовала его шею, оставляя следы укусов. Брайан зарычал и притянул меня за волосы для поцелуя. Меня так заводило доставлять ему удовольствие и смотреть на страсть в его глазах. Он снял с меня одежду, и я села на него сверху, сучая по этим ощущениям.

Спустя несколько секунд мы услышали стук в дверь и переглянулись, оба понимая, кто это.

— Эмили, мы знаем, что вы тут, — закричала Стейси. — Открывай.

— Черт, — улыбнулась я. — Похоже, веселье закончилось.

Я надела халат и пошла открывать дверь.

— Судя по твоему виду, ты после секса, — сказал Адам войдя в квартиру. — Пойду покурю.

— Если бы, — усмехнулась я, смотря как за ним входят Донна, Стейси, Ева, Долорес, Эбби и Майкл. — Но мы учим друг друга только хорошему.

— Зато, судя по твоему виду, делаете вы только плохое, — сказала Донна, обнимая меня. — Слава Богу, все в порядке.

— Мы хотели этот день провести вдвоем с Эмили, — вышел Брайан из спальни на костылях.

— Вот за это сейчас и выпьем, — сказала Эбби. — Кроме того, скоро у меня на работе разбор полетов. Владелец собирает руководителей всех филиалов.

— На самом деле он просто любит порядок и качественную работу, — ответила я, наливая воду и доставая таблетку обезболивающего для Брайана.

— Ты с ним знакома? — в изумлении спросила Эбби.

— Он мой клиент, милая. Хочешь, попрошу, чтобы он был с тобой поласковой?

Она показала мне средний палец, и это было чертовски смешно в исполнении Эбби.

— Лучше понизь пенсионный возраст до моего.

— Сразу после того, как я помогу Брайану добраться в душ, — подошла я к нему, давай возможность опереться на меня.

— Эмили, мне не нужна помощь, но от совместного душа я не откажусь.

— Идем уже, — улыбнулась я, проведя рукой по его бедру. Друзья заказывали еду, а мы с Брайаном вошли в ванную, закрывая за собой дверь. — Залезай и ногу поставь на подставку.

Брайан притянул меня к себе, обнимая. Он был так несравним с целым миром. Его улыбка была так восхитительна, и порой мне кажется, что со мной говорит его сердце.

— Мне нравится, когда ты говоришь, но сейчас я хочу твой рот с другого ракурса.

— Не отвлекай меня, от моих планов, — засмеялась я. — И перестань это делать.

— Делать что? — продолжал он прокладывая поцелуи от моей шеи к ключице.

— Между прочим, наши друзья за дверью, и вместо того, чтобы выпроводить меня, ты держишь.

— Пока они войдут сюда, у нас есть, как минимум час, — прошептал он прямо у моего уха, облизывая мочку. — И мы успеем с пользой провести время.

— Тебе нужно принять ванную, а потом я перевяжу тебе ногу, — отошла я от него, включая воду.

— Куда ты? — смотрел на меня Брайан, когда я направилась к двери.

— Пойду посплю, — ответила я, подходя к выходу.

— Эм, побудь со мной.

— Ладно, — закрыла я дверь на ключ. — Пора принять ванную молодой семье Прайсонов.

Так проходили недели, и, когда наступил день суда, мы с Брайаном поехали туда вместе. Я занималась любимым делом — защищала свою семью. Когда я жила в согласии с собой, моя душа позволяла любить себя и иметь здоровую самооценку. Но это не имеет ничего общего с эго. Это безграничное и возвышенное — умение понимать себя и ценить силу своего духа. Не разменивайте себя на жизнь, которая вам не принадлежит. Занимайтесь важными вещами. На подсознательном уровне вы всегда знаете, чего поистине хотите, и, устраивая внутренние конфликты сами с собой, теряете ту самую нить понимания своей

души. В первую очередь прежде чем узнать других, узнайте себя. Узнайте свои ценности и потребности. Желания и страсть. Любовь и презрение. И самое главное — важность этой жизни. И тогда вы начнете любить её. Принимать. Жить с ней в согласии. И обретать другие краски, кроме белых и черных. События нашей жизни при помощи веры и любви меняются самым удивительным способом.

— Мисс Харисон, вы защитник обвиняемой, — сказала судья. — Но это конфликт интересов, учитывая, что вы находитесь в отношениях с Брайаном Прайсоном.

— Вы правы, — ответила я. — И я воспользуюсь Пятой поправкой Конституции Соединенных Штатов Америки не свидетельствовать против обвиняемого.

— Пятая поправка вам не подходит, адвокат. Разве, что не свидетельствовать против себя.

— На данный момент с мистером Прайсоном мы пребываем в браке, и я имею право не давать показания. Но я хочу быть адвокатом мистера Прайсона.

— Вы не имеете права, — возразил судья. — И поскольку адвоката у обвиняемого нет, мы можем предоставить государственного или перенести слушание.

— Нет такой необходимости, — вошел в зал суда Кристофер. — Извините, ваша честь, за опоздание. Я защитник мистера Прайсона.

— Это так, обвиняемый?

Брайан перевел взгляд с Кристофера на меня, и я кивнула. Мой муж ответил судье, и глаза Синди были красными от слез. Она знала, что это конец. Ей предоставили государственного адвоката, и через час слушание возобновилось.

— Мисс Адамс, — обратился Кристофер к Синди. — Какова цель была вашей работы в фирме Property?

— Я хотела купить дом и съехать от родителей.

— Как часто вы общались с обвиняемым?

— Каждый день после смерти его отца, которого он убил.

— Протестую, ваша честь.

— Протест принят, — посмотрела судья на девушку. — Продолжайте, адвокат.

— Вы удивились, когда узнали о смерти мистера Форстмана?

— Да, я любила его.

— А реакцию мистера Прайсона вы видели?

— Нет, но...

— А лично вы сообщали ему?

— Нет, но...

— Благодарю вас, мисс Адамс. У меня больше нет вопросов.

Затем адвокат другой стороны приступил к допросу Брайана.

— Мистер Прайсон, была ли мисс Харисон вашей сообщницей?

— Протестую, — взорвался с места Кристофер. — Мой клиент ничего не совершал.

— Протест принят.

— Я перефразирую, знала ли ваша жена о том, что вы храните оружие?

— Да, у меня есть разрешение.

— Стреляли ли вы в мистера Скотта?

— Да.

— И вы убили его?

— Да, но это была самозащита.

— Он наставлял на вас оружие?

— Нет.

— Он ранил вас, хотя бы однажды?

— Нет.

— А моя подзащитная?

— Да, она ранила меня.

— В мере самозащиты, не так ли?

— Что вы несете? — усмехнулся мой муж. — Мы находились в офисе, когда Синди вошла с пистолетом и нацелилась на мою жену.

— Она утверждает, что боялась вас, вы ведь убили своего отца.

— Протестую.

— Протест отклонен. Продолжайте адвокат.

— Мистер Прайсон, вы убили своего отца?

— Мы сейчас не рассматриваем материалы этого дела, — вмешался Кристофер. — Это не относится к данному процессу.

— Слушание переносится на пять дней, на восемь утра.

Затем судья покинул зал, и я подошла к Брайану и Кристоферу.

— Как ты узнал? — спросила я.

— Это моя работа — все знать, Эмили. Мне нужны материалы дела.

— Хорошо, — ответила я, смотря на Брайана.

— Я в порядке, дорогая.

— Поздравляю вас, мистер и миссис Прайсон.

— Спасибо, — ответили мы в унисон.

— Брайан, у вас потрясающая жена, — поцеловал Кристофер меня в щеку.

— И мне нравится.

Друг засмеялся, а я закатила глаза.

— Слушайте, я не собираюсь ухаживать за Эмили. Я не говорю, что не делал бы этого, будь она свободна, но её сердце принадлежит вам, а я уважаю себя и ее, чтобы опускаться ниже. Так что перестаньте ревновать её ко мне при каждой нашей встрече.

Мы отправились домой, и тем же вечером Брайан посадил меня в машину, и мы поехали в клуб. Он помог мне выбраться, и, войдя в здание, мы поднялись на третий этаж, закрывая дверь в комнату. Она была в зеркалах, и в следующее мгновение дверь открылась, и вошла полностью обнаженная девушка. Брайан наблюдал за мной, опираясь на дверной косяк, и держал одну руку в кармане. На его лице играла легкая улыбка, говорящая о том, что он знает больше, чем я. Девушка посадила меня на стул, и поставила свое колено между моих ног. Ее соски смотрели на меня, и она провела языком по моей шее.

— Дотронься до нее, Эмили, — мягко приказал Брайан.

Я провела ногтями от ее ключицы к груди и сжала её руками. Девушка застонала. Затем она притянула меня к себе для поцелуя, и сжала рукой мою шею. Мужья чаще всего просто мужья. Слава небесам, что с Брайаном у меня не было такой проблемы. Он был моим другом и любовником. Он был моим защитником и рыцарем. Моей совестью и желанием темной стороны. Девушка танцевала на моих коленях, и когда снова наклонила свою голову ко мне, чтобы поцеловать, я услышала голос Брайана за спиной.

— Убирайся отсюда.

Стриптизерша взяла банкноты, которые передал ей Брайан, и дверь захлопнулась.

Остались только мы. Он поднял мой подбородок и улыбнулся. Я дрожала, как школьница. словно первый раз наедине с мужчиной. Он взял мои руки и положил на место набухшего члена. Я расстегнула молнию, и провела языком по головке. Он откинул голову назад, потянув мои волосы до боли.

— Эмили, ты такая влажная, черт возьми.

Его грудь тяжело вздымалась и опадала, когда я облизывала и сосала его член. И этот мужчина выглядел пораженным. Боже, я так любила его. Каждое зеркало отражало нас, и я становилась безумной от того, что видела — его поражение и мою власть. Когда Брайан уже готов был кончить, то резко отошел назад. Он поднял меня на ноги и медленно расстегнул мое платье на спине. Вытащив заколку из волос, позволил рассыпаться локонам. Мы были идеальными партнерами, и я знала, что мой муж не даст мне упасть. Брайан резко поднял меня на руки, и я обняла ногами его талию. Я застонала, когда он полностью вошел в меня, кусая мое плечо.

— Брайан, я с ума схожу.

— Я хочу тебя постоянно, Эмили. Я не могу быть далеко от тебя.

— И не надо.

Каждое его движение заставляло мои мышцы сжиматься. В таком положении, как сейчас, вся власть была в его руках, и я наслаждалась этим. Он трахал меня резко, и я кричала от удовольствия. Мой оргазм вызвал его, и я взорвалась, сжимая его член внутри себя. Брайан сделал еще несколько толчков, и в такой позе мы сели на стул, пытаюсь вернуть самообладание. Кажется, что звезды на свете появляются от улыбки таких людей, как мы — счастливых. Неужели я по-настоящему никогда не знала, что такое нормальная жизнь, так привыкнув к вечным драмам и трагедиям? Я никогда не брошу его. Я, черт возьми, люблю этого мужчину больше собственной жизни. Это чувство разрывает меня на части. В конце концов, одна влюбленность меняет всю жизнь. И теперь, кажется, я живу, чтобы любить его. Кажется, я сошла с ума, хотя никогда ранее не была в таком здравии.

На следующее утро мы отправились в наш будущий дом. Я забыла о друзьях и работе. Весь мой мир сошелся на одном мужчине. Мы решили изменить планировку, и после того, как предоставили необходимую информацию рабочим, занялись рутинной жизнью. Каждый день мы приезжали сюда снова и снова. Мы будем счастливы в этом доме, я уверена. Мы вместе красили стены и подпевали любимой музыке. Жарили рыбу и пили вино, смеясь над очередной вылитой банкой краски. Выбирая мебель, параллельно составляли меню свадебного торжества. Четвертый этаж решили сделать для развлечений. Поставить бильярд, домашний кинотеатр и мягкие диваны. Так же комната на крыше была все еще обязательной.

— Для тебя кофе — это национальный напиток, Эмили, — смеялся надо мной муж.

— Ты забыл, из какого я города, — отвечала я с улыбкой на губах. — Там кофе везде, и даже его запах витает вместе привычного нам воздуха.

В нашей спальне на втором этаже мы решили сделать отдельную ванную и огромную гардеробную. Третий этаж отдали на комнаты для гостей и детскую. Со временем мы обустроим этот дом, как захотим. Сначала же начали с побелки всех помещений и создания уюта в спальне. Приехав на работу за день до второго заседания, под дверью меня ожидал мужчина.

— Здравствуйте, миссис Прайсон. У меня к вам разговор.

— Проходите, — указала я на дверь в свой кабинет.

— Эмили, я не Фрэнк, — сказал он, как только дверь закрылась. — Пусть мое имя

останется такой же загадкой, как и смерть моего предшественника и избежание наказания вашего мужа.

— Я не буду свидетельствовать против него.

— Поверьте, я на это и не рассчитываю. Но вот вам материалы дела. Этот мужчина не виновен в этом убийстве, но и не безгрешен. Мне нужно, чтобы он сел. И если вы выполните свою часть сделки, документы в наших архивах иногда теряются.

— Почему вы делаете это для меня? — удивленно посмотрела я на него.

— У вас есть хорошие друзья, — пожал он плечами. — Но на самом деле вы многое теряете, например, свою душу. Ведь вы думали, что больше не будете жить, как прежде, верно? — направился мужчина к выходу. — И да, вы уйдете из адвокатуры на шесть лет, или я отстраню вас на пожизненно.

— Что вам это даст?

— Выбирайте, вся ваша жизнь до этого или муж, который в очередной день может уйти и не вернуться.

— Вы считаете себя адекватным, предлагая мне такое?

— Милая Эмили, ни один мой поступок не кажется мне нормальным. Вы ведь не хотите, чтобы я стал вашим врагом?

— О, не надо, — со злостью смотрела я на него, понимая свое поражение. — Судя по всему, вы слишком глупы, чтобы быть моим врагом.

Человек улыбнулся и покинул кабинет. Я села в свой кожаный стул, находясь перед самым тяжелым выбором в своей жизни. Брайан и адвокатура — мои две самые большие любви. И теперь об одной из них придется забыть. Возможно, навсегда.

Я расположилась на работе в своем кабинете, взяла газету и открыла ее на «Файнэншл таймс». Бегло пролистав страницы, задержала внимание на фото Брайана. Я сидела со скрещенными ногами в черном кожаном кресле, одетая в белый брючный костюм. Сегодня определенно был не лучший день, и я в сотый раз прокручивала обручальное кольцо, разрабатывая план.

Я всегда думала, что нахожусь в опасности. Но теперь страх преследовал меня. Страх за жизнь мужчины. Я стала им. Я знала, что буду рядом. Защиту ценой собственной совести и прикрою телом. Еще недавно я разрушала все, к чему прикасалась. Внешняя красота замечательна. Но внутренняя — то, от чего я не в силах оторваться. Я стала зависеть от природы и улыбки. От умения украсить мой день. Мой мужчина делает это: разжигает, украшает и становится миром. Я всегда буду в неоплатном долгу перед таким созданием, ведь он слишком уникален, чтобы его называли просто «человек».

Зазвонил телефон, и, подняв трубку, я услышала Стейси.

— Представляешь, вчера я осталась у Майкла, и секса не было.

— Возможно, ты взрослеешь, — улыбнулась я.

— Или наши отношения заканчиваются.

— По поводу взросления я поторопилась.

— Эм, это не смешно!

— Ладно, рассказывай, — улыбалась я.

— Майкл сказал, что любит меня, — я почти видела, как она поднимает глаза к небу.

— А ты? — пыталась я снова не засмеяться.

— А я что? Это было неожиданно, и я не знала, что ответить.

— Но что-то же ты сказала?

— Я сказала, что разделяю его чувства. И знаешь, что он сделал?

— Что?

— Он скрестил руки на груди и спросил, какие чувства. Я ответила, что нежные и положительные. А затем направилась к выходу и уехала домой.

— Дорогая, первое, чем ты жертвуешь на пути к вершине карьерного роста — любовь. Но не становись мной. Ведь в конечном пути я все равно вернулась к тому, чего хотела с самого начала — желанию быть любимой.

— Ты как всегда взяла и все испортила, — отключила она звонок.

Я взвешивала «за» и «против». Я не палач. В конце концов, если человек должен ответить за свои поступки, я не буду способствовать этому. Но как мне защитить близких? От меня хотят слишком многого — вырвать сердце другому человеку. Пусть я всегда справлялась, но теперь мне тяжело причинить боль. Сначала ты отвыкаешь от своих слез, а потом тебя начинают ранить чужие. Все, что говорят многие — блажь и блеф. Люди не отдадут ничего взамен и не делают одолжений, как бы не хотели, чтобы мир менялся. Все, что растет в душах — стремление уничтожить. Засыпая ночью, мы все равно открываем глаза утром. Разводит людей в этом мире не цвет кожи, а стремление любить и ненавидеть. Слезы — иллюзия. Никто не отдает свою душу просто так. И вода течет, когда мы мало-помалу ничего не меняем.

— Эмили, посмотри, — бросила мне папку на стол Тиффани, войдя в кабинет. — Наша свидетельница путается в показаниях.

— Так сделай так, чтобы не путалась! — со злостью посмотрела я на нее.

— Ты ей не нравишься.

— Такое невозможно, — посмотрела я на документы. — Я всем нравлюсь. А теперь закрой дверь с другой стороны и никого ко мне не пускай.

Она покачала головой и вышла. Девушка все еще понимала, когда я бываю не в духе, то веду себя, как полнейшая стерва. Я открыла папку, которую оставило мне ФБР, и взглянула в глаза мужчины, который, кажется, был счастлив. Он смотрел и видел, что являлось такой редкостью в наше время, и я имею ввиду не часы. Я всегда пыталась все держать под контролем. Планирование и расчет предотвращают разочарования и неготовность к ситуации. Не будет риска и боли. Только как спланировать побег своей души на некоторое количество времени? Наверное, дело не из легких. Я предпочитаю любить людей, которые являются моим отражением. Которые понимают меня с полуслова. Я не позволю разрушить себя даже всемирному потоку. Я подниму глаза и увижу утопленников. Если что-то ищу, обязательно найду. Пусть даже сначала буду одна посередине мира.

Вскоре я взяла бумаги, уходя из офиса, и села в машину, направляясь к месту работы Марка Рассела. Находясь в своем автомобиле, я не знала, что собираюсь делать, но знала, чего точно не буду — причинять боль. Я направилась в небольшой магазинчик, который выглядел до неприличия старым и до изумления уютным.

— Мистер Рассел, — сказала я, подойдя к кассе. — Я Эмили Харисон.

— Вы адвокат, — ответил он, выходя из-за стойки. — Тот самый герой, который взялся за меня.

— Я не герой, мистер Рассел. Я сумасшедшая женщина, в лучшем случае, — присели мы на диван. — Большинство людей, к которым я прихожу, страдают, но, знаете, периодически я спасаю.

— Думаете, я так глуп, чтобы поверить вам?

— Пускай, я не герой, но и не монстр. Я не могу вернуться в прошлое, но сейчас я другой человек.

— Знаете, я не безгрешен, но я не совершал то, за что пытается привлечь меня ФБР.

— Расскажите мне, — подперла я подбородок.

— У всех есть дорогие люди, и порой мы совершаем ужасные поступки. Некоторых я всегда буду защищать.

— Всем нужно хобби.

— Во всех есть что-то хорошее и плохое, мисс Харисон. Выберите свою сторону.

— Я выбрала мужчину, а значит, и его образ жизни. Он ожидает от меня чистоты души, и я не хочу подвести.

— Я вам тут не помощник, — прошел он опять к кассе. — Вы потеряете свою чистоту, если будете защищать меня.

— Но потеряю еще больше, если сдамся.

Я вышла из здания, села в машину и, заводя мотор Mustang, направилась домой. Как только въехала на парковку, увидела Брайана. На улице была метель, и я любила это время года. Свежий воздух и снег, который делал день почти идеальным. Я верила сердцу. Среди прохожих терять себя — легче всего. Я далеко ушла, но меня остановили. Большая уверенность, что я могу все контролировать, забрала столько прекрасных моментов. Я

искренне тронута любовью своего мужа и умению заставить забыть меня о мире. Как один взгляд человека может зажигать кровь настолько, что я готова перейти планету пешком, чтобы только сделать великое свершение.

— Я соскучился по тебе, — поцеловал мой муж меня в губы. — И с самого утра хотел видеть.

— Надо же. Потому что я не хотела тебя видеть.

— У меня для тебя подарок, — засмеялся Брайан, взяв за руку.

Мы прошли в гараж, и я остановилась в оцепенении. Новый Mustang. Этой модели еще даже не было в продаже, а шикарный красный цвет придавал ему величества.

— Что это? — прошептала я, не двигаясь.

— Это мой тебе подарок. Свадебный, если тебе нужен повод, — обнял меня за плечи муж. — Это самая новая модель. Дизайн сильно отличается от предыдущих поколений этих машин из-за использования новой платформы и уменьшения размеров кузова. Это кабриолет, и мотор может работать в паре с шестиступенчатой механикой или автоматом.

Брайан ожидал моей реакции, но я почувствовала ничто иное, как растерянность.

— Я... мне нравится, — натянуто улыбнулась. — Просто это неожиданно.

— Я рад, — сильно сжал меня в объятьях мужчина. — Я чертовски рад, что тебе нравится.

Мы поднимались в дом, и я улыбнулась, увидев Томми. Мне было некомфортно от такого подарка. Приехав в этот город, я долго пыталась выйти из статуса «дочки-содержанки», и вот теперь, когда сама могу позволить покупать такие игрушки, их дарит муж. Я приобрела мужчину и потерю себя одновременно.

— Нам нужно сходить к семейному адвокату и заключить контракт, — сказала я, входя за Брайаном в гардеробную.

— Что? — удивленно посмотрел он меня.

— Я думаю, нужно расставить границы, Брайан. Я не смогу перенести потерю независимости, понимаешь?

— Нет, Эмили, не понимаю. Что случилось?

— Для тебя ничего не изменится теперь, а для меня все. Ты будешь сам покупать машины, оплачивать постройку дома и все счета, не говоря мне об этом. Сначала один раз, а потом перестанешь даже вспоминать. Или будешь все оплачивать через управляющего.

— Все, что я понял, так это то, что у меня появился управляющий.

— А потом ты умрешь, — продолжала я, расхаживая по комнате. — И мне отключат электричество из-за того, что я не оплатила счета, потому что забуду, как это делается.

— Эмили, дело в машине?

— Да! То есть нет, просто давай заключим контракт.

— Ты упускаешь самое главное, милая, — улыбнулся он. — Я хочу о тебе заботиться. И нет, не будет никакого контракта. Я не собираюсь, только женившись на тебе, готовиться к смерти или разводу. В твоей семье так не принято, и я этого не приемлю. Брак — это священный союз, и жениться я собираюсь только единожды, кстати говоря, сделал это несколько дней назад. Если ты не готова идти со мной до конца, то ничем хорошим это не закончится.

Когда вступаешь в брак, вся жизнь меняется, кто бы что не говорил. Теперь твоим лучшим другом является не брат или подруга, с которой вы знакомы с детства, а муж, который спит рядом, каждое утро целует и готовит кофе. Этот друг никогда не даст в обиду

и нежно обнимет, когда ты делаешь утренний макияж. Не разбудит, когда спишь, пусть даже лежит до боли неудобно, и его рука занемела час назад. Мой муж заботится обо мне. Я знаю, что я самое дорогое, что есть в его жизни. Он всегда выслушает и скажет правду. Обнимет, когда слова не нужны. И самое главное — я факт того, что он бессилен, но в то же время я его самая большая сила.

Я отправилась на кухню, открывая холодильник, и думала, что приготовить. Точнее это было единственное, чем я могла себя занять, и думать только о том, как бы не отравить окружающих. Лидия сидела за ноутбуком, и, войдя, я поцеловала ее в лоб.

— Чем занимаешься?

— Думаю, почему парни меня боятся.

— Это уже диагноз. Но я тебе скажу, ты можешь унижить, кастрировать, а потом, как бонус, поломать жизнь.

— Всего-то. Я как пациентка психиатрической клиники, — захлопнула она крышку. — Я решила стать адвокатом.

— Что?

— Правда, я бы сидела вместе с тобой в кабинете, и мы бы занимались грязными делишками.

— Я не занимаюсь таким, Лидия, — слишком резко ответила я. — Подумай серьезно о том, чего хочешь. Очень трудно потом что-либо изменить.

— Эм, я же шучу, — хмыкнула девушка. — Ты меня бесишь.

— Можешь пойти порыдать, — пожала я плечами. — Куриное филе или рыба?

— Курица, — улыбнулась она. — Ты мне нравишься.

— Только что ты сказала, что я тебя бешу, но я всем нравлюсь, — развернулась я к ней, — расставляй приборы, будем обедать.

— Знаешь, я подумал, — вошел в кухню Брайан. — Хорошо, я согласен на границы.

— Ладно. Едем к адвокату?

— Нет, Эм, мы заключим контракт тут и сейчас в устной форме. Что ты хочешь оплачивать?

— Во-первых, я сама хочу покупать себе машины и туфли. Готова оплачивать кабельное и буду также вкладывать деньги в наш дом.

— Последнее исключено, — покачал он головой, обнимая за талию. — Но я позволю тебе заплатить за постельное белье.

— Идет, — обняла мужа за шею.

— Секс как минимум два раза в неделю.

— Что? Не бывать этому. Как минимум пять раз в неделю и один на выходных.

— Ладно, красотка. И да, дети не будут иметь двойных фамилий.

— Дети?

— Ну да. Шестеро, — поцеловал муж меня с улыбкой на лице.

— Один.

— Шестеро.

— Двое.

— По рукам.

— И еще ты мне будешь говорить каждый день, хотя бы раз, что любишь.

— Я еще не подписывал контакта лучше.

Брайан поцеловал меня, и я ответила с такой же страстью и любовью. Всякий раз после присутствия его рядом со мной я была счастлива. Ощущение его горячих губ и влажного грубого языка сводили с ума. Я чувствовала вибрации на коже и не смогла сдержать стон, который вырвался из моих приоткрытых губ.

— Вот поэтому я хочу съехать от вас, — сказала Лидия. — Вы самое отвратительное зрелище, за которым мне приходится наблюдать каждый день.

— Мы тебя позовем, — ответил Брайан, все еще целуя меня. — Иди в свою комнату.

— Разве все это не волшебство? — сильно сжала его в объятьях.

— Смотря, что считать волшебством.

Брайан зарычал, сажая меня на кухонный стол, уткнувшись в шею. Он шире развел мои бедра, и его ладонь оказалась у меня между ног. Прижимая пальцы через ткань, он стал массировать мой клитор. Невероятные ощущения проносились по моим венам, и сердце колотилось, как сумасшедшее. Мое тело всегда отвечало на его прикосновения быстрее разума.

— Ты моя.

— Я твоя. У нас не будет прелюдии?

— Я так скучал по тебе, Эмили, — облизал он мочку моего уха. — Я хочу, чтобы ты кричала мое имя. Я хочу быть глубоко в тебе. Ты сводишь меня с ума. Боже, до сих пор не могу поверить, что ты моя жена.

— Забудь к черту о прелюдии, — улыбнулась я, снимая с него рубашку.

Руки Брайана лежали на моих бедрах. Он поглаживал мое тело и накрыл грудь своим влажным ртом. Мой муж дразнил меня, пока соски не стали твердыми от его прикосновений. Я обхватила руками его ягодницы, сильнее прижимая к себе.

— Лидия может войти, — сказала я ему в губы.

— Мы теперь ее тут не увидим долгое время.

Брайан приблизил снова свои губы к моим, и я застонала. Мне нравилось, как мой муж целовал меня. Он был уверенным и полностью покоровившим мое сердце. Я едва удержалась от восхищенного вздоха, каждый раз сходя с ума от чувств, которые переполняли. Он плотнее прижал меня к своему телу, и я расстегнула молнию на его джинсах.

— Эмили, я могу сделать тебе больно.

— Нет, черт возьми, Брайан. Не порти процесс.

Он улыбнулся и слегка зубами ухватил мою губу, посасывая. Его язык облизывал мои губы, а зубы прикусывали шею, когда он спустился к ней поцелуями. Затем резким движением Брайан снял с меня брюки вместе с трусиками, и я ахнула, когда его палец вошел в меня. Брайан положил свою руку мне на затылок, властно удерживая. Я чувствовала его язык повсюду. Его твердый член упирался в мое бедро, и он каждый раз дарил наслаждение, перед которым я не могла устоять.

— Нахрен прелюдию, — задыхалась я. — Войди в меня. Сейчас же.

Я прижалась носом в изгиб его шеи, вдыхая запах, и Брайан резким движением заполнил меня своим членом. От него пахло удивительно, как и всегда. Мой муж был таким теплым и полным энергии, а я вместе с ним чувствовала себя живой. Я громко вскрикнула, утоляя жажду, которую чувствовала почти болезненно. Мое тело было сделано специально для него. Специально для этих чудесных ощущений.

— Ты мне нужна, — сказал Брайан, когда его руки оторвались от моих бедер.

— Я чувствую.

Я почти задохлась. Он покусывал и посасывал мою грудь, впиваясь в кожу на талии мертвой хваткой. Каждый раз было единственное впечатление — существуем только мы. Когда этот мужчина двигался во мне, это было все, что я чувствовала. Я ждала его. Только его.

Брайан резко вышел и так же заполнил меня снова. Я попыталась толкнуться ему навстречу, но он удерживал меня на месте. Он двигался все быстрее и жестче, а я вцепилась пальцами за руки мужа, словно только так могла удержаться на месте. Он вонзился зубами мне в плечо. Мне было наплевать, что останется след. В этот момент так уж точно. Трахая меня, Брайан затрагивал все нервные окончания и мою душу. Сместившись, он вошел под новым углом, и я задрожала. Я запрокинула голову, и рычание сорвалось с губ Брайана. Я не отводила взгляда от великолепных глаз моего мужа, которые потемнели. Волна удовольствия накрыла меня, и кончиками пальцев я прошлась по его соскам, падая на грудь. Я улыбалась, а он не переставал одаривать меня поцелуями.

— Ты лучший дьявол, которого я встречал. Ты мое проклятие и мой дар.

После этого мы заказали пиццу, сидя в гостиной за просмотром сериала. Что бы не происходило вначале, мы должны были найти друг друга, чтобы понять, что не все в этом мире поддается контролю. Со мной был воистину потрясающий мужчина. Расчеты, предположения и принципы — иллюзия. Любовь сама по себе неконтролируема и непреодолима, но самое главное — настоящая. Меня интересовала его личность. Его взгляды на жизнь. Мнение о погоде и моей работе. Во сколько лет он впервые понял, кем хочет быть, и в каком цвете он видит жизнь. Я не знала всего его прошлого, да и не хотела этого. Я любила его настоящего и видела лучшие стороны. Не пыталась перекричать демонов или побороть страхи за него. Но я всегда ждала и была готова взять за руку. Готова была быть рядом, несмотря на поступки.

Мы смотрели «Теорию большого взрыва». Леонард как раз задавал Шелдону вопрос, находясь в квартире девушки, которая ему нравилась.

«Ты когда-нибудь слышал, что не все имеют навязчивую потребность сортировки организации всего вокруг?»

«Нет».

— Эмили, я прям вижу тебя, — засмеялась Лидия. — У тебя тоже всё идеально чисто.

— Ли, — сильнее прижал к себе меня Брайан. — Ты просто не видела ее шкаф и рабочий стол экрана. Это ужас.

— Если ты не заткнешься, Прайсон, — налила я бокал вина, — спать будешь возле камина.

— Если...

— Нет, — перебила я. — Без меня.

— Ты манипулируешь моим братом, — смеялась Лидия. — И у тебя это чертовски хорошо получается.

— Я не манипулирую.

— Манипулируешь. Я ведь тоже девушка.

— До тех пор, пока не посмотрю на его лицо, — пробормотала я. — У него тело, по которому плачут ангелы.

Спустя какое-то время я уснула. Звонок телефона разбудил, когда на часах было четыре

утра. Рассел звонил, чтобы сказать о том, что ФБР заставило его участвовать в сговоре, чтобы поймать наркодиллера. Я сказала, пусть делает, что они скажут, за исключением утаивать правду от того человека. Потом, если Аливас узнает это, он убьет всех, кто причастен. И пусть я даю согласие на убийство от передозировки для остальных, но защищу свою семью. Брайан мирно спал, а я пошла в кухню, налила бокал вина и включила камин.

Мимо проходили дни, а вместе с ними правда, которую я должна была рассказать. Люди, которые меня окружали, имели право знать. Я помню все. Какой я была и какой стала со временем. Я пыталась все сделать сама и даже до сих пор в толпе искала не родной взгляд, а собственное «оружие», о действии которого бы забыла, пройдя очередной поворот. Потом будет потом, а сейчас я пыталась что-либо исправить. Но разве всегда ошибалась только я? В конце концов, я просто человек. Я говорила сама с собой, не поднимая глаз в зеркало. И в любом случае, птицы летают, чтобы потом разбиться.

— Тебя не хватает в постели, — услышала я голос за спиной.

— Я видела сон, Брайан.

— Какой?

— Там были наши дети, я знаю это. И я вышла к ним, когда они меня звали. Чем сильнее я пыталась быть ближе, тем дальше они оказывались. Им было страшно, и я нужна была им, я чувствовала.

— Все в порядке, Эмили?

— Да, — прошептала я, смотря на него, когда он сел на стул рядом. — Не может быть по-другому.

— Ты мне расскажешь, что у тебя за дела с ФБР?

— Нет, — ответила я, словно это и так было ясно. — Тайна следствия и все такое.

— Эмили.

— Нет, Брайан. Я сама разберусь. Давай лучше поговорим.

— Если интересно мое мнение, — слышала я улыбку в его голосе. — Я считаю, что этих мерзавцев нужно проучить.

— А как насчет тебя? — засмеялась я. — Ничего, что ты был одним из них?

— Я убил прошлого капитана.

— Я знаю, — наблюдала я за огнем. — Но не надо было. Тебя ведь могли убить.

— Пусть радуются, что я их не поубивал, — поцеловал он мою руку. — Я никому не позволю тебя обидеть и сам не обижу. Ты злишься на того идиота?

— Нельзя злиться на человека, который отсутствует в твоей жизни.

— Ты всегда была такой особенной, Эм, — пересадил Брайан меня к себе на колени, забирая бокал. — Особенно в нашу первую встречу.

— В нашу первую встречу, милый, — поцеловал я его в уголок рта, — я была не особенная, а просто одинока.

Спустя какое-то время мы вернулись в постель. В суете я не замечала, как с каждой минутой Брайан становился мне еще родней. Он веселый и по-доброму смешной. Я редко говорила ему об этом, но слова были не так нужны спустя это время. Мы понимали друг друга без слов. Я разговаривала с ним молча и слышала слова его сердца.

Первое, о чем я подумала, когда проснулась: «Как же я счастлива». Я улыбнулась тому, как было потрясающе просыпаться в объятиях Брайана, тело которого прижималось к моей спине. Он прикусил мое плечо и сразу облизал место укуса. Я улыбнулась и вздрогнула от его теплого дыхания, и эротический импульс прошелся по моей коже. Его рука скользнула

между моих бедер, и он раздвинул мои ноги. Я застонала от удовольствия, выгнувшись, когда твердый член прижался к моему входу, и Брайан медленно вошел. Я улыбнулась, и он скользнул глубже. Мой муж медленно двигался во мне, и я вскрикнула громче. Брайан удерживал мою ногу, поднимая выше, а я запрокинула голову на грудь мужа, чтобы двигаться с ним в унисон. Одной рукой я вцепилась в его плечо, а другой в шелковые простыни. Я не могла ничего поделать с чувствами и током, который всегда проходил по моему телу. Эти ощущения были слишком потрясающими, чтобы быть реальными. Мои соски затвердели, и дыхание стало прерывистым.

— Брайан, пожалуйста!

Я сильнее толкнулась бедрами навстречу, и он стал еще жестче вдавливать в меня. Я закрыла глаза от удовольствия. Брайан был нежен, но в то же время я не знала пощады от его прикосновений. Я прогнулась, чтобы он вошел в меня под новым углом. Ощущения убивали. Они были настолько сильными, когда он вбивался в меня, что все что я могла — дышать.

Он был моим чудом. Мой муж был поразительным и невероятно соблазнительным. Брайан вышел и резко перевернул меня на спину. Припадая к моей груди, он посасывал твердый бугорок, и я вцепилась ногтями в его спину. Он не отстранился, а вместо этого подался вперед, резко войдя в меня. Страсть искажала его лицо, и он зарычал, уткнувшись головой в мою шею. Его тело напряглось, и Брайан стал массировать мой клитор. Ощущения были настолько сильными, что почти причиняли боль. Я громко застонала, вытесняя все чувства, кроме удовольствия. Меня накрыл мощный оргазм, и я содрогалась всем телом. Брайан последовал за мной, выкрикивая мое имя.

— Я люблю тебя, Эмили, — сказал он, целуя мою шею и все еще находясь во мне.

— И я люблю тебя, — улыбнулась я. — Нужно почаще вместе просыпаться.

После этого мы стояли в душе под струями воды, не отрывая друг от друга взгляда и губ. Мы брали все от нашей «свободы», пусть даже ценой собственного заточения.

— Я хочу съехать от вас, — сказала Лидия, уже попивая кофе, когда я вошла в кухню.

— Мы уже это обсуждали. Это глупо и не продумано. Чего тебе не хватает?

— Тишины, Эм. Я просто хочу, чтобы вы наслаждались с моим братом друг другом подальше от меня и дали мне поспать.

— Мы будем потише, — улыбнулась я, вспоминая утро.

— Ага, потише, — фыркнула девушка. — Вы наверное-то дома не видите, не считая спальни, кухни и комнаты с камином.

— Возможно, через парочку дней глянем, — улыбнулся Брайан, входя в кухню. — Кто готовит завтрак?

— Я готовлю.

— Кажись кто-то сегодня умрет, — слышала я улыбку в голосе Лидии.

— Тише, сестренка. Не зли мою жену. У нее есть свои достоинства, кроме готовки.

— Ага, я слышу их через стенку.

Как только я вытащила из холодильника мясо, прозвучал звонок в дверь. Брайан открыл, и я засмеялась.

— Здорово, — просияли улыбкой Адам и Майкл.

— Тащите свои задницы в дом, — кивнул Брайан, пропуская друзей.

— Привет, девочки, — поцеловали меня в щеку парни по очереди. — Что будем есть?

— Я буду готовить, — обнял муж меня за плечи. — Эта женщина должна быть в моей постели, а не на кухне.

— Это самое сумасшедшее дерьмо, которое я слышал, — засмеялся Адам. — Никогда бы не поверил, что ты это скажешь даже через сотню лет.

Когда Рассел все-таки рассказал дилеру о том, что случилось, его арестовали. Я пришла к нему в камеру и выслушала. На следующий день переговоры с ФБР проходили в моем кабинете, и я находилась рядом с подзащитным. Я сжала его руку, прежде чем обратить внимание на обоих мужчин сидящих передо мной.

— Я не понимаю, чего вы хотите.

— Бюро считает мистера Рассела ответственным за это убийство и за то, что он участвовал в сговоре с Аливасом при перевозке наркотиков.

— И? — улыбнулась я.

— И? — удивленно посмотрел на меня ФБР-овец.

— Вам не привлечь его за создание помех правосудию, поскольку вы сами не смогли ничего найти. А также убийство не доказано. А насчет участия тоже ложно, так как у вас есть записи. Так чего вы хотите от моего подзащитного? Извинений? Извинитесь мистер Рассел.

— Извините, — сказал он.

— Ах ты стерва, — выругался мужчина. — Твой подзащитный является косвенным соучастником.

— Он не знал, что опять может затеять любой другой человек, с которым он хотя бы однажды разговаривал. И Аливас ничего не говорил мистеру Расселу. Вы ведь сами слушаете свои записи?

— Мы сказали ему ранее.

— Это предлог, — хмыкнула я. — Что-то ведь надо было сказать, чтобы выйти на того, кого нужно, через моего клиента.

— Вы правы. Нам стоит прекратить расследование. Но знаете, с чем связан ваш подзащитный? С этими жертвами! — бросил мужчина мне фото убитых женщин.

— Наша встреча окончена, — поднялась я с кресла. — Я подам иск за запугивание и преследование моего клиента. Вон из моего кабинета! Живо!

— Не надо со мной ссориться. Я не всегда играю честно, мисс Харисон, — сказал один из них прежде чем выйти.

— Мисс Харисон, мне нужно, наверное, рассказать кому-то, что я чувствую, — смотрел на меня Рассел.

— Поделитесь со своей женой.

— Увы, она не слушает меня.

— Зато можно не переживать, что произойдет утечка информации.

Вскоре Рассел ушел, и Тиффани зашла в кабинет.

— Теперь все в руках Божьих, — сказала она, наливая бокал содовой. — Верно?

— Я думала, я и есть Бог.

— Тогда я тебя разочарую, — улыбнулась она. — Ты выиграла, Эмили. Теперь и дальше можешь быть адвокатом.

— Я знаю, — покачала я головой. — Но я больше не хочу этого. Доказать, что я лучше, было моим желанием и долгом перед дипломом юриста, но это больше не моя жизнь.

— Что ты решила делать дальше?

— Столько человек потерялось из-за моей работы. Но знаешь, я рада, пусть даже упреки многих справедливы. Я отдала этой работе столько лет жизни, но теперь не болею этим. С

меня хватит. Я предложу место Кристоферу, он заслужил испытательный строк. Тебя сделаю партнером, и может быть, когда-нибудь мой ребенок продолжит это дело.

— И чем ты собираешься заниматься? — присела она на край стола.

— Я открою место для мыслей. Там будет кофе, вино и сладкие пончики. Мягкие диваны и уютные стены, — улыбнулась я.

— А что насчет Макса? Он не хочет быть адвокатом?

— Я не позволю ему стать мной. У него должен быть другой пример.

— То есть ты не против, чтобы адвокатом был твой ребенок, но против, если брат?

— Мой ребенок не будет дьяволом. Кроме меня у него или нее будет отец, который доброй душой. Гораздо лучше, чем я. Он будет любимчиком семьи, но не падшим ангелом. Когда ты собираешься замуж?

— О нет, дорогая, — засмеялась девушка. — Только из-за того, что ты вышла замуж в тридцать, не значит, что я тоже из ума выжила.

— Вообще-то мне двадцать девять.

— Встреча с тобой изменила меня, Эмили, — исчезла улыбка с лица девушки. — Ты сделала меня той, кто я сейчас. Есть много людей, которые тебя уважают и благодарны, но у меня эти чувства по-особенному сильны. Когда жизнь довела меня до самой тупой боли, я встретила тебя. Или ты встретила меня. Где-то между нашими делами, спорами, шутками и криками я полюбила тебя. Я больше не найду такой, как ты, да и не хочу. Но ты научила меня самому важному: если ты что-то чувствуешь, то об этом нужно говорить. И я чертовски люблю тебя за все, что ты сделала.

— Я тоже люблю тебя, моя девочка, — подошла я к Тиффани, сжимая ее в объятьях. — Ты единственная, кому я доверю дело своей жизни.

Я сидела в кабинете и смотрела на Нью-Йорк, понимая, что это последние мои часы как адвоката. В дверь постучали, и вошел мой муж. Он стоял с огромным букетом красных роз и улыбался.

— Прости, — положил их на стол, подойдя ко мне. — Пионов не было.

— Я тебя прощаю, — улыбнулась я. — Ты по делу или соскучился?

— Соскучился, — присел напротив меня. — Что это за дело Рассела?

Я не успела ответить, как один из офицеров влетел в мой кабинет.

— Что ты, черт возьми, себе позволяешь? — прорычал он, смотря на Брайана.

— Это ты, черт возьми, что позволяешь? — слышала я злость в голосе мужа. — Ты почему тут?

— Я не собираюсь спускать этой стерве манипуляцию.

— Если ты сейчас же не уберешься отсюда, я сломаю тебе череп, Маркус.

— Мальчики, — обратилась я к обоим. — Вы не могли бы устроить побоище на улице? Я и так много мебели выкинула после некоторых своих клиентов, но сейчас мой кабинет мне нравится.

— Оставь их, Эм, — вошла с улыбкой на лице Тиффани. — Им не терпится помахать кулаками. Не хочешь попкорна?

— Люблю хороший бой, — улыбнулась я ей, скучающе скрестив руки на груди.

— Я принесу, — проворчала она, уходя.

— Прекратите, — вздохнула, смотря на мужа. — Никаких боев.

— Поцелуй меня в задницу, Прайсон, — рывкнул Маркус. — Она меня подставила.

— Сам поцелуй меня в задницу.

— А затем поцелуйте еще мою, — поднялась со стула. — И заткнитесь уже наконец.

Маркус стрельнул на меня злым взглядом и ушел, хлопнув дверью. Я рассказала Брайану о том, что не хочу больше сидеть в этом кресле и носить свою самую большую победу — удостоверение адвоката.

— Я никогда не строил планы на будущее, — сказал муж. — Пока не встретил тебя, Эмили. Ты изменила всю мою жизнь. То, что происходит с нами, превосходно. Это лучше, чем все мечты и ожидания.

— Я стала другой, когда встретила тебя, — легко дотронулась я своими губами к его. — Лучше.

— Просто встретив меня, ты перестала играть роль мужчины.

Брайан открыл мой ноутбук и включил песню Toto Cutugno — Buonanotte. Я засмеялась, когда он подал мне руку, и мы стали двигаться под музыку в танце. Муж сильно держал мою талию, прижимая к себе.

— Я все думал, почему ты полюбила меня?

— Ты задел меня за живое. Я думала о тебе, а потом стала говорить. И однажды, когда в очередной раз ты приехал, я поняла, что выйду за тебя замуж.

— Я поверил в любовь с первого взгляда, — поцеловал Брайан мою руку. — Я влюбился в тебя в тот самый момент, когда ты вышла из такси и откинула волосы назад. Через пару дней после нашей встречи я заглянул к тебе в кабинет. Ты спала на своих ладонях, которые лежали на столе, и тогда я сказал себе, что женюсь только на тебе.

— Так ты знал меня? — удивленно посмотрела я на улыбающегося мужа. — Ты следил? Знаешь, что это противозаконно?

— Серьезно? Нужно было остановить меня.

Его слова зажигают мою кровь. Он мне нужен. Брайан нужен мне целиком и полностью. Мне не стыдно за любовь. Не стыдно, что я предана ему. Пусть в нем было чуть-чуть грубости, но даже она была чертовски милой. Никто не умеет так целовать меня. Целовать жестко и нежно в то же время. Я полюбила его. Действительно полюбила. И с такой любовью со стороны мужчины в ответ этот процесс необратим.

— Ты бы изменила что-либо?

— От себя в тридцать не убежишь, Брайан.

Вскоре мы вышли из офиса, когда улицу заполнила темнота и свет фонарей. Я решила, что завтра заберу вещи и подпишу бумаги. Брайан сел за руль машины, и мы двинулись в сторону Бруклина. Я говорила о том, каким хочу видеть ресторан и что обязательно на днях этим займусь. Брайан улыбался, переводя взгляд с меня на дорогу. И я была счастлива. Очередной раз.

— Я люблю тебя, Брайан, — смотрела я на него. — Какие у нас планы на завтра?

— Милая, не нервничай, — смотрел он в зеркало заднего вида. — Как только мы доедем домой, я тоже буду любить тебя, при чем несколько раз подряд, но сейчас у нас хвост.

За нами гнался внедорожник, быстро набирая скорость. Я видела только старые здания и деревья. Брайан резко крутанул руль и съехал на подъездную дорогу. Мы видели, как нас преследовала машина, и Брайан снова добавил газу, направляясь прямо в стену старого здания. Я вытащила телефон и разослала экстренные сообщения всем друзьям, ведь от страха не могла вымолвить ни слова. Машина резко врезалась в стену и развалила ее.

— Черт возьми, новая машина, — смотрела я по сторонам, когда Брайан с испугом

смотрел на меня.

— Ты в порядке?

— В полном. Что будем делать?

— Дай мне свое оружие.

— Оно в бардачке, — ответила я, выходя с машины. — Я посмотрю обстановку.

— Эмили, не смей!

Я открыла дверь и, завернув за дом, увидела перед собой мужчину.

— Издашь хоть звук, и я снесу тебе голову, — прошептал он. — Шагай.

Я сделала, как он говорил. Он толкнул меня в помещение, взяв кисти моих рук и связывая их.

— Ты знала, что когда-нибудь тебе придет конец, да? — смотрел он с ненавистью на меня.

Затем ударил по лицу, и я упала. Он вышел из комнаты, захлопнув дверь. В комнате не было никого. Ни признаков жизни, лишь стул, стоящий в центре, и запах крови и страха. Я отмечала обстановку. Будь тут хоть какая-то мебель, я смогла бы укрыться и быть меньшей мишенью. Пнув ногой в дверь, я услышала глухой звук. Я нахмурилась и снова сделала это. Ждать — отстойно. Так продолжалось минут десять, пока я не подошла к окну и не разбила его двумя ударами ноги.

— Эмили! — крикнул Брайан.

— Я тут!

Он открыл дверь и кинулся ко мне.

— Твою мать, Эмили, я говорил тебе сидеть со мной.

— Заткнись. Тут где-то есть этот козел.

— Что у тебя на лице? — провел он кончиками пальцев.

— Царапина.

— Сукин сын! Он ударил тебя. Я выпущу из него кишки. Перережу к чертовой матери артерию и...

— Тише, ковбой. Нужно выбирать.

Брайан выглядел напряженным, и я не могла его винить. Он изучал мое лицо, а затем взял за руку, и мы вышли из здания. Прозвучал звук выстрела, и, увидев двух мужчин, приближавшихся к нам, Брайан выстрелил. Я двинулась в темноту, чтобы прикрыть его с другой стороны дома.

— Беги в лес, — сказал он. — Позови на помощь.

— Я не брошу тебя! — закричала я. — Никогда.

— Эмили, беги. Иначе мы оба умрем.

Я направилась в сторону леса, услышав звук выстрела, и спустя мгновение началась перестрелка. Несколько пуль вонзились в деревья рядом со мной, и я старалась бежать, не врезаясь в них. Позади слышала крик мужчины. Он был полон боли и злости. Я врезалась плечом в ветку дерева и упала на землю от удара. С трудом поднявшись на ноги, вымучено прислонилась, пытаясь восстановить дыхание. Я дергала запястье, чтобы развязать руки, но они не поддавались. Я боролась с отчаяньем и страхом. Хотела подальше убраться от пуль и пыталась приучить свои глаза к темноте.

Из-за всех этих выстрелов и криков казалось, что шла война. И мой муж был в центре этих событий. Я не успела выйти на шоссе, как что-то преградило мне путь. Огромная фигура появилась из ниоткуда. И кто бы это ни был, он шел прямо на меня. Я рванула в

обратную сторону леса в безумном отчаянье, пытаясь найти глазами Брайана. Я свято верила в него. Мой муж умный и сильный. Было столько вещей, которые я не успела сказать ему. Именно через это мы не можем умереть. Только не сегодня.

— Эмили, уходи! — закричал он, когда я увидела его фигуру в темноте.

— Там еще один.

— Черт!

— Брайан, мы умрем? — слезы лились с моих глаз.

— Не сегодня, — стал он развязывать мои запястья. — Я сейчас убью того, что позади тебя, а затем мы убежим, поняла?

— Да, — покачала я головой, не веря ему. — Я все сделаю. Что я должна делать, Брайан?

— Ты должна выжить, Эмили. Пообещай мне, что выживешь.

— Я обещаю, — прошептала я.

Брайан убил, как и говорил, того ублюдка, затем взял меня за руку, и мы двинулись вглубь леса. Я не боялась за себя в этот момент, только за него. За тех людей, которые, узнав о нашей смерти, впадут в отчаянье. Очередной звук выстрела, и я почувствовала боль в спине, падая на землю. Я пыталась подняться, несмотря на то, что не могла нормально вздохнуть.

Брайан взял меня на руки и пытался бежать быстрее. Я сомневалась, что мы останемся живы, но его лицо будет последним, что я увижу. Мы спрятались за деревом, и мой муж взял в руки мое лицо.

— Осталось совсем немного. Я попытаюсь снять хотя бы одного, а затем мы снова побежим, хорошо?

Я качнула головой, и он снял с себя рубашку, обматывая вокруг моей спины, чтобы остановить кровь. Затем я стала рядом с ним, держа за талию.

— Эмили, отойди! Стань за мной.

Откуда-то появился один из ублюдков и ударил Брайана по лицу. Мой муж сверкнул взглядом на меня и нанес тому первый удар. Он впечатал его в дерево рядом со мной, и тот зашипел от боли. Он пытался ответить ударом в бедро, но Брайан нанес еще один, и тот приземлился на задницу. Он бросился на моего мужа, и они стали наносить удары по телам друг друга. Брайан откинулся на спину, и он напал на него. Когда его кулак достиг лица моего мужа, я сильнее сжала зубы и ногой в спину сбила кретина с ног. Он потерял хватку, и Брайан как раз вовремя взял урода за шею и свернул ее, тяжело дыша.

Он повалился на землю, и Брайан смотрел на меня, наблюдая за реакцией. То, что я видела, ужасало. Большой мужчина растянулся, лежа на спине. Кожа в ранах и крови. Рубашка разодрана, и я едва подавила тошноту, смотря на тело. Кровь была повсюду, и я сглотнула, понимая, что мы до сих пор живы благодаря умению Брайана был хладнокровным. В следующее мгновение я услышала шаги и заметила, как еще одна тень нацелила оружие на Брайана. Я кинулась прикрывать его собой и закричала в ужасе от очередной боли, увидев кровь, вытекающую из своей груди. Жар разлился от лопатки до затылка, и все потемнело. Я больше не чувствовала страха, и отчаянье на лице моего мужа было последним, что я видела.

Вербер однажды сказал: «Все, что с нами происходит, случается именно тогда, когда это нужно». Но то, что произошло со мной, не нужно было ни в какой жизни, где я бы помнил предыдущую. После того дня в лесу я не слышал ее голоса 23 дня 44 минуты и 28 секунд. Каждый день, сидя у кровати, я вспоминал ее глаза, прежде чем она обмякла у меня на руках. Меня словно пронзили ножом. Я забыл, как улыбаться. Эмили была в коме, а я в отчаянии.

— Они не верят, что она проснется, — вошла в палату Донна. — И думают отключить ее от препаратов.

— Они думают, что у них есть шанс, — смотрел я на девушку. — Эмили полностью моя. Она принадлежит мне. Она будет лежать тут бесконечно, пока я не умру. Но согласия от меня они не получают.

— Поговори со мной, Брайан. Расскажи, что случилось. Почему она лежит тут? Я имею право знать, это ведь моя Эмили.

Донна взяла ее руку в свои ладони, а я посмотрел на жену, и мой взгляд невольно упал на ее губы. Я потерялся в ней. В воспоминаниях. В моей жизни больше не было ее улыбки, голоса и объятий. Я перестал чувствовать. Наша встреча с моей женой не решила всех проблем, но она была началом настоящей жизни.

— Знаешь, Донна, я изучал ее с первой нашей встречи. Она была так мила, так соблазнительна, великолепна и отчасти слегка экзотична. Ее черные волосы были мягкими и шелковистыми. Широкие пряди спадали на плечи. Когда она узнавала правду обо мне, я не видел на ее лице признаков страха. Химия между нами зашкаливала.

— Брайан, на самом деле Эмили — ребенок. Она наивное создание. Но она так удивительна, и жизнь с ней кажется теплой и защищенной. Ей всегда нужна была стабильность. Для меня жизнь была вечной эмоциональной качелей, а Эмили ее останавливала, когда замечала, что мне страшно. Ей нравилась бездна человеческой природы и радость внутреннего мира людей, которых она оберегала. Ей нужны разговоры о мелочах и жизни. Ей важно было не подписание договора, а действия самого процесса. Эмили хотела, чтобы ею дышали.

— И в конечном итоге она пришла к этому. Но Эмили не была честна даже со мной. Она все время выживала, и это ранит. Она пыталась решить все, даже пусть по пути был бой, перестрелки, погоня, интриги и чертова трагедия вселенского масштаба. И я не утрирую. Моя жена. Моя Эмили лежит тут почти месяц. Она в коме и не знает, что каждый день я умираю. Я готов сам умереть, лишь бы она проснулась.

— Я верю, что она слышит тебя, милый, — сжала мою руку Донна, когда очередной раз слезы полились из ее глаз. — Ей нужно знать, что ты все еще с ней. Говори, рассказывай ей все, что происходит. Твоя задача — заботиться о ней, и ты обязан справишься. Ей нужна твоя поддержка и вера в нее.

— Она даже не знает, что я тут.

— Она знает, — закрыла она глаза от боли. — Этим она и отличалась всегда. Эмили знала обо всем и слышала то, чего не слушали другие.

Я принес кофе, а Донна мыла ей волосы и подкрашивала губы, чтобы те не казались

такими бледными. Ее подруга была в таком же отчаянии, как и я. И только теперь я понял, что моя жена имела ввиду, когда говорила, что самые близкие люди и наши надежды могут причинить самую дикую боль.

— Знаешь, какое любимое стихотворение Эмили? — улыбнулась Донна, вытирая мокрые щеки.

— Нет, — покачал я головой. — Расскажешь?

— Автор: Франсуа Вийон.

«Я знаю мир — он стар и полон дряни,

Я знаю птиц, летящих на манок,

Я знаю, как звенит деньга в кармане

И как звенит отточенный клинок.

Я знаю, как поют на эшафоте,

Я знаю, как целуют, не любя,

Я знаю тех, кто "за" и тех, кто "против",

Я знаю все, но только не себя.

Я знаю шлюх — они горды, как дамы,

Я знаю дам — они дешевле шлюх,

Я знаю то, о чем молчат годами,

Я знаю то, что произносят вслух,

Я знаю, как зерно клюют павлины

И как вороны трупы теребят,

Я знаю жизнь — она не будет длинной,

Я знаю все, но только не себя.

Я знаю мир — его судить легко нам,

Ведь всем до совершенства далеко,

Я знаю, как молчат перед законом,

И знаю, как порой молчит закон.

Я знаю, как за хвост ловить удачу,

Всех растолкав и каждому грубя,

Я знаю — только так, а не иначе.

Я знаю все, но только не себя».

Вскоре Донна ушла, а я никак не мог перестать думать о стихотворении, его смысле и непоколебимой уверенности того, что почти в каждой строчке Эмили видела себя и свою жизнь. Сила моей женщины не только в ее логике и интеллекте. Она умеет любить, и ее слова, словно катана, способны рассекать как мрамор, так и души. Не допускает ошибок ни в судебном процессе, ни в разбивании атомов, ни в исследовании сердца. Эмили всегда было неважно, что делать, ведь все, к чему она прикасалась, становилось изумительным и безупречным.

Как и каждый день с того момента ровно в двенадцать в палату вошла мать Эмили. Кажется, Хелена постарела на много лет за эти недели. Всем бывает больно, и даже сильной маме, которая день за днем понимала, что может увидеть своего ребенка только на экране компьютера или телевизора. Она хранила слезы внутри себя и показывала боль только в глазах. Не сдавалась и улыбалась, понимая, что самую высокую цену за какой-то поступок заплатила ее дочь.

— Здравствуй, Брайан, — поцеловала она в лоб Эмили. — Мне звонил доктор.

— Нет, — ответил я резко. — Никто не будет отключать ее от препаратов. Я не дам этого сделать. Только через мой труп.

— Милый, никто бы этого не позволил. Мое солнышко, — потекли слезы из глаз матери. — Моя голубоглазка. Многие считают, что тебя можно сломать. Но ты всегда побеждала, моя девочка. Тебе и в этот раз хватит сил, чтобы подняться. Ты не можешь умереть, дорогая. Если твое сердце биться перестанет, то и мое больше не пропустит ни одного удара, — затем перевела взгляд на меня. — Какие прогнозы? Только не ври мне.

Я поцеловал ладони своей жены и отвел взгляд. От этого разговора меня спас телефонный звонок.

— Брайан, мы нашли их. Они у меня дома, — сказал Адам.

— Я скоро буду, — отключил вызов. — Хелена, мне нужно уехать. Это ненадолго.

— Дорогой, тебе нужно выспаться. И поесть. Если что-либо изменится, я позвоню тебе.

— Нет, она может проснуться, а меня не будет рядом. Я не могу позволить ей снова разочароваться во мне.

— Когда она разочаровалась в тебе, Брайан?

— Когда в нее выстрелили.

Я покинул палату и сел в машину, отправляясь к Адаму. Мы находили всех, кто был связан с моей Эмили. Всех, кто был причастен к ее боли в тот день.

— Я не достоин ее, — закрыл я машину, пожимая руку владельцу.

— Ты намного больше достоин ее, Брайан, чем сам думаешь, — сжал он мое плечо. — Ты неплохой человек, просто с тобой случались плохие вещи.

Мы вошли в помещение, и я увидел двоих сидящих на стуле кретинов, руки и ноги которых были в наручниках, и троих, подвешенных к потолку. Я чувствовал такую непреодолимую ненависть. Я хотел убить их, и все, что меня сдерживало — Эмили. Ее разочарование. Адам передал мне несколько анкет, где я пробежал глазами по их болезням.

— Морфий введи одному, а тому, что со шрамом на щеке, хлоральгидрат, — смотрел я на друга.

— Его найдут в организме.

— Не найдут. Не то будут искать.

— А что делать с остальными?

— Пытай, выведай информацию, а потом подмешай в выпивку хлоральгидрат. Он растворится и превратится в трихлорэтанол.

— И что нам это даст, Брайан? Не глупи, их нужно просто пытаться, выведать информацию, а затем посадить.

— Нет, сделай так, как я сказал. Этот препарат противопоказан при порфирии, а затем он сдохнет.

— Ладно, а теперь езжай домой и поспи.

— Сначала я попытаюсь узнать то, что мне нужно.

Я направился к одному из них и ударил его кулаком по челюсти. Злость меня переполняла, и то, что из-за них я не мог обнять Эмили, готов был пристрелить каждого. Потребность держать мою жену в своих руках была невыносимой. Восхищение при каждой ее улыбке и одержимость обладать ею затмевала мой рассудок. Я сдерживал себя и пытался быть лучше для нее. Пусть сперва я и не был самим собой, притворяясь кем-то другим, но потом стал тем, кем моя жена хотела меня видеть. Но вот теперь я потерял ее и забыл ее запах. Я носил ее духи в кармане пиджака и каждый раз вдыхал их аромат.

— Эй, мужик, ты что, черт возьми, себе позволяешь? — вырвал меня из воспоминаний один из них. — Развяжи меня. — Я стрельнул в него взглядом, затем снял пиджак с рубашкой и зарядил пистолет, лежащий на столе при входе. — Ты что делаешь? — увидел я страх в его глазах.

— Сейчас я буду пытаться тебя. А одежду снимаю потому, что моя жена, которая лежит в коме, не любит, когда я убиваю кого-то. И чтобы она не увидела, я не хочу запачкать твоей поганой кровью эту одежду. Не смотри на меня, как на идиота, ты просто не знаешь мою Эмили. Она даже в коме узнает, что я делал, — я посмотрел в его глаза и выстрелил в ногу. — Затем я буду стрелять в части твоего тела, пока ты не будешь отключаться от боли, которую почувствуешь. Но когда буду приводить тебя в чувство и делать это снова и снова, ты будешь молить о том, чтобы я всадил нож тебе в глотку.

— Слушай, чувак, нас просто наняли. Мне нужны деньги. Всем нужны деньги!

— Я понимаю тебя, — ответил я тихо, перезаряжая пистолет.

— Послушай всю историю! — закричал он, и я выстрелил во вторую ногу.

— Мне не интересно.

— Но ты же сказал, что понимаешь, — вскрикнул другой, сидящий рядом.

— Да, но это не одно и то же, — спустил я курок, целясь в голову тому, что кричал. — Вот что будем делать сейчас. Ты все равно сдохнешь, но тебе решать, как именно это произойдет. Я хочу знать кто ваш заказчик, и тогда я убью вас всех, как и его, — убил я одного из них, который был подвешен к потолку. — Я даю вам на раздумья 5 секунд, и время пошло.

— Пошел ты! — и это был очередной труп.

Я понимал, что не контролирую себя. Но я схожу с ума. Я каждый день, черт возьми, схожу с ума от понимания, что она рядом, но не со мной.

— Ладно, ладно! — вопил тот, что со шрамом. — Это женщина. Я не знаю, как ее зовут, но в телефоне вбит ее номер.

— Надеюсь, так и есть, — направился я к столу и взял один из телефонов. — Этот?

— Да. Только отпусти нас.

— Ну же, говорите. Кто это? — услышал я женский голос в трубке.

Я узнал бы его из тысячи. Сбросив вызов, я разбил телефон об стену.

— Это точно этот номер? — закричал я. — Точно он?

— Да, да, это правда. Она дала нам эти телефоны.

Я смотрел на них с презрением, но все же оделся и поднялся к Адаму.

— Я уберу за тобой, — сказал друг, отдавая мне бокал с виски. — Выпей.

— Мне нужно к Эмили, — забрал бокал. — И нужно найти девушку.

— Какую?

— Я знаю, кто заказчик, — выпил я залпом, доставая телефон. — Это она. Эмили ей доверяла, и я хочу убить ее.

— А что бы сказала Эмили?

— Она бы мстила, — вырвал я бутылку из рук Адама и разбил об стену. — Но она лежит с трубкой во рту и молчит целый гребаный месяц!

— Брайан, черт тебя дери! — выругался друг. — Не что бы делала Эмили, а что бы она сказала тебе?

— Я не знаю, — сел я на диван, пряча руки в ладонях.

— Знаешь, — вздохнул он. — Она бы никогда не позволила тебе этого сделать. Никогда.

— Что ты мне подлил? — спросил я, когда голова начала кружиться.

— Снотворное, — ответил он, смотря мне в глаза. — Тебе нужно поспать. А мне убрать трупы и поехать за этой девушкой. Только говорить с ней буду я и без пистолета.

— Адам, блять.

— Еда в холодильнике, и я накрою тебя мягким одеялком.

И как бы в этот момент я ненавидел Адама, был благодарен ему. Я наконец-то смог поспать, пусть при действии медикаментов. Я так ее люблю. Нет, любовь — это чертово приуменьшение. Эмили — моя жизнь. Пусть ее друзья и знакомые порой заноза в моей заднице, я бы ни за что на свете не прекратил попытки добраться к моей жене, даже зная, что у меня нет шансов. Я просто надеюсь, что она найдет способ и вернется ко мне. Я стал ее бояться. Она ведь бросилась под пули из-за меня. Она пожертвовала собой, а что может быть страшнее?

Когда я проснулся, на часах было уже пять утра.

— Черт возьми.

— Ты проспал более четырнадцати часов, — услышал я голос Майкла за спиной. — Мы дежури́м, чтобы ты не сделал глупости.

— Не надо, — фыркнул я. — Мне нужна одежда.

— Что ты собираешься делать?

— Убить ее. Эта сука будет последней, кто остался в живых и причастен к тому дню.

— Ты не можешь всех убивать, Брайан.

— Могу. Они все мертвы уже. И как только я сотру всех с лица земли, она проснется.

— Ты сам веришь в это?

— Я не знаю, во что верю, — провел я ладонью по лицу. — Я больше просто ничего не знаю.

— Ты раньше не нуждался в ней настолько.

— Я раньше не знал ее настолько.

— Брайан, мы не сможем скрыть и эту смерть, понимаешь? — подошел ко мне друг. — Давай мы сделаем это ради Эмили, но так, чтобы девушка была жива. Ты знаешь кто она?

— Да, — вздохнул я. — И самое ужасное то, что Эмили ей доверяла.

Я достал из шкафа один из костюмов Адама и оделся, пока Майкл делал кофе.

— Это ее любимый напиток, — хмыкнул я, забирая чашку. — Она могла даже по запаху сказать, какой сорт кофе я сегодня приготовил. А я покупал все, чтобы она лишней раз не ходила в магазин.

— Как ты понял, что она та, кто нужен тебе?

— Я не знаю, Майкл. Просто понял, что мне нравится находиться с ней рядом и разговаривать. Кажется, что даже в плохом настроении Эмили умеет вырабатывать счастье и дарить его окружающим.

— Ты ее никогда не боялся?

— Я боялся ее поступков. Ты спрашиваешь сейчас об Эмили или Стейси?

— Сам не знаю, — улыбнулся Майкл. — Потому что порой я боюсь Стейси.

— Ты имеешь ввиду психологически?

— Она не торопится, не верит, не нервничает, не боится и не просит ничего. Как ты думаешь, я боюсь ее физически? Иногда мне кажется, что она киллер, при чем, целясь в очередной объект, рядом на ноутбуке выбирает туфли с улыбкой на лице.

— Согласен, — засмеялся я. — Кажется, она зацепила тебя.

— Да, она великолепна. Вчера вечером я пришел к ней домой, а она сидела в гостиной и смотрела, как горит огонь в камине. Рядом стояла елка, украшенная красными гирляндами, и уже открыта бутылка шампанского. Когда я спросил, ждет ли она кого-нибудь, Стейси ответила, что ей не нужен «кто-нибудь», чтобы быть счастливой. Но после нескольких минут молчания она все же заплакала и прошептала, что скучает по Эмили. Больше всего меня удивили ее слезы, ведь я просто не думал, что она умеет плакать.

— Все умеют плакать, — сказал Адам, входя в комнату.

— Да, — качнул головой Майкл. — Но только не Стейси Фостер. Она никогда не говорит о своей семье, о своем детстве и о том, что было до того времени, пока мы не встретились.

— Купи ей кошку или собаку, — поставил я разогревать пиццу. — Приготовь ужин, отвези в другую страну не насколько дней и узнай что-либо о женщине, которая рядом с тобой.

— Она говорит, что это просто секс.

— Это не просто секс, — сказал Адам. — Секс всегда значит больше для одного из людей.

— И кажется, этот человек — я, — покачал головой Майкл. — Вот дерьмо, никогда не думал, что скажу это.

Вскоре мы отправились в больницу. Я был так благодарен своим друзьям, что они рядом. Майкл с Адамом взяли управление моей компанией на себя, отдавая время полностью в мое собственное распоряжение. Они знали, насколько я люблю свою жену. Для

меня все время теперь было как один день. И завтра без нее не наступало. Она была рядом, когда плохо. Помогала подниматься, когда падал. Поддерживала. Держала за руку и говорила, когда я сам хотел просто помолчать.

— Привет, милая, — поцеловал ее в лоб, войдя в палату. — Извини, что так надолго оставил тебя. Адам дал мне снотворное, чтобы я поспал. Как ты? Выглядишь как всегда прекрасно.

— Ты с катушек слетел? — посмотрел на меня Макс. — Может, тебе нужно поговорить? Потому что, если ты не в себе, вали из палаты моей сестры.

— Макс, ты как она, — улыбнулся я, когда пелена слез затмила глаза. — Ты как ее маленькая версия. Требуешь говорить обо всем и считаешь, что мы сами по себе вселенная. Моя жена всегда думает, что я хороший, смешно да? И меня дико бесит и в то же время восхищает то, как ты заботишься о ней.

— Иногда мне интересно, почему Эмили вышла за тебя замуж и вообще позволила находиться рядом с ней?

— Я милый и чертовски сильно её люблю.

— Тогда ты уже знаешь, что Эмили идет в комплекте со мной.

— Это я уже понял, — пропала улыбка с моего лица. — И я рад, что ты тут, малой. Я уверен, она тоже это чувствует. Сестра — это тот человек, который прочитает боль и все поймет без слов.

— А где Лидия? — спросил Майкл.

— Я купил ей квартиру, и сейчас она живет сама, — ответил я.

— Но она совсем ребенок, — вмешался Адам. — Ей нужен уход.

— Поверь, она лучше о себе позаботится, чем я о ней.

— Эмили убьет тебя, когда проснется, — фыркнул Макс.

— Пусть убьет, — нежно прикоснулся я губами к губам своей жены. — Главное, чтобы она проснулась.

Друзья поправили покрывало, а затем ушли с Максом за кофе. Я же начал мыть тело жены, целуя ее щеки и руки. Спустя несколько минут в палату вошла Хелена и помогала мне с утренней процедурой.

— Я никогда не говорила ей, ведь не хотела расстраивать. Первое время я каждый день проливали слезы, скучая по своему ребенку. Мне было больно, и я всегда переживала за нее. Когда Эмили была маленькой, я каждое утро заходила в ее комнату на 15 минут раньше, чтобы посмотреть, как она спит, прежде чем будить. Моя дочь всегда для меня на первом месте, и когда ты сказал, что она в коме, мое сердце было разбито.

— Эмили не просто женщина. Она королева. Она мой воздух. Она всегда поступала, как того требовал долг, а не совесть.

Так как сейчас были новогодние праздники, наша семья почти все время была тут. Они говорили о своей работе, о любви, о том, что приготовили и какие покупали туфли. Эмили присутствовала при всем этом, по крайней мере, мы в это верили. Вечером, когда все ушли, со мной в палате остались Донна и Адам.

— Ты как? — спросила она.

— Теперь я на 99 % состою из своей жены.

— А оставшийся процент?

— Отчаянье.

— Знаешь, Эм, ты не имеешь права умереть, — сжала руку моей жены подруга. — Кто я

без тебя? Ты понимаешь, что можешь оставить меня совсем одну, и я буду, как твой муж. Он сейчас даже на человека не похож, так что тебе лучше уже поднять свою задницу с этой отвратительной кровати и вернуться к вашему, как ты всегда говорила, «жаркому сексу» со своим мужем.

Затем она поцеловала Эмили в щеку, и Адам не мог отвести от нее взгляд.

— Я подвезу тебя, Донна, — сказал друг.

— Не надо, я справлюсь.

— Я знаю, но я все равно это сделаю.

И вот мы снова остались одни. И я снова скучал. Я полюбил невероятную женщину, которая заставила меня поверить в любовь. После встречи с Эмили моя жизнь сдвинулась с мертвой точки, и в ней появилась цель, но в то же время вместе с Эмили эта цель исчезла. Все-таки у судьбы отвратительное чувство юмора.

— Помнишь, как мы поехали за город на водопад? Ты смотрела на него, а я на тебя. Ты печатала на ноутбуке и улыбалась мне такой особенной улыбкой. Вскоре я начал рассказывать тебе смешные истории, чтобы отвлечь, и ты взорвалась таким счастливым смехом. В этот момент я не хотел больше ничего. Я знал, что нахожусь там, где должен — рядом с тобой. Там были деревья и трава. Тогда ты сказала, что она цвета моих глаз. Но я не мог отвести взгляд от твоих. Ты удивленно озиралась по сторонам в незнакомом месте, но всегда упрямо следовала вперед, пусть даже находясь в чужом мире. Я опрокинул тебя на одеяло и прижал своим телом сверху. Между нами было невероятное притяжение. Я хотел тебя всегда больше, чем какую-либо женщину в своей жизни. Ты всегда так потрясающе чувствовалась. Ты — то лучшее, что есть во мне, Эмили. Я так сильно тебя люблю. Я не могу без тебя. Я сломлен и забыл, как дышать. Скажи, что мне сделать, чтобы ты проснулась. Я сделаю все, что угодно. Я буду дышать за тебя.

Мне с самого начала отношения нужны были гораздо больше, чем Эмили. Просто я не знал, кто я и что с собой делать, пока не встретил свою жену. Я поймал ее, ведь сама она бы ко мне не пришла. А потом я стал о ней заботиться. Не хотел, чтобы она сбежала. Чем чаще она улыбалась, тем сильнее я влюблялся. Вскоре я лег спать на соседнюю кровать и смотрел на свою жену при свете луны. Когда Эмили упала в кому, я, наверное, оказался в соседней палубе. Я не мог спать, есть и свободно дышать. Все происходило как по сценарию. Я просыпался, мыл тело своей жены, переодевал, а затем укрывал, тем самым заканчивая утренний ритуал. Порой ходил за кофе и смотрел, как через трубки она дышала, ела и жила. Потом приходила наша семья, и мы все между собой разговаривали. Ее подруги задавали ей вопросы и улыбались, делая вид, что она только что им ответила. Они знали, что бы Эмили сказала в той или иной ситуации, и день за днем я видел все меньше и меньше надежды в их глазах.

Адам приехал в часов девять и поцеловал мою жену в щеку.

— Привет, Эмили. Я пришел поговорить с твоим мужем.

— Чего тебе?

— Я схватил ее.

— Отлично, поехали.

— Нет, Брайан. Я отдал ее ФБР.

— Что ты сделал?

— Отдал ФБР, — сел друг на стул. — За эти дни ты убил слишком многих и подумай, что скажет Эмили, когда узнает, что в то число входит ее друг.

— Друга, который хотел ее убить? — закрычал я. — И теперь она лежит тут и ничего не может сказать?

— Успокойся, — покачал он головой. — Пойми, она не простит тебя. У Эмили огромное сердце, и тебя там не будет, как только она узнает о том, что ты сделал.

Ночь и утро создано для размышлений. Я знал, что люблю Эмили, но до той ночи не понимал, насколько мне важно ее присутствии в моей жизни. Она могла сдержать меня и мой гнев. Она была моим настоящим, а ведь его определяет только то, что происходит с тобой сейчас.

— Слушай, ожидать, пока проснется твоя жена — не потеря времени. Просто у тебя есть возможность подготовиться к грядущему. Так используй его. Говорят, когда ты счастлив, все вокруг тебе кажется лучше, и твой взгляд на мир отражает цвета твоей души. Но, когда ты зол, то и это отражает твой взгляд на мир, Брайан. Двигайся вперед — это будет лучшей мстью.

Я согласился с другом, и мы стали возле окна, чтобы выпить кофе. Донна вошла в палату, крича на кого-то по телефону.

— О нет, этого не будет, Вилс. Я не позволю. И я уволю тебя к чертовой матери, или ты сделаешь так, чтобы удержать этого клиента, — она замолчала на несколько секунд, чтобы послушать, что ей ответили, за это время поцеловав Эмили в щеку и проговорив одними губами нам «привет». — Я тебе за это и плачу. И я не пытаюсь быть сухой, я просто такая. Полагаю, у меня есть право злиться, учитывая, что твоя задница такая же ленивая, как твой язык. И последнее, беря во внимание, что сейчас я нахожусь в палате своей сестры, не хочу слышать твой голос, пока ты не напишешь мне смс, что все сделал, иначе собирай свои вещи и проваливай.

— Привет, куколка, — улыбнулся Адам. — Никак не пойму, в тебе столько злости, или это проявление страсти?

— Это проявление ненависти, дружок, — пожала она плечами, переводя свой взгляд на Эмили. — Привет, дорогая, извини за сцену. Просто, кажется, все летит к чертям.

Погода была не лучшая, и пока Донна сидела с Эмили, я поехал домой, чтоб забрать кое-какие вещи. Выходя на террасу, я вспоминал, как мы последний раз тут сидели и смеялись. Как говорили о прохожих и их судьбах, наблюдая только за внешним поведением. Молния очертила небо, и я стал под струи дождя, снимая рубашку. Мне нужно было почувствовать себя живым. Я хоть и видел мир, но не жил. И умереть тоже не мог. Дождь пошел сильнее, и гром загремел громче. Мое сердце билось, как сумасшедшее, но я впервые с того дня снова почувствовал, что мне приятны прикосновения. Пусть они и были от дождя.

— Знаешь, братец, — услышал я голос сестры. — Меня уже достало это. В коме лежит Эмили, а умираешь ты.

— Зачем ты пришла сюда? — повернулся я к ней.

— Есть тебе приготовила, — смотрела она на меня. — Пошли в дом.

— Я не хочу есть.

— Эмили придет в себя и разведется с тобой, когда увидит твою отвратительную фигуру.

— Моя жена такая умная женщина, — чуть улыбнулся я, забирая еду. — У нее аналитическое мышление, феноменальная память и супершпионская наблюдательность.

— И я все еще не могу понять, как она полюбила тебя, — сказала сестра с улыбкой на лице. — Я хотела быть похожей на нее и, кажется, впадаю в отчаянье, как и ты. Но я знаю,

как тебе помочь.

— И как же? — сел я на диван, приступая к еде.

— Помнишь, она хотела открыть ресторан?

— Да.

— Давай его обустроим. И когда Эмили снова захочет жить, скажет тебе спасибо.

— Ты думаешь, она не хочет жить? — посмотрел я на Лидию.

— Не знаю, Брайан. Но она должна была умереть, когда пуля прошла рядом со спинным мозгом.

— Если ты думаешь, что это поможет, ладно. Она и правда хотела бы этого.

Я доел, после пошел в душ и, когда переоделся, снова вернулся к сестре. Мы открыли сайт недвижимости и стали выбирать помещение. Я решил купить здание, пытаюсь сделать то, что хотела бы Эмили, а потом завести ее в ресторан на любимый кофе. Чтобы она улыбалась, а я мог смотреть на ее улыбку.

— Поехали, — вырвала меня из раздумий сестра. — Нельзя откладывать, у нас осталось слишком мало времени.

Я промолчал, но все же решил собрать сумку, положив туда несколько рубашек, брюк, футболок, бритвы, гели и некоторую одежду для Эмили. Также прихватил фотографию, которую однажды ей отдал, и, напоследок забрав нужные документы, мы отправились смотреть здание, которое одобрила Лидия.

— Расскажи, как начались ваши отношения.

— Ну я искал жену, а она любовника.

— Она говорила, что ты очень напористый, — улыбнулась девушка.

— Если мужчина не проявляет решительности, женщина не будет его уважать. Я никогда не спорю с ней, но даю возможность высказаться и остыть.

— Даже если от ее тона у тебя лопаются барабанные перепонки?

Я засмеялся и остановился, выходя из машины. Нас встретила девушка-риелтор.

— Мистер Прайсон, — пожала руку. — А вы?

— Я его сестра. Пойдем, и я хочу услышать продолжение.

— Ну да, — снова улыбнулся я. — Не нужно вовлекаться в эмоции женщины, но там обязательно нужно присутствовать. Если я начну ругаться со своей женой, то попросту потеряю ее уважение, и она подумает, что я слабак. Порой мужчина не готов брать ответственность. Но женщина, которую мы любим, очень могущественна.

Раньше тут было какое-то кафе или ресторан. Барная стойка и огромные витрины выглядели потрясающе со стороны улицы. Бревенчатые потолки, китайские фонарики, которые до сих пор висели, но выглядели до ужаса нелепо, и Эмили бы улыбнулась, сразу решая все изменить. Я стал всегда думать, а что бы сказала Эмили? Как бы она поступила? И самое главное: «Станет ли когда-нибудь легче?»

— Мне нравится это здание, — осмотрелась сестра. — Мне кажется, оно идеально подходит, но нужно сделать перепланировку, и я закажу мебель. Мы займемся этим завтра, а сегодня украсим палату Эмили.

— Для чего? — спросил я в замешательстве.

— Сегодня Новый год, Брайан. Это ее любимый праздник.

Боль. Это должен был быть наш первый Новый год. Каждый праздник, который Эмили пропустила, оставляет незаживающие шрамы в моей душе. Новый год — всегда надежда на что-то хорошее. Это мечты о счастье. Это трепетное ожидание, что наступающий год

непрерывно будет лучше предыдущего, а все беды, разочарования и горести останутся в прошлом. Именно в канун Нового года как никогда хочется верить, что все самые сокровенные желания обязательно сбудутся.

— Мы берем это здание, — сказал я девушке. — Оформляйте.

— На сколько месяцев? — улыбалась она.

— Что вы имеете ввиду?

— В аренду на сколько месяцев?

— Я не беру его в аренду, я его покупаю.

— Оно стоит...

— Мне плевать, — прервал я ее. — Готовьте документы.

— Тебе и правда понравилось? — спросила Лидия, когда девушка ушла.

— Тебе понравилось, — пожал я плечами. — И если ты считаешь, что оно понравится

Эмили, то я тебе верю.

— Давай, сегодня ты придешь к Донне, — направились мы к выходу. — Я хочу приготовить ужин.

— Вы — моя семья, Лидия. Но этот Новый год я проведу с Эмили. Я выбираю ее.

— Знаешь, смысл Нового года — получить шанс. Шанс воспринимать жизнь такой, какая она есть. Тебе не сбежать от себя. Не важно, как ты себя чувствуешь, поднимайся и иди дальше. Так мне сказала Донна. Она часто говорила это Эмили, и ты должен послушать нас.

— Тебе нравится Донна? — сели мы в машину.

— Она лучше меня. Красивее меня. Иногда я думаю, что она совершенство, ведь столько лет держит Эмили на плаву. А это задача не из легких.

Я усмехнулся своей сестре и, когда мы подъехали к больнице, прежде чем выйти, сказал:

— Я ценю вашу поддержку и твою в особенности, Лидия. Я люблю тебя, но не надо. Я не просто люблю свою жену, она моя жизнь, понимаешь? И я не хочу быть без нее.

— Ладно, однажды мне Эмили сказала, что у тебя есть чувства, и видимо, тот вечер их задел и немного тебя расстроил, да?

— Иди в палату, — покачал я головой, улыбаясь ее шутке. — А я зайду к доктору и узнаю насчет новых анализов.

Сестра — особенное создание. Она есть, и этого, по большому счету, достаточно для счастья. Люди не ценят, пока имеют. Я же это понял, пусть и ценой одиночества многих лет.

— Здравствуйте, мистер Томилсон, — постучал я в кабинет. — Можно?

— Конечно, мистер Прайсон, — улыбнулся мужчина. — Входите.

— Я хотел бы украсить палату Эмили и быть с ней сегодня ночью.

— Вы можете, мистер Прайсон. Это частная клиника, и я не думаю, что ваша жена будет против, если ее родные и близкие будут рядом с ней в новогоднюю ночь.

— Это ее любимый праздник, — хмыкнул я. — Что с анализами?

— «Никто не может вас разрушить, кроме вас самих, и никто не может вас спасти, кроме вас самих», помните эту фразу? — я ничего не ответил, и доктор продолжил: — Мы нарисовали этот мир. Все наладится и будет хорошо. Не бойтесь перемен. По своему опыту скажу — все, что ни делается — все к лучшему. Пережить и вытерпеть можно все, каким бы убийственным не казалось сначала.

— Ладно, — расстегнул я пиджак. — Так что с анализами?

— Мне жаль, мистер Прайсон. Но я не уверен, что ваша жена когда-нибудь откроет глаза. Мы можем и дальше держать ее на препаратах и поддерживать в ней жизнь, только по-настоящему она не живет. Миссис Прайсон больше не живет как прежде, и если вы на что-то еще надеетесь, то я просто не знаю, что делать.

Я ничего не ответил, а просто вышел из кабинета, направляясь к Эмили. Я чувствовал дикую ненависть к себе. Сам факт того, что я угробил время на работу раньше, злила меня, ведь я мог провести его с Эмили. Такая, как она, бывает раз в жизни. Такое чувство, что она искала меня, но, когда нашла, мне не хватило силы защитить ее. Ее образ всегда в моей памяти, и взгляд стоит больше, чем миллионы слов других людей. Сегодня я понял, что мне не хватит жизни, чтобы любить ее. Те, кто причастны к этому, сейчас или убиты, или под арестом. Но осознание этого не помогает. Оно не делает боль меньше или даже терпимей. Я остановился в ступоре. Палата была другой. Наряженная елка стояла возле окна. Бутылки шампанского и фрукты на столе. Также в палате появились мягкие кресла с диваном, на которых было несколько подушек и пледов. На столе возле другого окна было множество подарков, и гирлянды развешаны на стенах комнаты. Эмили была одета в легкое белое платье, и я склонился над ней, вдыхая аромат ее тела и нежно касаясь губ. Я знаю, она моя. Она и только она, без сомнения. Пусть сейчас мы в разном времени, я знаю, что эта женщина и есть полюс моего притяжения.

— Мы подумали, что должны быть с ней рядом, — сказала Донна. — Поэтому украсили елку и палату.

— Новый год, — улыбнулась Ева. — Ее праздник. И мы не позволим Эмили пропустить этот день.

Все улыбались, хоть в их глазах стояли слезы. Хелена подошла ко мне и сильно сжала в объятьях. Она гладила мою спину, и я чувствовал, что в ней сейчас душа моей жены. Ведь она и есть часть своей матери.

— Все будет хорошо, сынок. Она справится.

— С наступающим, — посмотрел я ей в глаза. — Она так похожа на вас.

— Мы уже сделали все процедуры, Брайан, — услышал я голос Эбби. — Лидия тебя отвлекала.

— Я так и понял. Зачем?

— Просто тебя нужно занять. Жизнь идет дальше. И в конце концов, мы не хотим, чтобы однажды тут стояла еще и твоя кровать.

Совсем тихо играла новогодняя музыка, и вскоре мы сели за небольшой стол, смеясь над словами Стейси: «Мне плевать, никто ничего готовить не будет. Я заказала пасту и пиццу, так что скажите спасибо».

— Помните эту песню? — улыбнулась Ева.

— Это BTS Bangtan Boys JungKook — Christmas, — ответила Эбби. — Эмили включал ее как минимум дюжину раз каждый Новый год и Рождество.

В эту ночь я улыбался и смеялся. Это не был обычный день, ведь мы сидели рядом с кроватью моей жены и рассказывали милые и смешные истории, связанные только с ней, при этом попивая алкоголь и поедая пиццу. Все это время мы отдали только ей. Я подумал, что она действительно счастлива, ведь столько людей ее любят. Столько людей бросило свои жизни ради того, чтобы быть рядом с Эмили. Мне кажется, очень мало сейчас тех, кто может похвастаться наличием друзей после того, как у него случается какая-то трагедия.

— Знаете, — смеялась Долорес. — Я помню, как заставила впервые смотрела Эмили

«Секс в большом городе».

— Да, да, я тоже помню, — налила снова бокал вина Стейси. — Мы все сидели у меня дома. Заказали пиццу и взяли несколько бутылок пива. Когда она услышала мой краткий рассказ, сказала: «Какой ужас, такими темпами наши менструальные циклы синхронизируются, и мы поубиваем друг друга еще до следующего новолуния».

— А когда я пригласила вас впервые в родительский дом, Эмили спросила, какого цвета моя спальня, — улыбнулась Ева. — Я сказала, что розового, и она подняла глаза к небу, сказав: «Убейте меня».

— А придя к тебе домой, — продолжила Донна, — она стала говорить со всей семьей только бы не видеть цвет твоей комнаты. Но все-таки, когда ты заставила ее туда пойти, Эмили повернулась ко мне с явным непониманием и прошептала: «Если бы ты убила меня, когда я просила, мне бы не пришлось этого видеть».

— С ней весь мир казался совсем другим, — сказала Эбби. — Казалось, что она находила счастье во всем.

— Она сама и есть счастье, — выключил музыку Макс.

— С ней все будет хорошо, — поднялся со своего места отец Эмили. — Она не оставит вас, совесть моей девочке не позволит.

Затем он молча покинул палату, и, когда все начали расходиться, ко мне подошла Донна.

— Эмили отдала мне это однажды, — передала мне конверт. — Она сказала, что, если ее не будет долго рядом с тобой или тебя рядом с ней, чтобы я отдала тебе его при возможности.

— Спасибо, — прошептал я. — И я действительно это имею в виду.

— Я знаю, Брайан, — обняла меня девушка. — С Новым годом, дорогой.

Все ушли, и я остался сидеть в мягком кресле, смотря на свою жену.

— Не знаю, что ты приготовила для меня, но я рад, что ты это сделала.

«Привет. Надеюсь, ты улыбаешься. Не знаю, почему меня нет с тобой сейчас, но надеюсь, ты все еще не разбил кулаки, мотоцикл и себя. Мир. Он цветами одет, ты замечал? Если сейчас лето, то ладно, а если зима, то я улыбаюсь. Люблю зиму. Все эти игрушки, елку и много смеха, когда сверкают гирлянды, и в камине горит огонь. Я люблю твои губы. Руки. Глаза. И речи. Мы забываем, где небо и земля, да? Твое молчание я воспринимаю как согласие, даже если ты не отвечаешь, чтобы не злить меня еще больше. Мне повезло. Я встретила в своей жизни истинного мужчину, который не спорит и делает меня счастливой. Я заберу тебя с собой, родной. Не сейчас, но однажды так уж точно. Наши мгновения вместе вечны. По крайней мере они всегда оставляют такой привкус у меня. Самый сильный страх в моей жизни всегда был лишиться того, что мне поистине дорого. И я не знаю, как живу сейчас, если тебя нет рядом. Но все же в моей жизни был ты, Брайан. И тот момент, когда я поняла, что люблю тебя, не мог больше сравниться ни с каким другим».

Лайза Беллантайт сказала: «Иногда, когда мы теряем дорогих для нас людей, мир погружается во мрак. Словно человек, которого ты любил, был маленьким фонариком, и теперь, когда он погас, стало темно».

Каждому человеку можно сделать больно. Боль неизбежна, если ты впускаешь кого-то в свое сердце. Я любил свою жену каждый день все сильнее и теперь понимал, что десятки судеб из-за этого погибли. Спустя две недели я отрезвел разумом и задумался о том, что я скажу, когда она проснется? Почему я лишил жизни столько людей? И я точно знаю, что Эмили спросит, зачем я это сделал. Если отвечу, что ради нее, она скажет, что не просила этого. Вся моя жизнь сегодня прошла у меня перед глазами. Я смотрел на закрытые веки своей жены, сидя рядом с ее кроватью, и понимал, что этот фильм не стал бы пересматривать.

— Эмили, что я должен сделать? — смотрел я на очередные анализы после последней операции, которую она перенесла.

Пуля не затронула спинной мозг, и, слава небесам, Эмили сможет ходить. Но для этого она перенесла уже четвертую операцию, и каждый раз я чуть сам не умирал, зная, что она на краю пропасти.

— Ты хочешь знать мой ответ? — посмотрела на меня Донна. — Я думаю, тебе нужно делать много хорошего, чтобы перекрыть хотя бы одну смерть, — я ничего не ответил, смотря на нее. — Иногда я понимаю тебя, Брайан. Тебя понимает Эмили, а лучше меня ее не знает никто.

Я с трепетом наблюдал, как Донна запечатлела поцелуй на лбу Эмили и вышла из палаты. Я стал больше читать и смотреть на мир глазами моей жены. Говорят, что женщины слабые, но многие просто не видели, как они рвали тела в клочья, когда хотели спасти своих детей и близких. Да, я выделяю детей. Ведь все, чего я бы хотел в жизни, — видеть нашего ребенка, у которого были бы черты его матери.

Я жил ради Эмили, и пока ее нет со мной, попытался влезть в ее голову, читая ее произведение. Она жила ради мелочей. Ради рассвета и заката. Ради путешествий и первого снега. Танцев под луной и езды на машине, откуда громко звучала любимая музыка. Улыбки без повода и хороших книг. Длинных разговоров и блеска в глазах. Жила ради приключений и ночи. Ради близких, которые помнят, что ты терпеть не можешь балет и пьешь чай без сахара. Объятья, новые знакомства, подарки, сладкие поцелуи и долгожданное «да». Она жила ради мгновений, которые показывали ей, какова жизнь, если откинуть палитру черных красок повседневности.

В палату вошел отец Эмили и сжал мое плечо. Он всегда смотрел с улыбкой на свою дочь, словно говорил с ней, когда она молчала. Они были похожи, и Роберт каждый раз повторял: «Я не верю своим глазам, что она такая взрослая».

— Как ты? — спросил он, целуя в щеку свою дочь.

— В порядке.

— Она не издевалась над младшими и не боялась старших, — стал он возле окна.

— Какой она была?

— Счастливой, — улыбнулся Роберт. — Уже в года три у нее проявились

дипломатические способности, и я понял, что у моей дочери талант вести переговоры, всегда получая то, что она хочет. Эмили умела показать обратную сторону медали войны и даже мира.

— И она порой закатывала глаза, показывая своим видом, что презирает человека за тупость, — услышал я голос Макса за спиной. — Возможность не понять приводила ее в бешенство. Но лучше Эмили не раздражать, иначе она бросит ножом и даже не попытается промазать.

— Редко можно встретить человека, с которым хорошо во всех смыслах, — посмотрел я на жену. — Слушать и молчать. С которым хорошо и можно быть самим собой. И самое главное — понимать, что это чувство взаимно.

— Такие люди приходят крайне редко, — закрыла дверь в палату Донна. — И пусть судьба порой играет с нами в жестокие игры, отнимая такого человека на какое-то время, но это дает нам возможность понять, как много мы имеем.

Я вспоминал, как впервые увидел ее улыбку, услышал смех и пристрастился к виду оружия у нее в руках. С её приходом в мою жизнь я понял, насколько женщина бывает уникальна. Я стал оглядываться по сторонам и видеть много красивых женщин. У них разный цвет глаз и комплекция, но они заслуживают, чтобы ими любовались. Каждая женщина так привлекательна и не похожа на другую. У них разный вид и вкус, но ведь это и делает их особенными. Именно моя жена научила видеть меня красоту мира. То, как каждая разговаривает и смеется, завораживает. То, как держит чашку кофе, и плавные движения ее рук не дают возможности отвести взгляд. Это невероятно красиво. И пусть некоторым женщинам за 70 и даже больше, то, как они держат себя, изумляет. Грация, достоинство и покой. Они не прячутся, надевая простые платья и украшения, но так гармоничны в этом. В их движениях столько мягкости и плавности. Разве можно не любить женщин? Каждая изначально красива. Ведь красота — это не только черты лица и идеально подобранная одежда, но и то, как мы умеем любить.

Вскоре я отправился в офис, принимая на себя снова бразды правления. Я сидел за столом, периодически посматривая на фото Эмили, и читал договор, который составил Кристофер. С недавнего времени он стал моим адвокатом. Эмили верила ему, а я верил ей. До нее я и не думал, что кто-то сможет полюбить меня. Каждую часть моей души. Кит Харинг сказал: «Искусство — это то, что освобождает душу, провоцирует воображение и пробуждает людей идти дальше». Для Эмили искусством было написание книг и вождение машины, для меня — все, что связано с ней.

— Мистер Прайсон, к вам мистер Вайт, — вошла моя новая помощница в кабинет.

— Пригласи его, — ответил я, отодвигая бумаги. — Присаживайся, Кристофер.

— Как Эмили?

— Ты приготовил что-нибудь для меня? — посмотрел я на него взглядом, смешанным со злостью и недоумением.

— Я все сделал, — подошел он к окну. — На данный момент всеми клиентами Эмили занимаюсь я и еще парочка адвокатов. Бумаги на подпись будут присылать тебе, и деньги зарабатываются. Твой договора я подготовил, и завтра начинаем сливание с «Construction».

— Хорошо, а что на счет ресторана?

— Он уже оформлен на Эмили, — сел Кристофер напротив меня. — Как ты?

— Я не буду в порядке, пока Эмили не откроет глаза.

— Брайан, ты агрессивен и слишком эмоционален. Ты все испытываешь чересчур ярко,

особенно злость. И мы оба знаем о твоём удовольствии убийства. Не испытывай судьбу.

— Ты видел женщину, которую я люблю? — чувствовал я снова подступающий гнев. — Думаешь, она не стоит убийства? Эмили стоит даже смерти.

— Что это? — расстегнул пиджак Кристофер. — Мудрый философский ответ от мужчины, который оставляет после себя горы трупов?

— Я совершил много ошибок, Вайт, — повысил я голос. — Но ни одна из них не затрагивает Эмили.

— Я не хочу с тобой воевать, Брайан, — направился он к выходу. — Но, знаешь, зачем пошла Эмили в адвокатуру? Чтобы менять мир и, если она узнает, скольких ты убил, никогда не простит тебя. Эмили не болтлива, много работала и совала свой нос куда не нужно, наживая себе врагов как минимум в трех Штатах. Ты должен делать ее жизнь светлее, а не наполнять демонами.

Кристофер ушел, оставляя меня в еще большем замешательстве. Когда Эмили попала в больницу, женские секреты перестали быть таковыми. Запахи, шорохи, гигиена — все это больше не было личным. Обязательный уход, когда доктор впервые показал карточку с историей болезни моей жены, не оставил между нами никаких табу.

Вскоре в мой кабинет вошел Адам, и мы сели за вычитку договоров. Все происходило в полной тишине, и я думал, что так и закончится, но все-таки мне нужен был совет. И получить его сейчас я мог только от этого человека.

— Как думаешь, Эмили простит меня?

— Знаешь, что любят женщины? — оторвал он свой взор от бумаг. — Поступки. Эмили может не принять, но она поймет. Ты пытался защитить ее, пусть и самым извращенным способом. Твоя женщина не склонна к покою, хоть и предпочитает уют. И ты открываешь ей новые горизонты, пусть она их и не понимает. Брайан, то, что ты делаешь ошибки и пытаешься защитить того, кого любишь, не делает тебя монстром.

Я вспомнил момент, когда Эмили пришла ко мне в кабинет и села напротив, скрестив ноги. Она показывала новые туфли, и я смеялся над этим. Для нее обувь — важная атрибутика жизни, и она почти дрожала от восторга и счастья. Моя жена сказала, что они потрясающие, а я согласился, имея ввиду их владелицу в целом. Счастье Эмили было жизненно важным для меня и являлось причиной моего собственного желания жить. На равне с Эмили стояли многие женщины, но никто не мог превзойти ее. Она была невероятно притягательна и осознавала то, как умеет укрощать и приручать людей. Это было в ней как само собой разумеющееся, и я был ослеплен ее красотой.

— Ты меня слышишь? — вернул меня в реальность друг. — В конце концов, есть только два критерия: есть притяжение или нет. На этом все. И у вас с этим все в порядке. Я никогда не видел тебя таким разбитым, Брайан. Ты нуждаешься в ней, в ее любви, и тебе нужна ее забота. Тебе нужно, чтобы Эмили дышала тобой, ведь ты дышишь только ею.

И он был прав. Я хочу только ее. Хочу, чтобы утром она видела следы на своем теле и смущалась, вспоминая ночь. Хочу, чтобы она каждую секунду думала обо мне и нуждалась, как и я нуждаюсь в ней. Чтобы Эмили была моим кислородом, моим наркотиком, и ничто не свете не могло заставить ее уйти от меня или даже подумать об этом.

Телефон зазвонил, и я включил громкую связь.

— Брайан, — услышал я голос Донны, переводя взгляд на друга. — Ты занят?

— Смотря для чего.

— Я хочу перевести Эмили домой.

— Нет, Донна, — прервал я ее. — Категорически нет.

— После стольких операций больница ей не поможет. Я поговорила с врачами, сиделка будет с ней. Тебе нужен дом, Брайан, и ты не будешь в нем, пока там не будет Эмили.

— В этом и смысл, Донна, черт возьми.

— Не смей, — тихо сказал Адам. — Не повышай на нее голос.

— Брайан, — вздохнула девушка. — Если ты не дашь свое согласие, и ее не перевезут к тебе, то свое согласие даст Хелена, и тогда Эмили будет у меня.

— Значит я должен благодарить тебя? А что если она проснется, а я не буду знать, что делать?

— Брайан, после этих адских недель тебе нужен дом. Тебе нужно, чтобы рядом с тобой был кто-то. А сейчас на тебя не смотрят даже кошки.

Адам улыбнулся и покачал головой, предупреждая, что не стоит повышать голос на эту женщину, как и язвить в ответ.

— Донна, никто не заинтересован в ее безопасности больше, чем я.

Я завершил разговор и развязал галстук, бросая его на стол. Семья — самая большая заноза в заднице, хоть Эмили и не согласилась бы с этим. Я перезвонил в один из филиалов в Брюсселе, а когда завершил звонок, уставился на своего друга.

— Как ты ее терпишь?

— Ну, она веселая, — улыбнулся Адам. — И, может быть, она права?

— Ты идиот?

— Поехали.

— Куда?

— На тренировку, где я надеру тебе зад, и ты успокоишься.

Так и случилось. После мы приняли душ, и я заехал на полчаса в больницу к жене. Эмили была для меня в приоритете. Я установил камеру у нее в палате и следил за каждым вдохом. Затем отправился в офис и не сводил глаз с экрана телефона, наблюдая, как Макс расчесывает волосы своей сестры. Он был так на нее похож, разве что все время улыбался, имея похабное чувство юмора. Я открыл сайт, где была информация о моей жене, ее фотографии и краткая биография. Там до сих пор был статус «не замужем», но я знал, что она только моя. Я медленно дошел до того состояния, когда входил в палату со множеством наших друзей, чувствуя запах тела Эмили и различая его от сотни других. Сейчас я четко осознал, что предпочту увидеть ее мертвой, чем с другим мужчиной. Француза Саган сказала: «Возможно, любовь иной раз можно определить как желание делиться всем только с одним человеком». И я делился с этой женщиной всем, но не был готов делиться ею.

Передавая документы месяц назад Кристоферу, я забирал личные вещи моей жены из ее кабинета. Я нашел информацию на всех, включая меня, мою мать, сестру, Адама и даже соседей. Сначала не мог понять зачем, но потом успокоился. Чего я ожидал? Я знал, на ком женюсь. Эмили была независимой, самодостаточной и порой жесткой. Требовательной, со своими принципами и правилами. Она бросала мне вызов и никогда не отступала от своих решений. Также я знал каждый дюйм тела моей жены. Я мог делать с ней такие вещи, от которых она сходила с ума, позволяя в этот момент иметь власть в своих руках.

Вскоре, я связался с ФБР, и мне позволили увидеться с «виновником торжества».

— Предупреждаю, — увидел я Адама, когда вошел в тюрьму. — Я буду тут и буду наблюдать за тобой.

— Отлично, — хмыкнул я. — Друг не доверяет.

— Нет, Брайан, — направились мы по коридору в комнату встреч. — Не доверяю в этом, ты слишком зол, а она человек, — открыл он дверь. — Входи.

Тиффани сидела в ожидании, и я видел раскаяние в ее глазах. Или просто хотел видеть. Дышать становилось труднее, и я изо всех сил пытался заставить лёгкие продолжать функционировать. Я сделал попытку улыбнуться, делая вид, что всё хорошо. Что она не единственная, кто еще дышит.

— Ну здравствуй, — сел я напротив. — Пришло время нам с тобой немного поговорить.

— Зачем ты пришел, Брайан?

— Тиффани Джейсон — девушка, которой доверяла Эмили. Она сделала из тебя ту, кем ты стала, а ты ее предала. Зачем? Ты бы получила на следующий день место партнера. Я хочу тебя понять.

— А не хотел до того, как убил всех?

— Собачий закон, всегда охраняют дворняги, замечала?

— Я не хотела, — прошептала она, когда слезы полились с ее глаз. — Они сказали: или Эмили, или моя мать. Я не могла поступить по-другому. Я, как и вы, просто защищала семью.

— А теперь ты тут, а Эмили в коме, ты знала?

— Нет, — подняла она глаза. — Скажи ей, что мне жаль. Скажи, что все слова, которые я говорила ей, правда. Скажи, что я люблю ее.

— Разлюби. Я хотел просто знать причину, чтобы, когда Эмили проснулась, я мог ответить на ее вопросы, — откинулся я на стуле. — Ты ведь знаешь, она будет задавать их. Она всегда задает. И если бы в нужный момент ты обратилась ко мне или моей жене, мы помогли бы тебе и всем твоим близким. Эмили всегда защищает свое, а я защищаю ее. Я надеюсь, что, когда она проснется, у нее не будет желаний больше общаться с такими людьми, как ты. Людьми, которые вызывают лишь отвращение. Она не будет ничего доказывать и в чем-то обвинять тебя, такая уж она женщина. Но ей и не нужно. Большое сердце — то, что я люблю в ней, но я совсем не такой. Она будет ценить тех немногих, которые ценят любовь и ее отношение к ним. Ты потеряла ее уважение, и что бы ты не сказала или не сделала в будущем, она больше никогда не будет относиться к тебе как прежде. Не знаю, как моя жена, а я никогда не смогу забыть. И я сделаю все, чтобы ты отсюда больше не вышла.

Девушка плакала, а все, о чем я мог думать, что Эмили ошиблась в ней. Она считала Тиффани достойной заменой себя, но попала на очередную ложь, и я не смог ее защитить. Раньше я думал, что никогда не смогу жениться. Но теперь понял, что брак с Эмили — лучшее, что со мной произошло. Семья — это лучшее. Одна женщина каждый день — это то лучшее, что есть во мне.

Я направился к двери и, когда я вышел, Адам молча последовал со мной к выходу.

— Пришел сюда, чтобы снова меня чем-то напоить и посадить на поводок? — расстегнул я пиджак.

— Рано или поздно вся боль проходит, друг. Со временем ты станешь спать спокойно, и я надеюсь, что у тебя получится сделать то, к чему ты стремишься.

— Обойдусь как-нибудь без твоих советов.

— Сказал тот, кто оставляет за собой горы трупов. Что сейчас не так, Брайан?

— Ты уже второй мне это говоришь. И, кстати, не люблю врагов, которые разговаривают.

Затем я вышел из здания, садясь в машину. В моей голове теперь все время была одна из фраз Эмили, которую она написала в своей книге. Я, кажется, стал лучше понимать ее, лучше понимать ее потребности. И после прочтения знал, что никогда не сделаю комплимент другой женщине. Это будет для нее оскорбление, пусть она не подаст вида. Эта женщина ворвалась в мою жизнь. Перевернула все верх дном и осталась. Но даже если бы она ушла со временем, это все равно было бы лучше, чем не встретить ее совсем.

Я завел мотор машины и направился в бар. Выложил на стойку бумажник и сделал заказ, когда ко мне подошла девушка-бармен. Затем написал Адаму о том, где я, и открыл книгу Эмили на своем телефоне, продолжая узнавать ее. До этого я был уверен, что знаю эту женщину, и когда-нибудь настанет момент, когда страсть уступит место уважению. Но каждый раз она открывалась мне с другой стороны, и будучи без сознания, все равно доказывала сколько слоев женственности и силы в одно и то же время в ней спрятано.

«Я всегда была увлечена ими. Хотя нет, я всегда их любила. Я горжусь своей машиной, она ведь для меня такая особенная. Мой Mustang принадлежит мне, и я всеми силами ухаживаю за ним, получая от этого наслаждение».

— Что ты делаешь тут? — услышал я голос Адама.

— Это надежда.

— «Надежда» — слово для наркозависимых.

— Кажется, я был в розовых очках.

— Нет, ты слеп на оба глаза, — сел он рядом.

— Что будете пить? — подошла девушка.

— Как тебя зовут? — спросил друг.

— Ева, — улыбнулась она.

— Я буду вашим Адамом.

— Это ведь шутка?

— Конечно, — усмеялся Адам. — Что за дурацкое имя? Скотч со льдом, кстати. Где обручальное кольцо?

— Откуда ты узнал?

— Моя работа все знать, и не спрашивай, как меня зовут. Поехали?

— Я заканчиваю в восемь.

— Я буду, милая.

Затем девушка ушла, а я все еще сотрясался от смеха.

— Ты только что предложил ей секс?

— Ну да, а что, не было заметно?

— Извини меня, друг, — сказал я тихо. — Я был резок и все время говорил что-то не правильное, а ты все еще хочешь меня видеть.

— Может быть сейчас я буду слишком сентиментальным, но я люблю тебя, Брайан. Ты моя семья, а я всегда защищаю ее, и ничего уж с этим не поделаешь.

Мы сидели несколько минут в полной тишине, я думал о том, что мы всегда с Эмили обо всем говорили. Однажды моя жена сказала: «Я верю тебе, Брайан. Я никогда не верила тебе так, как сейчас. И знаю, что ты сделаешь все, чтобы защитить меня. Защитить нашу семью».

— У Эмили есть список пяти лучших моментов в жизни, — Адам молчал, и я продолжил. — Когда она впервые дотронулась пальцами к клавишам рояля, и рождение ее брата. Приезд в Нью-Йорк и знакомство с друзьями. И в этом списке есть я,

представляешь? — отчаянно засмеялся я, делая глоток виски. — Она написала о том, как я впервые сказал, что чувствую, и когда она ответила «Я согласна» на мое предложение.

— Томпсон сказала очень умную фразу однажды, — ответил Адам, и я видел напряжение в его теле. — «Это ненадолго. Надолго ничего не бывает».

— Эмили тоже все время это делала.

— Что?

— Говорила разные высказывания людей, пытаюсь мне показать любую ситуацию с другой стороны или же просто изменить к ней мое отношение.

«Наступает в вашей жизни такое время, когда вы отходите от драмы и людей, ее создающих. Вы окружаете себя людьми, с которыми вы смеётесь. Вы забываете плохое и фокусируетесь на хорошем. Любите людей, которые относятся к вам правильно, и молитесь за остальных. Жизнь так коротка, проживайте ее не иначе как счастливо. Падать — часть жизни, подниматься на ноги — ее проживание. Быть живым — это подарок, а быть счастливым — это ваш выбор». Ошо.

Я сложил расписание. Сидел полночи, смотря на свою жену, и решил, что, когда она проснется, мы каждые несколько дней будем просыпаться в другой стране и наблюдать за людьми. Сейчас так много несчастных пар. Есть отношения, в которых один любит, а другой лишь позволяет себя любить. Есть и такие, которые просто решили «быть вместе». И даже не знаю, что в мире произошло, где случился тот самый надлом, но с каждым днем становится все больше и больше одиноких людей. А мне повезло. Я живу. И мной живут. Остров в виде сердца в Австралии заставит Эмили улыбнуться. Долина Павших в Испании очарует. А Подземная река Пуэрто-Принсеса заставит захотеть остаться. Уснул я под утро, обнимая Эмили за талию. Если и есть смысл жизни, то он заключается только в этом.

— Я принес тебе кофе, — разбудил меня Макс.

— Ты открыл шторы, — проворчал я, протирая глаза.

— Ага, что собираешься делать сегодня?

— Выпрыгнуть из окна.

— Ты совсем дурак, — улыбнулся он.

— Твоя сестра меня лечила, — встал я с кровати. — Ты знал, что лучшие жены вырастают из бывших любовниц?

— Даже знать не хочу, — снова смеялся парень. — Ну так что?

— Мне нужно ехать на работу.

— Если не хочешь, чтобы мама говорила с тобой о том, чтобы перевезти Эмили, тебе нужно уходить, — посмотрел он на часы. — Уже.

— Что?

— Она идет сюда, — я сорвался с кровати, надевая брюки и застегивая на ходу рубашку. — Поверить не могу, ты боишься моей мамы.

— Да, черт возьми, я боюсь твоей мамы.

Макс захватил мой кофе и спустился со мной в холл. Мы сели в машину и какое-то время ехали в полной тишине.

— Донна хочет перевезти Эмили домой, — сказал Макс. — Я против.

— Я тоже, — сжал я зубы. — Но меня никто не слушает.

— Ты ее муж.

— Да, но еще у нее есть родители и друзья, и Эмили бы не хотела, чтобы я с ними воевал.

— Плевать на это. Ей будет лучше, если она будет под просмотром врачей.

— Макс, — остановил я машину, не смотря на него. — Наступает момент, и ты понимаешь, что именно так и выглядит конец. Ты понимаешь, что это было только раз. И не имеет значения, если я буду пытаться что-либо изменить или оспорить. Так, как было, уже не будет, и Эмили не может сказать, что думает сейчас. И я все время жду, что она проснется и я почувствую то, что раньше. Снова. Но в то же время я понимаю, что сейчас уже не будет как раньше. Сейчас все изменилось.

— Эмили однажды сказала мне: «Не принимай жизнь всерьез. Ты никогда из нее не выберешься».

И в этот момент, я понял, а к черту. Я вышел из машины, зовя Макса за собой. Пускай боль сокрушает и ломает, разбивает на части, но лишь она способна вернуть жизнь человеку. Кристофер сидел в моем кабинете и читал какие-то документы.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Привет, Крис.

— Привет, Макс, — ответил он. — Ты когда-нибудь можешь нормально разговаривать?

— Нет, что тебе нужно?

— Тебе придется поговорить.

— Дубль первый, — открыл я ноутбук. — Если это все, проваливай.

— Или будешь разговаривать с психологом.

— Ты кто такой, чтобы говорить мне что делать?

— Я твой адвокат, — ответил он спокойно. — Человек, которого уважает твоя жена, и если тебе нужны гарантии, то я никому не смогу ничего рассказать из-за документа о неразглашении.

— Макс, выведи его отсюда.

— Нет, мужик, — засмеялся парень. — Мне все это начинает нравиться.

— Отвалите от меня, — фыркнул я, направляясь делать кофе. — Будете?

— Нет, — ответили они в унисон.

Когда я сделал напиток, снова вернулся в кабинет и сел за стол, смотря на Нью-Йорк. Я построил мост, чтобы не упасть. Теперь я сдерживал злость ради нее. Я сдерживал себя, но становился монстром внутри. И в этом построенном мною миром не было правил и возможности что-либо исправить.

— Какой она была с тобой? — спросил Макс.

— Красивой, — ответил я, смотря на вторую чашку кофе, которую я делал всегда по старой привычке. — Властной и чуть капризной. Совсем не ручной, но милой. Опасной и порой молчаливой. Она никогда не врала, и я мог слушать ее часами, не переставая улыбаться. Эмили все время была рядом, даже на расстоянии. Нежной, робкой и опасной. До нее я не умел мечтать. И она любит меня, интересно за что?

— Брайан, у Долорес есть кто-нибудь?

— Не пытайся, Кристофер, — улыбнулся я. — Долорес очень скрытная. И слишком сильная. Если ты задашь ей вопрос, на который ей не захочется отвечать, то она проигнорирует тебя.

— Мы говорили несколько раз.

— Только потому, что по-настоящему ты не добрался к ее душе.

— Брайан, через час они забирают Эмили, — сказал Макс. — Нужно остановить это. Помоги мне.

Я смотрел на него и видел мою жену, только копию поменьше. Он был искренен и защищал того, кто дорог, даже идя против родных.

— Что вы должны делать? — спросил Кристофер. — Я тоже хочу участвовать.

— Эмили хотят перевезти домой, — направился я к выходу. — А я не хочу этого.

— Это опасно.

— Вот именно, — добавил Макс. — Нам может пригодиться адвокат, Брайан.

— Это правда, — слышал я улыбку. — Если ты не сможешь взять штурмом больницу, законы еще никто не отменял.

Я фыркнул и завел машину, когда парни заняли свои места. Я привык всегда действовать быстро. И с моей женой тоже. Для меня ее безопасность была в приоритете, и я был готов воевать за нее со всем остальным миром. Я помню, когда во второй раз пришел к Эмили домой. Она сидела на кровати, опираясь спиной на изголовье. В комнате было темно, и лишь свет от ноутбука, на котором она печатала, давал мне возможность рассмотреть ее.

***

— Чего ты хочешь, Брайан?

Она словно чувствовала, когда я находился рядом. Когда смотрел на нее и когда восхищался. Эмили чувствовала все, где объектом чего-либо была она. Все, что я смог ответить: «Тебя». Я изводил себя, когда она убегала, и все время догонял ее. Я старался не думать о том, как сильно хотел ее, и ставил разговоры на первое место.

— Ты хотел сказать, что хочешь секса и контроля над моим телом?

— Боже, нет, Эмили.

Я опустил перед ней на колени и видел в ее глазах, что она начинает думать, и ничего хорошего это не предвещало.

— Я идиот, Эмили. Просто для меня это ново, и я не знаю, как себя вести. Ты как кошка. Ты сама по себе и не лицемеришь. Ты ждешь правды. И мне нравится смотреть тебе в глаза, в этот момент я точно знаю, что ты чувствуешь. Чувствуешь ко мне. Постарайся понять меня. Влезь мне под кожу. Пожалуйста. Эмили, я хочу этого. Пойми меня.

— Понять что? — чуть слышно прошептала она.

— Что порой я не знаю, что со мной творится. Я могу совершать глупые поступки, которые злят, но по какой-то причине я пустил тебя и сам вступил на твою территорию. Давай смирится с демонами друг друга.

— Нет, давай переступим эту черту, Брайан. И раз ты так хорошо меня читаешь, что я думаю сейчас?

— Я нравлюсь тебе.

— Иди ко мне.

***

Кристофер и Макс направились в палату Эмили, а я стоял у двери больницы, стряхивая пепел с почти докуренной сигареты. Перед глазами все время были взгляды тех людей, которых я лишил жизни. Я так боялся потерять контроль, но все же сделал это. Боялся быть загнанным в угол. Хотел всегда быть уверенным в том, что происходит сейчас, и знать, чего ожидать от нового дня.

— Брайан, — услышал я голос Донны. — Давай поговорим.

— Мы встречаемся? — затушил я сигарету.

— Да. Давай поговорим.

— Хочешь внести в наши отношения немного остроты?

— Не язви.

— Мне плевать, что ты скажешь, — посмотрел я на нее со злостью. — Эмили отсюда не уедет, пока не откроет глаза.

— Брайан...

Я ушел, так и не выслушав ее. Я пытался взять хоть немного контроля над собственной жизнью, над жизнью своей жены, но все было тщетно. Что бы я не делал, становилось только хуже. Я ворвался в палату, и дверь словно забаррикадировали Макс с Крисом, чтобы не выпускать медперсонал. Хелена плакала, а я оттолкнул их от Эмили.

— Мы перевозим ее по адресу, который оставила ее мать.

— Нет.

— Но мы не можем оставить ее тут. У нас распоряжение.

— А вы попробуйте мне помешать.

Эмили выглядела как открытая рана. Даже слегка разбитая. И меня постоянно мучило чувство вины. Я не мог позволить этого сделать, и когда все ушли, я закрыл дверь, оставаясь с Эмили наедине. Я смотрел на ее тело, которое было слишком худым, и подойдя ближе, поцеловал ладонь. Я снял обувь и прилег рядом с женой, обнимая ее за талию.

— Я научусь ради тебя, Эмили. Я научусь заново всему, что нужно будет тебе. Мне так нравится, когда я веду машину, а ты садишься спиной к двери и смотришь на меня. Ты разговариваешь со мной, всегда смотря в глаза. Кладешь ступни мне на бедра и целуешь за улыбку. А я улыбаюсь просто для того, чтобы ты поцеловала. Мне нравится, что моя одежда пахнет тобой, и то, что вся моя жизнь пропитана лишь твоим ароматом.

Я любил ее. Чувства распирала грудь, и я хотел посадить Эмили к себе на колени, как прежде, чтобы прочувствовать ее близость. Когда я женился, все изменилось. Конечно я мог бы сказать, что встреча с Эмили изменила меня, но нет. Именно брак меняет. Мои мысли стали отражением мыслей моей жены. Стремления и смысл всего стали зависеть также только от нее. От ее желаний. После произнесенных клятв, пусть даже в больничной палате, я полностью посвятил свою жизнь единственной женщине. Я заслужил ее уважение и знаю, что Эмили никогда не предаст меня по причине того, что я никогда не опущусь до уровня, чтобы она чувствовала себя незащищенной. Я ответственен за счастье этой женщины. Я хочу дать ей все. Чтобы в ее глазах я был лучше остальных. Хочу вдохновлять жену. Воспитывать наших детей, давая ей возможность отдохнуть и пожить в этот момент только для своего счастья. Я хочу защищать ее и все, что она любит. Боюсь упасть в глазах этой женщины, ведь она способна уважать только сильного человека.

Два часа ночи. Я находился в палате, читая книгу, которую нашел в кабинете Эмили: «Инферно» Дэна Брауна. Лэнгдон видит во сне женщину, вспоминая библейскую фразу «ищите — и найдете». Теперь в ней я видел себя. Я тоже искал и обрел то, что делало меня безумно счастливым. Я поднял глаза на свою жену, любуясь ее нежной кожей и длинными ресницами. Когда она улыбалась, закрывая глаза, к цвету которых у меня была слабость, это стоило тысячи ножей, направленных в тело. Это стоило всего. Ее улыбка была лучшим в моей жизни, и теперь, когда я видел ее только на фото, стала моим собственным адом.

Аппаратура издала звук, и я сорвался с места, становясь рядом с ее кроватью. Эмили пришла в себя и застонала. Ее глаза открылись, и свет ослепил ее. Я не мог пошевелиться, все еще не веря своим глазам. Затем коснулся кончиками пальцев лица моей любимой. Мое сердце колотилось, и я не был уверен, что это не галлюцинации. Слезы потекли с ее глаз, и это отразилось болью в моей груди.

— Брайан.

Во рту пересохло. Одно ее слово, и я почти перестал дышать. Эмили протянула ко мне руку, а я схватил ее за запястье и положил на свою щеку. То, как нежно она прошептала мое имя, почти убило меня, но в то же время вознесло к небесам. Я сгорю в огне ради нее. Я притянул ее к себе за талию, снова почувствовав себя с ней единым целым. Слезы заполнили мои глаза. Она моя, и больше я не позволю ей уйти. Эмили таяла в моих руках, и желание быть еще ближе захлестывало меня. Я поцеловал ее, и мягкость ее рта и легкий стон дали мне уверенность того, что она тоже соскучилась. Моя рука запуталась в ее волосах, и я чертовски сильно нуждался в ней. Ее тонкие пальцы обвили мои бицепсы, и я чувствовал, как слезы стекают по щекам. Я больше никогда ее не отпущу. Я буду рядом, где бы она не была.

— Все мои мысли, только о тебе, дорогая, — шептал я, сильно сжимая в объятьях. — Ты — все, чего я хочу в этой жизни.

— Брайан, — произнесла Эмили. — Есть еще люди, которые хотят убить нас.

— Их нет, Эмили.

— Есть. Их было много, и они в любой момент вернуться. Они...

— Мертвы, — обхватил я лицо своей жены руками. — Я их убил, Эмили. Они больше никогда не сделают тебе больно.

Я увидел панику в ее глазах. Дыхание Эмили участилось, и она не могла с этим справиться. Ее пальцы впились в мою рубашку, и слепой ужас того, что я снова потеряю ее, заполнил мое тело. Я сорвался с места, зовя доктора. Они ввели ей успокоительное, и я не отпускал ее руку, пока она снова не открыла глаза спустя четыре часа. Я никому не звонил, желая, чтобы в этом мире не было никого, кроме нас двоих. Я хотел насладиться ею без посторонних глаз.

— До сих пор не могу поверить, что ты вышла за меня замуж.

— Так никто не может.

При сладких звуках смеха моей жены я снова начал полноценно дышать. Эта женщина была такой потрясающей и родной, что мне хотелось завывать от счастья, смотря на нее. Что бы я не испытал когда-либо, не походило ни в какое сравнение с настоящим.

— Я люблю тайны, — прошептала она.

— И ты стала ею однажды.

— Но ты разгадал меня, разве это не чудо?

— Мое чудо — это ты, Эмили. И этого достаточно. Бери все, что хочешь. Я сделаю, что угодно. Ты можешь забрать мою жизнь в том числе, а мое сердце ты и так все время сжимаешь в своих ладонях.

Я смотрел на нее, и мое сердце замирало. Я вспомнил ее смех, который заставлял меня смеяться, вспыльчивый характер и глаза, которые перевернули весь мой мир. Приподняв ее подбородок, я трясущими пальцами дотронулся к ее щеке. Я отчаянно впился в ее губы, и мой язык тут же проник в ее рот, лаская. Эмили застонала, и я притянул ее к себе еще ближе. Теплота ее кожи чувствовалась сквозь одежду, и я снова мог жить.

— Скажи, что ты не уйдешь от меня из-за моих поступков, — прошептал я в губы своей жены.

— Я от тебя не уйду, Брайан, — ответила она. — Тебе нужно поспать.

— Боже, — снова я поцеловал ее. — Эмили, ты тут? Ты со мной? Или еще где-то там? Скажи мне, где ты? Вернись ко мне.

Я задержал дыхание в ожидании ее ответа. Горячий, влажный язык Эмили облизал мою губу, и я сильно обнял ее.

— Боже, Эм, — удерживал я ее на месте, когда она пыталась отодвинуться.

Я не заботился о том, если бы она заставила меня умолять. О чем угодно, даже чтобы остаться в ее жизни после всех моих поступков. У меня словно пелена была перед глазами, и мною владела только дикая ярость и животное понимание ее закрытых глаз прежде.

— Когда я впервые встретил тебя — это было начало новой жизни. Все в тот момент стало красивым. Ты появилась, и я изменился. Я больше не был таким, как раньше. Ты покорила меня в тот момент, когда смотрела куда-то в даль. И потом, когда я предложил тебе смерть, ты ответила что-то вроде «Позже». Тогда-то я и влюбился в тебя. Как объяснить такое? В каком-то смысле мы даже нормально не поговорили, а я уже тогда не мог перестать думать о тебе. Я не верил в судьбу, родственные души и всю эту чепуху, но я больше ни на кого в своей жизни так не смотрел, как на тебя. Я никогда не хотел видеть с собой рядом кого-то, как тебя, Эмили. Твоя сначала дерзкая, немного циничная манера поведения не отталкивала меня. Ведь за этим скрывалось большое и доброе сердце. Мы встретили друг друга как раз в тот момент, когда было нужно, и я прошу тебя, нет, умоляю, не уходи от меня больше, — вытер я пальцем слезы на ее щеке. — Не могу смотреть, как ты плачешь.

— Ты заставляешь меня так много чувствовать, Брайан, — чуть слышно сказала она. — Мне нравится, что ты заставляешь чувствовать меня столько разных эмоций одновременно.

Я пристроился рядом со своей женой и обнял. Ее голова лежала на моей груди как раньше, и, черт возьми, это самое лучшее, что я когда-либо испытывал.

— Твои родители тут, — сказал я. — Они переживают. Вся семья очень переживает.

— Кажется, ты нравишься моему отцу, — слышал я улыбку в ее голосе.

— Нет, не нравлюсь. Я уважаю его, и он уважает меня. И мы оба до безумия любим тебя.

— Мне нравится, что ты в любое время можешь закинуть меня на плечо и унести, но не делаешь этого, уважая ту жизнь, к которой я привыкла. Ты напоминаешь мне весь мир. Каждое слово я могу обрисовать тобой, твоими эмоциями, высказываниями и чувствами. Ты заставлял меня испытывать жизнь, когда я не могла видеть ничего. Я люблю тебя за то, что все твоё внимание всегда сосредоточено на мне.

— Я прочел твою книгу, — поцеловал я ее щеки, лоб и уголок рта. — Точнее то, что написано.

— Какая фраза тебе понравилась больше всего?

— Не оказывая внимание, ты ругаешь ее самым оскорбительным способом.

— Как думаешь, я могла бы писать?

— Пишешь ты лучше, чем готовишь, милая, — улыбался я. — Боже, как я рад, что ты тут. Я так скучал по тебе. Особенно ночами. По твоему запаху рядом. Я жалок?

— Совсем немного, — засмеялась моя жена. — Мне нравится, когда ты даришь мне цветы без повода. Нравится «теплый дом», когда ты там. И взаимная любовь, которую я чувствую. Все остальное не важно. Но я поняла, что я слабая. Я такая же, как и другие, ведь не выдержала, когда нужно было.

— Эмили, ты родилась уже сильнее, чем мы все, — пересадил я ее к себе на колени. — Я тоже люблю наших друзей, но сейчас, когда смотрю в твои глаза, понимаю, что моя жизнь так ужасна без тебя. Семья — все, что есть у человека, но, когда ты ушла и покинула меня,

этой семьи больше не было. Без тебя не было обычного света, который успокаивал. Крики, где-то в тишине, которые все время звали меня по ночам, преследовали. Я не знал, куда идти, и стоял на месте.

«Женщины в основном помнят только тех мужчин, которые заставляли смеяться, а мужчины — только тех женщин, которые заставляли их плакать». Анри Ранье.

Прохладный ветер ласкал мое лицо, и я открыла глаза. Лучи солнца проникали в комнату, и я больше не зависела от аппарата, стоящего рядом. Я не чувствовала себя, словно после болезни, но в то же время не знаю, что именно чувствовала. Я хотела ездить по миру, узнавать что-то новое и увидеть неизведанное, просто потому, что жизнь очень коротка. Я знала, что вскоре мы уедем с Брайаном. Я хочу свадьбу, где будут наши близкие и друзья, а затем хочу весь мир. То, что я видела, пока спала, изменило меня, и теперь я не буду жить той жизнью, которой жила. Я научусь прощать и стараться понимать поступки людей. Принять их мысли и чувства, потому что в конечном итоге туда мы не заберем ничего, кроме собственной души.

Сейчас было шесть часов утра, и я немного поспала. Я услышала звук открывающейся двери и повернула голову. Брайан направился ко мне, одной рукой обнимая за талию, а другой запутался в волосах. Я закрыла глаза, когда он прильнул к моим губам, и у меня почти остановилось дыхание. Я ухватила за плечи своего мужчины, и его язык вторгся в мой рот. Внутри меня столько всего освободилось. Я издаю громкие стоны от удовольствия, потому что наконец-то могу что-то почувствовать. Брайан улыбается мне в губы, а затем обхватывает мое лицо руками, встречаясь со мной взглядом.

— Не заставляй меня спать ближайшие недели, — сказала я. — Я выспалась на всю оставшуюся жизнь. Я хочу защитить тебя.

— А я хочу все время защищать тебя, — ответил мой муж.

— Ложись рядом, — подвинулась я на кровати. — Соскучилась по тебе.

— Я много говорил с тобой, Эмили.

— Иногда я слышала, — свернулась я калачиком возле своего мужа.

— Правда?

— Я не могла открыть глаза, но мозг все равно продолжал работать, и я слышала тебя, и Донну, и маму, и папу, и брата. Я слышала всех наших друзей и разговоры врачей, — потекли слезы из моих глаз. — Только не прерывай меня. Я хочу поплакать, очень давно хочу. Я помню, что не могла шевелиться, тело словно умерло, и я все время хотела открыть глаза. Я чувствовала боль. Но также иногда я попадала в другое место, куда-то высоко взлетая, и видела других людей. Они улыбались. И еще я видела что-то странное, словно не из этого мира, и они пели, что-то прекрасное. Радость переполняла их, и они были словно птицы. Это было что-то другое, не люди. И словно из планеты, которой не существует.

— Прости, что подвел тебя, Эмили. Я знаю, что, возможно, ты больше не поверишь мне, и...

— Я узнала кое-что прежде чем уйти, — перебила я его. — Твой отец потом стал поганцем.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть знакомый детектив, — гладила я кисть Брайана. — И он действительно любил твою мать и тебя. Он сказал, что не все года были ужасны у твоих родителей. Он влюбился в нее с первого взгляда. Они были парой оборванцев, и потом он украл машину и вложил эти деньги в компанию. Ему пришлось выбирать между деньгами и вами, и он сделал неправильный выбор.

— Ты третья женщина, которую я полюбил, Эмили, — поцеловал Брайан мои волосы, сильнее прижимая к себе. — Ты как Белладонна.

— Значит я смертельный яд? — улыbnулась я сквозь слезы.

— Нет, в Италии — это красивая женщина.

— Я слышала другое.

— Белладонна является ядом только в Англии. Твоя мать меня убьет.

— Ты боишься мою маму? — засмеялась я.

— Думаю, да. Детка, я боюсь твою маму.

Его улыбка была такой заразительной. Такой легкой. И она заставляла меня улыбаться. Брайану было присуще делать все в одиночку, в том числе, защищать нас. И я не хотела воевать со своим мужем.

— Чего бы тебе хотелось?

— Чтобы в мире не было никого, кроме нас, — снова поцеловал он меня.

— Тебе было бы недостаточно только меня.

— Ты ошибаешься. Это все, чего я хочу. А ты, Эмили? Тебе было бы достаточно только меня?

— Я люблю семью и наших друзей, Брайан. Но без тебя жизнь не имела бы смысла. Мне нужно сказать родителям.

— Хорошо, я буду рядом. Позвонить сейчас всем?

— Нет, только папе и маме, — ответила я. — Я хочу сказать им о свадьбе, они ведь не знают, и хочу принять наконец-то душ. И я сделаю это сама.

Брайан притянул меня в свои объятия и захватил мои губы в жадном поцелуе. Я наслаждалась им. Я знала, что в палате стояла камера, но также понимала, что Брайану так спокойней. Он смотрел за мной, не находясь рядом, и я не стала возражать. Мой муж поднял меня в воздух, держа в такой же мертвой хватке, так как я была еще не уверена в собственных ногах. Он тяжело дышал, и, войдя в душевую кабинку, мы почувствовали, как вода стекала по нашим телам. Он снял с меня рубашку, но сам остался одетым. Я не могла на него насмотреться. Брайан дразнил мою шею поцелуями, покусывая подбородок, и я застонала от его прикосновений и необычайно нежных и страстных губ. Я никогда не устану от голоса Брайана, от его глаз и ласк. Я стала зависима от него. Он изменил меня. Он провел языком по моему соску, немного прикусив, и я выгнулась ему навстречу. Я попыталась произнести хоть что-то, но смогла лишь вцепиться в его шевелюру, чтобы не упасть. Его волосы прилипли к лицу, а вода стекала по идеальному костюму. Потрясающие зеленые глаза казались еще больше, когда он смотрел на меня из-под длинных ресниц. От его поцелуев мои губы начали жечь от непривычки, но я соскучилась по этой боли.

— Пожалуйста... — умоляла я. — Брайан...

— Я люблю.

Я знала, что сейчас он имеет ввиду меня и то постоянство, привычное только для нас двоих. Я понимаю, что сейчас для своего мужа, я как открытая книга, но от этого начинаю чувствовать животную похоть. Мой взгляд ничего не скрывает — потребность в нем и безграничную любовь. Брайан притягивал и требовал. Я покачнулась назад, и он поймал меня, перейдя к другой груди. Мой клитор сжимался и хотел большего, возбуждаясь до безумия. Я боролась за Брайана, но никогда за его внимание. Он убил ради меня, и между нами была связь. Я принадлежала своему мужу, а он мне.

— Ты так возбуждаешь меня, Эмили, — сказал он. — Я все время тебя хочу, и я так

соскучился по тебе.

Его прикосновения были отчаянными и лихорадочными в одно и то же время. Я растегнула его ремень и спустила вниз брюки. Он бросил их за пределы кабины и не сводит взгляд с моего рта. Брайан целует меня так, словно до сих пор не может поверить, что я реальна. И я почти задыхаюсь от недостатка воздуха, когда он поднимает мою ногу себе на бедро и заполняет меня до предела. Он сейчас так глубоко.

— О Боже, — прижимаюсь я лбом к его плечу, пытаюсь выровнять дыхание.

— Я хочу тебя в нашей постели, Эмили, — его голос скорее похож на рык. — Сегодня, завтра и всегда.

Я чувствую каждое нажатие его пальцев, где он касается меня. Я делаю круговое движение бедрами, и Брайан со стоном сильнее вдавликает меня в кафель.

— Черт, еще, Эмили.

Когда он со мной так близко, и я слышу его вздохи и рычание, меня охватывает чувство собственного превосходства над другими женщинами. Для него существую только я. Его пальцы находят мой клитор, и он смотрит мне прямо в глаза. Внутри все стягивается от каждого покачивания его бедер. Все сильнее. Я чувствую, как жар вырывается наружу, и все мое тело становится ватным. Я обмякла в руках Брайана и закричала от блаженства, которое чувствовала в этот момент. Я наслаждалась, пока его удовольствие заполняло меня, и укусила его за плечо, наблюдая за разрядкой. Когда мы занимались любовью, я с трудом дышала. Он доставлял мне удовольствие и сам получал от этого кайф. Его рука блуждала по моей спине, а другая — по внутренней стороне бедер.

— Ты моя и лучшая, — поцеловал он мой подбородок, улыбаясь.

— Да, — засмеялась я. — Это стоило комы.

— Нет, — пропала улыбка с лица моего мужа. — Я запрещаю тебе уходить туда до моей смерти. Запрещаю быть чужой и красивой не со мной.

— Ты такой умный, Брайан, — все еще улыбалась я. — И слегка причудливый.

Я влюбилась в него задолго до того, как встретила. Я точно знала, кто мне нужен. Я знала, что мне нужен был Брайан. И я буду любить его до конца своих дней, никогда больше не присматриваясь к другому «конструктору». Он вынес меня из ванной, доставая из своей сумки одежду. Его вещи пахли им, и я позволила одеть меня в спортивные брюки и футболку. Брайан посадил меня на кровать, давая таблетки, которые оставил ему доктор, и стал расчесывать мои волосы. Я наслаждалась прикосновениями своего мужа и хотела просто обнять свою семью.

— Эмили.

— Да?

— Ты замужем за мной.

— Я заметила, — улыбнувшись, подняла я руку в воздух показывая кольцо. — Что случилось, Брайан?

— Я хочу, чтобы мы отметили свадьбу. Вдали от всех. Всех газет, журналов, а только ты, я и наша семья. А потом уехали. Уехали путешествовать и вернулись только в случае действительной потребности, а не ностальгии.

Я ничего не ответила. Просто не знала, что сказать. Сама так же думала об этом. Но мне нужно было узнать человека, который заказал мою смерть. Узнать, чем я дальше хочу точно заниматься. Хочу обдумать, что буду делать дальше с теми знаниями, что получила там. Я хочу вернуться и уехать с мужем. Но сейчас просто не могу. Я не приходила в себя не только

из-за ранения, но и из-за усталости. Усталости от самой жизни. Еще я знаю, что Брайан до сих пор скрывает от меня что-то. Что-то, что связано с нашим знакомством. Пусть я и не открывала глаза, но часто слушала их разговоры. Но, к сожалению, они ни к чему не привели, и теперь я буду сражаться до тех пор, пока он не сдастся.

— Эмили, порой я могу делать глупости. Могу ужасно шутить и не смеяться с вещей, которые тебе кажутся забавными. Но я всегда смеюсь, когда ты смеешься. Порой могу забыть важную дату в наших отношениях, но я всегда буду помнить, какую именно пиццу ты предпочитаешь. И я совершенно не умею делать покупки, выбирать разные безделушки, которые тебе кажутся важными. Но я никогда не откажу тебе в этом, если ты попросишь. Просто потому, что не могу, да и не хочу говорить тебе «нет». Все, что связано с тобой в этом мире, всегда звучит эхом в моих ушах как «да». И мое сердце не хочет тебя терять.

— Я люблю тебя, — прошептала я. — Я очень люблю тебя, Брайан. Но сейчас я задам тебе один вопрос и хочу честного ответа. До того, как мы познакомились, ты знал меня? Или, точнее, ты знал обо мне? Ты знал, кто я?

Мой муж присел передо мной и взял мои руки в свои ладони.

— Зачем ты спрашиваешь? Ты ведь и так знаешь ответ. Ты всегда спрашиваешь, когда знаешь наверняка. Ты моя. Я чуть не потерял тебя. И ты не покинешь мою жизнь, пока я не умру.

— Я не хочу тебя покидать, — ответила я. — Мне просто нужна правда. Ты не мог так быстро полюбить. Или ты просто уже любил меня, когда встретил?

— Я сейчас или изображу сердечный приступ или переживу настоящий, чтобы избежать этого разговора. Я всегда любил тебя, Эмили. Я никогда не был добрым, а ты была.

— Странно, — хмыкнула я. — Я то же самое говорю о тебе.

— Может, мы просто будем жить? — дотронулся он губами к моим рукам. — Просто жить. Ты соткана из цветов, Эмили, сколько бы не говорила, что не любишь их. Ты — солнце, но ты не узнаешь того, от чего я смогу тебя защитить. Но ты услышишь все. И ты права, я знал тебя и знал о тебе. Темнота однажды украла тебя, и больше я ей этого не позволю. А сейчас я позвоню твоим родным, чтобы они наконец-то смогли увидеть твои глаза и твою улыбку. Мы все пережили с твоим уходом больше потери, чем способны выдержать.

Я сплотнула и качнула головой. Брайан так пристально смотрел на меня, и этот зеленый оттенок глаз вводил меня в состояние оцепенения и восхищения. Раньше я думала, что так не бывает, но ошибалась. Бывает. В нашем мире бывает все, ведь все истории — это правда.

— Значит, ты мне потом все расскажешь? — медленно спросила я.

Он кивнул и больше не сказал ни слова. Затем поцеловал меня в лоб и вышел из палаты. Я хотела просто подождать или что-то почитать. Я уже соскучилась по старой бумаге, пыли и оттенку своей спальни. Нашей спальни. Меня накрыло нелепое чувство. Снова. Будто меня подняли над землей, перед этим с болью вырвав из нее, и только что у нас был разговор, где мой муж, которому я доверяю как никому другому, признался, что у нас все еще есть вещи, которые нам только предстоит исследовать. Я подошла к окну, и солнце встретило меня. Я все время оборачивалась, но сейчас, наверное, пусть будь что будет. Пусть мой муж в прошлом будет серийным убийцей, жертвой которого я могла бы стать, и он наблюдал за мной. Но сейчас я делю с ним постель, и он так часто поднимает брови и с улыбкой смотрит на меня, что я не могу не любить его только за это. Я всегда пыталась слабость к красивой улыбке и мужской силе. Губы, ямочки на щеках и красивые глаза.

Минут через двадцать распахнулась дверь, и мое сердце подпрыгнуло, когда я увидела родителей. Мама сильно сжала меня в объятьях, а затем отец стремительно направился ко мне, делая то же самое. Я по ним так соскучилась и до этого момента просто не понимала, как сильно. Я прижалась лицом к его плечу и узнала знакомые запахи: запах дома, теплоты и чистоты. Когда отец отпустил меня, взял мое лицо в ладони, всматриваясь некоторое время в мои глаза.

— Я рад, что ты сморишь на меня, — потекли слезы из его глаз. — Я еще никогда не был так рад видеть твои глаза, Эмили. Я знал, что ты справишься. Ты всегда справлялась.

Мама поцеловала меня в лоб и подвинула стул, чтобы я села. Я улыбнулась ее попытке ухаживать за мной, и ее лицо сияло, когда я сделала то, что она хочет.

— Сегодня мы все приедем и заберем тебя.

— Мне нужно вам кое-что рассказать, — тихо ответила я. — Но я хочу, чтобы вы выслушали.

— Хорошо, — улыбнулась мама.

Я встала с кресла и отошла в другую часть комнаты. Я смотрела на небо, но не видела ничего, в отличии от времени, когда я смотрела оттуда. В конце жизни человек смотрит, что оставил после себя, но я, побывав лишь мгновение в этом состоянии, поняла, что не оставила бы ничего, кроме папки дел и руин разбитых жизней.

— Я и Брайан, мы поженились. — Молчание. — Скажите что-нибудь.

— Я не знаю, что сказать, — ответил отец, и я перевела глаза на мать.

— Эмили, это было так, как ты того хотела? — спросила она.

— Нет, но это было идеально.

— Я знал, что он сделает что-то такое, — зарычал отец. — Я должен был выдать тебя замуж, Эмили. И ты не сказала об этом. Ты лежала в коме два месяца, значит, мы не знали больше, чем все это время.

Я вздрогнула, и слезы хлынули из моих глаз. Дверь распахнулась, и я увидела Брайана. Его взгляд впился в меня, а затем в моего отца. Он прошел в комнату и стал передо мной, закрывая своим телом. Я поймала запястье мужа, качая головой. Его глаза сузились, и он снова вернулся взглядом к отцу.

— Вы с ума сошли? — сказал мой муж ледяным тоном. — Вы можете злиться и кричать на меня, но не впутывайте сюда мою жену. Я женился на вашей дочери и принял ответственность за ее счастье, и после того, как она проснулась, наш брак должен быть последней вещью, которая должна вас волновать.

— Эмили, — тихо сказал отец, спустя какое-то время молчания. Я сделала глубокий вдох и стала рядом с Брайаном. — Прости меня, но можно мне немного времени, чтобы принять мир, в котором ты теперь живешь?

— Конечно, — ответила я.

Отец вышел из палаты, а мама обняла меня и Брайана по очереди.

— Поздравляю, дети мои, — улыбнулась она, но улыбка не затронула ее глаз. — Я позову Макса. Не обижайтесь на отца.

Я посмотрела на своего мужа, и он взял меня за руки, когда мама вышла из палаты. Удивительно, сколько силы я получала, просто находясь рядом с ним. Его глаза не отрывались от меня, и он смахнул пальцами слезы на моих щеках.

— Не могу видеть, как ты плачешь.

— Я хотела показать, что могу быть таким же опасным противником, как и ты.

— И ты можешь, Эмили, но не нужно.

— Что тебя смущает? Или гложет? Я чувствую это.

— Эмили, — отошел он к окну. — Я защищаю тех, кого люблю. Я привязался к тебе так сильно, что не мог дышать, когда ты оказалась в этой долбанной больнице из-за меня. Я хотел быть на твоём месте, понимаешь? Ты закрыла меня своим телом, а я просто убирал тех, кто представляет опасность для тебя.

Я почувствовала страх и беспомощность. Я думала, что он становился лучше со мной, а оказывается, становился жестче и тверже.

— Зачем? — прошептала я, отходя от него. — Я не беспомощна. И я еще раз закрыла бы тебя собой, Брайан. Я ведь люблю тебя. Ты мой муж, а для меня это слово не просто печать в паспорте.

— Эмили, ты открыта, — схватил он меня, прижимая к своей груди. — И я люблю тебя за это. Твоя душа ничем не защищена, и эти поступки — мое дикое понимание защиты. Может, дать тебе воды?

— Лучше бокал вина, — сказала я шепотом. — Нет, лучше два бокала вина. — Брайан схватил меня, когда мои ноги подкосились. Сильные руки моего мужа держали меня, и я смотрела ему в глаза. — Кто был заказчиком?

— Не важно.

— Кто? Не испытывай мое терпение, Брайан.

— Тиффани, — с отвращением ответил муж. — И даже не думай к ней идти.

— Я хочу поговорить с ней. Если ты идешь на уступки, я тоже иду. Тебе известна схема.

— Почему ты всегда такая упрямая?

— Потому что другая с тобой бы не справилась, — поцеловала я его в щеку, улыбаясь. — Я слышала что-то о ресторане, который ты купил.

— Я решил, что будет не плохо, если ты будешь что-нибудь читать весь день и общаться с людьми, не встречая их по биографии, которая была результатом поступков, сделанных целую вечность назад.

Я отошла от Брайана и раздвинула шторы с улыбкой на лице. Как его можно не любить? Особенно после слов «Я решил». Синева неба выглядела восхитительно, и через несколько дней я уже буду видеть океан или море. Улица перед моими глазами была усыпана людьми, и я так люблю этот город, что мысль уехать отсюда болью отражается в моей груди.

— Эмили, — слышу я голос Донны за спиной. — Ты проснулась.

Даже не видя ее лица, я знаю, что она плачет и изумлена. Донна редко показывает это, но я оставила ее одну, пусть и не специально, и она словно потеряла почву под ногами. Я знаю это, потому что чувствовала бы то же самое. Я развернулась и увидела всех: Донну, Макса, Еву, Стейси, Долорес, Эбби, Лидию, Адама и Майкла. То, что излучали глаза каждого из них, можно было прочесть, как слова в книге, но больше всего боли я видела в глазах Донны. Даже не в глазах Макса, а именно в ее. Я ее семья, и я единственная, кто всегда рядом. Обретая такого человека, ты понимаешь, что в ответе теперь за его чувства. Девушка кинулась ко мне и сильно сжала в объятьях. Слезы заполнили ее глаза, и она цеплялась за мою футболку, как за жизнь.

— Больше не смей, поняла? — говорила она, наконец-то выплескивая все, что накопилось. — Я злюсь на тебя, Эмили, я ужасно злюсь. Но только потому, что люблю. Ты мне важна. Ты самый важный человек в моей жизни, и ты навредила себе. Ты сделала себе больно и сделала больно каждому из нас. Я злюсь на тебя, потому что ты сделала то, что

разбило мне сердце, и мне просто нужно, чтобы ты знала об этом. Я злюсь, потому что, когда закрыла глаза ты, мои тоже открылись только сейчас. Я знала, что ты выдержишь, но все равно не могла найти слова, которые бы помогли тебе, и не могла ничего сделать. И я кричу, — повышала она голос с каждым словом. — Я кричу на тебя, потому что у меня такое количество чувств, что это причиняет боль. Я злюсь на тебя, потому что не смогла уберечь, и тем самым, злюсь на себя. И не смей больше делать то, из-за чего я могу злиться. Я ведь так люблю тебя.

Ко мне подошли все подруги и обняли меня. Я так соскучилась по ним, и мои слезы сейчас были от счастья. От счастья, что я не потеряла эту жизнь и не потеряла этих людей.

— Эмили.

— Я в порядке, Эбби, — прошептала я.

— Ладно. Теперь все хорошо.

Я люблю Эбби за это. Она единственная, кто принимает слово «хорошо» в качестве ответа.

— Эс?

— Я просто рада, что ты жива Эмили, — ответила та. — Не поступай так больше. Пусть твоя жизнь будет наполнена волшебством, мечтами и сумасшествием. Ты сможешь жить, не думая о завтрашнем дне, ведь незнание так замечательно. Будешь радоваться цветам, читать хорошие книги и целовать того, кто считает тебя удивительной. Не будешь никогда одержима мстостью или монстрами, ведь искусство делает жизнь такой изумительной. Твою жизнь. А обо всем остальном мы позаботимся.

— Ты меня пугаешь, — улыбнулась я сквозь слезы.

— Так и должно быть.

Вскоре каждый обнял меня, и в этот день мы поехали домой. Мама с подругами готовили, а мне не давали лишний раз даже самой помыть яблоко. Они накрыли на стол на всю семью. Нашу семью. Пусть и не кровную целиком, но сильную и до смерти преданную.

— Я пойду переоденусь, — вздохнула я улыбнувшись. — Может быть, хоть платье позволит мне тратить калории.

— Иди, — послала мне воздушный поцелуй Долорес. — И возвращайся красивой.

— Тебе нужно больше есть, — сказала мне вслед Ева. — Ты совсем исхудала.

— Зависть — плохое чувство, — ответила я, направляясь в гардеробную.

Перебирая вещи, я увидела платье, которое ни разу не одела. Легкое и интересное, из тонкой струящейся вышитой тонким узором ткани приятного молочно-бежевого цвета. Облегающий топ, где ткань собрана на частую сборку вдоль груди и талии, а также обрамлен рюшами вдоль грудных рельефов, придавал ему такой нежности и воздушности. От талии расходились складки в свободную юбку длиной ниже колена, которые продольно провисали, создавая гармонично-асимметричное визуальное сочетание со сборкой на топе. Такое платье — идеальный вариант для романтических прогулок или легких ужинов в теплые летние дни.

— Ты выглядишь роскошно, — услышала я голос мужа за спиной.

Я обула красные туфли и улыбнулась своему отражению. Брайан стоял за моей спиной и надел мне на шею ожерелье из черных бриллиантов.

— Оно такое красивое, — прошептала я, улыбаясь. — Спасибо.

— Оно — ничто по сравнению с тобой.

Затем он достал такие же серьги из бархатистой коробочки, надевая их мне на уши, и браслет. Я ошеломленно наблюдала, когда он скользнул вокруг моего запястья.

— Теперь все будут знать, что ты моя.

— Я и так твоя, — подняла с руку с обручальным кольцом.

— Да, но теперь никто не сможет это переплюнуть.

Брайан улыбался, обнимая меня за талию. Я легко дотронулась своими губами к его, запечатлев его лицо в этот момент в своей памяти. Мой муж смотрел на меня с такой любовью, что сердце замирало.

— Тебя удивил мой поступок? — спросил он.

— Нет, — улыбнулась я. — Ты предсказуем, Брайан.

— Да что ты, — поднял мой муж меня на руки. — Я собрал вещи.

— Зачем?

— Мы уезжаем.

— Куда?

— А вот и моя первая непредсказуемость.

Брайан решил увезти меня подальше от людей, но, когда прошло два дня, я поняла, что так и не смотрела на расписание рейсов и каждый раз искала отговорки, чтобы этого не делать. Но сегодня он сам принес авиабилеты и дал мне день на сборы, визиты и прощания. Я вышла на кухню и увидела Макса, который сидел за столом, склонив голову на руки.

— Привет, милый, — поцеловала я его в висок и направилась рыться в шкафчиках.

— Эмили, мне нужно поговорить.

— Я слушаю, — положила я попкорн в микроволновку.

— Я боюсь, что не встречу больше такого человека, как девушка, которая мне нравится.

Но я идиот.

— Почему?

— Я переспал с другой.

— Ладно, — растеряно смотрела я на брата. — Зачем?

— Не знаю, просто мне сейчас всего семнадцать, и я подумал: «А почему бы и нет?» Но теперь понял, что могу искать ее в другой. Черт, так и происходит, я сейчас только это и делаю.

— Секс хоть того стоил?

— Он был ужасен.

— Почему? — засмеялась я.

— Она вела себя как проститутка. Сама раздела меня, царапала мою спину и издавала отвратительные звуки, — я начала смеяться, не в силах сдержаться. — Это было не самое худшее, Эмили.

— А что могло быть хуже?

— Она делала все то, что я ненавижу, но с таким лицом, словно этого жаждал от нее каждый. Это ее паршивое притворство выводило меня из себя. И этот блеск на губах, — кривится брат, а я не перестаю хохотать, — был просто ужасен.

— Сделать тебе горячий шоколад? — спросила я.

— Да, и заодно стационарную амнезию.

— Я тебе постельку застелю и приготовлю ужин, дитятко.

— Ты лучшая сестра в мире.

— Я знаю. Ты рассказал той девушке о том, что сделал?

— Да, и сразу потерял ее. Она внезапно стала совершенно другим человеком. Девушки, которая раньше любила меня, переживала обо всем и держала за руку, больше не стало.

— Макс, ты мой брат, и я люблю тебя, но ты изменил ей, понимаешь? — села я напротив.

— Да, но я думал, что мы нашли с ней друг друга. В темноте.

— Что ты имеешь ввиду?

— Когда ты уехала, я потерялся. Я привык, что ты всегда была рядом, и потом тебя не стало. Я каждый день думал о том, что ты вернешься или просто заберешь меня, но этого не произошло. И потом я встретил ее.

— Прости меня, Макс, — прошептала я, когда слезы потекли по щекам. — Из-за меня ты столько лет учился чувствовать меньше.

— Да, но именно ты показала мне, что мы не зависим от других людей. Всех наших демонов мы создаем сами. И только сами можем их уничтожить.

Мы ушли в комнату смотреть «Мстители», и я все не переставала думать о Тиффани. Я, возможно, больше не так хороша, но я знаю, что она говорила правду. Я бы прочла ее, будь это по-другому. Брайан был против моего разговора с ней, но, как и он, я была так же упряма.

— Эмили, — вошла Донна в комнату. — Хорошо, что ты не сменила замки, и еще я не понимаю, куда деваются мои штрафы за парковку.

— В каком смысле? — помахала я ей рукой, и мы направились на кухню.

— Я нарушаю, мне выписывают штраф, и я должна его оплатить.

— И?

— Они пропали из базы данных полиции. Имею ввиду, из общего доступа.

— Кажется, у тебя есть ангел-хранитель, — улыбнулась я, определенно узнавая почерк Адама.

— Ты к этому причастна?

— Нет, клянусь, — засмеялась я. — Кофе будешь?

— Да, — фыркнула подруга. — Что-то тут не чисто.

— Ты думаешь, что к тебе не может быть кто-то привязан, как и ты?

— Я ни к кому не привязана, — сняла она туфли. — Или же привязана? У меня огромная куча недостатков, заморочек и тараканов, которых я, кстати, сама кормлю. Но я ни к кому не привязана, у кого есть такое же количество недостатков, которых я не замечаю, правильно?

— Нет, Ди, — улыбалась я, наливая кофе. — Ко мне. Ты привязана ко мне. А у меня такое же количество недостатков, как и у тебя.

— Все, мне надоел этот бессмысленный разговор, — забрала она у меня чашку возвращаясь на место. — Когда вы уезжаете?

— Завтра утром, — ответила я. — Ты же будешь в порядке?

— Да, потом у вас родится маленький Брайан, и вы не сможете назвать его в мою честь. Кстати, Эм, начни откладывать деньги ребенку на колледж, для этого никогда не рано.

— Что?

— Правда, он быстро вырастет. Частная школа, отдых каждый год и дорогие игрушки. Затем колледж, а это, поверь мне, удовольствие не из дешевых.

— Прости, Ди, я на секундочку уснула. Так мы говорили о переизбытке секса? А нет, извини, ты хотела сказать, что скоро я буду ходить как бегемот, с маленьким Брайаном в животе, откладывать деньги на учебу и водить минивен?

— Да, именно это я и сказала, — улыбнулась она.

— Я хочу свадьбу сначала, — подперла я подбородок. — Брайан думает, что со мной произошло что-то ужасное, но на самом деле это не так. Но я не знаю, успею ли я все организовать и все успеть.

— Эмили, мы все успеем, — спокойно ответила Донна. — Господи, ты просто не похожа на одну из тех женщин, с которых я всегда смеялась. Где будете праздновать?

— Я еще не знаю. Брайан предоставил мне полную свободу и право выбора.

— Кто бы сомневался. Кстати, я слышала, что он продал практически всю собственность, которая перешла ему в наследство.

— Он не хочет ничего, что принадлежало его отцу, и я не могу его винить за это.

— А что насчет той девушки, Эмили?

— Ты посчитала бы меня дурой, если бы я сказала, что простила?

— Возможно, — нежно улыбнулась мне подруга. — Но как сказал Айрис Мердок: «Любовь не дает любящему никаких прав». Ты никогда не ждала, что люди перестанут быть такими, какие они есть, а просто принимала их.

Донна отличная подруга. Ей всегда удается растолковать мне самую суть проблемы, даже которую я сама создала. Когда Брайан пришел домой, я без улыбки на лице, но с бокалом вина, сказала:

— Мне нужно поговорить с Тиффани и нужно, чтобы ты кое-что сделал.

— Мне не нравится каждое слово в этом приложении.

— Мы договариваемся, Брайан, — покачала я головой. — И если ты решил, что сможешь хранить от меня секреты, и я их просто так забуду и прощу, то ты ошибаешься.

— Не уходи от меня, — направился он ко мне, поднимая на руки. — Не бросай меня, Эмили. Ты не можешь этого сделать.

Его глаза были такими завораживающими, когда он смотрел на меня. Порой он был жесток, но так красиво улыбался. И если меня не было рядом, в его душе был постоянный надлом.

— Я не собираюсь тебе бросать.

— Ты же сказала, что не простила, — прошептал он.

— Но еще я сказала, что не забыла. Но я никогда не оставлю тебя, и ты давно должен был это понять.

— Скажи мне, что я должен сделать, и я сделаю это.

Нет, Брайан не был зол, когда услышал меня. Я впервые не могла понять его эмоций. Была и злость, и ненависть, и презрение, и страх, и чуть-чуть изумления. Но Брайан всегда исполнял свой долг и обещание — он безоговорочно делал все, что могло сделать меня счастливой.

— Как я должен себя чувствовать, когда ты просишь меня о том, что мне ненавистно?

— Дорогой, — не отводила я взгляд. — Помнишь первую нашу встречу? Вспомни, как ты себя чувствовал, уже тогда зная обо мне больше, чем я была осведомлена о самой себе.

— То, что чувствовал я, чувствуют все при первой встрече с тобой — восхищение.

— Тогда, может, стоит начать восхищаться? — улыбнулась я. — Ведь такие поступки того стоят.

Мы сели в машину и поехали на встречу. Тиффани находилась в тюрьме Райкерс, и, услышав это, я почувствовала, что меня охватила паника.

— Эмили, ты не можешь этого сделать, — говорил мне Брайан по пути туда. — Она причинила тебе боль. Ты могла умереть, понимаешь?

— У тебя от меня есть секреты, и если ты хочешь сохранить его и меня рядом, мне нужно то, что я сказала, и полная конфиденциальность.

— Ты ведь собралась больше не заниматься адвокатской практикой, — прорычал он сквозь зубы. — Мы говорили об этом, мать твою!

— А теперь, Прайсон, перестать на меня кричать и послушай, — ответила я спокойно. — Я не твоя собственность. Я замужем за тобой, и если ты хочешь, чтобы я была счастлива, ты сделаешь это, несмотря ни на что.

— Черт, — вздохнул он, сжав мою руку в своей ладони. — Я не хочу потерять все то, чего мы наконец-то смогли достичь.

— Не имеет значения, Брайан. У тебя по-прежнему останусь я.

Брайан помог мне выйти из машины, и мы вошли внутрь. Он держал меня за руку, порой сжимая слишком сильно, и прежде, чем я вошла в зал свиданий, сказал, что все готово, и он примет любое мое решение.

Когда я вошла, она сидела за столом и выглядела совсем другой с момента нашей последней встречи. Кроме ужасающей худобы у нее была разбита губа, которая до конца еще не зажила, и глаза, которые наверняка не видели чего-либо связанного с красотой достаточно времени.

— Что это за бумаги, Эмили? — голос Тиффани слегка дрожал от волнения.

— Ты знаешь меня, Тиффани. То место, где я побывала, — прервалась я на мгновение, — изменило меня. И пусть раньше я бы никогда не простила тебя, но сейчас той Эмили больше нет. Единственное, что осталось неизменным — я всегда защищаю свою семью. И ты будешь ее частью. Ты оставалась мне верна и просто защищала того, кто тебе дорог.

Тиффани наклонилась ближе ко мне, нервно сглатывая. Слезы ослепили ее глаза, и она с трудом отвела взгляд, читая то, что написано в документах. Это были бумаги, где было сказано, что она ни в чем не виновата. Настоящий заказчик скрылся, и все телефонные звонки уничтожены.

— Можешь не читать, милая, — улыбнулась я. — Ты научилась у меня всему, что могла. Я уже подписала, и через несколько часов тебя отвезут в другую страну, где ты станешь совсем другим человеком. Тебе предоставят дом и деньги на первое время, но советую найти работу, — сжала я ее руку.

— Зачем ты делаешь это, Эмили?

— Просто я не могу перестать любить, полюбив уже однажды. И даже если я потом сотню раз разочаруюсь, буду ждать встречи с тобой снова. Всегда. После того, через что мы прошли, я верю тебе, Тиффани. И я люблю тебя, но все же мне нужно, чтобы ты кое-что сделала.

— Что? — вытерла она мокрые щеки от слез.

— Пообещай, что проживешь свою жизнь счастливо. Найдешь того, кого полюбишь, и нарожаешь нескольких ребятишек, у которых будут твои глаза и чувство юмора.

— Обещаю, Эмили, — снова пелена слез появилась в ее глазах. — Я обещаю тебе.

Затем я вышла, понимая, что не стоит сейчас ее обнимать, ведь за нами наблюдали. Я увидела Брайана, который вышел из соседней двери, и в его глазах читалось восхищение.

— Ты в порядке? — прильнул он к моим губам. — С тобой все хорошо?

— Да, — улыбнулась я, хватая его за руку. — Я смогла это сделать, Брайан. Я смогла простить. Стоит быть на волоске от смерти, как все, что было важно раньше, становится

бессмысленным. Я научилась просто любить.

— Ты учишь любить все, к чему прикасаешься. Ты научила любить меня, и благодаря тебе этот мир так прекрасен.

Я счастлива, ведь не застыла статуей в мире. Мной восхищаются и продолжают завоевывать, и далеко не за внешность, которой наградила меня природа. Длинные ноги, пухлые губы — все это не имеет значения, если мужчина не любит. Красота угасает и не оставляет ее обладателю больше надежды на счастье. Мрамор всегда холодный. Хорошего мужчину рядом женщина создает сама, если он любит ее, конечно. Если я хочу спасти его от черноты, значит, должна уметь прощать. Я могла бы найти место в своем теле для его демонов, но предпочитаю их изгнание.

Мужчины не забывают свои поражения и очень тяжело вспоминают. Но если писать историю, то ведь стоит взять чистый лист, не так ли?

— Приятного полета, мистер и миссис Прайсон.

— Марк, — позвал мой муж своего ассистента, который летел с нами, и на данный момент был как менеджер на частном самолете Адама.

— Да, мистер Прайсон?

— Узнай имя бортпроводника и положи на его банковский счет достойную сумму.

— За что, Брайан? — посмотрела я на него.

— Ты слышала, как он тебя назвал? За такое я готов доплачивать.

Брайан улыбался. Но его улыбка не была насмешливой, а нежной, и в ней было столько восхищения. Этот момент такой знакомый и уютный, когда спустя все это время он так же говорит со мной обо всем и улыбается, потому что я улыбаюсь.

— Что ты думаешь о том, что будет дальше? — спросила я, положив голову ему на плечо.

— Думаю, что под влиянием обстоятельств мы все порой немного чокнутые, но отсутствие скрытности сбивает людей с толку.

— Все хорошо?

— Все хорошо, — отвечает мой муж. Брайан расслабляется и наклоняется ко мне, чтобы поцеловать в шею, где бьется пульс. — Наконец-то.

Эпилог

— В чем секрет ваших отношений?

— В разговорах. Мы просто говорим обо всем. О детях и плохой погоде. О закате и рассвете. О новой опере Шекспира и концерте рок-группы. Как мой муж играл с друзьями в футбол, и кто выиграл, а я рассказываю ему о новых книгах, и порой мы ведем дискуссии насчет новых реформ. Каждый день я жду новое завтра с этим человеком. Мы часто готовим вместе завтраки и до сих пор вместе ужинаем. У нас пятеро потрясающих детей, и я люблю его за то, что он внес все это в мою жизнь.

Я читала интервью, которое недавно давала одному журналу. За эти года моей жизни все так изменилось. Я больше не была той Эмили Харисон. Теперь я была Эмили Прайсон женой Брайана Прайсона, и матерью наших детей. После рождения Джозефа я поняла, что такое семья. Мой сын — моя кровь и плоть. Я всегда хочу быть рядом с ним. Я не могу его оставить, даже чтобы пойти в магазин, а моя работа занимала бы половину моего дня и ночи. Мой ребенок дороже моего сердца и жизни, а что такое офис, даже в моем случае? Сердце моего сына билось, и я слышала его стук. Он улыбался мне, и я не могла отвести от него взгляд. Каждый орган внутри меня был пропитан любовью к этому чудесному

созданию.

Мы любили с Брайаном друг друга. От большой любви рождаются красивые дети, и я искренне в это верила. В тот момент, когда я садилась в самолет, отправляясь с моим мужем путешествовать, я точно знала, что на этом часть моей жизненной главы «юрист не профессия, а жизнь» была окончена. В момент, когда я узнала, что беременна нашим первым ребенком, все изменилось уже навсегда. Я помню, как Брайан приехал домой, когда малышу было не больше двух месяцев. Я держала его на руках, и когда он улыбнулся мне, оказалась на небесах.

— Привет, — поцеловал меня муж в щеку. — Я люблю тебя, Эмили.

— Есть будешь? — спросила я улыбаясь.

— Буду.

Я отдала ему нашего сына и пошла в кухню. Я знала, что мы для него — весь мир. Мгновенья наполнялись счастьем, и я всегда буду лететь, как птица в родной край, к этому человеку.

— Что насчет компании? — спросила я. — Решил, что будешь делать?

— Я хочу распродать ее.

— А ты подумал о рабочих местах? О семьях, которым нужно кормить детей?

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю продать ее целиком с условием сохранения рабочих мест.

— Но я потеряю деньги.

— Зато сохранишь собственное уважение.

— Не знаю, как бы я жил без тебя, — прикусил Брайан мою шею, сразу облизав место укуса. — У меня для тебя кое-что есть.

Он вышел из дома на несколько минут. Я уже не удивлялась. В течение этих месяцев Брайан по несколько раз в неделю дарил подарки. Это была как еще одна машина или домик у озера, так и украшения, которые я надела максимум раз. Но я не стала говорить, что, по большому счету, это не нужно. Я хвалю своего мужа, тогда у него вырастают крылья, и он чувствует себя нужным. Он держал перед собой огромную картину, и я улыбнулась. Мне нравилось искусство. Оно придавало жизни любому миру.

— И что же это? — спросила я. — Моне? Да Винчи, или же?..

— Надеюсь, ты удивишься.

Ткань все еще закрывала картину, и, когда он убрал ее, я ахнула. На ней была изображена я. Я смотрела вдаль с легкой улыбкой на лице. На мне была то ли шаль, то ли белая ткань, которая закрывала лишь одно плечо. Другое же было обнажено, как и грудь. Я была счастлива на этой картине. Каждый день теперь я была счастлива и на яву.

Но через двенадцать лет моя история изменилась еще больше. За то время у нас были ссоры и открытие тайн, которые удивляли, разводили и сводили еще сильнее. Однажды я кричала на своего мужа, что больше не буду инкубатором, а он лишь улыбался, сказав, что любит.

— Милая, а кто у нас, мальчик или девочка?

— Божечки, и угораздило меня на мужика.

Брайан хотел шестеро детей, я — максимум трое. И сейчас я вынашиваю шестого. Он улыбался мне, играя с Джульеттой. Кэмэрон Джульетта Прайсон — наш четвертый ребенок. Единственная девочка среди своих четырех братьев. Ей пять. У нее голубые глаза и шоколадные волосы. Старшему девять — Дилан-Джозеф Прайсон. Этот пареня

соблазнитель, и у нас особая связь. Русые волосы, голубые глаза и такая милая мальчишеская улыбка.

Я сидела на веранде и пила чай вместо Космо который год подряд. Джозеф сел рядом, снимая солнечные очки. Ему всего девять, а он уже знает, как правильно подмигнуть, чтобы девочки не прошли мимо, и пожать плечами, а затем улыбнуться, чтобы окружающие забыли, в чем он провинился. Брайану нужно было отдать должное, я ни разу не пожалела, что вышла за него. Мне было так хорошо с ним с первой нашей встречи, что я больше не захотела его отпускать.

— Мама, если у меня появятся еще братья, я перееду на крышу.

Я улыбнулась, смотря на него с полной серьезностью.

— Что случилось?

— Я больше не могу успокаивать Ариана, Джульетта плачет без папы, а Эмануэль вечно читает, словно не из этой семьи. Хорошо хоть Маркус слишком мал, чтобы понимать, что его ждет.

Я притянула к себе своего сына, поцеловав в макушку. Я и не думала, что смогу стать мамой. Не думала, что смогу быть кем-то кроме жены, но с рождением моих детей они стали ценнее всего мира.

— Скоро у тебя будет еще один брат, — глаза Джо увеличились, и он улыбнулся. — Только тихо. Ты единственный, кому я сказала. Трентон Макс Прайсон. В честь твоего дяди.

— Ты можешь мне доверять, мама, — прошептал мой сын, поглаживая живот.

— Я знаю, — ответила я, подавая ему руку. — Пошли в дом, я кое-что тебе покажу.

Из-за книг я достала браслет, и, когда мы сели на диван, застегнула его на правой руке своего сына.

— Не снимай его. Где бы ты ни был, я всегда буду с тобой.

Браслет был из белого золота с восемью маленькими черными бриллиантами вокруг.

— Мама, почему отец так относится к Джульетте?

— Она девочка, — улыбнулась я. — Вы всегда будете ее защищать от всех опасностей, а на тебе лежит самая большая ответственность, ты ведь самый старший из братьев.

Мой сын покачал головой, а затем поцеловал меня в щеку и вышел. Такого счастья в глазах Брайана я больше не видела, как когда он узнал, что у нас будет девочка. Джульетта — папина дочка, и его трепетное отношение умиляет. Она потрясающая. Большие глаза, которые были моей копией, пропадающие в длинных ресницах, когда она моргала. Шоколадные волосы спадали с ее плеч, и именно рождение этой девочки изменило мой взгляд на Брайана, как отца. Я поняла, что только этому ребенку будет отдана вся его нежность. Имена моих детей не просто красивы, но и значимы. Дэвид Эмануэль Прайсон. Ему восемь, и он действительно много читает, что меня бесконечно радует. Лука Ариан Прайсон. Его имя говорит за себя — целеустремленный, требовательный, лидер, но в то же время добрый и чувствительный. И самому младшему два года. Джей Маркус Прайсон. Странно, всех своих детей я чувствую, но только не Маркуса. Я надеюсь, что это из-за того, что он слишком маленький, но страх, что мой ребёнок будет далек от меня, все еще живет во мне, несмотря на семью, которую мы создали с мужчиной моей жизни. Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, поглаживая свой живот. День был замечательный. На улице было тепло и солнечно, кроме того, мы жили за городом. После того, как я узнала, что беременна, мы переехали на окраину Нью-Йорка. Хотя я и привыкла к городу, моим детям нужен был чистый воздух и тихий сон, так что я была готова к радикальным изменениям.

— Миссис Прайсон?

— Да, мистер Прайсон? — улыбнулась я, открывая глаза.

— Ничего лучше я не слышал в своей жизни, — поцеловал он меня, помогая встать. —

Пошли прогуляемся.

— С кем ты оставил детей?

— С Максом, — улыбнулся Брайан. — Полчаса он присмотрит за ними.

— Я думаю, нам не судьба иметь спокойных детей. Они все-таки произведение своего отца.

— Учительница Джо жаловалась мне, — засмеялся мой муж, — сказала, что он слишком мил, и она не может его ругать.

— Боже, помоги женщинам, когда Джозеф подрастет.

— Я люблю тебя, — сказал Брайан, обнимая меня. — Вы — моё все. Мой мир. Моя жизнь. Мое сердце.

Он смотрел на меня таким взглядом, что я верила каждому его слову. Мы и правда были центром его жизни. Он обнял меня и провел языком по пульсирующей вене на шее, отчего я засмеялась. Мой брат женился на ирландке с рыжими волосами, и все мои подруги все-таки вышли замуж. Вы узнаете их истории, когда они будут готовы их рассказать. Лидия стала музыкантом и сейчас путешествует по миру. Все-таки свобода заключается вовсе не в дальних странствиях, а в желании остаться. Брайан оторвался от меня, одной рукой продолжая держать за талию, а другой расстегивал рубашку.

— Брайан.

На его груди возле сердца было имя нашей дочери. Я провела кончиками пальцев еще по живой ране.

— Она твоя копия, Эмили.

— Я стала такой сентиментальной, — прошептала я, когда по щекам текли слезы.

Брайан обнял меня обеими руками, сильно прижимая к себе. Я думала, наша страсть и желание быть рядом утихнет со временем, но оно становилось сильнее. Спустя столько лет каждый день мы любили друг друга сильнее, чем в предыдущий. Все поступки в нашей жизни мы совершаем ради любви и во имя любви, и даже не зная того, с самого нашего рождения мы уже принадлежим определенному человеку, которому подарим все наши сокровенные мысли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net